

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНАЯ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОБЛАСТИ СОБЛЮДЕНИЯ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Лаптев П. А. <i>Европейский суд по правам человека и Российская Федерация</i>	5
Шамсунов С. Х. <i>Обеспечение прав, свобод и законных интересов лиц, содержащихся в учреждениях ФСИН России: закон и практика</i>	7
Морозов В. М. <i>Общетеоретические проблемы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации</i>	12
Житников Б. Ю. <i>Обеспечение прав человека в сфере борьбы с преступностью – проблема общесоциального характера</i>	15
Журавлев М. П. <i>О концепции государственной политики борьбы с преступностью в России</i>	19
Коломытцев Н. А. <i>Проблемы реализации прав и законных интересов осужденных за особо опасный рецидив преступлений в России</i>	21
Кузьмин С. И. <i>Борьба заключенных за свои права и законные интересы в особых лагерях Советского государства</i>	23
Горшенков Г. Н. <i>Идеология антикриминальной политики</i>	25
Сибиряков С. Л. <i>Обеспечение прав жертв криминального насилия – одно из приоритетных направлений реализации уголовной политики России</i>	28
Хартанович К. В. <i>Обеспечение экономических прав граждан как основа профилактики правонарушений</i>	30
Асситан Х. <i>Анализ прав человека, декларируемых Организацией Объединенных Наций</i>	32
Беллевич А. Ю. <i>Соблюдение прав заключенных под стражу и осужденных, содержащихся в изоляторах временного содержания, следственных изоляторах и исправительных учреждениях Владимирской области</i>	34
Аладьина Л. С. <i>Причины проведения тюремной реформы 1879 г. и ее итоги</i>	39
Алексеева М. И. <i>Гуманистическое содержание понятия «права осужденных»</i>	43
Ашин А. А. <i>Специфика правового положения осужденных, отбывающих наказания в воспитательных колониях</i>	46
Бубнова Ю. Г. <i>Реализация права граждан РСФСР на доступ к государственной службе в Рабоче-крестьянской милиции во Владимирской губернии в период становления советской власти</i>	49
Вершинина Т. В. <i>Особенности построения и функционирования института дополнительного расследования в уголовном судопроизводстве зарубежных стран (на примере уголовно-процессуального законодательства Франции и Германии)</i>	51
Гаспарян А. Л. <i>Обеспечение прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений при реализации уголовно-исполнительной политики</i>	54
Грунина В. А. <i>Синергетика и аспекты обеспечения прав лиц, осужденных к лишению свободы, применительно к анализу права на условно-досрочное освобождение</i>	58
Ерин Д. А. <i>Обида как вид преступлений против чести в уголовном праве Российской империи</i>	60
Закурдаев И. В. <i>Соблюдение прав и свобод лиц, попавших под стражу, в различные периоды развития пенитенциарной системы России</i>	62
Зедина Ю. А. <i>Уголовно-процессуальное (правовое) удостоверение полномочий представителя юридического лица – гражданского истца в уголовном процессе Российской Федерации</i>	65

Кисляков А. В. <i>Некоторые проблемы реализации прав осужденных на материально-бытовое и медико-санитарное обеспечение</i>	67
Колосов А. С. <i>Восстановление конфискации имущества как актуальная проблема уголовной политики современной России</i>	70
Коновалова И. А. <i>Амнистия и помилование как реализация права осужденных на досрочное освобождение от отбывания наказаний</i>	73
Кузнецова И. А. <i>Совершенствование правового регулирования и правовых основ воспитательной системы в исправительно-трудовых колониях (1957–1969 гг.)</i>	75
Павлинов А. В. <i>Некоторые проблемы уголовно-правовой науки и уголовного правотворчества в сфере назначения и исполнения наказаний</i>	79
Пантелеев В. А. <i>Сравнительный анализ отечественной и зарубежной практики обеспечения прав человека в деятельности следственных изоляторов и тюрем</i>	81
Пикин И. В. <i>Отдельные аспекты внутригосударственного основания охраны правового статуса лиц в сфере исполнения наказаний</i>	85
Пичугин С. А. <i>Назначение наказания лицам, совершившим преступление в течение испытательного срока при условном осуждении</i>	89
Селезнева И. В. <i>Реализация законных интересов заключенных в исправительно-трудовых лагерях в первой половине 1930-х гг.</i>	93
Соколов С. А. <i>Реализация уголовно-исполнительной политики в области обеспечения прав осужденных</i>	95
Тараканов И. А. <i>Особенности учета восприятия оборонявшегося при доказывании правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны</i>	98
Трофимов Н. Д. <i>Особенности правовой регламентации возмещения вреда, причиненного в результате террористического акта</i>	100
Филиппова Л. Е. <i>Формирование образовательных учреждений НКВД в период становления Советской России как часть общей кадровой политики правоохранительных органов</i>	104
 НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ	
Фатхуллин Р. Р. <i>Сущность и значение оперативно-разыскной деятельности по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях ФСИН России</i>	108
Зарипов Р. Р. <i>Контроллинг в управлении предприятиями уголовно-исполнительной системы</i>	111
Каляшин А. В. <i>Специальные звания сотрудников уголовно-исполнительной системы как особенность их административно-правового статуса</i>	113
Татулян М. А. <i>Некоторые проблемы совершенствования деятельности и повышения квалификации органов и учреждений уголовно-исполнительной системы</i>	116
Кучерявых О. А. <i>Некоторые аспекты ресоциализации осужденных в постпенитенциарный период</i>	119
Кудрявцев А. В. <i>Отдельные вопросы о нейтрализации криминального противодействия в уголовно-исполнительной системе</i>	122
Ковалев С. Д. <i>Специальная техника как фактор усиления оперативно-разыскной деятельности в учреждениях УИС</i>	125
Хачатурян С. Д., Алякшина Т. В., Старикова О. В. <i>Особенности личности осужденных к пожизненному лишению свободы</i>	128

Ращупкина Л. В.	
<i>Экологический правопорядок и деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы по его обеспечению</i>	131
Страхов А. В.	
<i>Проблема определения подследственности уголовных дел о пенитенциарной преступности (на примере деятельности следственных подразделений прокуратуры)</i>	133
Виноградов В. В.	
<i>Реализация комплекса программ по соблюдению прав, свобод и законных интересов осужденных женщин в исправительных учреждениях Российской Федерации</i>	136
Курысев К. Н.	
<i>Некоторые особенности контроля телефонных переговоров</i>	142
Нагимов М. А.	
<i>Процесс реализации международных стандартов исполнения наказаний в российской пенитенциарной практике как задача управления проектом</i>	145
Кунаш К.А.	
<i>Компоненты готовности сотрудников пенитенциарной системы к профилактике девиантного поведения несовершеннолетних</i>	148
Скобелина А.В.	
<i>Введение спецкурса «PR в подразделениях ФСИН России» в учебную программу вузов ФСИН России как условие эффективного взаимодействия со СМИ</i>	149
Смирнов Б. В.	
<i>Нравственность и интеллект как средства противодействия профессиональной деформации и дезадаптации сотрудника пенитенциарного учреждения</i>	151

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ

Морохова О. А.	
<i>Междисциплинарные аспекты преподавания языковых дисциплин в юридическом вузе</i>	153
Ешкилева Н. А.	
<i>Некоторые вопросы необходимости преподавания учебной дисциплины «Коммерческое право» в высших учебных заведениях ФСИН России</i>	156
Баландин Д. А.	
<i>Отдельные проблемы преподавания учебной дисциплины «Российское предпринимательское право» и пути их решения</i>	158
Ершов А. А.	
<i>Некоторые педагогические аспекты формирования информационной культуры курсантов и слушателей высших учебных заведений ФСИН России</i>	160
Советов В. А.	
<i>Творческий компонент профессионально-педагогической культуры преподавателя высшей школы</i>	162
Зезюлин Ф. М.	
<i>Психолого-педагогические условия формирования двигательных умений и навыков курсантов во время физической подготовки</i>	165

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ

Остапенко П. И., Лебедева А. Д.	
<i>Некоторые проблемы кадрового обеспечения исправительно-трудовых учреждений Краснодарского края в 1950–1970-х гг.</i>	169
Прошин О.Г.	
<i>Исторические аспекты проблемы начального этапа образования первых мест заключения в дореволюционной России</i>	170
Горбунов В. А.	
<i>История становления системы исправления и нравственного воспитания арестантов в тюрьмах Казанской губернии в XIX – начале XX в.</i>	173
Коннова Н. Н.	
<i>Исторический аспект формирования государственной системы по профилактике правонарушений несовершеннолетних в России</i>	176
Ашин А. А., Иванов Д. А.	
<i>Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних по ИТК РСФСР 1970 г.</i>	185

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Назарова М. Г., Масальская Н. А.

Современная Россия и идеи глобализации 193

Кудряшов И. Н.

Проблемы формирования системы методов контроля деятельности общественных объединений 196

Маркина О. В., Игнатьев А. С.

Сущность современного национализма 200

Ткаченко Е. С., Посашкова А. Л.

Девиантное поведение несовершеннолетних: причины возникновения и профилактика 202

Невский Н. Н.

Проблемы определения личной безопасности в системе объектов административно-правовой защиты 205

Красильников В. Г., Харанжевская Е. В.

Использование современных технологий при раскрытии преступлений органами внутренних дел 207

Карпов Э. С.

Финансовый контроль: к проблеме определения понятия 211

Безруков А. С.

Теоретико-методологические проблемы исследования правовой модели 213

Баринев А. В.

Проблемы определения существенных условий договора 215

Тимощук А. С.

Онтология двойных стандартов 218

Соколов О. В.

Постановление оправдательного приговора в российском судопроизводстве как результат следственных ошибок 222

Байтеева М. В.

Проблемы формирования гражданского общества в современном государстве 224

Веденин В. С.

Прикладное значение права: два подхода к правопониманию 228

Илиджев А. А.

Некоторые особенности выделения видов соучастников и соучастия в преступлении 230

Полуянова Е. В.

Производство следственных действий по исследованию изменившихся в стадии судебного разбирательства доказательств 234

Рычаго М. Е., Хорошева А. В.

Математическое моделирование чрезвычайных ситуаций в условиях информационного пространства 236

Кунаков П. А.

Соотношение категории «социально-правовая активность» со смежными категориями «социальная активность» и «правовая активность» 240

Лазарева Л. В.

Некоторые вопросы заключения и показаний специалиста 242

Ивашко Н. Н.

Образовательная среда: подходы к определению 244

Куркина И. Н.

Экономическая глобализация и международная преступность 246

Мириев Б. А.

Прекращение уголовного дела и уголовного преследования в уголовном процессе Российской Федерации 249

Карпов Э. С., Халак О. Н.

О реализации права на свободу передвижения в России 250

Королев Ю. Ф.

Современное состояние борьбы с грабежами, разбойными нападениями на водителей, связанными с завладением большегрузными и другими автотранспортными средствами организованными группами 253

УГОЛОВНАЯ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОБЛАСТИ СОБЛЮДЕНИЯ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

П. А. Лаптев,
*уполномоченный Российской Федерации
в Европейском суде по правам человека*

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

В 1996 г. наша страна вступила в Совет Европы, а в 1998 г. Россия ратифицировала Европейскую конвенцию по правам человека. Пятое мая 1998 г. – дата вступления Российского государства в Европейскую конвенцию – стала датой переломного, революционного шага. Российская Федерация вошла в правовое европейское пространство и прецеденты Европейского суда стали частью правовой системы нашей страны.

К сожалению, мы до сих пор отождествляем Европейский союз и Совет Европы. Многие российские юристы из числа судей, прокуроров, следователей, адвокатов, работников ФСИН еще не вполне осознали практические потребности, вытекающие из факта вхождения России в европейскую правовую семью. Да, в теории наши юристы знают, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международного договора являются основной частью правовой системы страны и что если международным договором установлены иные правила, чем предусмотрены законом РФ, то применяются правила международного договора, как записано в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Вместе с тем мы еще не вполне точно понимаем, что такое право Совета Европы, что такое прецедентное значение постановления Европейского суда по правам человека. В частности, для пенитенциарной системы имеет, прежде всего, огромное значение ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Вокруг этого и существует обширная практика Европейского

суда, в том числе и по делам, касающимся Российской Федерации. Одно из первых дел, рассмотренных Европейским судом, было дело «Валерия Калашникова против Российской Федерации». Суть дела заключается в нарушении условий содержания в СИЗО № 1 г. Магадана, камеры которого рассчитаны на 7 человек, в то время как реально там находился 21 подозреваемый. При этом, по заявлению представителя Министерства юстиции Российской Федерации, право Калашникова на индивидуальное спальное место не было нарушено, поскольку содержащиеся в камере спали по очереди по 8 часов. Однако спать по очереди в следственном изоляторе просто физически невозможно, потому что в это время может осуществляться и прием пищи, и обязательный обыск, и т. д. Европейский суд постановил, что власти РФ должны выплатить В. Калашникову 8000 евро за моральный ущерб и на возмещение судебных издержек. С нашей точки зрения, судьи не проявили в данном вопросе достаточного стремления к установлению истины: по каким причинам это произошло. А между тем власти РФ неоднократно приглашали их посетить г. Магадан, чтобы на месте лучше понять, с какими трудностями сталкивается российская судебная и пенитенциарная система. Тем не менее дело Калашникова сыграло свою положительную роль. Сразу после этого была разработана программа реформирования: были выделены финансовые средства на реорганизацию СИЗО № 1 г. Магадана. Если сравнивать, как обстоят дела там сегодня, и что было во время, когда в изоляторе находился Калашников, то можно констатировать: это два совершенно различных пенитенциарных учреждения страны.

Особо следует остановиться на проблеме излишней политизации Европейским судом ряда дел. Ярким примером тому является жалоба Илие Илашку против Молдавии и России. Этот гражданин был осужден Вер-

ховным судом Приднестровья, и его дело не имеет никакого отношения к Российской Федерации. Однако 8 июля 2004 г. Европейский суд, приняв во внимание пребывание миротворческих сил РФ в Приднестровье, принял надуманное политизированное решение о нарушении Россией ряда норм Европейской конвенции по правам человека. Он обязал власти России и Молдавии выплатить крупные денежные компенсации членам так называемой «группы Илашку», приговоренным приднестровским режимом к длительным срокам заключения за террористическую деятельность во время вооруженного конфликта 1992 г. между Молдавией и Приднестровьем. Это решение серьезнейшим образом осложнило отношения России с Европейским судом.

Следующий момент, на который необходимо обратить внимание, касается проблем частного порядка. Рассмотрим их, например, с точки зрения прокурорского надзора.

Прокурор, приходя в следственный изолятор, прежде всего, проверял законность содержания и сроки нахождения того или иного лица в данном заведении. При этом он никогда не обращал внимания ни на условия освещения, ни на санитарные нормы содержания и т. д. А согласно стандартам Европейского суда освещенность в камере есть соблюдение процессуальных гарантий лица, обвиняющегося в совершении преступления. Например, можно ли прочитать следственный или судебный документ при слабой освещенности камеры?

Прокуратура Владимирской области в этом вопросе является одним из передовиков подобной охраны прав человека, оказавшегося в трудной жизненной ситуации.

При сравнении условий содержания в следственных изоляторах в нашей стране и странах Западной Европы бытует устоявшееся мнение, что у нас хуже. Мы вправе с этим не согласиться. Например, в омском и липецком следственных изоляторах условия содержания гораздо лучше, чем в подобном учреждении г. Дижона (Франция). В СИЗО г. Омска оборудованы двухкомнатные камеры. Это прогрессивное явление, которое серьезнейшим образом улучшает отношения между спецконтингентом

и администрацией. В этих же камерах имеются души и все необходимые санитарные приспособления, за неимением которых нам сделали замечание в постановлении по делу В. Калашникова. Для справки: европейский стандарт гарантирует только еженедельный прием душа, а вот условия содержания в омском следственном изоляторе позволяют это делать гораздо чаще. Надеемся, что опыт Омской области будет в значительной степени изучен и во Владимирском юридическом институте.

Кстати, Владимирской области тоже есть чем гордиться в этом плане. Двадцать шестого марта 2003 г. во Владимирской тюрьме (центrale) был открыт первый в России Центр правовой информации для заключенных. Это специально оборудованное помещение с компьютерами, оснащенными новейшими базами данных по юридической тематике. Доступная в освоении система поиска информации по ключевым словам позволяет заключенным самостоятельно или через консультанта получать справки по любым правовым вопросам.

Справедливости ради надо сказать, что доступ без ограничения туда имеют только заключенные. Администрация же Владимирского централа посещает компьютерный центр строго по графику, что, с нашей точки зрения, является недоработкой.

Следующий вопрос, который необходимо уточнить, это установление контактов спецконтингента с органами суда, прокуратуры и Европейского суда. Будущим юристам, которые через какое-то время возьмут на себя долю ответственности за соблюдение Конвенции по правам человека на том или ином участке, надо иметь в виду, что какое-либо ограничение контактов осужденных с Европейским судом чревато серьезными последствиями. Очень важно, чтобы заключенному, решившему отправить жалобу в Европейский суд, разрешили это сделать. Как правило, и Европейский суд, и наша судебная система рассматривают эти жалобы объективно. Однако ограничивать контакты того, кто решил обратиться в Европейский суд, ни в коем случае нельзя.

Немаловажной проблемой является охрана прав сотрудника пенитенциарного уч-

реждения. Следует самым серьезным образом продумать, как создать достойные условия работы и отдыха для них и их семей. Не нужно допускать того, чтобы сотрудники уголовно-исполнительной системы стали подавать жалобы в Европейский суд. Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации – пока единственная система, откуда жалобы в Европейский суд не поступали. Однако если мы не изменим нашего отношения к своим сотрудникам, то подобная статистика может измениться, причем не в лучшую сторону.

Последнее, на чем нужно остановиться, это системы обучения. Вступив в Совет Европы, мы до сих пор мало, что делаем для того, чтобы внести соответствующие коррективы в подготовку профессиональных кадров. Учебные курсы, которые читаются в наших вузах, либо вовсе не содержат информации о Европейском суде, либо содержат ее недостаточно, иногда

встречаются утверждения, что Европейский суд по правам человека не обладает кассационными функциями, и поэтому это не суд, а квазисуд.

Для юридического обеспечения гарантий прав граждан России очень важно, чтобы будущее поколение российских юристов обучалось с учетом практики Европейского суда по правам человека. Важно, чтобы эта практика анализировалась на семинарских занятиях, и не только по курсу международного права, но и по курсам уголовного и гражданского процесса. Лишь с учетом самых свежих данных о деятельности Европейского суда возможно сформировать юриста высочайшей европейской категории. Исключительно важно, чтобы эта практика была доступна для курсантов и слушателей Владимирского юридического института – флагмана юридических вузов системы ФСИН России.

С. Х. Шамсунов,

*заместитель директора ФСИН России
доктор юридических наук, доцент*

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ
ИНТЕРЕСОВ ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ
В УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ:
ЗАКОН И ПРАКТИКА**

Современное российское законодательство устанавливает исчерпывающий перечень учреждений, осуществляющих заключение под стражу.

Как известно, ст. 7 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ относит к ним: следственные изоляторы (СИЗО) УИС; изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых ОВД; изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных войск ФСБ России; учреждения УИС, исполняющие уголовные наказания в виде лишения свободы, и гауптвахты – в случаях, предусмотренных данным Федеральным законом.

Центральное место среди этих учреждений занимают СИЗО УИС.

По данным Минюста России, на 1 октября 2005 г. в них содержались 147 тыс. подозреваемых, обвиняемых и осужденных, что гораздо больше, чем во всех остальных учреждениях.

Среднегодовое движение указанных категорий лиц в СИЗО составляет более 2,5 млн человек.

В отличие от изоляторов временного содержания ОВД каждый СИЗО является юридическим лицом, прошедшим в установленном порядке государственную регистрацию и осуществляющим не только оперативно-служебную, но и полноценную финансово-хозяйственную деятельность. В большом числе случаев СИЗО представляют собой градообразующие предприятия. В них проходят службу или трудятся более 40 тыс. человек персонала.

Очевидно, что от состояния дел в СИЗО напрямую зависит состояние исполнения заключения под стражу в целом.

Следственный изолятор УИС является учреждением, предназначенным для содержания подозреваемых и обвиняемых в

совершении преступлений, в отношении которых в качестве меры пресечения применено заключение под стражу, а также для исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в отношении отдельных категорий осужденных.

Следственные изоляторы занимают специфическое место в структуре территориальных органов УИС ФСИН России.

Согласно статистическим данным удельный вес лиц, обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений, устойчиво составляет около 25 % общей численности содержащихся в СИЗО; 35–40 % – это подсудимые, т. е. лица, числящиеся за судами первой инстанции, а также кассационные осужденные; 10–15 % – осужденные, чьи дела прошли кассационную инстанцию, но определение о вступлении приговора в законную силу из суда еще не получено; 5 % – преступники, ожидающие отправления в места отбывания наказания, транзитные осужденные, и около 10 % – осужденные, оставленные для хозяйственного обслуживания изоляторов.

Кроме того, в соответствии с действующим законодательством СИЗО могут исполнять уголовные наказания в отношении лиц, срок лишения свободы которых не превышает 6 месяцев.

В одном учреждении, как правило, содержатся мужчины и женщины, взрослые и несовершеннолетние, неоднократно судимые и лица, впервые привлекаемые к уголовной ответственности.

Каждая из этих категорий лиц имеет свой правовой статус. Условия их содержания, объем прав и обязанностей часто регламентируются различными нормативными документами и в значительной степени отличаются друг от друга.

Более того, в СИЗО также содержатся лица, статус которых вообще не определен ни в правовом отношении, ни в отношении режима содержания, – это те, кому назначены принудительные меры медицинского характера за совершение деяния в состоянии невменяемости или у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания.

Еще одной особенностью СИЗО, определяющей их специфику и особое место в системе учреждений УИС, является постоянная сменяемость контингента. Как было отмечено выше, среднегодовое движение спецконтингента через СИЗО УИС России составляет более 2,5 млн человек. Таким образом, в течение года спецконтингент СИЗО меняется почти 10 раз (в исправительных колониях – в среднем 3–4 раза).

Задачам СИЗО, принципам их организационного построения и работы, как мы уже отмечали, посвящен специальный Федеральный закон от 15 июля 1995 г.

Данный Федеральный закон пришел на смену ранее действовавшим документам, а именно: Положению о предварительном заключении (1969 г.) и Положению о порядке кратковременного содержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений (1976 г.).

За прошедшие годы указанный Федеральный закон в целом показал свою эффективность, поскольку, будучи направленным на достижение задач уголовного правосудия, одновременно закрепил прогрессивные идеи обеспечения прав человека при реализации государственного принуждения, каковым является содержание под стражей обвиняемых и подозреваемых.

Отметим, что в большинстве норм Федерального закона от 15 июля 1995 г. учитываются положения межгосударственных актов об обращении с заключенными, что имеет важное значение для соблюдения стандартов ООН и Совета Европы.

Многие общие положения данного закона носят конституционный характер и корреспондируют с соответствующими статьями Основного Закона нашей страны.

Это касается равенства граждан перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ), презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ), уважения человеческого достоинства, неприменения пыток, насилия, другого жестокого и унижающего человеческого достоинства обращения и наказания (ст. 21 Конституции РФ), соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права (ст. 15 Конституции РФ). Конституционным является право на полу-

чение квалифицированной юридической помощи, а также право на судебную защиту и обжалование действий должностных лиц в суде.

Отдельная глава Федерального закона от 15 июля 1995 г. посвящена правам подозреваемых и обвиняемых и их обеспечению. Некоторые из этих прав закреплены впервые, другие существенно расширены по сравнению с ранее действовавшим Положением о предварительном заключении под стражу. Отменены ограничения в переписке, приобретении по безналичному расчету продуктов питания, предметов первой необходимости и других промышленных товаров; расширено право на свидания с родственниками и иными лицами, получение посылок, передач; предоставлено право на телефонные переговоры.

Важное значение имеет существенное увеличение (с 2,5 до 4 м²) нормы санитарной площади в камере на одного человека. И хотя по объективным причинам эту норму до сих пор не удалось реализовать в полном объеме, она имеет существенное значение, так как обязывает Россию принимать соответствующие меры по сокращению применения ареста в качестве меры пресечения, строительству и реконструкции СИЗО.

Но самое главное, что в указанном законе детально регламентированы меры по обеспечению изоляции и предотвращению правонарушений в местах содержания под стражей.

Представляется, что эти меры, с одной стороны, позволяют решать задачи, стоящие перед местами содержания под стражей, а с другой – четко регламентируют обязанности и охраняют права и законные интересы подозреваемых и обвиняемых.

В Федеральном законе от 15 июля 1995 г. указано, что «... следственные изоляторы осуществляют свою деятельность на основе принципа презумпции невиновности». Поэтому обеспечение законных прав и интересов лиц, содержащихся под стражей, является одной из главных задач исполнения заключения под стражу на современном этапе.

Данная задача связана с реализацией основных положений, касающихся защиты

прав человека в области исполнения уголовных наказаний, т. е. важнейших требований Конвенции о защите прав человека и основных свобод в условиях его изоляции от общества.

Человек в условиях нахождения в учреждениях пенитенциарной системы в любом государстве охраняется законом. И это проходит красной нитью через все нормативные правовые акты, которые принимаются в стране в отношении личности.

Можно констатировать, что рассматриваемый Федеральный закон и нормативные правовые документы, принятые в его развитие, не только образуют достаточно обширную и эффективную правовую базу для обеспечения заключения под стражу в современных условиях, но и позволяют развивать и укреплять в СИЗО различные направления их деятельности.

Одним из важнейших направлений этой деятельности является обеспечение прав и законных интересов лиц, содержащихся под стражей. Приходится признать, что реальное положение дел с размещением подозреваемых и обвиняемых в СИЗО весьма далеко от предъявляемых законом требований и международных стандартов.

В первую очередь речь идет об их переполнении. В настоящее время в среднем по РФ СИЗО переполнены более чем на 10 %. Установленная законом санитарная норма жилой площади на одного содержащегося под стражей не соблюдается в 53 территориальных органах УИС.

В решающей степени на состояние с размещением обвиняемых и подозреваемых в СИЗО влияют объективные внесистемные причины, такие как: длительные сроки ведения ОВД и иными правоохранительными органами предварительного расследования; значительные сроки рассмотрения уголовных дел в судах, в том числе и в кассационной инстанции, и др.

Федеральной службой исполнения наказаний России на протяжении последних трех лет проводится постоянный мониторинг данных о численности лиц, поступающих в СИЗО, ее динамике, криминальном и половозрастном составе вновь арестованных.

Результаты мониторинга показывают, что после введения в июле 2002 г. в действие нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), установившего исключительно судебную процедуру избрания ареста в качестве меры пресечения, среднемесячная численность вновь арестованных составляла 17–18 тыс. человек. В 2005 г. она увеличилась в среднем до 30–31 тыс. человек.

Действующий УПК РФ, несмотря на прогрессивный характер, при такой сложившейся практике дает широкие возможности для применения в качестве меры пресечения содержание под стражей по мотивам одной лишь опасности преступления (даже если не установлено намерение скрыться, воспрепятствовать ведению следствия или заниматься преступной деятельностью). При этом суды часто руководствуются исключительно формальными соображениями.

Исследования показывают, что в среднем каждый пятый человек, помещенный в СИЗО, совершил преступление небольшой или средней тяжести и не представляет серьезной угрозы безопасности государства.

Ежегодно из СИЗО освобождается в среднем около 60 тыс. человек в связи с изменением меры пресечения, прекращением уголовных дел на стадии дознания, предварительного расследования, по оправдательным судебным приговорам либо приговорам, не связанным с лишением свободы.

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что в ряде случаев суд при избрании меры пресечения недостаточно глубоко изучает личность подозреваемого или обвиняемого, не применяет альтернативные аресту меры пресечения при наличии к тому достаточных оснований.

Сроки содержания под стражей в современной России часто неоправданно растянуты и по сравнению с советским периодом практически увеличены в 2 раза.

Некоторые правозащитные организации, в том числе и международные, начали активно работать с теми обвиняемыми и подозреваемыми в совершении преступлений, которые были освобождены из СИЗО по реабилитирующим основаниям или в связи с изменением меры пресечения, получили

различные заболевания, побуждая последних обращаться в суд с иском о возмещении ущерба. Это новая проблема, которая может в определенной степени подорвать авторитет не только УИС, но и иных правоохранительных органов страны.

В современных условиях, когда численность арестованных неуклонно растет, практически единственным способом обеспечения надлежащих условий содержания для подозреваемых и обвиняемых являются строительство новых и реконструкция действующих исправительных учреждений.

Очевидно, что реальные финансовые возможности государства пока еще не позволяют построить столько СИЗО, сколько требуется, хотя в этом направлении проводится большая работа.

Ввод в эксплуатацию новых и реконструкция действующих СИЗО позволили в 2005 г. увеличить лимит наполнения СИЗО на 5818 мест, или на 4,7 %.

Федеральной службой исполнения наказаний России совместно с территориальными органами УИС разработан план мероприятий по изысканию и вводу в эксплуатацию дополнительных камерных площадей.

Согласно этому плану до конца текущего года будет создано еще 9 СИЗО на неиспользуемых площадях исправительных колоний особого режима и базе колоний других видов режима на 2041 место. В рамках действующей федеральной целевой программы предстоит ввести дополнительно 4807 мест.

Всего же в 2006 г. предстоит получить более 11 тыс. дополнительных мест для содержания подозреваемых и обвиняемых. Каждое дополнительно введенное место стоит немалых денежных средств. Очевидно, что решение этой задачи напрямую зависит от уровня и объемов финансового и материально-технического обеспечения деятельности СИЗО.

В СИЗО на протяжении последних трех лет проводится работа по созданию достойных условий содержания подозреваемых и обвиняемых. Общие расходы на эти цели, а также на введение дополнительных жилых площадей за данный период составили более 2,2 млрд руб., в том числе в 2005 г. – 1,1 млрд руб.

Организованы текущие и капитальные ремонты, которые проводятся, как правило, качественно, с использованием современных технологий. Особое внимание уделяется улучшению условий содержания женщин и несовершеннолетних. Существенно повысился уровень материально-бытового обеспечения.

Во всех СИЗО с оконных проемов камер сняты металлические жалюзи, что позволило увеличить доступ воздуха и улучшить естественное освещение. Организована работа по оснащению прогулочных дворов, предназначенных для несовершеннолетних, спортивным инвентарем; оборудуются учебно-консультационные пункты для обучения данных лиц в рамках программы средней общеобразовательной школы.

Создаются условия для трудового использования лиц, содержащихся под стражей. Объем внебюджетной деятельности СИЗО превысил 600 млн руб. в год.

Материально-техническое и финансовое обеспечение СИЗО является важной, но не главной составляющей их деятельности. Специфика внебюджетной работы СИЗО состоит в том, что именно здесь тесно соприкасаются и взаимодействуют интересы лиц, содержащихся под стражей, их родных, близких и государства в лице пенитенциарной системы.

По состоянию дел в СИЗО в вопросах соблюдения прав человека население страны часто судит об УИС в целом.

Следует отметить, что в подсознании многих сотрудников СИЗО пока еще сохраняется представление о подозреваемых и обвиняемых как о преступниках, которые заведомо виновны и не заслуживают снисхождения, что противоречит действующему законодательству, согласно которому степень виновности может определить только суд. Встречаются случаи необоснованно жесткого и грубого обращения с арестованными, незаконного ограничения их прав.

Поэтому важнейшей составляющей организации заключения под стражу в современных условиях должна быть профессиональная подготовка сотрудников СИЗО.

Организована работа по обучению и воспитанию персонала на плановой основе. Ак-

тивно используются возможности учебных заведений (в том числе высших), учебных центров, курсов повышения квалификации, наставничества, курсового метода обучения.

Необходимо, чтобы каждый сотрудник СИЗО не только знал и умел применять на практике основные нормативные акты, регламентирующие деятельность этих учреждений, но и уважал права и законные интересы лиц, содержащихся под стражей.

Статья 17 гл. 2 Конституции РФ устанавливает, что в РФ признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения, а осуществление данных прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц.

В соответствии с Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Исходя из того, что осужденные являются гражданами РФ, наше государство берет на себя обязательства соблюдать и обеспечивать их права, свободы и законные интересы наравне с законопослушными гражданами.

Прошло более 10 лет со времени вступления России в Совет Европы. Войдя в него, РФ ставила перед собой цель влиться в цивилизованное общество, правовую основу которого составляет признание прав и свобод человека в качестве высшей ценности.

Для реализации права российских граждан на обращение с индивидуальными жалобами в Европейский суд по правам человека в Страсбурге РФ обязана была ратифицировать Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Одновременно Россия присоединилась также и к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Таким образом, была заложена основа для реализации в РФ фундаментальных норм и стандартов обеспечения прав, свобод, законных интересов граждан РФ, в том числе осужденных.

В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством при исполнении наказаний в виде лишения свободы осужденным гарантируются права и свободы граждан РФ с различными ограничениями.

Исполнение наказаний в виде лишения свободы представляет собой одну из наиболее строгих форм государственного принуждения, так как на законодательном уровне ограничивает правовой статус граждан РФ. Например, для осужденных к лишению свободы устанавливаются ограничения в свободе передвижения, выборе места пребывания и жительства, а также на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, количество краткосрочных и длительных свиданий.

В 2005–2006 гг. проведена качественная работа по совершенствованию законодательства в области обеспечения прав, свобод и законных интересов осужденных в исправительных учреждениях ФСИН России.

Обеспечение указанных прав, свобод и законных интересов находится под постоянным контролем уполномоченного по правам человека в РФ. К данной проблеме привлечено внимание Президента РФ, Правительства РФ, законодателей, средств массовой информации, российских и международных правозащитных организаций, а также широкой общественности. И все же в деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, особенно СИЗО, имеется много нерешенных задач по со-

блюдению прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания, в части создания для них цивилизованных условий содержания, обеспечения их прав на охрану жизни и здоровья, защиту и личную безопасность (хотя в соответствии с требованиями международно-правовых актов осужденным, отбывающим наказания в виде лишения свободы, должны быть предоставлены достойные условия содержания).

Кроме того, не допускается пребывание осужденных в условиях переполнения лимита наполняемости, нехватки предметов первой необходимости и продуктов питания, непредставления медицинского обеспечения, отсутствия возможностей для физических упражнений, отдыха и прогулок.

Как показывает практика, к числу наиболее уязвимых категорий осужденных, права и свободы которых не всегда реализуются, относятся: осужденные женского пола; несовершеннолетние, отбывающие наказания в воспитательных колониях; осужденные, отбывающие наказания в виде пожизненного лишения свободы.

В заключение отметим, что действующее законодательство в рассматриваемой области соответствует требованиям международно-правовых стандартов и норм. Важной задачей персонала УИС, учреждений ФСИН России остается обеспечение прав, свобод и законных интересов лиц, содержащихся под стражей, и осужденных.

В. М. Морозов,

советник ФСИН России

доктор социологических наук, профессор

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С момента принятия Конституции РФ – документа, провозгласившего важнейшей ценностью и одновременно целью государства обеспечение прав и свобод человека и гражданина, прошло более 10 лет. Это достаточный срок, чтобы выяснить, насколько преуспело Российское государство в реализации указанной цели по сравнению с пре-

дыдущей эпохой, на каких участках работы по обеспечению прав и свобод необходимо сосредоточить максимальные усилия, каковы место и роль правоохранительных органов в механизме гарантирования прав и свобод личности.

Проблемы, связанные с определением, обеспечением и защитой прав и свобод человека и гражданина, относятся к разряду вечных и неизменных. Пока существует диалектическое общение личности с властью, их потенциал будет неисчерпаем. Категория «права и свободы личности» с древнейших времен волновала умы человечества. Достаточно вспомнить античных философов. Например, Протагор считал,

что человек есть мера всех вещей, а представители древнеримской юридической мысли объявляли право собственности священным. Мировая история идеи прав и свобод человека драматична: из-за них проливалась кровь, развязывались войны, они нередко использовались в политических целях.

Сегодня по своей важности и социальной остроте проблема прав человека и гражданина может претендовать на статус глобальной¹.

Вместе с тем приходится констатировать, что современное Российское государство не в полном объеме справляется со своей важнейшей обязанностью – гарантировать каждому гражданину его права и свободы. Их нарушения, иногда массовые, к сожалению, не редкость в отечественной государственно-правовой практике. Однако в этом нельзя винить только государство.

Вопросы прав и свобод человека стали объектом пристального общественного внимания после либерализации понятий «правовое государство» и «гражданское общество» в конце 1980-х гг. Сегодня концепцию правового государства уже не называют «буржуазной выдумкой», не употребляют и другие термины, такие как капитализм, эксплуатация и т. п.² Отказ от продолжения строительства «светлого будущего», несмотря на предложение первого президента СССР М. С. Горбачева «немного подкорректировать курс», породил в обществе уверенность в необходимости минимизации государства.

В результате тотальных реформ, охвативших все сферы жизнедеятельности российского общества, было сделано много просчетов и упущений. Ряд из них касались проблемы эффективности государственной власти. Искусственное и не всегда оправданное ослабление внешних и внутренних позиций государства, равнодушие власти,

ее самоустранение от воздействия на стратегически важные сферы негативно сказались на общественном развитии. Многие из идей о минимизации государства и ликвидации контроля с его стороны, к сожалению, стало реальностью, при этом далеко не всегда созидательной по отношению к обществу и отдельно взятой личности. Безудержно стремившееся к свободе и получившее ее российское общество осознало, что по мере реализации либеральных ценностей неизбежно возникают серьезные проблемы.

По мнению А. В. Корнева, итоги отдельно взятых реформ дают основания сомневаться в том, что либеральной парадигме нет альтернативы³. Десятки миллионов граждан по праву могут считать себя потерпевшими в результате реализации реформ. При этом те, кто осуществлял социальные преобразования, не продумали, насколько необходим либерализм обществу с традиционно-консервативной ментальностью. Реформаторы утверждали, что могут построить высокоразвитое общество с рыночной экономикой, политикой, культурой, в том числе и правовой, в кратчайшие сроки. Но сделать это за 500 дней, как планировалось, невозможно. Иными словами, японская модель экономики в России никогда не будет работать, потому что среди россиян слишком мало японцев.

К сожалению, в 1990-е гг. в России все, что так или иначе было связано с советским прошлым, практически уничтожили и, по сути, был перечеркнут тот колоссальный опыт в сфере прав и свобод человека, накопленный советской юридической наукой и практикой. А ведь именно в эпоху советского строительства был достигнут максимальный (за всю отечественную историю) уровень гарантирования социально-экономических прав граждан. «Социально-экономические права были нашим достижением, – пишет в этой связи О. Е. Кутафин, – но мы легко отказались от них. Свобода слова не стоит ни копейки, а реализа-

¹ См., например: *Бутылин В. Н.* Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод граждан: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 4.

² См.: *Корнев А. В.* Методологические аспекты прав и свобод человека и гражданина // Государство, личность и органы внутренних дел / Академия управления МВД России. М., 2003. С. 55.

³ См.: *Корнев А. В.* Консервативная и либеральная теории государства и права в России (XIX – начало XX в.): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 3.

ция социально-экономических прав стоит огромных денег»¹.

Споры о том, нужна ли российскому обществу свобода слова, продолжаются и сегодня. В России в условиях конституционного запрета института цензуры (ч. 5 ст. 29 Конституции РФ) свобода слова приобрела гипертрофированный характер. Между тем человек имеет право не только распространять и получать информацию, не только свободно говорить, но и быть защищенным от духовной агрессии, цинизма и низкопробной культуры.

Безусловно, это не значит, что политические права и свободы следует упразднить. От того, какую власть выберут российские граждане, зависит их дальнейшая жизнь. Поэтому очень важно, чтобы россияне занимали активную политическую позицию, тем более в условиях расслоения общества на «сверхбедных» и «сверхбогатых». По некоторым данным, размер социально-финансового контраста между первыми и вторыми достиг 40-кратного размера. В России, как утверждают некоторые политологи, «фактически построено классовое общество образца прошлого века со всеми его контрастами и уродствами»². Сегодня существуют как бы две России: жители одной из них выполняют обязанности (служат в армии, платят налоги, соблюдают законы и т. д.), жители другой пользуются только правами и свободами.

В этой связи вполне очевиден вывод, что преодоление бедности, повышение уровня социально-экономических гарантий должны стать первоочередной задачей государства в деле обеспечения прав и свобод человека. Кроме того, объем государственного воздействия на общество, интенсивность обеспечения прав и свобод следует увеличить. Граждане должны чувствовать, что они находятся под надежной защитой государства, где бы они ни находились. К сожалению, российский паспорт не всегда

является гарантированной защитой от произвола. Россия слишком осторожно реагирует на ущемление прав своих граждан. В этой связи примером может послужить правозащитная активность отдельных держав в отношении их соотечественников.

Здесь нам видится как минимум две важные и заслуживающие самого серьезного внимания проблемы.

Во-первых, общество отчасти само виновато в том, что сегодня среднестатистический россиянин не всегда в состоянии воспользоваться даже основными правами и свободами. Например, в вопросах жилья, здравоохранения, образования и других граждане в известной степени ведут себя пассивно, занимая позицию иждивенца. Они пока еще не научились защищать предоставленные им права. К сожалению, уровень юридической грамотности, правовой культуры и правосознания населения сегодня очень низкий. Следовательно, обществу необходимо прежде всего повысить свой уровень правовой культуры и юридической грамотности, чтобы знать, что и как защищать, а государство в этом должно оказать ему всемерную поддержку.

Первые шаги уже сделаны: введены общественно-политические институты, такие как Уполномоченный по правам человека в РФ, Общественная палата РФ, активность которой уже оправдывает социальные ожидания; количество обращений российских граждан в российские судебные инстанции, в том числе Европейский суд по правам человека, неуклонно растет, и это свидетельство того, что правовая активность граждан увеличивается. Однако еще раз подчеркнем: до тех пор, пока личность не научится в полной мере защищать свои права, число их нарушений будет только расти.

Вместе с тем, говоря об обеспечении и защите прав и свобод человека, следует серьезное внимание уделять и обязанностям гражданина. Однако в современном российском праве наметилась тенденция превалирующего значения прав человека. Тогда как отрывать их от юридических обязанностей не только нереалистично, но и опасно. Действительно, права, свободы и обязанности должны находиться в единст-

¹ Современное состояние и перспективы развития науки конституционного права Российской Федерации // Государство и право на рубеже веков / ИГиП РАН. М., 2000. С. 4.

² Кива А. По ком звонят колокола? // Парламент. газ. 1998. 15 окт.

ве. Вполне очевидно, что рассмотрение субъективного права изолированно от юридической обязанности методологически ошибочно. Право всегда сопровождается исполнением обязанности, в противном случае права и свободы рискуют превратиться в некую фикцию. К сожалению, этот тезис отчасти подтверждается отечественной практикой. Представляется, что большая часть общества не в полной мере осознает важность этой проблемы.

Важная роль в обеспечении прав и свобод человека принадлежит правоохранительным органам. Для сотрудников УИС, работников органов внутренних дел вопрос о законности в правоохранительной деятельности имеет принципиальное значение. Не случайно система органов, выполняющих эту деятельность, называется правоохранительной.

Органы внутренних дел, другие силовые ведомства, УИС должны уважать, защищать, охранять, восстанавливать нарушенные права и свободы. Чтобы система эффективно функционировала, не нарушая при этом права и свободы человека, следует предпринять ряд мер.

Во-первых, резкое снижение уровня материальной и социальной защиты сотрудников, особенно в первые годы так называемого переходного периода, заметно сказалось и на кадровом потенциале, и на профессионализме сотрудников. Следовательно, необходимо повысить уровень их материального обеспечения.

Во-вторых, много негативной информации о деятельности правоохранительных органов встречается на страницах газет, журна-

лов, телевидении. Однако государство, по видимому, заняло позицию нейтралитета. В то время как, обладая набором эффективных мер, оно могло бы способствовать формированию социально приемлемого имиджа правоохранительных структур и пресекать попытки очернить их деятельность.

В-третьих, выполняя свои профессиональные обязанности, сотрудники органов внутренних дел и УИС в большей мере по сравнению с иными властными структурами вступают в непосредственный контакт с гражданами. В своей деятельности эти органы наделены огромным объемом полномочий принудительного характера. Следует согласиться с авторами, считающими, что «милиция вообще не может быть понята вне ее права, как бы это не резало слух, насильственно заставляя, понуждая к исполнению закона...»¹. К сожалению, не все граждане и правозащитные организации понимают, что для того, чтобы задержать гражданина, совершившего преступление и скрывающегося с места его совершения, необходимо применить физическую силу, спецсредства, а иногда и оружие. Важно, чтобы, используя данные средства, сотрудники соблюдали законность и не нарушали права и свободы граждан.

Таким образом, решение общетеоретических проблем обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации имеет принципиальное значение. От того, насколько успешно государство справится с этим, зависят благополучие его граждан и то место, которое оно будет занимать в мировом сообществе.

Б. Ю. Житников,

заместитель начальника

ВЮИ ФСИН России по научной работе

доктор технических наук, доцент

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ – ПРОБЛЕМА ОБЩЕСОЦИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Развитие системы мер, обеспечивающих соблюдение и защиту прав человека, формирование соответствующей правовой базы, укрепление независимости судебной власти, совершенствование правоохранительных

структур и т. д. позволяют государству рассматривать себя равным субъектом мирового цивилизованного сообщества. Даже наличие высокого уровня преступности не исключает государство из системы этого сообщества, если оно признает права и свободы человека и гражданина, предпринимает необходимые усилия для того, чтобы

¹ Цит. по: Кононенко А. Н. Конституционные социально-экономические права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации и роль органов внутренних дел в их обеспечении: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 20.

противодействовать преступным и иным посягательствам на права человека. Вместе с тем систематические и широкомасштабные нарушения прав человека создают социальную напряженность, питают антидемократические настроения, порождают внешнеполитические трудности. При таком положении заявленное стремление обеспечить развитие государства по пути обретения им статуса правового порождает серьезные сомнения.

В России сделаны определенные шаги по обеспечению прав человека, в том числе в сфере борьбы с преступностью:

- принята Конституция, согласно которой признание прав и свобод человека и гражданина, их соблюдение и защита являются обязанностью государства; на этой основе, кроме прочих, зиждется конституционный строй Российской Федерации (ст. 2 Конституции РФ);

- создан и функционирует Конституционный суд РФ, внося известный вклад в дело обеспечения прав человека;

- во многих субъектах Федерации действуют суды присяжных, что предъявляет новые, повышенные требования к качеству предварительного следствия, соблюдению и обеспечению прав человека;

- внесены существенные изменения в уголовно-процессуальное законодательство, развивающие систему процессуальных гарантий личности.

Проблема прав человека в сфере борьбы с преступностью – это не узко процессуальная или какая-либо иная отраслевая проблема, она является проблемой общесоциального характера. Как это ни парадоксально на первый взгляд, проблема надежного обеспечения прав и свобод человека и гражданина государством, в том числе посредством правосудия, наиболее характерна для правового государства, а также государства, стремящегося стать таковым.

В системе функций тоталитарного государства одной из доминирующих являлась полицейская функция. Будучи гипертрофированной, данная функция из охранительной превратилась в основном в репрессивную. Охрана индивидуальных прав и свобод не была и не могла быть одним из основных направлений деятельности государства. Представление о человеке как сво-

бодном и автономном субъекте социальных отношений отвергалось, ибо оно концептуально противоречило сущности партийно-государственного режима, основанного на безусловном подчинении интересов личности так называемым классовым интересам, а также «высшим» интересам государства. Права и свободы человека и гражданина были урезаны до такой степени, что они не могли быть использованы для борьбы с произволом государства. Любое открытое осуждение в защиту прав человека квалифицировалось партийно-государственной властью как недопустимое и наказуемое инакомыслие. Правоохранительная практика изобиловала примерами, когда органы предварительного расследования, прокуратуры и суды выходили за рамки формально-юридического описания преступления, расширяли его состав путем включения в него произвольных социально-политических характеристик. В соответствии с таким подходом спекуляция, например, не только причиняла ущерб материальным интересам покупателя, но также нарушала нормальное функционирование торговли. Согласно такой логике убийство молодого человека призывного возраста можно было рассматривать не только как лишение его жизни, но одновременно как ослабление обороноспособности государства.

Придание всем преступлениям несвойственного им значения крупномасштабных политических деяний, подрывающих экономику и торговлю страны, обороноспособность государства и т.д., имело место вопреки действительным намерениям субъектов преступления и по существу было одним из примеров объективного вменения, характерного для советского правосудия.

В гражданском обществе критерием прав и свобод человека является не полиция, а конституция и законы, соблюдение которых обязательно для всех, в том числе для государства и его представителей.

Для правового государства характерно также, что его законы ориентированы на всемерное обеспечение субъективных прав, исключают неоправданное вмешательство публичной власти в частную жизнь, делают государство и личность одинаково подзаконными и подсудными. Однако для признания государства правовым недостаточно

наличия у него конституции и других законов. Во-первых, конституция и законы могут во всем соответствовать исключительно интересам «держателей» власти. Во-вторых, что самое важное, конституция и законы могут быть неправовыми. Не всякий закон есть право. Напротив, он может породить бесправие.

В правовом государстве не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (п. 2 ст. 55 Конституции РФ). Конституция РФ выделяет ту часть прав и свобод, которые не подлежат ограничению ни в каком случае (п. 3 ст. 56), в том числе:

- ничто не может служить основанием для умаления достоинства личности;
- никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию;
- каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод;
- обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом;
- каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи;
- каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его вина не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда;
- никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление;
- при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона;
- каждый осужденный имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом;
- никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников;
- государство обеспечивает потерпевшему доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Во всем этом заключается одно из существенных свойств правового государства, в отличие от неправового.

Вместе с тем процесс создания надежной системы обеспечения прав человека в Российской Федерации весьма противоречив. Вызывает озабоченность, в частности, тот факт, что принимаемые в ходе судебной реформы законы не всегда учитывают, кроме приоритетной задачи усиления борьбы с преступностью, также приоритет прав человека в уголовном процессе.

Немалое число разнообразных нарушений прав человека со стороны государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, свидетельствует о глубоко укоренившемся в профессиональном мышлении и правоприменительной практике представлении о правах и свободах личности, как не имеющих приоритетного значения по сравнению с задачей усиления борьбы с преступностью.

Рудименты изжившей себя правовой идеологии, как показывает жизнь, весьма живучи. Известный марксистский постулат о том, что право ничто без принуждения к соблюдению его норм, по-прежнему образует один из важнейших элементов концепции законов о борьбе с преступностью, в том числе УПК РФ. Государственное принуждение остается доминирующим элементом в системе процессуального права, в механизме, обеспечивающем применение норм уголовно-процессуального закона. При этом оно используется практически в любом случае совершения процессуальных действий, в отношении всех лиц, а не только тех, кто не подчиняется требованиям следователя или суда (имеется в виду психическое принуждение, т. е. угроза возможными санкциями за неисполнение процессуальных обязанностей).

Принуждение, применяемое не только к обвиняемым (подозреваемым), но также к потерпевшим, свидетелям и другим лицам, вовлеченным в производство по делу, нередко является безосновательным, вследствие чего досудебное уголовно-процессуальное производство во многом оказывается свободным от соблюдения прав человека.

Для борьбы с преступностью общество создает особые государственные, правоохранительные структуры, возлагая на них соответствующие функции. Что касается граждан, то они обязываются лишь содействовать в этом правоохранительным органам. Но это содействие не должно обеспечиваться по преимуществу принудительно, обрекая граждан к претерпеванию неприятных тягот, лишений, стеснений и унижений. Между тем предупреждаются об уголовной ответственности практически все – заявитель, свидетель, переводчик, эксперт и даже потерпевший. Получается, что от них ждут помощи, содействия и им же угрожают уголовными и иными репрессиями. Совершенно не учитывается презумпция добропорядочности человека. Это свойство, выражая сущность российского уголовного процесса, имеет обратный эффект: многие граждане опасаются сотрудничать с органами уголовного преследования, уклоняются от исполнения обязанности свидетелей, понятых и т. д.

Нередко права человека воспринимаются как помеха в деле борьбы с преступностью. Между тем забота о правах человека несколько не умаляет значения этой борьбы. Оба эти направления уголовно-процессуальной деятельности представляются одинаково важными, и их не следует противопоставлять, так как борьба с преступностью имеет своей целью защиту человека, его прав и свобод, интересов общества и государства от преступных посягательств. Чем успешнее эта борьба, тем более защищенным чувствует себя человек. Представляется, что именно данное концептуальное положение определило название одной из межведомственных комиссий Совета Безопасности – Межведомственная комиссия Совета безопасности Российской Федерации по защите прав граждан и общественной безопасности, борьбе с преступностью и коррупцией, – образованных Указом Президента РФ.

Необходимое содействие граждан органам публичной власти в деле борьбы с преступностью может быть обеспечено при условии, если:

- такое содействие не ставит под угрозу их жизнь, здоровье, честь и достоинство, права и свободы;

- действия названных органов не ставят потерпевших и свидетелей в фактическое положение подозреваемых;

- решения и действия органов, ответственных за уголовно-процессуальное производство, скорректированы с действительными возможностями человека, основаны на уважении его прав и свобод;

- действия органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, являются законными, т. е. имеют место при наличии достаточных оснований и при соблюдении установленных правил производства; при этом не допускается принуждение граждан к совершению действий, не входящих в круг их процессуальных обязанностей;

- ограничения прав и свобод, стеснения и тяготы, которые претерпевают при этом граждане, достаточно компенсируются;

- граждане имеют право на свободное обжалование незаконных решений и действий юрисдикционных органов, в том числе в суд, а также на получение квалифицированной юридической помощи.

Любое государство – это политический институт, но при этом не каждое государство является правовым. Политика правового государства, в том числе в законодательстве, «обретает правовые границы». Политика такого государства в сфере борьбы с преступностью осуществляется на основе права и не может выходить за его рамки. Именно в этом смысле наше государство перестает быть «чисто» политическим механизмом управления делами общества и постепенно трансформируется в правовое государство. Акцентировать внимание только на политическом характере государственной власти, рассматривать категорию государства вне системы таких фундаментальных понятий, как гражданское общество, правовое государство, разделение властей, права и свободы человека и гражданина и т. д., – значит не видеть коренных отличий правового государства от государства, политика которого, не будучи связана Конституцией и другими законами, осуществляется в соответствии с догматами партийной идеологии и оборачивается для общества и граждан широким произволом.

М.П. Журавлев,
*главный научный сотрудник НИИ проблем
укрепления законности и правопорядка
при Генеральной прокуратуре РФ
доктор юридических наук, профессор*

О КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИИ

В повестку дня конференции вынесены весьма актуальные вопросы о соблюдении, обеспечении и реализации прав человека как приоритетном направлении уголовной и уголовно-исполнительной политики. В этой связи считаем уместным поставить более общий вопрос о формировании концепции (основ) государственной политики борьбы с преступностью и ее принципов в современной России.

Под государственной политикой борьбы с преступностью часто понимается то же, что и под уголовной политикой, т. е. уголовно-правовая политика в узком смысле, пенитенциарная, уголовно-процессуальная, административно-правовая, криминологическая, криминалистическая отраслевые политики.

Относительно уголовно-правовой политики в узком смысле в последнее время в печати появились серьезные публикации, в которых отражена обеспокоенность ее кризисным состоянием¹.

Озабоченность состоянием уголовной политики в современных условиях как со стороны ученых, так и практических работников представляется вполне обоснованной. Для нее характерны, с одной стороны, не всегда оправданный либерализм, который не согласуется с криминогенной обстановкой в стране, с другой, непоследовательность в решении принципиальных вопросов, что находит отражение в многочисленных поправках и дополнениях, перманентно вносимых в Уголовный кодекс РФ.

Столь же сомнительными, на наш взгляд, выглядят и некоторые изменения,

внесенные в последнее время в Уголовно-исполнительный кодекс РФ.

Подобное положение сложилось и при издании Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Необоснованные вторжения в сферу уголовно-правового регулирования имеют место и при издании законов об административной ответственности.

Нет надлежащей согласованности между уголовно-правовой и криминологической политикой. Ярким примером тому может служить колоссальный ущерб делу борьбы с преступностью, который был нанесен развалом профилактики правонарушений в первой половине 90-х гг. XX столетия².

Проведение такой политики в совокупности с другими социальными, экономическими, культурно-воспитательными факторами привело к резкому обострению криминогенной ситуации в стране.

Преступность в нашей стране достигла такого размаха и по количеству совершаемых преступлений, и по их тяжести, что представляет угрозу для национальной безопасности страны. Социологические исследования показывают, что большинство населения по степени опасности и значимости ставит на первое место именно эту проблему, а не бедность, безработицу и др. Усиливаются организованность преступности, ее техническая оснащенность, вооруженность, на первый план выходят такие опасные формы преступности, как бандитизм, терроризм, наркобизнес и т. д.

В таких условиях очень важно выработать и еще важнее реализовать четкую государственную политику борьбы с этим явлением.

Для обуздания преступности необходимо сильное государство. Поэтому требуется усиление его роли во всех сферах жизни общества. Государство должно выступить одним из основных факторов экономических и социальных преобразований, стать реальным гарантом провозглашенных Конституцией РФ прав и свобод граждан. Немаловажное значение в этом может иметь местное самоуправление. Необходимо чет-

¹ См.: Алексеев А. И. Должна ли уголовная политика быть либеральной? // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 1. С. 259–267; Побегайло Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112–117.

² Подробнее см.: Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001. С. 61–73.

ко определить пути и средства противостояния криминальному натиску, разработать на основе реалистичной, взвешенной оценки обстановки, закономерностей, возможностей и тенденций общественного развития стратегию и конкретные меры по укрощению преступности.

Общество нуждается в принятии основополагающего политико-правового документа, определяющего в соответствии с Концепцией национальной безопасности Российской Федерации стратегию противостояния криминальным угрозам, исходные положения и главные направления политики государства в сфере борьбы с преступностью.

Необходимо выйти на качественно новый уровень управления силами, задействованными на антикриминальном фронте, нужны консолидация государственных органов и структур гражданского общества, согласованность действий всех ветвей власти, координация не только в рамках правоохранительной системы, но и на властно-управленческом уровне как в субъектах Федерации, федеральных округах, так и в масштабах страны.

Политико-правовой документ, определяющий основы государственной политики в сфере борьбы с преступностью, в случае его принятия на уровне высшей государственной власти должен стать документом долговременного действия, реализация которого будет способствовать объединению и концентрации усилий власти и здоровых сил общества на приоритетных направлениях противодействия этому негативному социальному явлению, что в конечном итоге приведет к преодолению нынешней, крайне острой, криминальной ситуации.

В политическом, а также международном плане очень важно, чтобы Российское государство прямо и недвусмысленно заявило мировому сообществу о своей непримиримости по отношению к преступности, в том числе транснациональной, о решимости и готовности вести с ней бескомпромиссную борьбу.

Государственная политика борьбы с преступностью призвана обеспечить максимально возможное ограничение этого негативного явления, сведение его к такому уровню, при котором преступность пере-

станет быть угрозой национальной безопасности, способной подорвать устои жизни общества, повернуть его развитие вспять.

С нашей точки зрения, в основополагающем политико-правовом документе, определяющем основы государственной политики борьбы с преступностью, целесообразно дать краткую объективную характеристику сложившейся в стране криминальной ситуации, факторов, влияющих на преступность, определить экономические, социально-политические, идеологические и организационно-правовые предпосылки противодействия преступности. В качестве приоритетного направления борьбы с преступностью четко должно быть определено общее и специальное предупреждение этого негативного явления.

Решающим условием обеспечения эффективности предупреждения преступности являются восстановление и развитие связей правоохранительных и иных государственных органов с населением.

В целях предупреждения преступлений государству необходимо активнее налаживать и развивать сотрудничество с политическими партиями и движениями, религиозными конфессиями, негосударственными средствами массовой информации; способствовать возрождению традиционных (общественные пункты охраны порядка, добровольные народные дружины, советы профилактики на предприятии и др.) и созданию новых общественных структур профилактической направленности; поддерживать деятельность по предупреждению правонарушений, осуществляемую комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также уличными, квартальными, домовыми комитетами, казачьими формированиями, родительскими советами школ, попечительскими, благотворительными и иными негосударственными организациями.

Для формирования целостной государственной политики борьбы с преступностью большое значение имеет выработка принципов, основополагающих идей, которые определяют задачи и направления деятельности всех ветвей государственной власти и правоохранительных органов в данной сфере.

По нашему мнению, в современных условиях в российском обществе и государстве целесообразно выделить в качестве основных следующие принципы государственной политики в сфере борьбы с преступностью: социально-экономическая обоснованность; законность; справедливость и гуманизм; демократизм; адекватное реагирование на каждое преступление; интенсивность и наступательность; соответствие мер борьбы с преступностью международным правовым актам.

Особое неприятие у сторонников либеральной уголовной политики вызывает принцип интенсивности и наступательности: они склонны видеть в нем призыв вернуться к обвинительному уклону уголовного судопроизводства, пренебрежению правами граждан, попадающих в его орбиту.

Однако наступательность в борьбе с преступностью несовместима с чрезвычайными мерами, поскольку предполагает планомерное наращивание различного рода усилий в строгом соответствии с законом. Недопустимы как обвинительный уклон и расчет только на строгость уголовной репрессии, так и неоправданный либерализм, фактически ведущий к безнаказанности правонарушителей.

В интересах борьбы с преступностью необходимо в полной мере использовать механизм государственного принуждения, вклю-

чая соответствующие уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные средства. Вместе с тем наступательность предполагает упреждение, опережение действий преступников, последовательную реализацию превентивного подхода к делу противодействия преступности. В случае совершения преступления должны быть приняты все меры, которые исключали бы для преступника возможность уклониться от следствия и суда, продолжить свою противоправную деятельность, скрыть следы преступления и имущество, добытое противоправным путем.

Все перечисленные принципы взаимосвязаны, ни один из них не может в той или иной степени «конкурировать» с другими. Принципы уголовной политики едины и обязательны для каждой из ветвей государственной власти: законодательной, исполнительной, судебной. Неукоснительное их соблюдение призвано обеспечить согласованность в деятельности всех государственных органов. Нарушение принципов государственной политики, от кого бы оно ни исходило, должно влечь за собой личную ответственность должностных лиц, по вине которых оно было допущено.

В связи с этим важно обеспечить прямое регулирующее действие принципов государственной политики в области борьбы с преступностью путем их закрепления в законодательных и иных правовых актах.

Н. А. Коломытцев,
*начальник кафедры уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ОСОБО ОПАСНЫЙ РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ

Сегодняшняя криминальная ситуация в России — качественно новый феномен по масштабам преступных проявлений, степени их разрушительного влияния на жизнедеятельность общества, права и свободы граждан. Период реформ начался с резкого роста зарегистрированной преступности, темпы которого в последнее время стали

беспрецедентными. Так, в 2005 г. число зафиксированных преступлений превысило 3,5 млн. В уголовной статистике ежегодно учитывается свыше 30 тыс. убийств, около 40 тыс. разбойных нападений. Вместе с тем усиливается корыстная мотивация преступности, почти 50 % ее регистрируемого массива составляют кражи чужого имущества.

Значительную часть названных преступлений совершают субъекты особо опасного рецидива, которые в основном отбывают уголовное наказание в виде лишения свободы в колониях особого режима и тюрьмах. Эти учреждения представляют собой часть государственного аппарата, на который возложена задача выполнения специфической функции — осуществления приговора суда, вступившего в законную силу.

Осужденные при особо опасном рецидиве преступлений как граждане государства обладают правами и свободами человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ). Это обусловлено наличием особых требований к нормативным актам, устанавливающим правовое положение лиц, лишенных свободы, к ограничению их общих прав и интересов. Кроме того, закрепление правового положения субъектов особо опасного рецидива создает гарантию обеспечения принципа законности в деятельности исправительных учреждений (ИУ).

В сложных экономических, социальных и правовых условиях совершенствования общества проводится работа по активизации трудового процесса, жизни и быта населения страны. Данное положение имеет прямое отношение к колониям и тюрьмам, где общественно полезный труд относится к числу основных средств исправления осужденных, является эффективным фактором устранения у данных лиц антиобщественных взглядов и формирования социально полезных качеств и свойств личности.

Условия и оплата труда, продолжительность рабочего времени, техника безопасности, время отдыха осужденных регулируются законодательством о труде и нормами уголовно-исполнительного права.

Однако организация труда лиц, лишенных свободы, сопряжена с существенными трудностями преодоления социально-нравственной и психолого-педагогической запущенности субъектов особо опасного рецидива, которым свойственны некоторые особенности. Рассмотрим их.

Анализируемая категория осужденных имеет достаточно низкий уровень общей и профессиональной подготовки: 60 % из них полностью утратили семейные связи, 97 % не адаптированы к целенаправленному труду, а 26,7 % до ареста вели паразитический образ жизни.

Следовательно, перед персоналом ИУ, предприятий различных форм собственности, общественностью стоят первоочередные задачи: преодолеть отрицательные свойства осужденных путем включения их в общественно полезный труд, воспитать потребность трудиться в коллективе. Вместе с тем повышенная общественная опасность осужденных, камерное содержание

84 % из них препятствуют формированию общественных отношений в бригадах, отрядах и на производстве органов, исполняющих уголовные наказания.

Статья 98 УИК РФ впервые установила, что осужденные к лишению свободы, привлеченные к труду, подлежат обязательному государственному социальному страхованию на общих основаниях. Основанием для социального страхования лиц, отбывающих наказания за особо опасный рецидив преступлений, является факт их привлечения к труду на предприятиях или в форме индивидуальной трудовой деятельности.

Тем не менее из-за усиленной охраны, строгого надзора, иных ограничений в исправительных колониях особого режима и тюрьмах это предписание реализуется с большими трудностями, чем в условиях свободы.

Напряженность обстановки во многих ИУ предопределяется их критическим производственным и экономическим состоянием. В условиях развития рыночных отношений финансирование УИС осуществляется ненадлежащим образом, наблюдается отсутствие оборотных средств, сохраняется безработица среди 42 % осужденных, в том числе совершивших особо опасный рецидив преступлений. Эти и другие обстоятельства тоже негативно влияют на реализацию законных прав и интересов осужденных.

Мы полагаем, что следует отказаться от такой практики, когда 30 % самых опасных преступников лишь частично заняты квалифицированным трудом, а 27 % привлекаются к работам, не имеющим особого значения (подготовка ящичной тары, вязка хозяйственных сеток, склеивание коробок). Крайне нежелательно, на наш взгляд, и использование трудоспособных физически крепких осужденных в швейном производстве.

В некоторых колониях особого режима рационально организован труд субъектов особо опасного рецидива с учетом их индивидуальных особенностей и уровня профессиональной подготовки, полученной в бригадах и училищах. Такие мероприятия в единстве с методом убеждения дали положительные результаты, практически исключили случаи отказов осужденных от работы и невыполнения установленных норм выработки.

Отсутствие надлежащих гарантий для ранее неоднократно судимых, возрастаю-

шие трудности их социальной адаптации способствовали консолидации уголовной среды, модернизации ее традиционных структур, усилению профессионализации преступной деятельности.

Более успешному достижению целей социальной адаптации освобожденных от наказания будет способствовать наличие норм в семейном законодательстве, предусматривающих законный интерес этих лиц на трудовое и бытовое устройство путем пересмотра положения, ликвидирующего упрощенный порядок расторжения брака с осужденными к лишению свободы на срок не менее 3 лет. Такая новация обеспечит правовую гарантию осуществления прав освобожденных из ИУ.

С. И. Кузьмин,

*профессор кафедры юридических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России*

БОРЬБА ЗАКЛЮЧЕННЫХ ЗА СВОИ ПРАВА И ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ОСОБЫХ ЛАГЕРЯХ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Отмена в 1947 г. смертной казни в стране существенно осложнила обстановку в местах лишения свободы. Отсутствие сдерживающего фактора в виде высшей меры наказания заставило руководство ГУЛАГ искать выход из положения. В ноябре 1948 г. было принято решение об организации лагерей особого назначения со строгим режимом содержания для лиц, осужденных за измену Родине, шпионаж, террористические и диверсионные действия. Заключение направлялись в эти лагеря по назначению Министерства государственной безопасности СССР.

Строгий режим предусматривал использование трудоспособных заключенных преимущественно на тяжелых работах под усиленной охраной, надзор за заключенными в жилой зоне и на производственных объектах; не разрешалось свиданий с родственниками. Прибывшим в лагеря особого назначения выдавалась специальная арестантская одежда с присвоением личного номера, проставляемого на наружной стороне одежды. Для этой категории осужденных не предусматривалось сокращения

Социальной адаптации указанных лиц, по нашему мнению, помогут создание в каждом регионе страны центров помощи и реабилитации для освобожденных из мест лишения свободы и организация для них правовой и психологической служб.

Видимо, самой неотложной задачей станет оказание всесторонней помощи освобожденным, прежде всего в реализации их законных прав и интересов, а также в трудовом и бытовом устройстве.

Выполнение предлагаемых мер может дать положительные результаты в ресоциализации субъектов особо опасного рецидива и оказать определенную позитивную роль в предупреждении рецидивной преступности.

срока наказания и предоставления каких-либо льгот, в том числе премий.

Вход во все жилые помещения оборудовался тамбурами со смотровыми окошками в дверях, а оконные проемы заделывались железными решетками. От отбоя ко сну до утреннего подъема двери в бараках запирались. Хождение заключенных из барака в барак запрещалось. Рабочий день длился десять часов. Было предоставлено четыре дня отдыха в месяц.

Особые условия содержания предусматривались для тех заключенных, которые содержались в штрафных бараках. На работу и с работы они выводились в наручниках, которые запрещалось применять только с наступлением холодов. Были запрещены переписка и получение посылок. Особо злостные нарушители водворялись в карцер¹.

Нераспространение Указа ПВС СССР «Об амнистии» 1953 г. на содержащихся в исправительно-трудовых лагерях, неоправданно жесткие условия содержания породили массовые беспорядки. Поводом для них в Горном ИТЛ 5 июня 1953 г. послужили отказ в амнистии и неоднократное применение оружия, как законное, так и не законное. Требованиями заключенных были их досрочное освобождение, перевод на вольное поселение и др. С учетом сложившегося положения руководство МВД СССР было вынуждено пойти на уступки и предоставило заключенным лагеря сле-

¹ См.: ГАРФ, ф. 9413, оп. 1, д. 159, лл. 162–180.

дующие льготы: был установлен 9-часовой рабочий день, сняты номера с одежды заключенных, разрешена переписка с родственниками (одно письмо в месяц), увеличилась выдача денег с лицевых счетов до 450 руб., инвалиды вывозились на материк, были сняты решетки с окон бараков, бараки не запирались на ночь, до отбоя разрешалось посещать заключенных своей зоны. Однако данные льготы не способствовали нормализации обстановки.

Проводимые Комиссией МВД СССР мероприятия не решили проблему. Аналогичная ситуация сложилась и в других учреждениях, например, в Речном ИТЛ. Консолидации заключенных и их противостоянию руководству лагерей способствовало мнение отдельных руководителей партии и Правительства о том, что все заключенные осуждены неправильно и являются жертвами органов МВД и МГБ, о чем, в частности, упоминалось в докладе Комиссии¹. Попытки Комиссии стабилизировать обстановку при помощи введения льгот успеха не принесли.

Опыт ликвидации массовых беспорядков в Степном и Горном лагере показал, что длительные уговоры не имеют никакой перспективы и приводят к выдвижению новых требований со стороны заключенных, существенным материальным затратам и производственным потерям, создают тяжелую психологическую обстановку среди основной массы правонарушителей.

Однако жесткие меры по ликвидации массовых неповиновений заключенных также не принесли ожидаемых результатов. Об этом свидетельствует массовое неповиновение заключенных в 3-м лагерном отделении Степного ИТЛ в ночь с 17 на 18 мая 1954 г.

Двадцать седьмого мая 1954 г. состоялась встреча начальника лагеря, начальника политотдела и секретаря парткома с представителями заключенных, на которой присутствовали около 2 тыс. чел. Заключенные выдвигали следующие требования: привлечь к ответственности виновных в применении оружия 17 мая; не применять репрессий к представителям заключенных и не производить отправку этапов до конца расследования; ликвидировать следствен-

ный изолятор и штрафной барак; просить Правительство о снижении срока наказания осужденным на 25 лет; отменить ссылку для лиц, освобожденных из спецлагерей; установить оплату труда заключенным наравне с вольнонаемными рабочими, повысить шкалу зачетов до 5 дней и ввести 8-часовой рабочий день; просить Правительство отменить приговоры лагерных судов по ст. 58 ИТК РСФСР; разрешить свободное общение мужчин с женщинами; ограничить право администрации в наложении дисциплинарных взысканий к заключенным, водворять в ШИЗО только с санкции прокурора; установить льготные условия по зачетам для женщин; просить приезда в лагерь члена Президиума ЦК КПСС или секретаря ЦК.

Двадцать восьмого мая 1954 г. начальником ГУЛАГ СССР И. Долгих был подписан приказ, в соответствии с которым на заключенных Степного ИТЛ в полном объеме распространялось действие Инструкции по режиму содержания заключенных, объявленной приказом МВД СССР от 1947 г. № 0190. Во исполнение данного документа были сняты запоры с дверей и решетки с окон жилых бараков, столовых, санитарных учреждений; ликвидирован следственный изолятор как не соответствующий своему назначению; оборудованы комнаты для личных свиданий заключенных с родственниками, а в женских лагпунктах – комнаты гигиены. Заключенным обеспечивался непрерывный 8-часовой сон.

Согласно приказу министра внутренних дел СССР, министра юстиции СССР, председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров Союза ССР и Генерального прокурора Союза ССР «О порядке освобождения заключенных, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом» от 13 мая 1954 г.; а также приказу Министерства внутренних дел СССР, Министерства юстиции СССР и Генерального прокурора Союза ССР «О порядке досрочного освобождения осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет» от 5 мая 1954 г. дела заключенных, подпадающих под действие этих приказов, были направлены в суд с целью решения вопроса об их досрочном освобождении.

¹ См.: ГАРФ, ф. 9413, оп. 1, д. 159, л. 16.

Таким образом, требования заключенных лагерей особого назначения были в значительной степени удовлетворены. Однако с 16 мая по 25 июня 1954 г. продолжались массовые беспорядки заключенных и были прекращены только в результате ввода войск и танков на территорию лагеря.

Неповиновение заключенных в особых лагерях заставило МВД СССР принять ряд конкретных мер для стабилизации обстановки. Прежде всего были разделены крупные лагерные подразделения на несколько лагерных пунктов с численностью заключенных на общем режиме 1000–1500 человек, на строгом – 300–700 человек. Штрафные и следственные изоляторы за три месяца были отделены от жилых зон резервными территориями. Систематически была проведена работа по переводу злостных нарушителей лагерного режима в тюрьмы согласно приказу МВД СССР от 1950 г. № 00721. Массовые неповиновения

заключенных прекращались путем разъяснительной работы и разложения группы инициаторов, однако разъяснительная работа не превращалась в «переговоры», так как это не давало положительных результатов.

Сложившаяся в стране криминальная ситуация потребовала принятия жестких мер по борьбе с преступностью, что нашло свое отражение в уголовном законодательстве. В новом УК РФ были существенно увеличены сроки лишения свободы за особо тяжкие преступления. Так, до 1997 г. максимальным сроком лишения свободы было 15 лет, новый УК РФ увеличил этот срок до 20 лет, при совокупности преступлений – до 25 лет, а при совокупности приговоров – до 30 лет, а также было введено пожизненное лишение свободы. Однако нерешенной в настоящее время остается проблема высокой концентрации в местах лишения свободы особо опасных категорий осужденных.

Г. Н. Горшенков,

начальник научного центра

уголовного права и процесса

Нижегородского государственного

университета им. Н. И. Лобачевского

доктор юридических наук, профессор

ИДЕОЛОГИЯ

АНТИКРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Пересмотр концепции борьбы с преступностью в сторону ее ужесточения объясняется отсутствием идеологии борьбы с преступностью¹.

О необходимости решительно менять саму идеологию уголовной политики заявил профессор Э. Ф. Побегайло на прошедшем (22 февраля 2006 г.) в Санкт-Петербургском криминологическом клубе теоретическом семинаре «Тупики российской уголовной политики: криминологический аспект»². По мнению ученого, ныне действующий Уголовный кодекс Российской

Федерации (УК РФ) является «неолиберальным», идея борьбы с преступностью заменена капитулянтской позицией «контроля» и даже «компромисса» с преступниками. В связи с этим возникают сомнения относительно того, существует ли у государства осмысленная уголовная политика.

Представитель и лидер другого, «либерального», крыла клуба профессор Я. И. Гилинский не соглашается с такой оценкой уголовного законодательства. Он обращает внимание на имеющиеся в нем достаточно жесткие санкции (вплоть до смертной казни), длительные сроки лишения свободы, которых не было в советском законодательстве. По мнению Я. И. Гилинского, в законе имеет место очевидная избыточная криминализация отклоняющегося поведения.

Президент клуба профессор Д. А. Шестаков соглашается с точкой зрения Я. И. Гилинского о необходимости либерализации уголовной политики, однако до определенных границ, которыми является угроза национальной безопасности, экономической безопасности, существованию государства и общества в целом.

Таким образом, в оценке современной российской уголовной политики традиционно наблюдаются два основных подхода: *радикальный* – за ужесточение политиче-

¹ См.: *Корецкий Д.* Концепция борьбы с преступностью должна быть пересмотрена // РФ сегодня. 2004. № 8.

² Здесь и далее используется обзорный материал теоретического семинара, подготовленный и разосланный по электронной почте (автор канд. юрид. наук Г. И. Богуш) // <http://www.liventernet.ru/click>.

ского курса в борьбе с преступностью и *либеральный* – за гуманизацию и либерализацию уголовной политики.

По нашему мнению, с этих подходов правоведами оценивается уголовная политика будущего. Что же касается настоящего, то возникают большие сомнения в том, что *осмысленная* (термин профессора Э. Ф. Побегайло) политика в России существует. Иначе как тогда объяснить в ней *отсутствие* социальной обусловленности, научной обоснованности уголовного закона и изменений в нем, *игнорирование* криминологических реалий, *выхолащивание* предупредительной функции уголовного законодательства вкупе с *развалом* системы государственной и общественной профилактики преступлений (в частности, на это указывает профессор Э. Ф. Побегайло)?

Очевидные усилия политиков в идеологизации борьбы с преступностью имеются, однако в них не так много взаимопонимания. «Кругооборот» уголовного закона (его движение в сфере правотворчества и реализации) – проблемный процесс, в котором функционируют сложные механизмы: уголовного преследования, прокурорского надзора, исполнения наказаний, криминологического мониторинга, правозащитного, социально-политического контроля (особенно со стороны института массовой информации).

Их внутренние и внешние связи нуждаются в существенном регулировании, т. е. идеологическом обеспечении.

Под этим мы прежде всего понимаем формирование единой государственной концепции *антикриминальной* политики (по примеру Концепции национальной безопасности, Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию или Доктрины информационной безопасности). Термин «антикриминальная» (уже довольно распространенный¹) мы предпочитаем понятию «уголовная» не потому, что политика «уголовная», как и милиция «криминальная», не слишком благозвучны. Сфера рассматриваемой управленческой деятельности включает в себя не только уголовно-правовые, но и иные – гражданско-правовой, административно-пра-

вовой, гражданско-процессуальный, административно-процессуальный – правовые механизмы.

В связи с этим уместно привести мнение российского криминолога В. В. Меркурьева, который совершенно справедливо утверждает: «Право человека на защиту жизни и своего безопасного существования должно рассматриваться в качестве комплексного правового института, нормы которого содержатся в конституционном и иных отраслях права»². И далее: «Правовой институт гражданской самозащиты, имея межотраслевой характер, относится... преимущественно к уголовно-правовым средствам защиты основных прав и свобод человека и гражданина»³.

Таким образом, защита человека, общества, государства от криминальной угрозы носит межотраслевой характер. Поэтому и политику этой деятельности точнее именовать антикриминальной как искусство применения всех возможных правовых и иных средств против криминала (преступности).

Антикриминальная политика как политологическая категория⁴ применительно к концептуальному контексту – это область взаимоотношений и различных видов правовой и правозначимой деятельности между субъектами государственного, муниципального управления и иными социальными институтами по осуществлению общих интересов с помощью разнообразных средств в области противодействия преступности, главным из которых является политическая власть.

Продолжая размышления об идеологии антикриминальной политики, напоминаем, что идеология как учение об общем понятии явления предполагает систему идей, представлений, понятий, в которых выражены отношения к преступности. Эти отношения многообразны, носят политический, правовой, экономический, культурологический и иной характер. Поэтому идеология антикриминальной политики – это реализация консолидирующей концепции в сфере противодействия преступности или можно назвать это по-другому: борьба с преступностью, контроль

¹ См.: Преступность как она есть и направления антикриминальной политики / Под ред. А. И. Долговой. М., 2004.

² Меркурьев В. В. Защита безопасности человека и его жизнедеятельности. М., 2006. С. 7.

³ Там же.

⁴ См.: Политология: Крат. слов. Ростов н/Д, 2001. С. 245.

над преступностью и т. п. Уже данное обстоятельство («терминологическое разнообразие» в криминологии) побуждает изначально думать о понятийном аппарате антикриминальной политики, т. е. прежде всего о формализации (приведении по форме) и идеологизации (доведении до идеала, или совершенного образца) категорий этой научной концепции.

Идеология антикриминальной политики должна ориентироваться на ее два основных аспекта: реагирование на преступность как свершившийся факт и предусмотрительное (предупредительное) воздействие на детерминанты преступности, т. е. те явления и процессы, которые в конечном счете продуцируют преступность. В первом случае политик (субъект управления) оказывается перед нелегким вопросом определения и обеспечения ответственности и наказания; во втором – перед проблемой недопущения преступления, следовательно, ответственности и наказания за него.

Безусловно, второй аспект несоизмеримо важнее первого по его социальной значимости. Одно дело, когда решаются вопросы воспитания, социализации, самоконтроля человека, и другое – когда стоит вопрос уже о наказании человека, преступившего уголовный закон, тем более о его государственном легитимном убийстве (т. е. смертной казни). В общественном правосознании, точнее правонастроении, все сильнее звучат голоса об отмене моратория на смертную казнь. Но в этих голосах – крик истерзанной души и ничего более. Массовый рассудок отдыхает.

Зато этот крик («деспотизм общественного мнения», как назвал этот феномен Ч. Беккариа) является резонансным для радикальных политиков, что закономерно и не подлежит критике. У либералов иное убеждение. Однако всегда есть «золотая середина», на которой могут сойтись и радикалы, и либералы при условии, что смогут проявить политическую волю.

Представляется, что идеология антикриминальной политики должна быть ни либеральной, ни радикальной, а *умеренной*, или *центристской*, т. е. средней между крайностями, не жесткой, но и не слабой. Именно такой позиции придерживается саратовский автор В. Портнов. Размышляя о судьбе России, в частности о борьбе с организованной преступностью, автор высказывает идею о

необходимости реализации «антикриминальной программы, разработанной в русле идеологии политического централизма»¹.

Однако при этом нельзя игнорировать и консервативную точку зрения, которая заключается в известном: современный закон позволяет правоприменителю решать вопрос об ответственности и наказании (за редким исключением, главным образом применения смертной казни, конфискации имущества), следует только руководствоваться именно законом, а не корпоративными интересами тех, кто делает политику. Но это возможно исключительно в условиях понимания действий политиков гражданским обществом.

По примеру политической и идеологической истории промышленной Европы² идеология антикриминальной политики должна отражать *взаимодействие* субъектов консервативной, либеральной и радикальной ориентации. Для такого взаимодействия необходима соответствующая правовая основа. Однако складывается убеждение, что законотворческая практика почему-то сторонится научной мысли. Проиллюстрировать данную ситуацию может следующий пример.

Вступил в силу Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Уже само определение «противодействие», в отличие от «борьбы с терроризмом» (как это присуще ныне частично действующему Федеральному закону «О борьбе с терроризмом» до 1 января 2007 г.), указывает на то, что государство «переместило» акцент управленческого воздействия с обстоятельств акта терроризма на терроризм как идеологию насилия.

Именно так отныне определяется терроризм (п. 1 ст. 3) как юридическая категория: «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного управления или международными организациями, связанные с устрашением населения и/или иными формами противоправных насильственных действий»³.

В ст. 205 УК РФ терроризм определяется совсем иначе, почти так же, как теперь это

¹ <http://www.saratoff.ru/?chap=ross&com=articles&act=show&id=130>.

² См.: Политология: Крат. слов. С. 93.

³ О противодействии терроризму: Федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Рос. газ. 2006. 10 марта.

понятие дается в новом антитеррористическом законе. Террористический акт (в соответствии с п. 3 ст. 3 нового закона) определен как «совершение взрыва, поджога или иных действий, связанных с устрашением населения и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба... в целях противоправного воздействия на принятие решения органами государственной власти...».

Однако данное понятие не согласуется с уголовно-правовым понятием террористического акта. В соответствии со ст. 277 УК РФ террористический акт представляет собой посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность.

Вступает в противоречие с положениями ряда уголовно-правовых норм п. 4 ст. 2 Федерального закона «О противодействии

терроризму», предусматривающего такой принцип, как «неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности», к которой, в частности, отнесены: организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества и др. Получается, что отныне факт добровольного прекращения участия в данных деяниях не является основанием для освобождения от уголовной ответственности, как это предусмотрено в примечаниях к ст. 208, 210 УК РФ, либо указанный принцип антитеррористического закона обречен на «беспринципность». Таким образом, в любом случае законодательство усугубляет кризис современного уголовного наказания.

Поэтому правы те криминологи (в частности, профессор М. М. Бабаев), которые высказывают идею о «нормотворческом кодексе», призванном положить конец принятию криминогенных законов и изменению в них.

С. Л. Сибиряков,

*заведующий кафедрой специальных
юридических дисциплин
Волгоградского института бизнеса
доктор юридических наук, профессор*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЖЕРТВ КРИМИНАЛЬНОГО НАСИЛИЯ – ОДНО ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Актуальность проблемы соблюдения, обеспечения и реализации прав человека не вызывает сомнения, тем более для нашей страны, находящейся в достаточно непростой социально-демографической, этнокультурологической, нравственно-психологической, криминально-аномической ситуации.

Проводимые нами регулярные исследования криминологико-виктимологической направленности подтверждают данный тезис. Особую озабоченность наших граждан вызывает обеспечение прав жертв преступлений, особенно насильственных.

Так, например, проведенный нами в феврале – марте 2006 г. опрос 1500 респондентов в возрасте от 14 до 22 лет (учащихся школ, колледжей и вузов Волгоградской

области) показал, что фактически каждый пятый (19,4 %) в течение последнего года подвергался актам насилия в какой-либо форме, в том числе 59,6 % из них – два и более раз. Избиению подвергались 43,8 % респондентов-жертв насилия; вымогательству денег и/или вещей – 24,0 %; изнасилованию – 3,7 %, а 1,9 % – в извращенной форме, при этом акты насилия нередко сопровождались угрозой применения холодного (в основном ножей – 21,1 %) или даже огнестрельного оружия (5,3 %).

В более половине случаев (58,8 %) насильники действовали группой, причем 16,5 % из них составляли лица, старше на один–три года (старшеклассники и/или старшекурсники) жертв, а 42,9 % вообще взрослые, в том числе 5,5 % – это родители и/или лица, их заменяющие.

Таким образом, как свидетельствуют результаты опроса, только треть опрошенных (33,7 %) ответили, что чувствуют себя защищенными от насилия. Из тех респондентов, которые подверглись актам насилия, подавляющая часть (91,9 %) не обратилась за помощью в правоохранительные органы, так как или не верит в возможность получения помощи (50 %), или опасается, что «будет только хуже» (25 %), еще 25,0 %

респондентов отметили и тот, и другой фактор. Вместе с тем необходимо сказать, что согласно нашим аналогичным исследованиям 1993 г. число необратившихся за помощью в компетентные органы было еще выше – 97,0 %¹.

Приведенные выше факты также достаточно четко коррелируют и с итогами проведенного нами в ноябре 2005 г. опроса учителей и студентов вузов города по проблеме предупреждения преступности несовершеннолетних².

Так, лишь 5,5 % учителей и 6,3 % студентов считают политику возможного (планируемого) уменьшения сроков наказания несовершеннолетним позитивным изменением в области борьбы с их преступностью. Остальная часть опрошенных отрицательно относится к такому решению проблемы.

«Льготы» в системе наказания несовершеннолетних, по мнению всех респондентов, негативно сказываются на поведении несовершеннолетних, так как способствуют вседозволенности (65,5 % учителей и 28,4 % студентов).

Кроме того, результаты комплексного исследования, осуществленного нами в 2002 г., показали, что 57 % опрошенных уверены «при назначении наказания преступнику следует учитывать мнение жертвы».

А 61 % респондентов указали на то, что это следует делать при решении вопроса «об освобождении от уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

Однако о возможности решения вопроса об амнистии Госдумой ответ «да» дали уже 41 % опрошенных.

Рассмотрение вопроса о помиловании Президентом РФ вызвало больше отрицательных ответов – 42 % («за» – 33 %, затруднились с ответом – 25 %).

На вопрос о значении мнения жертвы в процессе привлечения к уголовной ответст-

венности и определения наказания преступнику были получены следующие ответы:

- для преступника – «обеспечение справедливости мер воздействия» (58 %);

- для жертвы (потерпевшего) – «в определенной мере компенсирует ему претерпеваемый от преступления моральный вред» (33,4 %) и «укрепляет в нем веру в справедливость решения дел» (29,2 %).

На вопрос о *целесообразности* использования *влияния определенной социальной группы (коллектива)* на лицо, совершившее преступление, в форме поручительства, товарищеского суда, коллективного контроля, ответ «да» в процентном содержании распределился следующим образом: в отношении несовершеннолетних – 71 %, женщин – 62 %, мужчин – лишь 33,4 %.

Вместе с тем эффективность условно-досрочного освобождения от наказания оценили не очень высоко (55,3 %), а 32,6 % опрошенных вообще уверены, что эта мера не оправдывает себя.

В целях повышения результативности «условного исполнения наказания» в отношении несовершеннолетних наши респонденты предложили следующие мероприятия:

- обеспечение надлежащего контроля над их поведением со стороны правоохранительных органов – 69 %;

- организация экскурсий в исправительные учреждения для несовершеннолетних³ – 68 %;

- обеспечение работой или учебой несовершеннолетнего осужденного – 67 %;

- более глубокое изучение несовершеннолетнего подсудимого и строгий подход к оценке и прогнозу его поведения – 63,2 %.

Далее респондентам предлагалось высказать свое *мнение относительно действенности существующих мер наказания для несовершеннолетних*.

Из опрошенных 69,3 % считают, что ничего менять в этом плане не надо, а 30,7 % высказались за *усиление этих мер*.

Применять к лицам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, меры наказания, не связанные с лишением

¹ См.: Сибиряков С. Л. и др. Насилие и дети: состояние, причины, защита и профилактика. Волгоград, 1994.

² См.: Информационно-аналитический обзор (итоги анкетирования граждан Волгограда по проблеме предупреждения преступности несовершеннолетних) // Молодежь и формирование гражданского общества в России: Материалы общерос. науч.-практ. конф. Волгоград, 6–7 окт. 2005 г. / Волгоград. ин-т бизнеса. Волгоград, 2005. С. 769–774.

³ Отметим в этой связи, что еще 15 лет назад подобный опыт успешно проводился у нас в регионе с несовершеннолетними, которых вывозили в ВТК г. Камышина.

свободы, считают целесообразным две трети (т.е. около 72 %) опрошенных, одна треть – против, в основном из-за того, что эти лица «расценят мягкое наказание как снисходительное отношение государства, и это снимет с них чувство ответственности за содеянное», а может быть, даже «будет стимулировать новые преступления».

Разумеется, при оценке ситуации, а тем более в процессе планирования и принятия конкретных решений, особенно в сфере уголовной политики и законодательства, не следует опираться только на мнение граждан, но и игнорировать его также не следует. Терпение народа, как об этом свиде-

К. В. Хартанович,
*профессор кафедры экономических
и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
доктор экономических наук*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН КАК ОСНОВА ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Последние два десятилетия активно обсуждается проблема политических прав и свобод граждан. Однако при этом не учитывается, что в основе всей жизнедеятельности современного общества лежат экономические факторы его развития. Практически большинство политических, межэтнических, межрелигиозных, духовно-нравственных, бытовых и иных социальных явлений и процессов имеют экономические корни.

Важно учитывать, что у этих корней есть общее и особенное в различных социально-экономических системах. Так, перевод российской экономики с командно-административной модели хозяйствования на рыночные механизмы управления привнес много нового в социально-экономические отношения, что послужило причиной значительных изменений в экономической мотивации преступности.

Однако большинство институтов, созданных по форме рыночных, пока еще в недостаточной степени наполнились осознанным новым экономическим образом мышления. Устоявшиеся в прошлом стереотипы массового экономического сознания

тelleствует история России, далеко не беспредельно, особенно в условиях ухудшения антикриминальной личной и имущественной безопасности граждан.

В связи с этим нами предлагается, во-первых, принять необходимые меры к расширению практики обучения граждан, особенно молодежи, включая детей и подростков, эффективным методам обеспечения личной и имущественной безопасности; во-вторых, более четко в рамках существующего законодательства определить меры, обеспечивающие на практике права жертв преступлений, особенно насильственных.

не позволяют в должной мере развиваться современным основам хозяйственной практики. Это характерно для всех основных субъектов рыночных отношений – государства, предпринимательских структур, экономики домашнего хозяйства.

Самым наглядным примером данного утверждения служит динамика развития фундаментальной экономической проблемы – категории «собственность». В командно-административной системе господствовала общенародная (государственная) форма собственности, а собственность домашних хозяйств была крайне ограничена в количественном и качественном отношениях. Это характерно и для личной собственности, и для собственности граждан на средства производства. Уравнительный относительно низкий «средне-советский» достаток объективно не мог создать базу для преступных деяний в особо крупных размерах в сфере экономики домашних хозяйств граждан. К тому же зажиточные граждане сразу же становились объектом пристального внимания правоохранительных органов.

Частная собственность на средства товарного производства законодательно отсутствовала. Предпринимательская деятельность в каких-либо серьезных формах была запрещена юридически, хотя и осуществлялась в рамках криминальной, теневой экономики.

Таким образом, наиболее «привлекательным» с точки зрения масштабов собственности объективным социальным полем для произрастания экономической пре-

ступности в советской хозяйственной системе был практически монопольный государственный сектор экономики. Работало психологическое преступное правило: «если все общее, то можно взять (украсть) свою часть». Защита государственных богатств, борьба с расхитителями социалистической собственности являлись основными задачами всех силовых структур того периода отечественной истории.

Новая российская история резко изменила представления о собственности. Разгосударствление общенародной собственности и двойственная по своей экономической природе приватизация 1990-х гг. вызвали противоречия в отношении собственности во всех субъектах рынка, а также между ними, что способствовало появлению новых экономических основ для правонарушений.

Тяжело воспринимаемые обществом последствия приватизации привели к обострению политической ситуации в стране. Экономическое расслоение населения, характерное для рыночной системы хозяйствования, создало новое преступное правило: «новые русские» сами украли у народа собственность, поэтому «криминал» оправдан, так как частично ее возвращает». Для восстановления «справедливости» используются любые криминальные методы (вплоть до всевозможных способов лишения собственности и жизни). Так, возникли многочисленные преступные группировки «борцов за справедливость», которые начали вести бандитские «разборки», делить территории и сферы влияния.

Появление олигархов – богатейших людей страны – вызвало негативное к ним отношение в массовом экономическом сознании (население недовольно источниками происхождения олигархического богатства). Однако в обществе значительно увеличилось число нищих и бездомных, беспризорных детей (одна из причин детской и подростковой преступности), произошло обнищание большей части граждан, прежде живших относительно удовлетворительно, и т. д.

Итак, экономическая ситуация в нашей стране изменилась принципиально, но новый рыночный образ мышления в массовом сознании еще недостаточно укрепился. Власти заявляют, что обратного пути нет.

Президент РФ констатировал, что пересмотра итогов приватизации не будет.

Возникает вопрос: что делать в такой ситуации?

Прежде всего надо четко объяснить населению экономическую стратегию государства. Показать, что в современном мире возможны две формы организации хозяйственной жизни: командно-административная система либо рыночная экономика.

Вместе с тем и первая, и вторая хозяйственные системы имеют свои достоинства и недостатки. На данном этапе развития человечества большую свою эффективность пока доказала рыночная экономика, которая основана на частной собственности на средства производства, т. е. основной движущей силой хозяйственного развития является предпринимательство.

Государство провозгласило курс на рыночную ориентацию, однако не сформировало механизма, который гарантировал бы новые экономические права граждан, защищал бы их собственность, уменьшал бы социальную причинно-следственную мотивацию преступности.

Кроме того, необходимо разработать механизм устойчивого толерантного развития экономических рыночных отношений в целях обеспечения гарантий прав и свобод российских граждан. Такой механизм должен включать в себя следующее.

1. Юридический компонент (Конституция РФ и другие федеральные законы, региональные и муниципальные нормативные акты, специальные правовые документы).

2. Образовательный компонент (т. е. создание *системы* непрерывного экономического и правового образования и просвещения населения: начиная со школы и заканчивая вузом и послевузовским обучением). Важно использовать все средства экономико-правовой государственной пропаганды и убеждения, отмечать не только негативные события в стране, но в большем объеме позитивные успехи в экономике, которые открывают благоприятные перспективы роста благосостояния граждан и позволяют им с оптимизмом смотреть на свое будущее.

3. Воспитательный компонент. Необходимо воспитывать граждан в духе уважения к чужой собственности, а также вне-

дрить принцип «Я свободен до тех пор, пока не мешаю жить другим». Кроме того, нужна государственная гарантия защиты частной и личной собственности юридических и физических лиц.

4. Исправительно-трудовой компонент (т. е. организация системной работы по профилактике правонарушений, работа с маргинальными группами населения, про-

Х. Асситан,

студентка 4-го курса ФРЭМТ

Владимирского государственного университета

АНАЛИЗ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, ДЕКЛАРИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Деятельность Организации Объединенных Наций (ООН) направлена на решение проблем, касающихся нарушений прав человека. Хронический характер таких нарушений побуждает ООН более конкретно работать в тех областях, в которых имеют место эти нарушения.

1. Что такое права человека?

Каждый человек обладает достоинством. Принципы прав человека были выработаны в качестве средства обеспечения надлежащего и равноправного соблюдения достоинства каждого лица, т. е. обеспечения возможностей для личности всесторонне развиваться и проявлять такие человеческие качества, как разум, талант и сознание, а также удовлетворять свои духовные и иные потребности.

Достоинство дает человеку чувство собственной значимости и ценности. Существование прав человека свидетельствует о том, что люди понимают ценность человеческой личности. Человеческое достоинство не индивидуалистическое, исключительное и изолированное понятие. Оно является частью нашего человеческого облика.

Нарушение прав человека и основных свобод является не только личной трагедией, но и создает условия для социальных и политических беспорядков и порождает насилие и конфликты в обществах и государствах и между ними.

Одним из величайших достижений ООН является создание всеобъемлющего свода правовых документов по правам человека.

ведение системных экономико-правовых мероприятий в местах лишения свободы).

Таким образом, вся система государственной работы должна быть подчинена стратегическим перспективам формирования действенного механизма профилактики правонарушений через укрепление рыночных отношений для обеспечения экономических прав и свобод граждан России.

Впервые за всю историю был создан универсальный кодекс данных прав, приемлемый для всех стран и народов.

Наиболее широкими обязательными соглашениями по правам человека, заключенными под эгидой ООН, являются Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

В системе ООН существуют шесть комитетов, которые обеспечивают контроль над соблюдением странами подписанных ими договоров о правах человека (их называют «органами по контролю над соблюдением договоров»): Комитет по ликвидации расовой дискриминации; Комитет по правам человека; Комитет по экономическим, социальным и культурным правам; Комитет против пыток; Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин; Комитет по правам ребенка.

Данные комитеты могут призвать правительства стран представить ответы на те или иные обвинения и могут принимать и публиковать решения, содержащие критические замечания или рекомендации.

Со временем ООН выработала различные методы по расследованию нарушений прав человека и принуждению к принятию мер по их исправлению.

Каждый год в ООН приходит около 400 тыс. сообщений о нарушениях прав человека.

2. Международный уголовный суд.

Организация Объединенных Наций признает необходимость создания международного уголовного суда для уголовного преследования и наказания лиц, виновных в преступлениях против мира и безопасности человечества и личности. Поскольку такого суда не существовало, были созданы два специальных уголовных суда для рас-

следования военных преступлений в бывшей Югославии и Руанде.

Благодаря средствам массовой информации, которые занимаются просвещением международной общественности, усилилось понимание неотложности защиты прав человека.

3. Аспекты прав человека.

Каждый человек имеет права, однако в связи с существованием дискриминации некоторые группы людей нуждаются в особой защите своих прав. Ниже указаны некоторые вопросы прав человека, которые, по мнению ООН и других организаций, требуют особого внимания. К ним относятся: апартеид и расовая дискриминация; права коренных народов; права женщин как права человека; права ребенка; права трудящихся-мигрантов; права инвалидов; права человека, развитие и демократия; права человека и гуманитарная помощь.

Рассмотрим указанные проблемы подробнее.

Апартеид и расовая дискриминация. В настоящее время во всем мире продолжается борьба с расизмом. Организация Объединенных Наций способствует этому, добиваясь распространения информации в данной области (так, 1993–2003 гг. были объявлены третьим десятилетием борьбы с расизмом и расовой дискриминацией).

Права коренных народов. Рабочая группа ООН по коренному населению, которая была учреждена в 1982 г., занимается вопросами укрепления прав данных народов. Ее члены разработали Декларацию прав коренных народов, которая в случае ее принятия явится крупным шагом вперед. Тот факт, что Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 1993 г. Международным годом коренных народов мира, а 1995–2004 гг. Международным десятилетием коренных народов мира, является попыткой укрепить международное сотрудничество для решения проблем, с которыми сталкиваются коренные общины.

Права женщин как права человека. Соблюдение прав человека не может считаться универсальным без обеспечения признания и защиты прав женщин. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1979 г. и к настоящему времени ратифицирована более

чем 160 странами. Контроль над ее соблюдением обеспечивается Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДОЖ). Комиссия ООН по положению женщин занимается вопросами разработки прав женщин, а ЮНИФЕМ, Фонд ООН для развития интересов женщин, создал специальную программу по пропаганде и защите прав женщин.

Права ребенка. О соблюдении прав человека можно судить по тому, как в обществе относятся к правам детей. Двадцатого ноября 1989 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла историческую Конвенцию о правах ребенка. На сегодняшний день ее ратифицировала 191 страна. В этом важнейшем договоре наиболее полно излагаются права ребенка, и благодаря ему эти права впервые приобрели силу международного права.

Права трудящихся-мигрантов. В 1990 г. после 10-летнего обсуждения Генеральная Ассамблея ООН приняла Международную конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. Вместе с тем этот договор пока не вступил в силу, поскольку для этого необходимо, чтобы его ратифицировали 20 стран, а на сентябрь 1997 г. это сделали лишь 9 стран: Босния и Герцеговина, Египет, Кабо-Верде, Колумбия, Марокко, Сейшельские Острова, Уганда, Филиппины и Шри-Ланка.

Права инвалидов. Инвалиды, которые в обществе часто оказываются на последнем месте, составляют 10 % населения планеты. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) занимается вопросами защиты права на охрану здоровья всех, без исключения, людей. Добиваясь консенсуса в отношении защиты прав инвалидов, Генеральная Ассамблея ООН в 1993 г. приняла Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов. Эти Правила обеспечивают механизм для выработки политики создания общества, которое обеспечивало бы возможности развития человеческого потенциала для всех.

4. Права человека, развитие и демократия.

Защита достоинства человека предполагает не только свободу от пыток, но и свободу от голода, свободу голосовать и право на образование, свободу слова и право на здравоохранение, а также право пользо-

вания всеми правами без дискриминации. Программа развития ООН (ПРООН) стремится обеспечивать экономическое и социальное развитие с учетом отдельных прав человека.

В 1986 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о праве на развитие, которая гласит: «Человеческая личность является центральным субъектом развития и участником и бенефициаром права на развитие». Вместе с тем, несмотря на международные усилия, сегодня свыше 1 млрд человек живут в условиях абсолютной нищеты при ежедневном доходе менее чем 1 дол. США.

А. Ю. Беллевич,
заместитель прокурора
Владимирской области
старший советник юстиции

**СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
ПОД СТРАЖУ И ОСУЖДЕННЫХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ
В ИЗОЛЯТОРАХ ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ,
СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ
И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ**

Важной правовой гарантией соблюдения прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных является прокурорский надзор.

Материалы прокурорского надзора свидетельствуют о том, что в 2005 г. среднесуточная наполняемость изоляторов временного содержания (ИВС) органов внутренних дел (ОВД) составляла 502 человека, что на 30 % превышало допустимые нормы. Особенно неблагоприятная обстановка сложилась в Ковровском, Петушинском, Собинском, Меленковском, Вязниковском, Александровском и Суздальском изоляторах.

Выполняя требования приказа Генерального прокурора РФ «Об организации прокурорского надзора за законностью уголовного преследования в стадии досудебного производства» от 5 июля 2002 г. № 39, гормежрайпрокурорами ежедневно проводятся проверки законности содержания подозреваемых и обвиняемых в ИВС ОВД.

В соответствии со ст. 23 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении пре-

5. Права человека и гуманитарная помощь.

В любом государстве могут возникнуть такие ситуации, когда потребуется оказание гуманитарной помощи его гражданам. Жертвами могут быть беженцы, гражданские лица, пострадавшие от внутренних конфликтов. Во всех случаях они переживают одни и те же проблемы. Эти люди, как правило, сталкиваются с нарушением их прав и нуждаются в защите и помощи. Международное сообщество сегодня уделяет все больше внимания превентивным мерам по решению проблем до того, как они перерастают в чрезвычайные ситуации.

ступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ, а также п. 3.1 Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел от 22 ноября 2005 г. № 950 подозреваемым и обвиняемым создаются бытовые условия, отвечающие требованиям гигиены, санитарии и пожарной безопасности, им предоставляется индивидуальное спальное место, бесплатно выдаются постельные принадлежности, посуда и столовые приборы, туалетная бумага, а также индивидуальные средства гигиены – мыло, зубная щетка, зубная паста (зубной порошок), одноразовая бритва (для мужчин), средства личной гигиены (для женщин). Все камеры обеспечиваются средствами радиовещания, а по возможности телевизорами, холодильниками и вентиляционным оборудованием. В камеры выдаются литература и издания периодической печати, а также настольные игры. Не реже одного раза в неделю подозреваемому и обвиняемому предоставляется возможность мыться в душе продолжительностью не менее 15 минут.

Однако, несмотря на это, в 2005 г. подозреваемые и обвиняемые, содержащиеся в камерах ИВС УВД г. Владимира, Гороховецкого РОВД, не были обеспечены постельными принадлежностями и постельным бельем.

В камерах также отсутствовали мыло, стиральный порошок, индивидуальные средства личной гигиены. Было нарушено конституционное право подозреваемых и обвиняемых на информацию – камеры не были обеспечены средствами радиовещания, от-

существовали газеты, журналы, книги, не было настольных игр (шашек, шахмат, домино). Камеры не оборудованы столами, бачками для питьевой воды, вешалками для одежды.

В ИВС УВД г. Владимира с 28 августа по декабрь 2005 г. подозреваемые и обвиняемые не имели возможности мыться в душе в связи с его ремонтом.

Подозреваемые и обвиняемые, содержащиеся в ИВС Гороховецкого РОВД, вообще не имели возможности мыться в душе, были лишены ежедневной прогулки, так как ИВС не оборудован душевой кабиной и специальным прогулочным двором. Искусственное освещение (дневное, ночное) было недостаточным.

Нормы санитарной площади в размере 4 м² на одного подозреваемого, обвиняемого не соблюдались.

Например, в ИВС Вязниковского ОВД в июне 2005 г. в некоторых камерах площадью 17,3 м² содержалось по 8 человек.

Санитарно-пропускные пункты ИВС УВД г. Владимира, Собинского ОВД не обеспечивались необходимыми инвентарем и средствами дезинфекции. В ИВС Гороховецкого РОВД из-за отсутствия санитарно-пропускного пункта не проводилась санитарная обработка заключенных под стражу. Все это способствовало росту уровня заболеваемости педикулезом и чесоткой.

Не соблюдались требования Федерального закона о пожарной безопасности зданий, оборудовании помещений ИВС автоматическими установками пожаротушения и автоматической пожарной сигнализацией. Часть имеющихся огнетушителей устарели.

Согласно ст. 40 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» за нарушение режима содержания предусматривалось водворение в карцер. Однако они не были созданы в ИВС УВД г. Владимира, Гороховецкого ОВД и др.

Не в полной мере соблюдались требования ст. 13 указанного закона о переводе подозреваемых и обвиняемых из следственных изоляторов в ИВС на время выполнения следственных действий и судебного процесса, но не более чем на десять суток.

Также не в полном объеме соблюдались требования ст. 33 данного Федерального закона и п. 2.15 Правил о раздельном раз-

мещении разных категорий подозреваемых и обвиняемых в камерах.

Аналогичные нарушения закона выявлены в ходе прокурорских проверок практически во всех ИВС ОВД области.

За 2005 г. в прокуратуру области поступило 30 жалоб от заключенных под стражу, содержащихся в ИВС. Из их числа 50 % – жалобы по вопросам ненадлежащего материально-бытового обеспечения в ИВС (Собинский, Кольчугинский, Суздальский, Юрьев-Польский, Гусь-Хрустальный РОВД и ИВС УВД г. Вязники).

Органами прокуратуры области в 2005 г. начальникам РОВД области внесено 29 представлений, принесен один протест, внесено одно предостережение.

Для комплексного решения указанной проблемы Управлением внутренних дел была разработана программа строительства и реконструкции ИВС и План первоочередных мероприятий по приведению условий содержания подозреваемых и обвиняемых в ИВС ОВД в соответствие с требованиями Федерального закона. В ноябре 2005 г. в МВД России направлены предложения по строительству и реконструкции ИВС, их капитальному и текущему ремонту для внесения в ведомственную целевую программу на 2008–2011 гг.

В настоящее время в результате принятых мер в ряде ИВС ОВД некоторые нарушения устранены.

Так, в ИВС УВД г. Владимира во всех камерах сделаны деревянные полы, установлены столы, в камеры выдаются матрацы и одеяла, завершен ремонт санпропускника, заключенные под стражу проходят санитарную обработку. Под карцер оборудована камера № 16. Для содержания больных туберкулезом отведена камера № 17.

В ИВС Селивановского РОВД камеры № 2–4 оборудованы кроватями, столами, радиодинамиками, урнами для мусора, санитарными узлами с водопроводной водой, ведутся работы по обеспечению камер бытовым оборудованием, приобретены постельные принадлежности.

В ИВС УВД г. Коврова ведется косметический ремонт камер.

В ИВС Камешковского РОВД установлен электроводонагреватель, отремонтирован туалет, камера № 1 оборудована инди-

видуальными спальными местами, приобретено 10 комплектов постельного белья. На 2009 г. запланирован капитальный ремонт ИВС.

В ИВС Судогодского РОВД проведен косметический ремонт, в камеры проведено новое галогеновое освещение, приобретено постельное белье, в каждой камере установлены радиодинамики и унитазы.

В Суздальском РОВД заканчивается реконструкция здания, ввод в эксплуатацию ИВС планируется во втором квартале 2006 г.

Проведен капитальный ремонт ИВС УВД г. Вязники. Все камеры оборудованы индивидуальными спальными местами, средствами радиовещания.

Однако проблемными остаются вопросы создания в помещениях судов области условий для содержания заключенных под стражу, а также условий для приема пищи.

Согласно Своду правил по проектированию и строительству СП 31-104-2000 «Здания судов общей юрисдикции» (утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 2 декабря 1999 г. № 154), камеры для подсудимых предусматриваются из расчета 3 камеры на каждый зал судебных заседаний для рассмотрения уголовных дел. Площадь каждой камеры – 4 м². По заданию на конвоирование число камер может быть увеличено для обеспечения раздельного размещения мужчин и женщин, взрослых и несовершеннолетних, а также изолированного содержания лиц, которым запрещено общение между собой.

Проверкой, проведенной в областном суде, установлено, что в нем на пять залов судебных заседаний имеются три камеры для содержания подсудимых. Размер камер № 1, 2 – 2,9 м², № 3 – 4,7 м².

Таким образом, условия в помещениях для подсудимых не в полной мере соответствует Российскому законодательству и международным стандартам. Кроме того, отсутствуют надлежащие условия для приема пищи.

Практически почти во всех судах области помещения для подсудимых и конвоя не в полной мере отвечают требованиям Федерального закона «О противопожарной безопасности», «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении

преступлений», а также подзаконным нормативным правовым актам об охране и конвоировании заключенных под стражу.

В соответствии с п. 9 ст. 17 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» подозреваемые и обвиняемые имеют право получать бесплатное питание, материально-бытовое и медико-санитарное обеспечение, в том числе в период участия их в следственных действиях и судебных заседаниях.

Порядок организации питания при обеспечении участия подозреваемых и обвиняемых в следственных действиях и судебных заседаниях частично определен Правилами внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (утв. Приказом Министерства юстиции РФ от 14 октября 2005 г. № 189), и Правилами внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел (утв. Приказом МВД РФ от 22 ноября 2005 г. № 950).

Согласно пп. 161, 152 данных Правил подозреваемые или обвиняемые перед отправкой для участия в следственных действиях за пределами СИЗО или в судебных заседаниях должны получить горячее питание по установленным нормам. В случае невозможности обеспечения горячим питанием указанные лица обеспечиваются сухим пайком.

Эти нормы индивидуального рациона питания для осужденных к лишению свободы, а также для подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений при их этапировании, нахождении в судах установлены приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 2 августа 2005 г. № 125. По данным нормам указанных лиц обеспечивают горячим питанием в случае, когда приготовление пищи из продуктов основных норм питания невозможно.

При анализе федерального законодательства, ведомственных нормативных правовых актов установлено, что не определен порядок и организация питания подсудимых при их нахождении непосредственно в судах.

Данный вопрос требует дополнительного нормативного правового регулирования.

В связи с указанным Положением по соблюдению прав заключенных под стражу 22 марта 2006 г. проведено Координационное совещание руководителей правоохранительных органов области, на котором рассмотрен вопрос о соблюдении порядка и условий содержания заключенных под стражу в СИЗО, ИВС, конвойных помещениях судов области; состоянии охраны и их конвоировании. По результатам состоявшегося обсуждения прокуратурой области проинформированы губернатор области, руководители областного суда, Судебного департамента при Верховном суде РФ во Владимирской области, Управления Федеральной службы судебных приставов по Владимирской области.

Во Владимирской области существует два СИЗО с лимитом наполнения 646 мест: ФГУ ИЗ-33/1 (г. Владимир) с лимитом наполнения 507 человек, ФГУ ИЗ-33/2 (г. Александров) с лимитом наполнения 139 человек.

В настоящее время обстановка в СИЗО области продолжает оставаться сложной вследствие их перенаполнения. Общее число заключенных под стражу, содержащихся в СИЗО области, на 1 апреля 2006 г. сверх лимита составляло 257 человек. На одного человека в СИЗО приходится 3,2 м² при установленной норме 4 м².

Также установлены серьезные нарушения прав лиц, содержащихся в СИЗО. Заключенным под стражу, содержащимся в СИЗО, не хватает спальных мест, постельных принадлежностей, они не обеспечены предусмотренной законодательством нормой жилой площади в размере 4 м² на одного человека. Не все камеры обеспечены средствами радиовещания, ночным освещением, вентиляционным оборудованием. Бытовые условия не отвечают требованиям гигиены, санитарии, пожарной безопасности.

Условия содержания осужденных и подозреваемых в СИЗО, по мнению содержащихся в них лиц, а также их адвокатов и родственников, унижают человеческое достоинство, причиняют физические и нравственные страдания, нарушают права человека на охрану здоровья и личную безопасность.

Министерством юстиции РФ, ФСИН России, Генеральной прокуратурой РФ принимаются меры к гуманизации условий содержания подозреваемых и обвиняемых в СИЗО. Приказом Министерства юстиции

РФ от 14 октября 2005 г. № 189 по согласованию с Генеральной прокуратурой РФ утверждены новые Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы.

В них предусмотрено улучшение материально-бытовых условий подозреваемых и обвиняемых, определен перечень оборудования камер для содержания женщин с детьми. Запрещена продажа табачных изделий лицам, не достигшим 18-летнего возраста. Установлен порядок предоставления свиданий с защитником, в течение суток дается ответ на устные заявления подозреваемых и обвиняемых, а на письменные жалобы в адрес администрации – в течение 10 суток).

Введен новый раздел указанных Правил, которым определен порядок предоставления подозреваемым и обвиняемым платных телефонных разговоров с родственниками и иными лицами.

Прокурорами на местах, руководителями других правоохранительных органов в 2005 г. приняты меры к улучшению положения дел по соблюдению сроков содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Требования УПК РФ, Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», приказа Генерального прокурора РФ «Об усилении прокурорского надзора за соблюдением прав граждан в уголовном судопроизводстве» от 13 ноября 2000 г. № 141, касающиеся содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей, в основном выполняются.

В 2005 г. выявлен лишь один факт несвоевременного поступления из следственных органов в СИЗО документов, подтверждающих законность содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

В системе государственных органов, призванных обеспечить выполнение задач по борьбе с преступностью, важная роль отводится исправительным учреждениям (ИУ).

На территории Владимирской области дислоцируется 15 учреждений, в которых в настоящее время содержится 11 375 человек (на 1 апреля 2005 г. содержалось 10 863, +512 человек).

В ходе проверок особое внимание обращено на соблюдение конституционных прав

лиц, содержащихся в ИУ, соблюдение требований законов о пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологическом благополучии осужденных, охране их труда, исполнение требований закона о режиме содержания, материально-бытовом и медико-санитарном обеспечении, профилактике преступлений.

Более того, для более качественного проведения проверок привлекались специалисты органов государственного контроля: Государственной инспекции труда, Роспотребнадзора, Государственного пожарного надзора по Владимирской области, Департамента здравоохранения области.

Установлено, что в некоторых учреждениях режим содержания не в полной мере соответствует требованиям ст. 82 УИК РФ об охране и изоляции осужденных, постоянном надзоре за ними.

Так, в прошлом и текущем годах осужденным передавались мобильные телефоны.

В некоторых учреждениях в нарушение требований ст. 115–117 УИК РФ при водворении осужденных в СИЗО сотрудники колоний не на должном уровне выполняли требования закона о полном, всестороннем и объективном исследовании обстоятельств нарушения, установленного порядка отбывания наказания, не принимали необходимых мер к сбору доказательств, подтверждающих факты нарушений. Как правило, в материалах содержится один–два рапорта сотрудника учреждений и заключение медицинского работника.

В постановлениях некоторых начальников учреждений не всегда указывается конкретное нарушение, допущенное осужденным, не дается ему правильной правовой оценки со ссылкой на УИК РФ и Правила внутреннего распорядка ИУ и СИЗО.

Указанные нарушения выявлены в ЛИУ-8, СИЗО-2 г. Александров, ФГУ Т-1 г. Покров.

Во многих учреждениях в ходе проверок установлены серьезные нарушения требований законодательства о пожарной безопасности, об охране труда, санитарно-эпидемиологическом благополучии населения.

Так, помещения ЛИУ-8, ФГУ Т-1 не обеспечены автоматической противопожарной сигнализацией, а также первичными средствами пожаротушения.

Не проводится обязательное обучение всех структурных подразделений и специалистов указанных учреждений по охране

труда. Отсутствуют программы обучения специалистов. Не разработан перечень профессий и видов работ, при выполнении которых предъявляются повышенные требования безопасности труда.

Допуск осужденных к самостоятельной работе осуществляется без стажировки и без проверки теоретических знаний и приобретенных навыков безопасных способов работ.

За 2005 г. органами прокуратуры Владимирской области в исправительных учреждениях, СИЗО и уголовно-исполнительной инспекциях проведено 274 проверки, по результатам которых внесено 164 представления, заявлено 9 протестов, привлечено к дисциплинарной ответственности 59 человек. Кроме того, меры материального ограничения применены в отношении 16 человек.

За 2006 г. органами прокуратуры области проведено 32 проверки. По их результатам внесено 27 представлений, в том числе 3 лично прокурором области. Заявлено 7 протестов, которые были удовлетворены. К дисциплинарной ответственности привлечено 26 человек, а к мерам ограничения – 5 человек.

Принятые меры в определенной степени способствовали укреплению законности в уголовно-исполнительной системе области. Не допущено массовых чрезвычайных происшествий, групповых конфликтных ситуаций. По сравнению с 2004 г. преступность в 2005 г. снизилась с 12 до 10 преступлений. В 2006 г. совершено одно преступление осужденным, отбывающим наказание в колонии-поселении № 9.

С учетом складывающейся оперативной обстановки в ИУ и СИЗО в целях повышения эффективности надзора прокуратурой области определены и реализуются следующие приоритетные направления: соблюдение конституционных прав граждан, содержащихся в СИЗО и ИУ; исполнение требований закона о режиме содержания, материально-бытовом и медико-санитарном обеспечении осужденных и заключенных; об охране труда, технике безопасности и санитарно-эпидемиологическом благополучии лиц; их трудоустройстве; получении осужденными основного общего и среднего (полного) образования, а также начального профессионального образования и профессиональной подготовки; проведении воспитательной работы с осужденными и профилактике правонарушений.

Л. С. Аладына,
*доцент кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук

ПРИЧИНЫ ПРОВЕДЕНИЯ ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМЫ 1879 г. и ЕЕ ИТОГИ

Либеральные реформы второй половины XIX в. положили начало коренным изменениям в государственной политике России, в том числе в уголовно-исполнительной сфере. Ликвидация крепостного права и крестьянская реформа привели к необходимости модификации правового статуса личности в государственной системе. Попытка введения бессословного суда, земская и городская реформы, основанные на избирательном праве, ограниченном, главным образом, имущественным цензом, – все это оказало влияние на общественное сознание и государственную политику в отношении правового статуса заключенных, систему наказаний и в целом уголовно-исполнительную систему (УИС).

К 60-м гг. XIX в. центральным органом управления местами заключения был Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел, в ведение которого не входили некоторые места заключения гражданского ведомства, такие как Нерчинские каторжные тюрьмы, относившиеся до конца 1860-х гг. к горному ведомству, и ряд этапных тюрем, принадлежащие ведомству путей сообщения. На местах управление местами заключения осуществлялось губернскими правлениями и тюремными комитетами Общества попечительного о тюрьмах. При этом фактически отсутствовала инспекция тюремных учреждений. По оценке современников управление пенитенциарными учреждениями во второй половине XIX в. характеризуется крайней бессистемностью: «Эта бессистемность заключается в том, что у нас в виде отдельных проблесков в разных местах заключения встречаются обрывки разных тюремных систем, но сколько-нибудь широко и полно не проводится ни одной. Эта бессистемность тюремного дела в России и составляет тот коренной недостаток, который

по возможности и в скорейшем времени должен быть устранен»¹.

Места заключения представляли следующую картину: обычное тюремное учреждение состояло из коридоров, в которые выходят по несколько общих камер, двери которых деревянные, железные либо решетчатые. Некоторые камеры были рассчитаны на сравнительно небольшое количество заключенных – 10–20 человек; другие – на 25–70 и более. При распределении арестанты размещались по камерам чаще всего без какого-либо определенного порядка или по внешним признакам. Профессор С. В. Познышев, выступавший противником системы общего заключения, отмечал, что «господствующий у нас способ размещения арестантов не есть какая-либо тюремная система, а знаменует отсутствие системы, дореформенное, хаотичное состояние тюремного дела со всеми его печальными последствиями. Благодаря ему у нас искони арестанты сплываются в группы со своими обычаями и традициями, очень грубеют и быстро деморализуют всякого новичка... Противоестественные пороки, физическое насилие, воровство, атмосфера вечной циничной брани и самых циничных разговоров, распространение различных болезней и многое другое в изобилии проявляются в жизни каждой нашей тюрьмы»².

С целью проведения коренных преобразований в уголовно-исполнительной сфере правительство провело сбор материалов о положении в местах заключения разных губерний Российской империи. Результатом данной деятельности стали Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России, изданные Министерством внутренних дел в 1865 г. Сведения, поступившие от губернаторов и других уполномоченных лиц, выявили проблемы УИС. Так, о тюрьмах Бессарабской губернии поступили следующие отзывы: «Достаточно только войти в них, чтобы прийти в ужас от сырости и гнилого воздуха, от полнейшей праздности заключенных, от совершенного отсутствия всего, чем только может обу-

¹ Познышев С. В. Очерки тюремоведения. М., 1915. С. 129–130.

² Там же. С. 131.

словливаться столь желаемое законом нравственное преобразование арестантов. Не только нет нигде никаких мастерских, но даже перестали брать арестантов для очистки улиц, по недостатку для того военного конвоя; а в большей части тюремных замков, даже имеющих возможность достать что-либо для чтения, не дают ничего, кроме духовных книг, да и этих не дают простолюдинам из опасения, что листы книги пойдут на папиросы. Нравственный уровень арестантов чрезвычайно низок, и чиновники, на обязанности которых лежит следствие, единогласно утверждают, что и хорошему человеку достаточно пробыть три дня в остроге, чтобы окончательно испортиться... При такой обстановке неудивительно, почему даже в общежитии наши остроги называют «школами разврата»; очевидно, ничем иным они и быть не могли»¹.

Руководство Владимирской губернии указывало на проблему совместного содержания преступников без разделения по тяжести преступления: «В уездной тюрьме убийца, грабитель и обыкновенный вор, подсудимый и следственный содержатся вместе, в одной камере; результатом является полное, стороннее изучение арестантами способов совершать всевозможные преступления; и, наконец, арестант, человек еще мало испорченный и даже не преступник, просидев несколько времени в тюрьме, выходит на свободу с огромным запасом острожных познаний»².

Таким образом, официально признавался тот факт, что «тюрьмы сделались не местами исправления, но рассадниками преступлений»³. В материальном отношении пенитенциарные учреждения также не выдерживали критики, так как повсеместным явлением были ветхость зданий, антисанитарные условия и крайняя теснота помещений. По признанию руководства Киевской губернии, «тюрьмы совершенно негодны к содержанию арестантов»⁴. Московские тюрьмы были «вообще неудовлетворитель-

ны. Причины этого довольно сложны. Они заключаются отчасти в ветхости зданий, отчасти в тесноте и неудобстве помещений, больше всего в различии современного взгляда на заключение со взглядом прежнего времени...»⁵.

Отмечалась также проблема занятости заключенных: «Главное препятствие по введению работ в тюрьмах есть теснота помещений. Действительно, из 500 или 600 арестантов, содержащихся в московском тюремном замке, только едва 50 человек имеют место для работы»⁶. Относительно положения в Санкт-Петербургской губернии отмечалось, что в ней «нет ни одной тюрьмы, которая бы соответствовала по своему помещению числу содержащихся в ней арестантов, так что последних почти везде содержится вдвое более против того числа, которое может вместить в себя тюрьма по кубическому содержанию в ней воздуха»⁷.

Накануне тюремной реформы второй половины 1870-х гг. проблему состояния мест заключений исследовали пенитенциаристы, заинтересованные в ходе реформирования УИС. Ими отмечалось, что «часть тюрем была устроена в наемных домах, дурно или совсем не приспособленных к размещению арестантов, или же в казенных зданиях, сооруженных для иных потребностей; даже специальные тюремные здания в большинстве своем отличались ветхостью, сыростью, недостатком света и воздуха, неудобством внутреннего устройства помещений, отвратительным состоянием отхожих мест... Некоторые здания, в буквальном смысле слова, представляли картину разрушений; в других не доставало наружных оград, кухонь, пекарен, бань, прачечных, сушилен, цейхгаузов, погребов и кладовых»⁸. Практически повсеместным явлением было отсутствие помещений для мастерских. Переполнение тюремных помещений приводило к нарушению санитарных норм и режима содержания заключенных, так как «теснота помещений не позволяла держать камеры запертыми днем, вследст-

¹ Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России. Спб., 1865. С.18–19.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 154.

⁴ Там же. С. 159.

⁵ Там же. С. 237.

⁶ Там же. С. 239.

⁷ Там же. С. 486–487.

⁸ Познышев С. В. Указ. соч. С. 19.

вие чего было скопление арестантов в тюремных коридорах и постоянное брожение по тюрьме... Ко всему этому присоединяется легкость побегов»¹. Также отмечалось отсутствие во многих тюрьмах женских отделений и квартир для тюремного персонала. Что касается персонала пенитенциарных учреждений, то отмечается факт несоответствия их труда и его оплаты: «Персонал тюремных смотрителей при скудости присвоенного им содержания не мог представлять тех нравственных гарантий, которыми оправдывалось бы подобное расширение круга их служебных прав и полномочий... Сверх того, в громадном большинстве мест заключения смотритель являлся единственным начальствующим лицом и, не имея помощников, должен был нести на себе заботы по всем частям тюремного управления и хозяйства»².

Особого внимания заслуживала проблема кадров для пенитенциарной системы. По оценке современников, «тюремные смотрители, со своей стороны, не только ничем не заинтересованы блюсти за нравственным улучшением доверенных им людей, но большею частью не способны даже к этой роли: ничтожное жалованье их (185 руб. в год, считая тут же и канцелярские расходы), не обеспечивая даже жизненных потребностей человека, естественно, заставляет все помышления обращать к тому, каким бы образом выгадать что-нибудь из арестантских ассигновок»³.

Таким образом, накануне тюремной реформы 1879 г. перед пенитенциарными учреждениями Российской империи стояли следующие проблемы:

- отсутствие органа центрального управления УИС и, как следствие, отсутствие единой пенитенциарной системы как инструмента проведения уголовно-исполнительной политики;
- отсутствие неразрывной и четкой связи между центральными и местными органами управления пенитенциарными учреждениями;

– недостаточное финансирование и, как следствие, слабая материальная база пенитенциарных учреждений;

– неудовлетворительное состояние тюремных зданий; недостаток тюремных помещений, ведущий к переполнению тюрем;

– антисанитарные условия в тюремных помещениях; неудовлетворительные бытовые условия заключенных;

– проблема кадров персонала пенитенциарных учреждений;

– недостаточная правовая база, регулирующая порядок и условия исполнения наказаний.

В связи с этим с начала 60-х гг. XIX в. правительством велась работа над проектами по реформированию УИС. В 1862 г. при Министерстве внутренних дел была учреждена Особая комиссия под руководством министра юстиции К. И. Палена, основной целью которой были исследование и общая разработка тюремного вопроса. В состав Комиссии вошли представители Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и других ведомств.

В целом в период с начала 1860-х до 1879 г. была проделана большая работа по выработке различных проектов по реформированию УИС России. Каждая комиссия внесла свой вклад в последующее переустройство пенитенциарного дела, рассматривая в своих проектах различные стороны тюремного вопроса.

Тюремная реформа России конца 1870-х гг. была обусловлена целым рядом социально-исторических факторов, основным из которых стало изменение социально-экономических отношений вследствие либеральных реформ второй половины XIX в.

Первоочередной задачей уголовно-исполнительной политики Российского государства было создание единой четкой системы управления местами заключения, организация и совершенствование государственных структур УИС, организация четкого взаимодействия между центральным управлением и пенитенциарными учреждениями на местах. В этих целях в 1879 г. в составе Министерства внутренних дел было образовано Главное тюремное управление как высший контролирующий и распо-

¹ Познышев С. В. Указ. соч. С. 19.

² Там же. С. 20.

³ Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России. С. 51.

рядительный орган, в компетенцию которого входило центральное руководство УИС Российского государства. Первым начальником Главного тюремного управления стал известный пенитенциарист-реформатор М. Н. Галкин-Враский, занимавший эту должность до 1895 г.

При формировании государственных структур по управлению УИС большое значение имело учреждение Тюремной инспекции в составе Главного тюремного управления. Данный институт являлся не только совершенно новым для России, но и «не имеющим аналогов в зарубежной тюремной практике»¹. Деятельность Тюремной инспекции регламентировалась Временными правилами для первоначального руководства тюремным инспекторам во время командировок с целью осмотра и ревизии учреждений, входящих в состав карательной системы, утвержденными Министерством внутренних дел в июне 1879 г. В соответствии с Правилами в компетенцию тюремных инспекторов входили: сбор различных сведений на местах в тюремных учреждениях и местных управленческих структурах в отношении пенитенциарного дела; проведение ревизий тюремного хозяйства, делопроизводства в канцеляриях мест заключения и ссылки, а также условий и порядка содержания заключенных.

На местном уровне деятельность по контролю за местами заключения осуществляли губернские тюремные инспекции, в состав которых входили чиновники из Главного тюремного управления, Судебного ведомства и прокурорского надзора.

Губернский инспектор обладал широким кругом полномочий и наделялся значительной дисциплинарной властью, в частности, в его компетенции были: контроль и надзор за деятельностью местных пенитенциарных учреждений; руководство местной тюремной администрацией; возбуждение ходатайств перед Главным тюремным управлением об удовлетворении нужд местных тюрем; обобщение тюрем-

ной практики и представление отчетов в Главное тюремное управление. Тюремная инспекция обеспечивала неразрывную связь между центральной и местной властью, а также четкий контроль над пенитенциарными учреждениями на местах со стороны центральной власти – Главного тюремного управления.

Одним из значимых этапов проведения уголовно-исполнительной политики Российского государства в пореформенный период явилась передача системы мест заключения из ведения Министерства внутренних дел в систему Министерства юстиции. Следует отметить, что места заключения России традиционно находились в ведении силовых ведомств – Министерства внутренних дел, Министерства полиции, тогда как Министерство юстиции практически не имело отношения к российской УИС. В этом отношении реформаторы исходили из западноевропейского опыта. Поэтому факт передачи Главного тюремного управления в ведение Министерства юстиции оценивался современниками неоднозначно. Официально передача Главного тюремного управления из состава Министерства внутренних дел в ведомство Министерства юстиции состоялось в декабре 1895 г. Для подготовки законодательной базы по устройству тюремной части в Министерстве юстиции была учреждена Особая комиссия под председательством сенатора Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената тайного советника профессора права Н. С. Таганцева, в состав которой вошли представители губернских тюремных инспекций. Сохранив круг полномочий Главного тюремного управления, авторы проекта попытались изменить систему местного управления местами заключения. Однако из-за больших финансовых затрат проект Комиссии под руководством Н. С. Таганцева не был реализован, и Главное тюремное управление продолжало функционировать в системе Министерства юстиции на основе принципов, выработанных в результате реформы 1879 г.

¹ Детков М. Г. Тюрьмы, лагерь и колонии России. М., 1999. С. 56.

М. И. Алексеева,
*начальник кафедры гуманитарных
дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогический наук, доцент*

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРАВА ОСУЖДЕННЫХ»

Процессы реформирования пенитенциарной системы России актуализировали проблемы защиты гражданских прав, законных интересов и безопасности осужденных, создания соответствующих международным нормам условий отбывания наказаний в местах лишения свободы.

Преобразования правовой сферы прежде всего выразились в гуманизации уголовной политики, приведении российского уголовно-исполнительного законодательства в соответствие с международно-правовыми актами, относящимися к исполнению наказаний и обращению с осужденными.

Основными идеями пенитенциарной политики современного Российского государства являются: незыблемость основных прав и свобод человека и гражданина; приоритет цели исправления при исполнении наказаний; системность и преемственность исправительного воздействия; включение осужденных в активную общественно полезную деятельность; опора на положительные качества личности; сохранение, упрочение и восстановление социально полезных связей осужденных, участия общественности в делах уголовно-исполнительной системы (УИС) и др.

Важно подчеркнуть, что основные принципы деятельности сотрудников УИС сформулированы в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (УИК РФ). Закрепление принципов в УИК РФ отражает социально-экономические, нравственные и правовые закономерности развития общества, отношение государства к преступлению и наказанию, а также к международным нормам, определяющим стандарты обращения с осужденными. В своей совокупности они определяют идейное содержание и нравственный уровень законодательства¹. Отметим лишь некоторые из этих принципов: за-

конность; гуманизм; демократизм; равенство осужденных перед законом; рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения (ст. 8 УИК РФ).

Основной целью деятельности пенитенциарных учреждений в соответствии с УИК РФ является исправление осужденных, которое достигается за счет решения таких задач, как определение средств исправления осужденных, охрана их прав, свобод и законных интересов, а также оказание им помощи в социальной адаптации (ст. 1 УИК РФ). В связи с этим первостепенным направлением деятельности УИС сегодня является создание условий и порядка исполнения наказаний, обеспечивающих соблюдение прав и законных интересов осужденных, направленность средств исправления на формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование их правопослушного поведения (ч. 1 ст. 9 УИК РФ).

Следование законодательным актам, определяющим отношение государства, общества и самого сотрудника пенитенциарной службы к правонарушителям, осужденным, и есть проявление гуманизации системы исполнения уголовных наказаний. Безусловно, практика применения уголовно-исполнительного законодательства должна основываться на строгом соблюдении гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными. Другими словами, следует отказаться от неоправданно грубых, недопустимых, необоснованных посягательств, лишений и страданий, причиняемых осужденным, и верить в возможность их исправления. В прямой связи с принципом гуманизма находится право осужденных на охрану здоровья, личную безопасность и обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания. Опыт свидетельствует, что неоправданная жестокость, проявляемая к осужденным, нарушение их прав поднимают потенциал жестокости всего общества. Стоящие перед пенитенциарными учреждениями задачи невозможно решить только посредством усиления карательных мер и ограничений.

Гуманизм служит укреплению законности и правопорядка, установлению разумных требований режима в местах лишения

¹ См.: Комментарии к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными / Под общ. ред. П. Г. Мищенко. М., 1997.

свободы. Практика свидетельствует, что отдельные серьезные нарушения режима отбывания наказаний осужденными, и особенно такие, как массовые беспорядки, нередко связаны с незаконными действиями со стороны работников исправительных учреждений (ИУ), выражающимися в проявлении грубости, рукоприкладства, установлении незаконных связей, злоупотреблении служебным положением, использовании труда осужденных в личных целях, превышении властных полномочий, ущемлении прав и интересов осужденных, незаконном применении наручников, нарушении порядка трудового использования осужденных, отдыха и оплаты труда.

Гуманистическое содержание законности состоит в следующем: не допускать в своей деятельности случаев невнимательного отношения к осужденным, проявления бездушия к их личным проблемам, отступления от установленных правил общения с ними, беспринципности в оценке собственных поступков и действий подопечных, попустительства при нарушениях закона. Опыт показывает, что в тех ИУ, где встречаются подобного рода факты, у сотрудников и осужденных формируется чувство вседозволенности, беспредела, отрицания общенравственных ценностей. Данные тенденции являются недопустимыми.

Основополагающими документами, регулирующими должностные обязанности сотрудников УИС, выступают международные нормативные акты, касающиеся учреждений, исполняющих уголовные наказания, Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, УИК РФ и др.

Российская правовая политика базируется на бережном сохранении принципов гуманности, справедливости, уважения человеческого достоинства.

Так, ст. 2. гл. 1 Основного закона определяющая основы конституционного строя, гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Эта конституционная норма обязывает последовательно реализовывать идею гуманизма во всем законодательстве, начиная с самой Конституции РФ, и является ведущим принципом правоприменительной деятельности.

Правовому положению осужденных полностью посвящена гл. 2 УИК РФ. Вопросы прав и обязанностей осужденных, контроля органов государственной власти, органов местного самоуправления, суда, прокуратуры над деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, содержатся в ст. 11–22 УИК РФ. В Правила внутреннего распорядка ИУ также включены некоторые положения, расширяющие права осужденных. Часть 1 ст. 10 УИК РФ «Основы правового положения осужденных» конкретизирует ст. 17 Конституции РФ, гарантирующую права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, применительно к особенностям правового положения лиц, отбывающих уголовные наказания. Государство не только признает и уважает права, свободы и законные интересы осужденных, но и гарантирует возможность их осуществления¹.

Так, в соответствии с Концепцией воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы в качестве первоочередных выдвигаются следующие задачи:

- обеспечение приоритета общечеловеческих ценностей во всех аспектах проводимой с осужденными воспитательной работы;
- воспитание у сотрудников УИС уважительного и доброжелательного отношения к осужденным на основе принципов справедливости, гуманизма и партнерства².

Согласно данной Концепции под гуманизацией условий отбывания наказаний понимают следующее:

- обеспечение социально-правовой и социально-психологической защищенности осужденных, оказание им помощи и поддержки;
- создание необходимых материальных и социально-бытовых условий для сохранения и поддержания физического и психического здоровья осужденных, нейтрализации негативного влияния изоляции на

¹ См.: Комментарии к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными. С. 50.

² См.: Концепция воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний. М., 2001. С. 87.

эффективность проведения с ними воспитательной работы;

- расширение возможностей влияния на осужденных семьи и близких родственников посредством создания при ИУ общественных комитетов и иных формирований родственников осужденных;

- обеспечение условий для общения осужденных с представителями средств массовой информации, обсуждение проблем ИУ в местной печати, программах радио и телевидения;

- создание условий осужденным для удовлетворения их религиозных потребностей, духовных и моральных запросов, соблюдения положительных национальных традиций, обычаев и обрядов;

- обеспечение педагогически целесообразных условий для стимулирования позитивной самореализации и самоутверждения осужденных в различных видах деятельности, оказание им платных услуг, предусмотренных законом¹.

Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1² наделяет сотрудников УИС широкими полномочиями по применению мер принуждения. Нарушение указанных в данном законе предписаний означает нарушение конституционных прав осужденных. Использовать средства и методы деятельности, не адекватные реальным профессиональным задачам, рассчитывать на силу как главное средство осуществления служебных функций нельзя, так как это приведет к унижению чести и достоинства осужденных.

В соответствии с международными стандартами, обращение с лицами, находящимися в местах лишения свободы, должно основываться на соблюдении полного запрещения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания. Все задержанные имеют право на гуманное отношение и уважение присущего им человеческого достоинства. Однако в ИУ встре-

чаются работники, которые «не поспевают за процессом реформирования системы исполнения наказаний,.. им трудно перестраиваться, менять устоявшиеся взгляды,.. приспосабливаться к новым требованиям»³. Именно они в большинстве случаев неразумно и нередко преступно распоряжаются властными полномочиями, предоставленными им государством.

Общество и государство заинтересованы не только в обеспечении сохранности жизни и здоровья каждого осужденного, но и защите личности осужденного от негативного влияния преступной среды, создании в ИУ условий, способствующих стремлению осужденного порвать с преступным прошлым, стимулирующих его правопослушное поведение и исправление.

При исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с определенными ограничениями, соответствующими тяжести совершенного преступления и установленными уголовным, уголовно-исполнительным законодательством (никакие иные нормативные акты не могут их отменить).

Из всего многообразия прав осужденных, вытекающих из УИК РФ и Правил внутреннего распорядка ИУ, с гуманистической точки зрения наиболее значимыми являются:

- право на помилование;
- обжаловать приговор и последующие решения судов в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ;
- на свободу совести и вероисповедания;
- личную безопасность;
- обжаловать действия администрации вышестоящим начальникам, прокурору или в суд;
- направлять заявления, предложения и жалобы без ограничения и в любые органы и организации, в том числе неправительственные;
- получать юридическую помощь от уполномоченных на то лиц и иметь с ними свидания наедине;
- на вежливое обращение сотрудников ИУ.

Правильное, в соответствии с законом, применение и умелое использование ограни-

¹ См.: Концепция воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы. С. 89.

² См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316; СЗ РФ. 2002. № 52. Ст. 5132.

³ Калинин Ю.И. Только сильные люди могут делать эту работу // Преступление и наказание. 2004. № 3. С. 4.

чений прав осужденных создают реальные условия для успешной деятельности ИУ.

Данное положение отражено в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»¹.

Уголовно-правовые ограничения непосредственно относятся лишь к одному из рассматриваемых естественных прав — праву на свободу. Достоинство личности и личная неприкосновенность не являются объектами уголовного наказания. Права

человека на свободу, достоинство личности и личную неприкосновенность относятся к фундаментальным человеческим ценностям.

Однако эти блага при исполнении наказаний в виде лишения свободы в той или иной мере ущемляются. Допустимые границы данных ограничений — это нравственная проблема, чрезвычайно актуальная в настоящее время.

Нормативные указания не могут являться единственным гарантом выполнения сотрудником ИУ должностных обязанностей. Значительная роль здесь принадлежит гуманистическим убеждениям и ценностям сотрудника, определяющим результативность и качество профессиональной деятельности.

А. А. Ашин,
старший преподаватель
кафедры уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЯ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

Социально-экономические и социально-политические изменения, происходящие в России, отсутствие стабильности в основных сферах социальной жизни негативно отразились на подрастающем поколении: увеличилось число подростков, ведущих асоциальный образ жизни, страдающих токсикоманией, алкоголизмом и наркоманией, уклоняющихся от учебной и трудовой деятельности. Как результат — увеличение количества правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Уголовно-исполнительное законодательство не рассматривает несовершеннолетнего как особый субъект уголовно-правовых отношений, что, по нашему мнению, не соответствует правовому и социальному статусу несовершеннолетних. Основной формой реализации уголовной ответственности является наказание, т. е. совокупность правовых ограничений лица, совершившего преступление.

Применительно к данной категории лиц как особой социальной группе наказание должно заключаться прежде всего в обеспечении принудительного исполнения обязанностей. Это, в свою очередь, должно быть отражено в системе применяемых в отношении них видов наказаний.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) система наказаний для несовершеннолетних построена по «остаточному» принципу, в связи с этим в перечень ст. 88 УК РФ вошли отдельные общеуголовные наказания, не отражающие социально-правовой специфики несовершеннолетних как субъектов уголовно-правовых отношений. Многочисленные условия, оговорки, исключения в применении перечисленных в названной статье наказаний не восполняют пробелов в правовых отношениях между государством и личностью несовершеннолетнего, а также не способствуют повышению эффективности реализации уголовного законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних.

В настоящее время как показывает практика, едва ли не единственным наказанием, применяемым к несовершеннолетним, является лишение свободы, которое связано с возложением на них определенных прав и обязанностей, существенно изменяющих их правовой статус.

В ходе реформирования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства произошло изменение численности

¹ Конституция (Основной закон) Российской Федерации. М., 1999. С. 21.

несовершеннолетних осужденных, количества исправительных учреждений, функционирующих на территории Российской Федерации. Законом были упразднены воспитательные колонии усиленного режима, вследствие чего выявилась практическая потребность определить количественные и качественные характеристики несовершеннолетних, а также специфику правового положения несовершеннолетних, отбывающих наказания в воспитательных колониях.

Так, на 1 января 2007 г. на территории Российской Федерации функционировали 62 воспитательные колонии, три из которых предназначены для осужденных несовершеннолетних женского пола.

Однако воспитательные колонии имеются не во всех субъектах Российской Федерации. В ходе исследования было установлено, что в 35 регионах воспитательные колонии отсутствуют. В связи с этим несовершеннолетние осужденные направляются для отбывания наказаний в учреждения, расположенные в ближайших областях, вследствие чего они не могут в полном объеме реализовать свои права и законные интересы, регламентированные в уголовно-исполнительном законодательстве.

Согласно Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (УИК РФ) в воспитательных колониях устанавливаются обычные, облегченные, льготные и строгие условия отбывания наказаний, которые влияют на объем прав несовершеннолетних.

Положительными, по нашему мнению, являются изменения, внесенные в уголовно-исполнительное законодательство Федеральным законом Российской Федерации «О приведении УИК РФ и других нормативно-правовых актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» от 8 декабря 2003 г. Так, если подозреваемый и обвиняемый в период пребывания в следственном изоляторе не допустил нарушений установленного порядка содержания под стражей, за которые к нему применялась мера взыскания в виде водворения в карцер, срок нахождения в обычных условиях исчисляется со дня заключения его под стражу. Следовательно, ускорится процесс перевода несовершеннолетних из обычных условий в облегченные, т. е. увеличится

объем прав несовершеннолетних, находящихся в воспитательной колонии.

Согласно УИК РФ несовершеннолетние осужденные, отбывающие наказания в обычных условиях и проживая в общежитиях, имеют право каждый месяц расходовать денежные средства в размере 5 минимальных размеров оплаты труда (МРОТ), имеющиеся на их лицевых счетах, на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости. Также они имеют право на 8 краткосрочных и 4 длительных свидания в течение года.

Если в отношении несовершеннолетнего не применялись взыскания за нарушения установленного порядка отбывания наказания и он добросовестно относился к учебному процессу и трудовой деятельности, то он может быть переведен из обычных условий отбывания наказания в облегченные. Закон предоставляет данной категории осужденных возможность каждый месяц расходовать денежные средства в размере 7 МРОТ, имеющиеся на их лицевых счетах, на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости. Несовершеннолетние имеют право на 12 краткосрочных и 4 длительных свидания в течение года. Особо следует подчеркнуть, что по решению администрации воспитательной колонии несовершеннолетним может быть предоставлено право проводить длительные свидания за пределами исправительного учреждения.

В свою очередь, несовершеннолетние, отбывающие наказания в обычных условиях и признанные злостными нарушителями режима отбывания наказаний, переводятся в строгие условия, а осужденные, отбывающие наказания в облегченных условиях, соответственно – в обычные. Следует отметить, что перевод несовершеннолетнего из одних условий в другие является прерогативой начальника учреждения и осуществляется по представлению учебно-воспитательного совета колонии.

В соответствии с внесенными изменениями в уголовно-исполнительное законодательство в случае несогласия осужденного с переводом в строгие условия отбывания наказания он вправе обжаловать решение о переводе.

В последнее время количество несовершеннолетних, содержащихся в строгих условиях, увеличивается. Так, согласно исследованию, проведенному А. С. Михлиным, на льготных условиях находятся всего 4,6 % осужденных¹. Следовательно, наблюдается рост числа злостных нарушений порядка отбывания наказаний.

В свою очередь, А. И. Чучаев и Е. Р. Абдрахманова указывают, что правонарушения, совершаемые в местах лишения свободы, посягают на деятельность исправительных учреждений по осуществлению их функций. По истечении срока лишения свободы нарушители режима подлежат освобождению, хотя очевидно, что цели наказания в полном объеме не реализованы. Данные лица представляют повышенную опасность для общества, являются своеобразным резервом рецидивной преступности².

За нарушение установленного законом порядка отбывания наказаний к осужденным могут применяться различные меры взыскания. В 83,6 % случаев в отношении несовершеннолетних, впервые нарушивших порядок отбывания наказаний, был объявлен выговор; в 56,9 % – наряду с выговором применялся запрет на просмотр кинофильмов в течение определенного времени.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации «О приведении УИК РФ и других нормативно-правовых актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» в настоящее время появилась возможность наложения взыскания в виде дисциплинарного штрафа. Однако практика реализации данной меры пока не сложилась.

При повторных нарушениях режима отбывания наказаний несовершеннолетний может быть водворен в дисциплинарный изолятор на срок до семи суток. Это самая суровая мера, так как осужденным запрещаются длительные свидания, телефонные разговоры, приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости,

получение посылок, передач и бандеролей, пользование настольными играми и курение. Хотя образовательный процесс в данном случае не прекращается.

Несовершеннолетние, находящиеся на строгих условиях, проживают в изолированных жилых помещениях, запираемых в свободное от учебы или работы время, и имеют возможность каждый месяц расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере 3 МРОТ, а также право на 6 краткосрочных свиданий в течение года. Данная категория осужденных не имеет права на длительные свидания.

С целью подготовки к освобождению осужденные, отбывающие наказания в облегченных условиях, переводятся на льготные. Они получают право расходовать без ограничения средства, имеющиеся на лицевых счетах, на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, а также возможность использовать 6 длительных свиданий в течение года с проживанием за пределами воспитательной колонии и краткосрочные свидания без ограничения их количества. Более того им предоставляется право по постановлению начальника воспитательной колонии проживать в общежитии за пределами исправительного учреждения без охраны, но под надзором администрации колонии, а также носить гражданскую одежду и пользоваться денежными средствами.

Значительная роль в процессе исполнения наказаний в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних отводится образовательному процессу. Лица, достигшие возраста 16 лет, могут обучаться заочно в образовательных учреждениях среднего и высшего профессионального образования. Следует сказать, что этим правом подростки пользуются достаточно активно. В последнее время увеличилось количество обучающихся по заочной форме за пределами колонии. Так, если в 2000 г. таких осужденных было 18 человек, то в 2001 г. их количество увеличилось на 45,5 % и составило более 25 человек, в 2002 г. – 35 человек, а в 2003 г. – 86 человек. В 2004 и 2005 гг. их количество увеличилось на

¹ См.: Характеристика осужденных к лишению свободы / Под ред. А. С. Михлина. М., 2001. С. 345.

² См.: Чучаев А. И., Абдрахманова Е. Р. Лишение свободы и проблемы его реализации. Ульяновск, 1996. С. 103.

38,1 %. Следует отметить, получение среднего специального или высшего образования способствует адаптации несовершеннолетних к жизни на свободе.

Таким образом, приоритетным направлением реформирования уголовно-исполнительной системы должно стать совер-

Ю. Г. Бубнова,

старший инспектор адъюнктуры

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ГРАЖДАН РСФСР НА ДОСТУП К ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

После Октябрьской революции и принятия 10 июля 1918 г. Конституции РСФСР, закрепившей советскую власть в центре и на местах, перед руководством Советского государства в лице НКВД и Главного управления милиции встал вопрос о закреплении правовых основ комплектования советской милиции как штатного государственного органа охраны общественного порядка, что нашло отражение в Инструкции по организации Советской рабоче-крестьянской милиции от 12 октября 1918 г.

Особое внимание в ней уделялось вопросам комплектования органов внутренних дел, которое проводилось с классовых позиций, причем основной акцент делался на обеспечение классово-однородного состава из представителей трудящихся.

По Инструкции от 12 октября 1918 г., право поступления на службу в милицию имели только трудящиеся, граждане РСФСР, достигшие 21 года, грамотные, пользовавшиеся активным и пассивным избирательным правом в Советы в соответствии с Конституцией РСФСР и признававшие советскую власть¹. Так, во Владимирской губернии в октябре 1918 г. на службе в милиции состояло 978 человек, из них крестьян – 540, рабочих – 135, фронтовиков – 303 человека². Под

шенствование деятельности органов, исполняющих наказания в виде лишения свободы в сфере реализации прав и законных интересов несовершеннолетних осужденных, так как это способствует достижению основной цели наказания – исправлению лиц, преступивших закон.

фронтовиками понимались бывшие солдаты русской армии, участвовавшие в мировой войне, либо демобилизованные, либо возвратившиеся из плена (Германии и Австро-Венгрии), которые до призыва в армию также были представителями рабочего класса и крестьянства. Например, в октябре 1918 г. в ряды юрьевской уездной милиции было принято 17 человек, причем все они происходили из крестьян, являлись «сельскими пролетариями» и фронтовиками³, во владимирскую уездно-городскую милицию было принято 7 человек, которые происходили из крестьян беднейшего класса⁴, в Переяславле из 33 милиционеров 11 происходило из крестьян, 22 – из рабочих и все они были фронтовиками⁵. В гусевской милиции в ноябре 1918 г. состояло 52 человека, которые все являлись фронтовиками⁶, в гороховецкой уездной милиции все 55 милиционеров, состоящие в штате, также были фронтовиками⁷. Руководство владимирской губернской милиции, исходя из положений распоряжений НКВД РСФСР, при наборе или вербовке в милицию всегда отдавало предпочтение бывшим солдатам старой армии: «... желательно принимать на службу в милицию бывших солдат и красноармейцев (вернувшихся из плена, уволенных вследствие ранений и т. п.)»⁸, справедливо полагая, что по сравнению с необученными военному делу и имеющими слабое представление о дисциплине рабочими и крестьянами, демобилизованные солдаты будут наиболее предпочтительны для прохождения службы в рядах Рабоче-крестьянской милиции.

³ См.: там же, л. 21.

⁴ См.: там же, л. 19.

⁵ См.: там же, л. 22.

⁶ См.: там же, л. 34.

⁷ См.: там же, л. 39.

⁸ Там же, д. 1, л. 187.

¹ См.: Инструкция по организации Советской рабоче-крестьянской милиции. М., 1918. Ст. 18.

² См.: ГАВО, ф. 310, оп. 1, д. 5, л. 3.

Несмотря на то, что само название милиции предполагало, что она будет стоять на страже интересов рабочего класса и крестьян и состоять из представителей этих классов, право на поступление в милицию реализовывалось ими весьма своеобразно. Представители рабочего класса даже в тех городах и уездах, которые считались промышленными и где располагалось значительное количество фабрик и заводов (Покровский, Александровский, Ковровский и т. д.), составляли в лучшем случае половину от общего числа милиционеров. Так, в ноябре 1918 г. во владимирскую губернскую милицию поступило на службу 85 рабочих, 76 крестьян, 124 фронтовика¹, в ковровской уездной милиции из 68 милиционеров насчитывалось 40 крестьян².

Подбор милицейских кадров осуществлялся не только по классовому, но и партийному признаку. На должности начальников уездных и городских управлений и их помощников могли назначаться также люди из рабочего класса и беднейшего крестьянства по рекомендации социалистических партий, профессиональных союзов и местных советов депутатов. Причем большинство руководителей уездных и городских милиций Владимирской губернии, как правило, являлись «коммунистами-большевиками», например, начальник переславской уездной милиции и его помощник были коммунистами³, членами партии большевиков являлись начальник гусевской милиции, меленковской уездной милиции, помощник начальника ковровской уездной милиции, начальник судогодской уездной милиции и его помощник, начальник милиции г. Киржач Покровского уезда и т. д.⁴ Однако рядовые милиционеры в большинстве своем относились либо к сочувствующим советской власти, либо «стояли на платформе советской власти». Так, при определении на должности волостных милиционеров Меленковского уезда 3 человека «заявили себя сочувствующими советской власти»⁵. В октябре 1918 г. из 17 ответст-

венных работников вязниковской уездной милиции 12 были беспартийными, но сочувствующими советской власти⁶, из 52 милиционеров гусевской милиции 27 являлись коммунистами, 7 – сочувствующими советской власти, 18 считались беспартийными⁷.

Кроме того, необходимо отметить, что в 1918 г. правом на поступление на службу в милицию обладали не только представители партии большевиков, но и других революционных партий. Так, начальник суздальской уездной милиции Д. И. Площаднов принадлежал к партии социалистов-революционеров-интернационалистов, а его помощник В. О. Дыбин был левым эсером⁸, старший милиционер юрьев-польской уездной милиции А. П. Аристов являлся сочувствующим левым социалистам-революционерам⁹.

Инструкция по организации Рабоче-крестьянской милиции 1918 г. устанавливала исчерпывающий перечень лиц, которые не имели права служить в органах охраны общественного порядка: «1) состоящие под следствием и судом по обвинению в преступных деяниях; 2) подвергшиеся по суду лишению и ограничению в правах или же осужденные за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в склад заведомо краденого... подлог, лихоимство, взяточничество, ростовщичество, спекуляцию, сокрытие предметов, подлежащих государственному учету и распределению; 3) все вообще лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; 4) все живущие на нетрудовой доход, как то проценты с капитала, поступления с имущества и т. д.; 5) все частные торговцы и торговые посредники; 6) служители различных культов; 7) служители и агенты бывших жандармских отделений и чины бывшей полиции, а также члены бывшего царствующего дома; 8) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными, глухонемыми и находящиеся под опекой»¹⁰. Однако на практике, в частности, во владимирской гу-

¹ См.: ГАВО, ф. 310, оп. 1, д. 5, л. 5 (об).

² См.: там же, л. 84.

³ См.: там же, л. 22.

⁴ См.: там же, лл. 22, 34, 39, 42, 49, 59.

⁵ См.: там же, л. 9.

⁶ См.: там же, л. 14.

⁷ См.: там же, л. 34.

⁸ См.: там же, л. 17.

⁹ См.: там же, л. 8.

¹⁰ См.: Инструкция по организации Советской рабоче-крестьянской милиции. Ст. 19.

бернской милиции, не все положения Инструкции выполнялись. Формально чины регулярной полиции как лишённые избирательных прав не должны были приниматься на службу, но во многих подразделениях губернской милиции на различных должностях находились бывшие полицейские чины, например, начальник милиции 1-го района Переславль-Залесского уезда Кондратьев, начальник милиции 2-й части г. Переславля Брилль, старший милиционер Симской волости Юрьев-Польского уезда Н. М. Лебедев и т. д.¹ Однако впоследствии Циркуляром Главмилиции от 3 февраля 1919 г. предлагалось немедленно уволить всех бывших чинов полиции, состоящих на службе. В качестве исключения они могли быть оставлены на службе только в тех

Т. В. Вершинина,

*начальник отдела следственного управления
при УВД Владимирской области*

**ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
(НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ)**

Институт дополнительного расследования в том виде, в каком он существует в российском уголовном процессе, не характерен для уголовного судопроизводства многих зарубежных государств. Во многом это объясняется тем, что производство предварительного следствия по уголовным делам в большинстве стран, в том числе тех, которые имеют смешанную модель уголовного процесса (Франция, Австрия, Бельгия и др.), является прерогативой судебных органов. Полиция осуществляет дознание по уголовным делам. Во многих государствах (за исключением ранее входивших в состав бывшего СССР, а также Монголии) отсутствует аналог следовательно как субъекту уголовного процесса, который фактически совмещает в себе функ-

случаях, если являлись незаменимыми сотрудниками, и только с особого разрешения, для чего в Главное управление милиции РСФСР должно было быть представлено ходатайство прямого начальства оставаемых лиц с заключением губернского управления милиции.

Таким образом, классовый подход к ограничению права доступа на государственную службу в милицию и проводимая кадровая политика негативно сказывались на качественном составе кадров советской милиции и эффективности их деятельности, так как в милиции не могли служить грамотные специалисты, готовые сотрудничать с советской властью, что отразилось на профессиональной подготовке советских милиционеров.

ции обвинения и предварительного следствия². Тем не менее это не даёт оснований утверждать, что дополнительное расследование не предусмотрено законодательством зарубежных государств. Мы согласны с утверждением Т. Л. Оксюка, что в мире нет единых стандартов. «Однако при всем многообразии правовых систем и процессуальных механизмов в уголовно-процессуальном законодательстве разных стран всегда найдутся правовые системы, позволяющие достаточно оперативно и эффективно устранять препятствия для полного и объективного судебного разбирательства, вынесения судом законных и справедливых решений»³.

Рассмотрим особенности построения и функционирования института дополнительного расследования в уголовном судопроизводстве Франции и Германии, реализацию положений института в ином правовом поле, выделим в институте дополнительного расследования необходимый элемент процессуальной деятельности, отвечающий назначению уголовного судопроизводства.

Принятая в большинстве стран континентальной Европы (в том числе и в России) смешанная форма уголовного процесса с

¹ См.: ГАВО, ф. 310, оп. 1, д. 5, лл. 22, 90, 96.

² См. об этом подробнее: Махов В. Н. Предварительное следствие по уголовным делам должно осуществляться судьями // Следователь. 2000. № 6. С. 47.

³ Оксюк Т. Л. Возвращение уголовного дела прокурору // Уголовный процесс. 2005. № 1. С. 24.

четким делением на тайное, письменное, не состязательное досудебное производство и гласное, устное, состязательное судебное разбирательство сложилась во Франции.

В основе уголовного процесса Франции лежит «публичный интерес», который олицетворяет интерес государственный¹. В структуре уголовного процесса имеется четкое разграничение предварительных стадий (дознания, возбуждения уголовного преследования, предварительного следствия) и окончательных (решающих) стадий (судебного разбирательства, апелляции, кассации). Предварительное следствие является обязательным по делам о преступлениях, факультативным – по делам о проступках. Дела о правонарушениях исчерпываются полицейским дознанием.

В основу построения органов, осуществляющих производство по уголовным делам, положен принцип четкого разделения функций: уголовного преследования, предварительного следствия и судебного разбирательства. Предварительное следствие осуществляют специализированные судебные органы, действующие в рамках судебной системы, состоящие из следственного судьи (первой инстанции) и следственной камеры (второй инстанции). Отдельное место в них занимает «судья по свободам и заключению». Прокуратура осуществляет уголовное преследование на всех стадиях процесса по уголовным делам, руководит деятельностью судебной полиции и принимает решение о возбуждении публичного иска. Уголовное преследование может быть возбуждено также по инициативе гражданского истца. Производство дознания по уголовным делам возложено на национальную полицию и национальную жандармерию. Суд во Франции играет активную роль, что выражено в его обязанности установить истину по делу независимо от инициативы стороны обвинения или защиты. Судья вправе совершить любое следственное действие, которое сочтет необходимым в целях установления истины (ч. 1 ст. 81 УПК Франции). Следственный судья может не согласиться с мнением прокурора и не предъявлять обвинения лицу, указан-

ному прокурором в требовании о производстве предварительного следствия, а предъявить обвинение иному лицу. В то же время производить предварительное следствие и предъявлять кому-либо обвинение по факту или даже эпизоду, не отраженному в требовании прокурора, следственному судье запрещено. Наделение следственного судьи во Франции данными правами не связано с наделением его функцией уголовного преследования, а является необходимым процессуальным механизмом для реализации судом функции предварительного следствия.

На стадии предварительного следствия во Франции имеется вторая инстанция, именуемая следственной камерой², которая является «судьей» над предварительным следствием³, поскольку обладает правом ревизии и аннулирования. Для реализации этих полномочий следственная камера вправе самостоятельно совершать следственные действия, собирать доказательства и даже изымать у следственного судьи дело для окончания предварительного расследования по нему по первой инстанции.

По окончании предварительного следствия следственный судья передает дело прокурору, который, изучив его, обязан направить требование о продолжении следствия либо прекратить уголовное преследование, либо передать дело в суд. Требование прокурора о продолжении следствия не является для следственного судьи обязательным. Окончательное решение о передаче дела в суд принимает следственный судья, прокурор вправе лишь обжаловать данное решение в следственную камеру. В УПК Франции следственный судья, принимая решение о направлении дела в суд, окончательно квалифицирует преступное деяние. Стороны, если им становятся известны новые факты, должны обратиться в обвинительную камеру, которая разрешает дополнительное расследование⁴.

² Действует в составе председателя и двух членов.

³ См.: Амбасса Л. Ш. Предварительное следствие в уголовном процессе России и Франции (сравнительно-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 30.

⁴ См.: Амбасса Л. Ш. Указ. соч. С. 135.

¹ См.: Боботов С. В. Буржуазная юстиция. Состояние и перспективы развития. М., 1989. С. 47–48.

В ходе судебного разбирательства по делам о преступлениях суд ассизов¹ процессуально связан предметом и пределами судебного разбирательства, которые указаны в постановлении следственного судьи о передаче дела в суд. При недостаточности доказательств предварительного следствия председательствующий в суде ассизов вправе до судебного заседания лично производить дополнительные следственные действия или поручать их проведение одному из ассессоров суда ассизов или следственному судье. Председательствующему в суде ассизов принадлежит и дискреционная функция (ст. 310 УПК Франции), поэтому он вправе уже в ходе судебного заседания распорядиться о проведении любых процессуальных действий по делу. Что касается дополнительного расследования при судебном разбирательстве дел в исправительном и полицейском судах, то они строго ограничены предметом и пределами доказывания. Если суд по итогам судебного следствия приходит к выводу, что имеющиеся доказательства недостаточны для того, чтобы считать обстоятельства дела установленными, он вправе либо отложить дело и по собственной инициативе истребовать дополнительные доказательства, либо распорядиться о проведении дополнительного расследования. В последнем случае дело не возвращается на досудебную стадию процесса, дополнительное расследование поручается одному из судей соответствующего трибунала, который пользуется всеми полномочиями следственного судьи (ст. 463 УПК Франции). По окончании дополнительного расследования суд собирается на новое заседание в том же порядке, что и при отложении дела.

Апелляционный суд обладает правом собирать и исследовать новые доказательства в ходе судебного следствия. Поэтому, если он находит жалобу подлежащей удовлетворению, то заменяет решение суда пер-

¹ Не является постоянно действующим судебным органом. Созывается на сессии один раз в квартал для рассмотрения всех накопившихся дел. Рассматривает по первой инстанции уголовные дела о преступлениях, а также пересматривает такие дела в апелляционном порядке. Состоит из профессионалов и жюри.

вой инстанции собственным. Процедура кассационного рассмотрения не предусматривает производства дополнительных следственных действий, а значит, и дополнительного расследования.

Уголовный процесс Германии немецкие процессуалисты (К. Роксин и др.) относят к обвинительно-следственному, поскольку только при наличии публичного обвинения, возбужденного прокурором, возможно судебное разбирательство по делу. Кроме того, в уголовном процессе Германии отсутствуют стороны, следовательно, и принцип состязательности. Руководство рассмотрением дела, допрос подсудимого, судебное следствие осуществляет председательствующий в стадии судебного разбирательства по делу². Стадия предварительного расследования по отношению к стадии судебного разбирательства носит подготовительный характер, поэтому четко уголовно-процессуальными нормами она не регламентирована³. В этой стадии полиция и прокуратура произвольным способом осуществляют дознание, устанавливая как достоверные, так и вероятностные факты. Это происходит потому, что в задачу дознания входит установление подозрения, а не изобличение обвиняемого⁴. В уголовном процессе Германии отсутствует стадия возбуждения уголовного дела. Начало производства по делу связано с проведением первоначальных следственных действий. Обвинение может быть предъявлено только после окончания предварительного расследования. Предварительное следствие как самостоятельная стадия уголовного процесса в Германии отсутствует⁵.

² См.: Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001. С. 390.

³ См.: Филимонов Б. А. О правовом положении защитника на предварительном расследовании в уголовном процессе Германии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1992. № 3. С. 87.

⁴ См.: Филимонов Б. А. Уголовный процесс ФРГ. М., 1974. С. 34–46; он же. О теоретических основах предварительного расследования в уголовном процессе ФРГ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1993. № 2. С. 78–84.

⁵ См.: Головки Л. В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5. С. 56.

В стадии судопроизводства решается вопрос о необходимости дальнейшего преследования обвиняемого. Судья единолично или председательствующий вручают обвиняемому обвинительный акт прокурора. Обвиняемый, в свою очередь, в течение установленного срока вправе заявить ходатайство об истребовании дополнительных доказательств или подать возражения против открытия судебного разбирательства. При удовлетворении ходатайства об истребовании дополнительных доказательств дело не направляется на дополнительное расследование, поскольку необходимые следственные действия проводит сам суд. Собираание дополнительных доказательств может проводиться и по инициативе самого судьи. «Суд принимает дело к слушанию только после того, как на предварительном заседании убедится в достаточности собранных доказательств и обоснованности обвинения»¹.

Уголовно-процессуальный закон Германии признает возможность осуждения подсудимого по другому параграфу уголовного закона (в том числе более тяжкому), нежели тот, который был ранее указан в обвинительном акте прокурора на стадии судопроизводства. Однако при этом должны быть соблюдены условия: подсудимый в судебном заседании должен быть предварительно уведомлен о предстоящем изменении обвинения и ему должна быть предоставлена возможность подготовиться к защите. Подсудимый может быть осужден и за совершение других преступлений, обвинение по которым предъявлено прокура-

турой уже в ходе судебного разбирательства, при условии, что дело по другим преступлениям подсудно данному суду и с его рассмотрением согласен подсудимый. В этом случае прокурором устно в ходе судебного разбирательства предъявлено обвинение по другим преступлениям с соблюдением требований закона, регулирующих содержание обвинительного акта. Судебное разбирательство по делу прерывается, если председательствующий считает это необходимым или об этом ходатайствует подсудимый и ходатайство не направлено явно на затягивание процесса.

Апелляционный суд (§ 324 УПК Германии) вправе принять решение об отмене приговора и возвращении дела суду первой инстанции, а ревизионный суд – об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение в случае, если жалоба обоснована².

Таким образом, институт дополнительного расследования, существующий в российском уголовном процессе, не характерен для уголовного судопроизводства Франции и Германии, что связано с особенностями организации предварительного расследования и органов, осуществляющих производство по уголовным делам, структурой уголовного процесса. Однако каждое из рассмотренных государств имеет правовые механизмы, создающие условия для полного и объективного судебного разбирательства по делу, вынесения по нему законного и справедливого решения, действующие в интересах правосудия, а значит, государства и общества в целом.

А. Л. Гаспарян,
преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ
И ОБВИНЯЕМЫХ В СОВЕРШЕНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

Современное российское законодательство устанавливает полный перечень учреждений, осуществляющих наказание в виде

заключения под стражу. Согласно ст. 7 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ к ним относятся:

- следственные изоляторы (СИЗО) уголовно-исполнительной системы (УИС);
- СИЗО органов Федеральной службы безопасности РФ;
- изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел;

¹ Боботов С. В. Указ. соч. С. 70.

² См.: Филимонов Б. А. Основы уголовного процесса Германии. М., 1994. С. 62.

– изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых Пограничных войск Федеральной службы безопасности РФ;
– учреждения УИС, исполняющие уголовные наказания в виде лишения свободы, и гауптвахты – в случаях, предусмотренных Федеральным законом.

«Центральное место среди этих учреждений занимают следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы. В настоящее время в Российской Федерации функционируют 203 СИЗО на 131 тыс. 606 мест. Они дислоцируются в 77 территориальных органах уголовно-исполнительной системы. На 1 января 2006 г. в них содержалось 147 тыс. подозреваемых, обвиняемых и осужденных, что гораздо больше, чем во всех остальных учреждениях, осуществляющих заключение под стражу. Среднегодовое движение спецконтингента в СИЗО составляет более 2,5 млн человек»¹.

СИЗО УИС является учреждением, предназначенным для содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых в качестве меры пресечения применено заключение под стражу, а также для исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в отношении отдельных категорий осужденных. Они занимают специфическое место в структуре учреждений и органов УИС.

Согласно статистическим данным, удельный вес лиц, обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений, т. е. тех, в отношении которых еще не завершены следственные действия, составляет около 25 % от общей численности содержащихся в СИЗО. Примерно 35–40 % спецконтингента СИЗО составляют подсудимые; 10–15 % – осужденные, дела которых были рассмотрены в кассационном порядке, но не получены определения о вступлении приговоров в законную силу; по 5 % – осужденные, ожидающие отправления в места отбывания наказаний, а также транзитные осужденные; около 10 % – осужденные, оставленные для хозяйственного обслуживания изоляторов. Кроме того, в соответствии с

действующим законодательством СИЗО УИС могут исполнять уголовные наказания в отношении лиц, срок лишения свободы которых не превышает 6 месяцев.

В одном учреждении, как правило, содержатся мужчины и женщины, взрослые и несовершеннолетние, неоднократно судимые и лица, впервые привлекаемые к уголовной ответственности. Каждая из этих категорий лиц имеет свой правовой статус. Условия их содержания, объем прав и обязанностей нередко регламентируются различными нормативными актами и в значительной степени отличаются друг от друга.

Еще одной особенностью СИЗО, определяющей их специфику и особое место в системе учреждений УИС, является высокая текучесть спецконтингента. В течение года он меняется почти 10 раз (в исправительных колониях – 3–4 раза).

Задачи, принципы организационного построения и работы СИЗО определены в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» 1995 г., отменившем Положение о предварительном заключении под стражу 1969 г. и Положение о порядке кратковременного содержания лиц, подозреваемых в совершении преступления 1976 г. За годы действия Федеральный закон показал свою эффективность, поскольку, будучи направленным на достижение задач уголовного правосудия, он закрепил прогрессивные идеи обеспечения прав человека при реализации заключения под стражу обвиняемых и подозреваемых.

Нормы указанного закона учитывают положения международных правовых актов об обращении с заключенными, что имеет важное значение для соблюдения стандартов ООН и Совета Европы. Многие общие положения Федерального закона имеют конституционный характер и корреспондируют с соответствующими статьями Основного закона РФ. Это касается равенства граждан перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ), презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ), уважения человеческого достоинства, неприкосновенности личности, запрета пыток, насилия, другого жестокого и унижающего человеческого достоинства обращения и наказания (ст. 21 Конституции РФ), соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права

¹ Особенности практической организации деятельности следственных изоляторов и тюрем в современных условиях: Аналит. обзор по материалам опроса участников II Всерос. совещ. начальников следственных изоляторов и тюрем УИС / Под общ. ред. В. И. Семенюка. Рязань, 2005. С. 3.

(ст. 15 Конституции РФ). Конституционными являются права подозреваемых и обвиняемых на получение квалифицированной юридической помощи, а также на судебную защиту и обжалование действий должностных лиц в суде.

Отдельная глава указанного закона посвящена правам подозреваемых и обвиняемых и их обеспечению. Некоторые из этих прав закреплены впервые, другие существенно расширены по сравнению с ранее действовавшим Положением о предварительном заключении под стражу. Отменены ограничения в переписке, приобретении по безналичному расчету продуктов питания, предметов первой необходимости и других промышленных товаров; расширены права на свидания с родственниками и иными лицами, получение посылок, передач; предоставлено право на телефонные переговоры.

Важное значение имеет существенное увеличение (с 2,5 до 4 м²) нормы санитарной площади в камере на одного человека. По объективным причинам это положение до сих пор не удалось реализовать в полном объеме, однако оно предполагает принятие соответствующих мер по сокращению применения заключения под стражу в качестве меры пресечения, строительству и реконструкции СИЗО и изоляторов временного содержания.

В Федеральном законе детально регламентированы меры по обеспечению изоляции и предотвращению правонарушений в местах содержания под стражей. С одной стороны, они позволяют решать задачи, стоящие перед СИЗО, с другой – устанавливают обязанности и охраняют права и законные интересы подозреваемых и обвиняемых.

СИЗО осуществляют свою деятельность на основе принципа презумпции невиновности, который был введен в 2003 г., поэтому обеспечение законных прав и интересов лиц, содержащихся под стражей, является одной из основных задач исполнения наказания в виде заключения под стражу на современном этапе. Она связана с реализацией основных положений, касающихся защиты прав человека в области исполнения уголовных наказаний, т. е. основных требований Конвенции о защите прав человека и основных свобод личности в условиях ее изоляции от общества.

Рассматриваемый закон и нормативные правовые акты, принятые в его развитие, не

только образуют достаточно обширную и эффективную правовую базу для обеспечения исполнения наказаний в виде заключения под стражу в современных условиях, но и позволяют СИЗО развивать и укреплять конкретные направления своей деятельности:

- создание условий, исключающих возможность подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей, скрыться от следствия или суда, а осужденным – уклониться от отбывания наказаний;

- осуществление мер, препятствующих попыткам подозреваемых и обвиняемых помешать установлению истины по уголовному делу;

- обеспечение правопорядка и законности в СИЗО, безопасности подозреваемых и обвиняемых, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на его территории;

- обеспечение соблюдения прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых.

Следует отметить, что размещение подозреваемых, обвиняемых и осужденных в СИЗО не соответствует предъявляемым Федеральным законом требованиям и международным стандартам.

В настоящее время в среднем по Российской Федерации СИЗО переполнены более чем на 10 %. Установленная указанным законом санитарная норма жилой площади на одного содержащегося под стражей не соблюдается в 53 из 77 территориальных органов УИС, имеющих в своем составе СИЗО. В решающей степени на размещение обвиняемых и подозреваемых в СИЗО влияют объективные внесистемные причины:

- длительные сроки ведения органами внутренних дел и иными правоохранительными органами предварительного расследования;

- длительные сроки рассмотрения уголовных дел в судах, в том числе кассационной инстанции;

- не всегда обоснованный выбор меры пресечения.

Федеральной службой исполнения наказаний на протяжении последних трех лет проводится постоянный мониторинг численности лиц, поступающих в СИЗО, ее динамики, криминогенного и половозрастного состава спецконтингента СИЗО. Так, после введения в действие в июле 2002 г. нового Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации (УПК РФ), установившего исключительно судебную процедуру избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения, среднемесячная численность спецконтингента составила 17–18 тыс. человек. В 2005 г. количество лиц, содержащихся в СИЗО, увеличилось до 30–31 тыс. человек.

УПК РФ, несмотря на его прогрессивный характер, расширил сферу применения в качестве меры пресечения заключения под стражу по мотивам только опасности преступления (даже если не установлены намерения скрыться, воспрепятствовать ведению следствия или заниматься преступной деятельностью). При этом суды нередко руководствуются исключительно формальными соображениями. Исследования показывают, что примерно 20 % лиц, содержащихся в изоляторах, помещены в СИЗО по подозрению или обвинению в совершении преступления небольшой или средней тяжести и не представляют серьезной угрозы безопасности государства. Из-за разностороннего понимания правоохранительными органами соотношения роли и практики применения рассматриваемой меры пресечения ежегодно из СИЗО освобождаются около 60 тыс. человек в связи с изменением меры пресечения, прекращением уголовных дел на стадии дознания, предварительного расследования, по оправдательным судебным приговорам либо по приговорам, не связанным с лишением свободы.

Анализ статистических данных дает основание сделать вывод, что редко суды применяют меры пресечения, альтернативные заключению под стражу, даже при наличии к тому оснований. Сроки содержания под стражей в настоящее время в России неоправданно растянуты и по сравнению с советским периодом увеличены почти в два раза.

Сложившаяся ситуация в значительной степени зависит не столько от определенных недостатков или неправильных оценок имеющейся информации о личности, заключенной под стражу, сколько от отсутствия лица, ответственного за наступление последствий, вызванных изменением правового статуса обвиняемого и подозреваемого (освобождение из СИЗО по различным основаниям), а это напрямую связано

с обеспечением реализации прав и свобод человека и гражданина.

Некоторые правозащитные организации, в том числе международные, начали активно работать с обвиняемыми и подозреваемыми в совершении преступлений, которые были освобождены из СИЗО по реабилитирующим основаниям или в связи с изменением меры пресечения и получили различные заболевания, с целью добиться от последних обращения в суд с иском о возмещении ущерба. Данная проблема может в определенной степени отрицательно повлиять на авторитет не только УИС, но и иных правоохранительных органов страны.

Следует отметить, что законодательство не предоставляет начальнику СИЗО права и возможности не принимать в учреждение заключенных под стражу по причине отсутствия свободных мест. Установив санитарную норму жилой площади, приходящейся на одного содержащегося под стражей, законодатель не определил механизм ее соблюдения.

В настоящих условиях, когда численность вновь заключенных под стражу постоянно увеличивается и достигла в среднем 32 тыс. человек, что вдвое превышает уровень 2002 г., единственным способом обеспечения надлежащих условий содержания подозреваемых и обвиняемых является строительство новых и реконструкция действующих учреждений. Однако реальные финансовые возможности государства пока не позволяют построить необходимое количество СИЗО, хотя меры в этом направлении предпринимаются.

В 2005 г. открыты 9 новых СИЗО (в Нижегородской, Кемеровской, Калужской, Омской, Ростовской, Саратовской областях, Приморском и Красноярском краях, Ямало-Ненецком автономном округе) с лимитом наполнения 2697 мест. Тюрьма в г. Чистополе Республики Татарстан перепрофилирована в СИЗО на 533 места.

Каждое дополнительно введенное место требует значительных денежных средств. В связи с этим решение этой задачи зависит от уровня и объема финансового и материально-технического обеспечения деятельности СИЗО.

В настоящее время серьезно укрепились материально-техническая база учрежде-

ний, значительно улучшились коммунально-бытовые условия для арестованных. Больше внимания в деятельности СИЗО и тюрем стало уделяться обеспечению законных прав и интересов лиц, содержащихся под стражей, и их родственников.

Следует отметить, что в сознании большинства сотрудников СИЗО еще сохраняется отношение к подозреваемым и обвиняемым как к преступникам, которые заведомо виновны и не заслуживают снисхождения. Это противоречит действующему законодательству, согласно которому степень виновности может определить только суд. Имеют место случаи необоснованной жесткости в обращении с заключенными, грубости, незаконного ограничения их прав, установленных законом. В силу этого важнейшей составляющей организации заключения под стражу в современных условиях должно быть кадровое обеспечение деятельности следственных изоляторов.

За последние два года общий уровень преступности в СИЗО сократился в среднем на четверть, не зарегистрировано таких преступлений, как захват заложников, массовые беспорядки и неповиновение; уменьшилось число убийств и побегов.

Данный факт свидетельствует о том, что принципиальная политика ФСИН России, направленная на безусловное обеспечение

прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных, является эффективной.

Со вступлением Российской Федерации в Совет Европы и принятием определенных обязательств по улучшению условий содержания в пенитенциарной системе произошли значительные изменения. Эффективно реализуется Федеральная целевая программа строительства и реконструкции СИЗО и тюрем, приняты меры по ограничению применения ареста в качестве меры пресечения, налажено взаимодействие с международными общественными и правозащитными организациями; их представители регулярно посещают и контролируют СИЗО России.

Таким образом, можно выделить следующие приоритетные задачи, стоящие перед СИЗО:

- обеспечение безопасности подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;
- обеспечение соблюдения прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых;
- обеспечение безопасности персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на территории СИЗО;
- обеспечение надзора и охраны, создание условий, исключающих возможность подозреваемым и обвиняемым скрыться от следствия и суда.

В. А. Грунина,
*преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

**СИНЕРГЕТИКА И АСПЕКТЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЦ,
ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ,
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К АНАЛИЗУ ПРАВА
НА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ**

В современном законодательстве зафиксированы многочисленные, но наиболее существенные права личности, закрепленные в международных документах, конституциях государств мира¹.

¹ См.: Рудинский Ф. М. Из XX в XXI век: права человека // Ежегодник к 5-летию вступления России в Совет Европы. М., 2001. С. 51.

Принятие Всеобщей декларации прав человека означало их признание как ценности мировой цивилизации. В соответствии с Уставом ООН и Международным билем о правах человека обеспечение прав человека является обязанностью государств.

В Концепции обеспечения и защиты прав и свобод человека среди групп населения, нуждающихся в неотложной защите прав, выделяются лица, осужденные по приговору суда к лишению свободы.

Проблема обеспечения прав осужденных относится к числу тех проблем, которые сегодня являются актуальными, т. е. требующими всестороннего анализа и решения. Создание механизма обеспечения прав лиц, осужденных к лишению свободы, гарантирующего реальное осуществление осужденными своих правомочий на практике, предполагает решение не только организацион-

ных, материально-финансовых и ряда других вопросов, но и обращение к вопросу понимания самих прав осужденных.

Данная проблема имеет и синергетический аспект, так как обращение к синергетике позволяет ярче проявить специфику прав осужденных. В данном случае применение синергетики является отражением общей тенденции проникновения постулатов синергетики в область гуманитарного знания и признания того факта, что эффективное правовое регулирование немислимо без должного осмысления феноменов вероятности, случайности, риска, неопределенности и соответственно учета таких принципов, как нелинейность и неустойчивость сложных систем.

Рассмотрим методологический потенциал синергетики применительно к анализу такого права лиц, осужденных к лишению свободы, как право на условно-досрочное освобождение (УДО).

В соответствии со ст. 79 УК РФ лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы, может быть освобождено условно-досрочно, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. При этом обязательным условием является фактическое отбытие осужденным определенного срока наказания (от 1/3 до 2/3) в зависимости от степени тяжести совершенного преступления. Таким образом, закон устанавливает два условия, при которых лицо подлежит УДО: отбытие определенного срока наказания и признание судом исправления осужденного.

Теперь обратимся к синергетике. В настоящее время ее понятия и принципы практически не адаптированы к специфике теоретико-правовых проблем. Известно, что синергетика является своего рода мета-наукой, в связи с этим заслуживает внимания предложение Т. Х. Дебердеевой рассматривать синергетику как стиль научного мышления¹, создающий принципиально новое видение картины мира. На наш взгляд, для синергетики на современном этапе характерна мировоззренческая функция. В соответствии с этим применение

идей синергетики в праве есть реализация принципов нелинейного мышления.

Рассмотрим такие принципы синергетики, как нелинейность и неустойчивость. Нелинейность – это нарушение принципа суперпозиции (результат суммарного воздействия на систему есть сумма результатов, так называемый линейный отклик системы, прямо пропорциональный воздействию) в некотором явлении². Иными словами, результат непропорционален усилиям: малое усилие может повлечь большие последствия, и наоборот, большие усилия могут привести к незначительным изменениям. Неустойчивость предполагает, что система испытывает многочисленные отклонения от своего нормального состояния, в результате их суммарного воздействия она входит в так называемые точки бифуркации (состояние неустойчивости), в которых дальнейшее развитие системы зависит от малейших, случайных воздействий.

На наш взгляд, существующая редакция ст. 79 УК РФ может служить иллюстрацией принципа нелинейности. Так как в законе отсутствует запрет на условно-досрочное освобождение лиц, повторно совершивших умышленные преступления. В результате на практике нередко встречаются случаи, когда в отношении лица, совершившего умышленные преступления разной степени тяжести, УДО применялось два и более раз. Так, в исправительных учреждениях Владимирской области отбывают наказания 835 осужденных, которые ранее уже освобождались из мест лишения свободы условно-досрочно и в неотбытый срок вновь совершили преступления, из них 26 человек освобождались условно-досрочно повторно. Ситуация, на наш взгляд, усугубляется тем, что одним из показателей эффективности работы отделов по воспитательной работе с осужденными исправительных колоний (ИК) является высокий процент освободившихся по УДО. Как следствие, возникают процессы самоорганизации – имеются формальные основания для освобождения осужденного по УДО (отбытие срока, отсутствие нарушений режима содержания, наличие поощрений), админист-

¹ См.: Дебердеева Т. Х. Синергетический подход в познании социально-исторических явлений: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2003. С. 30.

² См.: Буданов В. Г. Синергетика: история, практика, современность // <http://www.i-u.ru/biblio/search.aspx>.

рация ИК оформляет и отправляет документы на судебное рассмотрение. Суд изучает прежде всего документы, так как все-сторонне и объективно изучить личность осужденного за время судебного заседания невозможно. Следовательно, можно сделать вывод о том, что лицо для своего исправления не нуждается в полном отбытии назначенного судом наказания.

Исходя из сказанного, вполне закономерно, что большое количество освобожденных по УДО совершают преступления и вновь возвращаются в исправительные учреждения, впоследствии вновь освобождаются по УДО. Следовательно, задачи уголовного законодательства: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности (ст. 2 УК РФ); цели уголовного наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ), – не выполняются.

Рассмотрим УДО. Предположим, что осужденный действительно характеризуется положительно и для своего исправления не

нуждается в дальнейшем отбывании наказания. Однако массовый уход данной группы осужденных способствует ухудшению оперативной обстановки в колонии, повышению ее неустойчивости вследствие усиления влияния на основную массу осужденных (так называемое «болото») группы лиц, придерживающихся «воровских законов» и противодействующих администрации.

Использование принципов синергетики в рамках обозначенной проблемы позволяет выявить проблемы современного регулирования института УДО. В частности, представляется необходимым установление запрета на применение УДО в отношении лиц, совершивших преступления при опасном и особо опасном рецидиве, а также в отношении лиц, ранее условно-досрочно освобождавшихся.

В заключение отметим, что несмотря на определенные трудности, связанные с применением синергетики к теоретико-правовым проблемам и дискуссионность отдельных выводов, не вызывает сомнений необходимость использования синергетического подхода к изучению закономерностей развития и функционирования правовых явлений.

Д. А. Ерин,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

ОБИДА КАК ВИД ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Одним из видов преступлений против личности в Российской империи начала XX в. являлись преступные деяния против чести и достоинства человека. В законодательстве выделялись два вида преступных деяний против чести – обида и позор, причем обиде как наиболее распространенному виду деяний уделялось наибольшее внимание.

Под обидой понималось противозаконное и умышленное выражение неуважения к другому человеку, заведомо оскорбительное для него обращение.

Субъектом обиды могло выступать любое вменяемое лицо, а под объектом обиды определялось любое лицо, даже не извест-

ное обидчику лично. Кроме того, законодатель выделял: умерших; малолетних, так как оскорбление малолетних воспринималось как оскорбление чести той семьи, к которой они принадлежат, особенно если оскорбление совершено в присутствии членов семьи; умалишенных; лишенных чести по суду или наказанных; юридических лиц, но только в том случае, если его участник докажет в суде, что обида, нанесенная юридическому лицу, относится к нему (участнику) лично.

Обида признавалась окончательно совершенной с того момента, когда оскорбительная деятельность достигла сознания обиженного, например, когда им было услышано оскорбительное слово, он увидел оскорбительный жест или почувствовал удар.

Средствами обиды признавались: слово, письмо, печать и действие.

Обида словом включала в себя бранные и ругательные слова; упреки и укоры; слова не бранные, но которые были употреблены в презрительной форме, унижающей честь и

достоинство обиженного, например, если еврея называли жид, немца – немчура и т. д.; насмешки; презрительные выражения; оскорбительные выходки (поднятие подола).

Обида в письме считалась нанесенной, если текст письма, доставленного обиженному, имел оскорбительное содержание, причем обида считалась совершившейся не в тот момент, когда оно было написано, а когда оно было получено адресатом.

Под оскорблением в печати понимался тот факт, когда в печатных изданиях появлялся «... оскорбительный о ком-либо печатный отзыв, который заключал в себе злословие или брань...»¹. Все оскорбления в печати признавались непосредственными и личными, причем под действие ст. 1040 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. подпадало и оскорбление лиц, названных вымышленными именами, если суд признавал тождественность лица.

Статья 1042 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных определяла круг лиц, ответственных за содержание напечатанного. К ним относились: сочинитель, издатель (если имя и место жительства сочинителя неизвестно), типографщик (если неизвестны сочинитель и издатель), продавец (если на продаваемой книге нет имени типографа и его места жительства). Однако если печатное издание являлось подцензовым, то издатель освобождался от ответственности, а отвечал за содержание напечатанного цензор (ст. 1040 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных). Виновные наказывались денежным взысканием на сумму не выше 300 руб. или арестом от семи дней до трех месяцев, или заключением в тюрьму на срок от двух до восьми месяцев.

Закон подразделял обиду словом или в письме на простую и квалифицированную. Квалифицированная обида имела следующие признаки: 1) обдуманное заранее намерение; 2) была нанесена в публичном месте (прихожая комната помещения пристава полицейского участка; прилегающий к камере мирового судьи и заменяющий ему приемную коридор; приемная комната почтамта; крестьянский сход; железнодорожный вокзал; коридор при квартире, со-

стоящей из отдельных номеров; лавка; трактир; ярмарочная площадь; базар); 3) нанесена в многолюдном собрании; 4) нанесена лицу, имеющему право на особое уважение, т. е. имеющему власть над обидчиком по закону, например, нанесение обиды работником хозяину, оскорбление хозяев прислугой, оскорбление духовного лица; 5) нанесена лицу женского пола; 6) нанесение оскорблений полицейским служащим, служащим судебных и правительственных мест, полевым и лесным сторожам при исполнении ими своих служебных обязанностей, причем закон предусматривал необязательность нахождения этих лиц в форменной одежде, виновному достаточно знать о служебном характере действий этих служащих. В этом случае ст. 31 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. предусматривала наказание в виде ареста до одного месяца либо штрафа до 100 руб.; 7) оскорбление родственников по восходящей линии (отец, мать, дед, бабушка, прадед, прабабушка).

В дореволюционной России весьма распространенной формой была также обида действием. Согласно толкованию Правительствующего Сената под обидой действием подразумевалось нарушение телесной неприкосновенности (кассационное решение от 1872 г. № 113 по делу Шмарева):

1) удары, толчки, пинки, нанесенные не только человеком, но и различными орудиями: палка, хлыст, кочерга, горшок и т. д., а также прикосновение путем бросания камней, стульев и иных предметов;

2) унижительное прикосновение к телу человека, т. е. действие, которым обидчик хотел выразить свое презрение к обиженному, например, хватание за лицо руками, взятие за бороду, косу, грудь, поцелуй мужчиной незнакомой женщины;

3) прикосновение к одежде человека (у мужчин – взятие за шиворот, у женщин – всякое прикосновение);

4) различные оскорбительные выходки – обливание водой, нечистотами, щелкание по носу, швыряние в лицо различными предметами.

Кроме того, обида действием подразделялась на обиду по поводу, данному обидчику самим обиженным, и без повода, т. е. нанесенная без всякой причины со стороны обиженного. Однако во всех случаях наказание за нанесение обиды действием не превышало ареста на срок более трех месяцев.

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. В XV т. СПб., 1914. Т. XIII. С. 469.

И. В. Закурдаев,
*начальник отдела по работе с личным
составом ФГУ «Т-2 УФСИН России
по Владимирской области»*

**СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЛИЦ,
ПОПАВШИХ ПОД СТРАЖУ,
В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ
ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ**

Отношение к лицам, попавшим под стражу, соблюдение их прав и свобод, наряду с тюремной системой, подверглись изменениям. Об этом свидетельствуют исторические документы.

Петр I в законодательном порядке (1715–1721 гг.) исполнение наказания в виде лишения свободы связал с использованием труда осужденных. Закрепил это Указ Екатерины II «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» от 5 апреля 1781 г.

Во Владимире строительство первого подобного заведения закончилось в 1783 г. Рабочий дом стал прообразом владимирской тюрьмы, так называемого «Владимирского централа».

Владимирское наместническое правление вынесло решение о возведении в губернском городе рабочего дома. Для этого губернскому архитектору Николаю фон Берку был послан Указ Ее императорского Величества для ознакомления. Николай фон Берк представил готовый прожект, план и смету рабочего дома 10 апреля 1783 г.

В Положении о рабочем доме говорилось: «При рабочем доме должен быть надзиратель для мужчин и смотрительница для женщин, коим полагается в год жалование, первому – шестьдесят, а последней – двадцать рублей, оное жалование производить из доходов принадлежащему рабочему дому». В рабочих домах сидели за незначительные преступления, так как за особо тяжкие осужденные отбывали наказания в острогах, например, в г. Владимире он находился на ул. Жандармский спуск (пл. им. М. В. Фрунзе). В данном Положении были определены условия содержания колодников: «Точного числа денег в день колодникам назначить не можно, ибо сие зависит от числа людей, содержащихся под стра-

жею, и полагать до особого дня на каждого человека в артели по копейке в сутки».

Особое внимание уделялось тому, «... чтобы колодник был в беспрестанном упражнении, следовательно, мужчина должен употребляться в пилку досок и тесу. Оные доски и тес продавать по рассмотрению рабочего дома». Для охраны колодников назначалась воинская команда.

В 1787 г. Екатерина II написала собственноручный проект Устава о тюрьмах, где были заложены основные принципы пенитенциарной системы. «Тюрьмы разделить на рода: 1 – уголовная тюрьма, 2 – гражданская. Уголовную тюрьму разделить на виды. В губернском городе разделить на 3 части: 1 – подстражная, 2 – приговорная, 3 – осужденная. В уездном городе на 2 части: 1 – подстражная, 2 – приговорная. Иметь 2 отделения в каждой части: 1 – для мужского пола, 2 – для женского пола. Тюрьмы строить замком. Замку быть каменному, чтоб из оного уход никто учинить не мог, и чтобы того оградой уменьшено было число людей для стережения. Замки строить... на вольном воздухе, при текущей воде, от огня и наводнений безопасно».

В собственноручном проекте Устава о тюрьмах одним из важных требований содержания заключенных было следующее: «... с тюремными обходиться человеколюбиво, но притом иметь за ними крепкое неослабное во всякое время смотрения, чтоб сами себе никому вреда не учинили».

Была учреждена должность уездного надзирателя. Он назначался по представлению Уголовной и Гражданской палаты Государственным надзирателем прав и правосудия. В его обязанности входил осмотр тюрем и тюремных больниц, все тюремные должности находились у него в подчинении.

Также были введены должности книгодержателя, бухгалтера и тюремщика. Для последнего была написана присяга: «Аз ниже именованный обещаюсь пред всевидящим Богом чистосердечно, что хочу и должен всеми силами своими отправлять стражу над тюремными так, как мне в должности предписано, и оною поступать и упущать не буду ни для вражды, ни для дружбы, ни лицепрятия. Определенную тюремную пищу, питье, одежду и прочие содержания доставлять без малейшего ущерба. Суро-

во с ними поступать не буду, но человеколюбиво, без послаблений; подарков, посул и взяток ни от кого брать не буду, за подчиненными неусыпное смотрение иметь обещаю. Дабы они, свою должность исправно и радетельно исправляли и отправляли».

В обязанности тюремщика входило: «чтоб тюремные надлежащие места помещены были; отобранные у них вещи прилежно хранились и в свое время возвращены были кому следует; тюремная пища была приготовлена; тюремные больные были осмотрены и отправлены в больницу; в замке был предписан порядок, ключи замка у тюремщика, тюремщику иметь в ведомстве своем: тюремщиков отделений, сторожей, поваров, слуг и прочих и смотреть, чтоб каждый из них прилежно отправлял свою должность.

О порядке в замке уведомлять ежемесячно уездного надзирателя, в небытность же его – городничего. Он же принимает от доброхотных людей добровольное подаяние, что кому рассудится, как то: деньги, хлеб, мясо, рыбу, масло, соль, холст, сукно, дрова и т. п. ... все принятое книгосодержателю записать в приход. Тюремщик сам с собою не берет под стражу, не сажает, не запирает, не выпускает. С тюремными, кто самовольно снимает железы, или кто учинит подвиг к уходу. Тюремщик властен отвести тюремного в темную тюрьму замка».

Одним из способов возрождения губернского города должна была стать арестантская рота гражданского ведомства. Арестантская рота – один из родов исправительных наказаний. Появилась она в результате жалоб местных начальств Сибири на неудовлетворительное положение ссылки ввиду постоянно увеличивающегося количества ссылаемых.

Арестантские роты гражданского ведомства предназначались для осужденных за различные преступления. В них направлялись по воле помещиков, без суда, крепостные, а также беглые и бродяги. Рабочий дом предназначался для черни, а в арестантские роты попадали лица привилегированного сословия. Они были военизированы, николаевская муштра воцарилась в исправительных арестантских ротах еще прочнее и шире, чем в обыкновенных полках. Арестантские роты находились в рас-

поряжении губернских строительных комитетов, работа арестантов в этом случае состояла в строительстве и ремонте казенных зданий, улиц и дорог. Заработная плата в размере четырех копеек в сутки поступала на улучшение условий содержания.

Попытки централизации Управления тюремным делом в России были предприняты в период создания Александром I функциональных министерств. В 1811 г. было учреждено Министерство полиции, в ведении которого находились тюрьмы. В 1819 г. под юрисдикцию Министерства внутренних дел был передан департамент исполнительный полиции, ведающий тюремными делами.

Двадцать седьмого февраля 1831 г. во Владимире было учреждено Попечительное общество о тюрьмах. Князь генерал-адъютант Трубецкой представил правила. В его состав входили « ... Люди нравственные и человеколюбивые, как из дворян так и из почетного купечества. Для открытия такого комитета нужно положить в основание небольшой капитал для поддержания первоначальных действий. Главная обязанность каждого тюремного комитета наусердие, искреннее желание добра своему ближнему, исполнение Евангельского учения, внутреннее чувство удовольствия от доброугодного дела, происходящее и, наконец, уверенность, что таковые благотворительные занятия угодны Чадолубивому Монарху Нашему Августейшему Покровителю тюремного общества».

В обязанности тюремного общества входило следующее: «заботиться, чтобы арестанты, сколько возможно, размещаемы были по различию пола, возраста и рода преступлений, чтобы в занимаемых ими комнатах был свежий воздух, чистота и опрятность и вообще, чтобы всякая тюрьма и другое место заключения, во всяком отношении имело вид благоустроенного заведения, предназначенного для исправления людей порочных. Иметь попечение, чтобы арестанты снабжены были одеждою, бельем и обувью, сообразно своему положению. Стараться, чтобы арестанты имели всегда определенную им правительством в пищу здоровую и в достаточном, но без излишества количеством. Заботиться, чтобы арестанты в заблуждении своем не забывали законы Божии и исполняли установления Святой Веры».

В 1831 г. была утверждена общая для всех тюрем Инструкция, определившая правила внутреннего распорядка.

Семнадцатого ноября 1839 г. во Владимире приступили к формированию роты из арестантов.

Первым командиром Владимирской исправительной арестантской роты был назначен штабс-капитан Аполлон Семенович Есаулов, прибывший из Костромского гарнизонного батальона.

Преобразование рабочего дома началось 13 декабря 1840 г., когда находившиеся арестанты во Владимирской арестантской роте сами шили себе обмундирование из материалов, предоставленных губернским правлением. Ежедневный стол арестантов состоял из двух блюд. Продукты покупали сами арестанты. Они же занимались приготовлением пищи.

В 1857 г. был издан устав, в котором отмечалось, что «содержание под стражей в уголовной практике употребляется как средство охранения лиц, обвиняемых в преступлениях и проступках, во время проведения над ними следствия и суда до постановления и исполнения приговора; как мера наказания и исправления». Кроме того, в уставе определяется порядок содержания: по различию пола, возраста, условия¹.

В ходе проведенной проверки губернским Рангом был выявлен ряд существенных недостатков в порядке содержания арестантов: «... бывает то, что преступники, по одиночке сознавшись или дав известные показания перед следствием, соединяясь вместе, производят давление как закоренелые преступники на других арестантов, еще не совершенно нравственно испорченных, а иногда и невинных».

В одной из уездных тюрем малолетние заключенные содержались вместе со взрослыми.

Цель содержания под стражей есть мера наказания и исправления, но на практике эта мера по уголовному уложению употреблялась очень редко, заменялась чаще телесным наказанием.

В 1863 г. была создана Особая комиссия, которая обобщала поступающие отчеты от

губернаторов о положении тюремного дела, а также предложений о преобразовании тюремной части в России.

В это же время в мастерских роты обучалось ремеслам 30 человек. В ноябре 1867 г. была устроена школа, которая находилась «...в особом светлом и просторном помещении...», учащихся было 40 человек, из которых обучались азбуке – 21, чтению и письму – 12, письму и арифметике – 7. При школе была устроена небольшая библиотека, предполагалось выписать журнал «Мирской вестник» и 40 книг духовно-нравственного и исторического содержания².

Особенностью в арестантской роте было проведение времени за работой, молитвой или чтением книг. Однако запрещались «повести, сказки, романы, театральные сочинения». Проводились занятия по живописи и рисованию, но не разрешалось рисовать портретов с натуры. К сожалению, неизвестно, как на практике воплощались эти статьи тюремного распорядка.

В конце 1867 г. произошли значительные изменения. В помещениях арестантской роты: 1) была создана общая столовая, которая давала возможность сохранять в роте чистоту и порядок. Кроме того, общая столовая была местом общих сборов, где проводились утренние и вечерние молитвы, пелись церковные гимны; 2) устроены особые мастерские и слесарни; 3) отведено особое помещение для школы.

В 1868 г. работы для арестантов проводились внутри арестантской роты и за ее пределами. К первым относятся: земляные, огородные, кирпичные, сенокосные, выгрузка и погрузка барок, очистка дорог от снега и пилка дров. Ко вторым – работы столярные, кузнечные, сапожные и портняжные в устроенных с этой целью мастерских. Благодаря этому Владимирская арестантская рота в 1868 г. заработала 3 тыс. руб. Огород арестантской роты обеспечил овощами роту на целый год.

Тридцать первого марта 1870 г. вышел Указ «О переименовании арестантских рот гражданского ведомства в исправительные отделения и о введении в них гражданского управления и вольнонаемного надзора»³.

² Владимирские губернские ведомости. 1869. 18 янв.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. 45.

¹ ГАВО, ф. 90, оп. 10.

В 1972 г. на базе Владимирской тюрьмы было создано предприятие, которое выпускало: спортивный инвентарь, швейные изделия, телефонные аппараты и номерные знаки для автомобилей.

С 1997 г. в учреждении существует музей «История Владимирской тюрьмы». С момента открытия музейной экспозиции его посетило свыше восьми тысяч человек, включая иностранные делегации из США, Англии, Японии, Германии, Франции и других стран.

С 1998 г. Владимирская тюрьма перешла в ведение Министерства юстиции. В настоящее время именуется Федеральное Государственное Учреждение Тюрьма № 2 УФСИН РОССИИ по Владимирской области. В тюрьме исполняются наказания, вынесенные приговором в отношении особо опасных преступников и злостных нарушителей режима в исправительных колониях.

Ю. А. Зедина,

*заместитель председателя правления
ООО «Московский областной банк»*

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ (ПРАВОВОЕ)
УДОСТОВЕРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ
ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА –
ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА В УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Часть 1 ст. 45 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), в частности, определяет, что представителями гражданского истца, являющегося юридическим лицом, могут быть адвокаты, а также иные лица, правомочные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации представлять его интересы.

В настоящее время круг лиц, которые могут представлять интересы гражданского истца, являющегося юридическим лицом, практически не ограничен. Однако анализ судебно-следственной практики показывает, что в качестве таковых в основном выступают руководители государственных и муниципальных предприятий, учреждений и организаций, различных коммерческих

Пенитенциарная система сегодня претерпевает в соответствии с нормами международного права серьезные изменения. Гуманное отношение к людям, нарушившим закон, проявляется в стремлении администрации и персонала тюрьмы создать приемлемые условия быта, ведения законопослушного образа жизни в заключении и после освобождения.

В указанном учреждении восстановлен и действует Свято-Никольский храм. В 1995 г. его освятил архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий. В храме проводятся крещения, венчания, служат литургию, панихиды, молебны, причем среди прихожан не было отмечено ни одного нарушения. В тюрьме находится медицинская часть, имеющая три отделения и стационар, где осужденным оказывают квалифицированную медицинскую помощь.

структур, служащие их юридических и финансовых подразделений, реже – адвокаты.

Часть 1 ст. 44 УПК РФ гласит, что гражданским истцом является физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Решение о признании гражданским истцом оформляется определением суда или постановлением судьи, прокурора, следователя, дознавателя. Гражданский истец может предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального вреда.

Сразу заметим, что формулировка «гражданский истец может предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального вреда» стилистически и юридически является приемлемой лишь в том случае, если физическое или юридическое лицо изначально заявляло гражданский иск о возмещении имущественного вреда, а после признания гражданским истцом вторично предъявило требование о возмещении и морального вреда. В противном случае указанный тезис следовало изложить в несколько ином

виде, а именно: «Физическое или юридическое лицо может предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального вреда».

Согласно ч. 2 ст. 44 УПК РФ гражданский иск может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции.

Предложения о целесообразности признания физических и юридических лиц гражданскими истцами до возбуждения уголовного дела (при наличии указанных в законе оснований) в теории уголовно-процессуального права высказывались и ранее. Это обусловлено, во-первых, тем, что уголовный процесс начинается с момента регистрации первичной информации о преступлении в книгу учета сообщений дежурной части ОВД, и во-вторых, первичное, как его не совсем верно называют, заявление о преступлении (уголовный иск) включает в себя и иск гражданский.

При выявлении преступлений оперативным или иным способом (помимо заявления) по уголовным делам публичного обвинения письменных заявлений от пострадавших не требуется. Однако следственно-оперативный состав ОВД и прокуратуры, применяя подобную практику, стремятся указанным образом легализовать оперативную информацию о совершенном уголовно наказуемом деянии. Более того, отбирая у пострадавшего заявление о преступлении, должностные лица органов уголовной юстиции стараются выяснять, хочет ли пострадавший дальнейшего расследования и судебного разбирательства уголовного дела.

Статья 42 УПК РФ гласит, что потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора или суда. Заметим, что суд свое решение оформляет в форме определения, поэтому

последнее предложение в указанной норме подлежит редакционной поправке.

В случае, если потерпевшим является юридическое лицо, следовательно, дознаватель, прокурор или судья изначально признают его таковым и лишь впоследствии, при предъявлении им имущественных требований, – гражданским истцом.

Заявление гражданина о необходимости принятия мер к установлению преступника и привлечению его к уголовной ответственности (наиболее распространенная форма) всегда подразумевает и возмещение причиненного преступлением ущерба, хотя буквально и не выраженного словами в первичном заявлении. Кроме того, любое преступление всегда причиняет физическому или юридическому лицу и моральный вред.

На наш взгляд, данный вопрос подлежит дальнейшей научной проработке во избежание чрезмерного формализма в следственной практике.

Юридическое лицо, непосредственно пострадавшее от преступления, может предъявить имущественные требования в письменном виде (по почте). В этом случае должностное лицо органов уголовной юстиции обязано вынести постановление (определение) о признании соответствующей организации гражданским истцом.

Другое дело, когда после этого или изначально подобное требование предъявляет от имени организации конкретное физическое лицо, обладающее статусом поверенного.

В таких случаях у него на руках должна быть доверенность – документ, которым доверяется кому-нибудь действовать от имени выдавшего этот документ¹.

На основании этой доверенности следователь, дознаватель, прокурор или судья выносит постановление (суд – определение) о признании конкретного гражданина представителем юридического лица.

Именно с этого момента указанный представитель приобретает все процессуальные права доверителя, обозначенные в ч. 4 ст. 44 УПК РФ.

¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. Около 57000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М., 1984. С. 145.

А. В. Кисляков,
*старший преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ НА МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ И МЕДИКО-САНИТАРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Обеспечение осужденных надлежащими жилищными и бытовыми условиями (коммунальными услугами, питанием, вещевым довольствием и т. п.) играет важную роль в их исправлении. Хорошо налаженный быт прививает осужденным положительные привычки и навыки, приучает их к порядку и дисциплине. Если же в исправительных учреждениях (ИУ) вопросам материально-бытового обеспечения осужденных не уделяется должного внимания, это может привести к нарушениям режима отбывания наказаний и групповым неповиновениям, массовым беспорядкам, захвату заложников из числа сотрудников администрации ИУ.

Исследования, проведенные в области материального, бытового, медицинского и санитарного обеспечения осужденных к лишению свободы (анкетирование 750 осужденных в 12 ИУ различных видов режима и интервьюирование 68 сотрудников отделов служб интендантского обеспечения и медицинских работников), позволили объективно оценить сложившуюся в ИУ ситуацию относительно материально-бытового и медико-санитарного обеспечения осужденных и критически проанализировать федеральное и ведомственное законодательство, регулирующие вопросы поставленной проблемы.

В целом материально-бытовое обеспечение в ИУ можно охарактеризовать как комплекс организационных мероприятий, проводимых на основе действующего законодательства и направленных на создание условий для обеспечения нормальной жизнедеятельности осужденных¹.

Основными задачами, стоящими перед персоналом ИУ по организации материаль-

но-бытового обеспечения осужденных, являются:

- планирование обеспечения осужденных инвентарем, продуктами питания, вещевым имуществом; ремонта и строительства объектов жилищного, коммунально-бытового, торгового, культурно-просветительного назначения;

- контроль за соблюдением норм жилых, коммунально-бытовых помещений и вещевого довольствия;

- содержание в должном техническом состоянии имеющихся объектов ИУ;

- обеспечение нормальной деятельности банно-прачечных блоков, парикмахерских, пошивочных, сушилок, столовых;

- организация питания в соответствии с рекомендациями, учитывающими потребности человека в определенных пищевых килокалориях;

- организация продовольственного и вещевого довольствия, обеспечения коммунально-бытовым инвентарем, торговли для осужденных;

- комплектование отделов (групп) интендантского и хозяйственного обеспечения квалифицированными сотрудниками².

Правовое регулирование и организация медицинского обеспечения лиц в ИУ осуществляются в соответствии со ст. 41 Конституции РФ. Изолируя преступника от общества и помещая его в специальное учреждение, государство берет на себя обязанность по исполнению наказания, охране жизни и здоровья осужденного. В этой связи в ст. 101 УИК РФ и ст. 13 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», других нормативных актах охрана здоровья осужденных определяется как одна из важнейших задач деятельности администрации ИУ и всей уголовно-исполнительной системы (УИС).

В целом материально-бытовое и медицинское обеспечение осужденных определяется видом ИУ. Так, 41 % от общего числа респондентов высказались о том, что нормы материально-бытового обеспечения в достаточной для существования степени

¹ См.: Исправительно-трудовое (уголовно-исполнительное) право: Учеб. пособие для учеб. заведений МВД России / Под ред. А. В. Маслихина. Рязань, 1993. С. 170.

² См.: Уголовно-исполнительное право: Учеб. для юрид. вузов / Под ред. В. И. Селиверстова. 4-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 231.

представлены в СИЗО, 19 % опрошенных указали на ИК общего режима. По мнению 8 % осужденных, нормы материально-бытового обеспечения осужденных в достаточной для существования степени представлены в ИК особого вида режима. На наш взгляд, указанные цифры могут отражать объективность, поскольку каждый осужденный, как правило, до осуждения содержался под стражей и находился в период следствия в СИЗО.

Анализ анкетных данных респондентов из числа осужденных, содержащихся в ИУ различных видов режима, показал, что в настоящее время, 45 % осужденных необходимыми средствами личной гигиены обеспечивают родственники, друзья, знакомые, которые присылают средства гигиены в посылках, передачах, бандеролях; 15 % респондентам помогают другие осужденные и такое же количество осужденных не пользуются в полном объеме средствами индивидуальной гигиены, предусмотренными уголовно-исполнительным законодательством.

Следует отметить, что из 256 опрошенных, содержащихся в СИЗО, 19 % имеют в камере весь необходимый коммунально-бытовой инвентарь, 67 % – только некоторые предметы, 3 % ничего не имеют в камере.

Необходимо заметить, что в 2004 г. на содержание осужденных было выделено 7,2 млрд руб. из федерального бюджета, что в четыре раза больше, чем в 1999 г. Причем в настоящее время объем средств, выделяемых на содержание подозреваемых, обвиняемых и осужденных, находящихся в различных ИУ, постоянно увеличивается.

Во исполнение Указа Президента РФ «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» от 13 октября 2004 г. № 1313 и постановления Правительства РФ «О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, на мирное время» от 11 апреля 2005 г. № 205 министром юстиции был

подписан приказ от 2 августа 2005 г. № 125, вносящий существенные изменения в определение норм питания различных категорий спецконтингента, содержащихся в ИУ ФСИН России.

Как указали респонденты из числа сотрудников ИУ, в настоящее время актуальной проблемой является организация продовольственного довольствия, так как продукты, централизованно получаемые на базах ФСИН России, ниже по стоимости, чем на оптовых базах промышленных предприятий, но более низкого качества. Решение данного вопроса зависит от многих обстоятельств: работы производства, удаленности учреждений от городов, наличия подсобного хозяйства, помощи благотворительных организаций и попечителей, квалификации поваров и т. п.

Другой проблемой, выявленной в ходе проведенного исследования, является организация питания осужденных в соответствии с нормами по калорийности и учетом потребностей человека в суточной норме витаминов. В ИУ дефицитными остаются натуральные продукты с содержанием белка и витаминов, овощи и фрукты. Минимальный рацион поддерживается в течение продолжительного времени за счет продуктов ограниченного ассортимента.

В ходе исследования 76 % осужденных указали на отсутствие мясных продуктов, их замену соевым заменителем, 56 % – на низкое качество и небрежное приготовление пищи (использование испорченных продуктов, наличие посторонних предметов в пище), несоблюдение санитарных правил (плохо вымытая посуда, грязные помещения, наличие грызунов и насекомых). В отдельных колониях обозначенные в меню продукты не соответствовали реально наличествующим в рационе. Следует также отметить, что 11 % от общего числа респондентов оценивают рацион питания в ИУ как удовлетворительный, а 6 % готовят пищу сами.

Отметим, что в сложной ситуации оказываются также вегетарианцы и те, кто не нарушает религиозных запретов на потребление отдельных продуктов (например мусульмане), так как в правилах внутреннего распорядка, установленных нормативах питания, порядке поставки продуктов не учитываются индивидуальные запросы осужденных.

В соответствии с приказом Минюста России от 2 августа 2005 г. № 125 норма замены продуктов питания при выдаче продовольственных пайков включает в себя 123 позиции. Так, любую крупу можно заменить квашеными и солеными овощами, свежий картофель – репчатым луком или морской капустой, мясо – плавленым сыром и т. д.

Актуальной проблемой обеспечения прав лиц, содержащихся в ИУ, является доступ естественного и функционирование искусственного освещения в СИЗО, штрафных изоляторах и помещениях камерного типа.

В ходе проверки одного из СИЗО г. Владивостока представители Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания отметили: «... окна камер (в том числе камер в отделении, где содержатся больные туберкулезом) закрыты сплошными металлическими ставнями, которые серьезно ограничивают поступление естественного освещения и свежего воздуха. Что касается искусственного освещения, которое используется круглые сутки, то во многих камерах оно было явно недостаточным»¹.

Следует также отметить, что в настоящее время в ведомственных приказах и инструкциях отсутствуют нормы расчета естественного и искусственного освещения помещений, где содержатся осужденные. В связи с этим представляется целесообразным предложить эти расчеты, основываясь на СНИП 23-05-95 «Естественное и искусственное освещение. Нормы проектирования».

Необходимо также указать на удовлетворительную эпидемиологическую и санитарную обстановку в учреждениях и органах УИС.

Основные принципы охраны здоровья граждан, отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы, отражают:

- соблюдение прав человека и гражданина в области охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий;

- приоритет профилактических мер в области охраны здоровья граждан;

- доступность медико-социальной помощи;

- социальную защищенность граждан в случае утраты здоровья;

- ответственность органов государственной власти и управления, предприятий, учреждений и организаций независимо от формы собственности, должностных лиц за обеспечение прав граждан в области охраны здоровья.

Амбулаторная работа медицинских частей, помимо обследования, диагностики и лечения больных, предусматривает диспансеризацию осужденных, которая проводится раз в год и способствует своевременному выявлению лиц, нуждающихся в систематическом врачебном наблюдении и лечении. Диспансерному наблюдению подлежат осужденные, страдающие хроническими заболеваниями, перечень которых утвержден Министерством здравоохранения и социального развития РФ.

При поступлении осужденного в ИУ задачей карантина является определение инфекционных, эпидемиологических заболеваний с целью предупреждения их распространения в учреждении. Однако в некоторых колониях медицинское обследование вновь прибывших осужденных делается поверхностно, часто его целью является только определение физической пригодности осужденных к выполнению определенных производственных работ.

Анализ проведенного анкетирования показал, что 53 % осужденных считают медицинское обеспечение ИУ неудовлетворительным (нехватка лекарств, устаревшее медицинское оборудование и т. п.); 21 % указали на ограниченность медицинской помощи устными пожеланиями врача и выдачей медицинских препаратов. Только 26 % респондентов отметили удовлетворительную медицинскую помощь, которая была им предоставлена со стороны персонала медицинской части.

Больные алкоголизмом и наркоманией могут получать квалифицированную специализированную помощь в обычном ИУ на базе медико-санитарной части или в специализированном ИУ для лечения указанной категории осужденных. Данные уч-

¹ Рекомендации Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания Правительству Российской Федерации // Ведомости УИС. 2002. № 8. С. 81–96.

реждения имеют соответствующее оборудование, штат врачей, специалистов (психиатров-наркологов).

Следует отметить, что 28 % осужденных указали на отсутствие в момент обращения за помощью в штатах медицинской части ИУ врача соответствующей категории; 4 % респондентов использовали собственные средства для привлечения врачей-специалистов; 14 % указали на невозможность решить данный вопрос с представителями администрации; 82 % сообщили о ненужности привлечения врачей других специальностей за счет средств, имеющихся на их лицевых счетах.

Материально-бытовое и медико-санитарное обеспечение лиц, заключенных под

стражу, во-первых, должно соответствовать нормам, правилам и принципам порядка отбывания наказаний, признанных международным пенитенциарным законодательством, во-вторых, реально обеспечивать возможность реализации прав и законных интересов лиц, осуждаемых за совершение противоправных деяний, в период отбывания наказаний.

На наш взгляд, в процессе интеграции в международное сообщество и построения демократического и правового государства следует проводить эффективную уголовно-исполнительную политику в отношении лиц, совершивших противоправные деяния.

А. С. Колосов,
*старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ из системы наказаний было исключено дополнительное имущественное наказание в виде конфискации имущества. Подобное решение не было каким-либо образом обосновано законодателем и противоречило позиции многих видных отечественных правоведов, состоявшей в том, что данный вид наказания следует не только сохранить, но и расширить сферу его применения¹. Заменить конфискацию имущества как дополнительный вид наказания за

совершение тяжких и особо тяжких корыстных преступлений, по мысли законодателя, должен штраф. В свете этого резонно возникает вопрос: смог ли штраф стать адекватной заменой конфискации имущества и выполнить те функции, которые призван был выполнять?

Наказание в виде конфискации имущества было направлено в первую очередь против лиц, совершавших крупные хищения, против коррупционеров, наживших огромные капиталы за счет взяточничества и других служебных злоупотреблений, а также крупных наркоторговцев. Положение о том, что имущество, нажитое преступным путем, подлежит процессуальной конфискации в порядке, предусмотренном ст. 81 УПК РФ, не решает данной проблемы. Так, точно доказать, что вся недвижимость, счета в банках и другое имущество осужденного коррупционера приобретены преступным путем, практически невозможно (что неудивительно, ведь известно, что латентность взяточничества превышает 90 %). Если по ранее действовавшему законодательству суд, признав субъекта виновным в совершении тяжкого корыстного преступления (например получение взятки при особо квалифицирующих обстоятельствах), имел право применить в отношении него наказание в виде конфискации имущества, то теперь он подобной возможности лишился².

¹ См., напр.: *Зубков А. И.* Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М., 2000. С. 50–52; *Зубков А. И., Зубкова В. И.* Проблемы реформирования уголовной (карательной) политики на современном этапе // Журн. рос. права. 2002. № 5. С. 23–32; *Милюков С. Ф.* Российское уголовное законодательство. Опыт юридического анализа. СПб., 2000. С. 209–210; *Старков О. В., Милюков С. Ф.* Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2001. С. 73–78 и др.

² См.: *Игнатов А. Н.* Некоторые аспекты реформирования уголовного законодательства // Журн. рос. права. 2003. № 9. С. 25–26.

В настоящее время изъять у преступника имущество, добытое преступным путем, практически невозможно, если оно легализовано, полученные средства пущены в оборот, на них приобретено иное имущество и т. д. Во всех подобных ситуациях вероятность доказуемости связи имущества, добытого преступным путем, и тем или иным образом легализованного имущества маловероятна. Поэтому, по мнению исследователей, для лиц, совершивших преступления, многократно повышается возможность сохранения и пользования результатами своего преступного деяния¹.

По нашему мнению, замена наказания в виде конфискации имущества штрафом малоэффективна. Ведь даже в тех случаях, когда размер штрафа за хищение в особо крупных размерах повышается до одного миллиона рублей (абсолютно максимальной штрафной санкции в соответствии с действующей редакцией УК РФ), для коррупционера или представителя крупного бизнеса, добывшего преступным путем денежные средства и другое имущество на сотни миллионов долларов, штраф не является наказанием, соответствующим совершенному им преступлению. После отбытия назначенного ему судом срока наказания в виде реального лишения свободы (если оно будет назначено) и уплаты штрафа данное лицо может на законных основаниях распоряжаться оставшейся частью имущества, нажитого преступным путем.

В 2004–2005 гг. нами проводилось исследование, посвященное актуальным проблемам уголовного наказания, в ходе которого было опрошено более 400 экспертов в сфере уголовной юстиции (сотрудников ФСИН России, ОВД, прокуратуры и суда). Отвечая на вопрос о способности штрафа, назначаемого в качестве дополнительного наказания, заменить конфискацию имущества, 66,7 % респондентов указали, что штраф не может стать адекватной заменой данному наказанию. Кроме того, 72,3 % опрошенных резко отрицательно оценили само решение законодателя об исключении конфискации имущества из УК РФ.

Противники конфискации имущества объявляли ее наследием тоталитарного ста-

линского режима. Однако подобное утверждение не совсем корректно. Конфискация имущества известна уголовному праву России с древнейших времен. Пространная редакция «Русской правды» называла ее «разграбление» и говорила о том, что оно применяется за такие преступления, как убийство в разбое (ст. 7), кража коня (ст. 35), уничтожение чужого имущества путем поджога (ст. 83)². Затем в Уложении 1649 г. оно фигурирует уже под названием «отобрание». Отобрание всего или части имущества (в особенности недвижимого) широко применялось за разбой, корчемство, политические преступления³. Предусматривалась конфискация имущества в более позднем Уложении о наказаниях 1845 г. и Уголовном уложении 1903 г.⁴

Необоснованными, по нашему мнению, являются сомнения некоторых авторов относительно целесообразности полной конфискации имущества ввиду ее чрезмерной жестокости⁵. Не случайно конфискация имущества имеется в системах наказаний большинства демократических государств⁶.

Мы не согласны с утверждением о том, что конфискация как вид наказания противоречит общепризнанным нормам международного права, Конституции РФ, принципам гуманизма и справедливости⁷. Достаточно сказать, что в Нидерландах ведется подготовка к внедрению правовой санкции в виде конфискации незаконно полученных доходов даже без привлечения виновных к уголовной ответственности⁸.

По мнению Генерального прокурора РФ, конфискация имущества должна быть восстановлена и призвана стать важным фак-

² См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 64, 66, 70.

³ См.: там же. М., 1985. Т. 3. Акты Земских соборов. С. 86.

⁴ См.: Российское уголовное право: Курс лекций: В 2 т. Владивосток, 1999. Т. 2. Наказание / Под ред. А. И. Коробеева. С. 99.

⁵ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 382, 383.

⁶ См.: Например, пп. 4 и 7 ст. 131–6 УК Франции // Новый Уголовный кодекс Франции. М., 1993. С. 14.

⁷ См.: Кузнецов А. Конфискация имущества как кумулятивный вид наказания в уголовном законодательстве // Уголовное право. 1999. № 2. С. 39–43.

⁸ См.: Старков О. В., Милуков С. Ф. Указ. соч. С. 73.

¹ См.: Бриллиантов А. Изменения законодательства о наказании // Рос. юстиция. 2004. № 5. С. 36.

тором сдерживания коррупции, наркопреступности и терроризма¹. За подобное решение активно выступают и ведущие представители уголовно-правовой доктрины².

Кроме того, обязанность нашей страны восстановить в законодательстве наказание в виде конфискации имущества вытекает из ратифицированных Российской Федерацией международных конвенций о борьбе с терроризмом, коррупцией и отмыванием денежных средств. Так, 8 марта 2006 г. Президентом РФ был подписан ранее принятый Государственной Думой Федеральный закон «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» № 40-ФЗ. Данный международный нормативный правовой акт рассматривает конфискацию имущества в качестве важнейшего инструмента предупреждения и борьбы с коррупцией и обязывает страны-участницы предусмотреть данный вид наказания за коррупционные преступления во внутреннем законодательстве. Ранее наша страна присоединилась к Европейской конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г. (ратифицирована Федеральным законом от 28 мая 2001 г. № 62-ФЗ) и Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. (ратифицирована Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 88-ФЗ). Данные международные правовые акты обязывают стран-участниц установить конфискационные санкции соответственно за легализацию и отмывание доходов от преступной деятельности и финансирование терроризма.

С целью повышения эффективности наказания в виде конфискации имущества при его восстановлении в действующем законодательстве необходимо устранить ряд конструктивных недостатков, характеризовавших регламентацию данного вида наказания в прежней редакции УК РФ.

Первым существенным недостатком прежней редакции ст. 52 УК РФ, на наш

взгляд, являлось установление конфискации имущества лишь за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные исключительно из корыстных побуждений. Тем самым исключалась возможность применения конфискации к преступникам, извлекавшим огромные доходы за счет преступлений, не отнесенных законодателем к категории тяжких либо особо тяжких (ст. 165, ч. 1 ст. 171, ст. 171¹, ч. 1 ст. 172, ст. 173, ч. 1 и 2 ст. 174, ч. 1 и 2 ст. 174¹, ч. 1 и 2 ст. 175, ст. 176, ч. 1 и 2 ст. 178, ст. 184, ст. 185, ч. 1 ст. 188, ч. 1 ст. 191, ст. 192, 194, 196–198, ч. 1 ст. 199, ст. 199², 201–202, 204 УК РФ). Указанные ограничения исключали назначение конфискации и за преступления, которые хотя и совершаются не по корыстным мотивам, но наносят имущественным отношениям существенный вред (ст. 166, 167, 205, 205¹, 212, 243 и др. УК РФ). Безусловно, за совершение большинства указанных преступлений полная конфискация имущества была бы чрезмерно жестоким наказанием. Однако частичная конфискация имущества осужденного, преступное происхождение которого очевидно, но трудно доказуемо, была бы в данном случае вполне логичной санкцией, отвечающей требованиям достижения такой цели наказания, как восстановление социальной справедливости.

Другим существенным недостатком прежней редакции ч. 1 ст. 52 УК РФ являлось указание на то обстоятельство, что конфискуемое имущество должно принадлежать осужденному на праве собственности. Следственная и судебная практика свидетельствуют, что преступник нередко заблаговременно оформляет принадлежность имущества на своих родственников или посторонних подставных лиц. К сожалению, действующее законодательство не создает достаточно прочной правовой базы для изъятия ценностей в таких случаях.

Мы полностью разделяем точку зрения профессора С. Ф. Милюкова относительно того, что органы предварительного расследования одновременно с возбуждением уголовного дела, а оперативные сотрудники до такого решения должны установить качественные и количественные характеристики имущественного положения винов-

¹ См.: Солнечная А. Конфискацию имущества вернут в УК // <http://www.utro.ru>; Молчанова М. В России прокуратура регистрирует только 1–2 % взяток // Там же.

² См.: Самый гуманный УК в мире // Известия. 2004. 6 марта; Кузнецова Н., Кудрявцев В. Ошибка с конфискацией // Рос. газ. 2005. 29 марта.

ного и принять исчерпывающие меры по предотвращению сокрытия ценностей (в том числе путем наложения на них ареста). В случае сокрытия ценностей следует организовать их розыск и юридически оформить факт их принадлежности именно виновному, а не номинальным владельцам. Вместе с тем необнаружение имущества на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса не должно препятствовать возможности назначения судом рассматриваемого наказания, так как имущество может быть найдено и обращено в доход государства на стадии исполнения приговора¹.

Представляется, что устранить отмеченные недостатки можно за счет восстановления ст. 52 УК РФ с одновременным внесением в ее содержание ряда изменений и дополнений. Данную статью, по нашему мнению, целесообразно изложить в следующей редакции:

«1. Конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного.

И. А. Коновалова,

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного областного университета
кандидат юридических наук*

АМНИСТИЯ И ПОМИЛОВАНИЕ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ОСУЖДЕННЫХ НА ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЙ

Одной из наиболее важных задач современного развития Российского государства является укрепление правопорядка и совершенствование правовой политики.

В период роста преступных деяний, разнообразия форм и методов их проявления как никогда необходимо изучить качество законов, способствующих успешной борьбе с преступностью. Уголовный закон, сочетающий в себе жесткость наказания в отношении лиц, обладающих повышенной общественной опасностью, совершивших преступные деяния, и разнообразные меры смягчения от-

2. Конфискация может быть обращена на имущество, переданное осужденным во владение, пользование и распоряжение другим физическим или юридическим лицам, в случае, если есть основания полагать, что данное имущество было получено осужденным преступным путем.

3. Конфискация имущества может быть назначена судом только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса».

Одновременно конфискация имущества в качестве дополнительного наказания должна быть введена в санкции вышеперечисленных составов преступлений.

По нашему мнению, восстановление наказания в виде конфискации имущества на современном этапе является актуальной потребностью российской уголовной политики. Это решение обусловлено объективными причинами, состоянием криминогенной обстановки в стране. Конфискация имущества должна стать эффективным инструментом в борьбе с коррупционной и организованной преступностью, а также терроризмом.

ветственности в отношении лиц, совершивших неосторожные преступления и вставших на путь исправления, использует убеждение и принуждение в современной правовой политике. Актуальными остаются не только применение кары за совершенное преступление, но и выявление среди всей массы преступников тех, кто осознал преступность своего поведения и не нуждается в изоляции от общества.

Ранее досрочное освобождение от отбывания наказаний называли «милосердием государства», на языке современного права акты гуманности и прощения именуется помилованием, амнистией и реабилитацией. В сочинениях Ч. Беккариа выражена мысль, поражающая своей парадоксальностью: счастливо государство, которому не нужны амнистии. «Эта истина покажется суровой тому, кто живет при беспорядочной уголовной системе, когда прощение и милость тем более необходимы, чем нелепее законы и чем жестче осуждение»².

Борьба с таким социальным явлением, как преступность, имеет свои объективные зако-

¹ См.: Старков О. В., Милуков С. Ф. Указ. соч. С. 74–75.

² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 243.

ны, и уголовная политика должна их учитывать. Отражение уголовной угрозы не может нарушать принцип законности и адекватности наказания за содеянное. Заслуживающий милосердия должен быть прощен. Об этом надо напоминать в период возмущения небывалым ростом преступности, справедливого самого по себе, но нередко приводящего к предъявлению требований, выходящих за рамки законности, подталкивающих правоохранительные органы к действиям, не соответствующим их статусу, так как они должны быть не только гарантом законности, но и образцом ее соблюдения.

Концептуальное изменение в подходе к амнистиям, помилованиям, другим видам досрочного освобождения от уголовной ответственности и наказания было предложено еще в XIX в. и заключалось в том, чтобы перевести эти понятия из сферы уголовного права в сферу государственного (конституционного) права.

Действительно, амнистия, помилование, другие формы массового освобождения от уголовной ответственности имеют признаки государственно-правовых решений. Они принимаются высшими органами власти и управления, порядок их принятия и пределы действия устанавливаются Конституцией РФ. Они влекут за собой комплексные последствия, которые можно разделить на две группы: правовые и криминологико-социальные. К первой группе следует отнести уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные, оперативно-разыскные, административные, гражданско-правовые и последствия в сфере трудовых отношений.

Криминологические и социальные последствия амнистий, иных видов освобождения преступников обычно связывают с поведением освобожденных – включатся ли они в нормальную жизнь или вернутся к преступной деятельности. Но есть иная парадигма. Определяются следующие основные проблемы: конституционно-правовые основы амнистий, помилований, других видов государственного прощения преступников; правовые последствия амнистий, помилований; криминология и социология амнистий и помилований, совершенствование правового регулирования государственного прощения совершивших преступление как часть общей уголовно-правовой реформы.

В юридической литературе проблемам амнистии и помилования посвящено немало научных работ¹, однако вопрос о правовой природе этих актов освещен недостаточно убедительно и требует более полного самостоятельного рассмотрения. Ответ на него имеет теоретическое и практическое значение, так как будет способствовать раскрытию сущности данных институтов, определению условий и порядка их назначения.

Институты амнистии и помилования, несомненно, помогают решить сложившуюся проблему соответствия наказания содеянному. На основании актов об амнистии и помиловании в настоящее время может быть решен по существу любой правовой вопрос в отношении лица, совершившего преступление. Акты амнистии в нашей стране выражают требования гуманизма и социально-политической рациональности организации системы воздействия на преступность. Однако, несмотря на то, что амнистия считается прежде всего гуманным актом, она является также инструментом политики. «И, – как говорит Л. Шпигель, – коль скоро он появился на свет, не худо бы к нему приложить инструкцию по использованию»². Иначе амнистии могут привести к освобождению от ответственности или наказания за тяжкое преступление только по формальным признакам. Однако конкретного нормативного акта, регулирующего порядок издания и применения амнистии, в настоящее время не существует. Каждая амнистия применяется на основании принимаемого постановления о порядке ее применения.

Действующее законодательство не содержит перечня вопросов, которые необходимо установить при применении актов амнистии или помилования; не определяет круга обстоятельств, которые могут служить основанием для издания акта о помиловании; порядка осуществления надзора за помилованными и амнистированными. Более того, не установлены различия между амнистией и помилованием. В то же время амнистия и помилование имеют широкое распространение, и многие вопросы,

¹ См., напр.: Ромашикин П. С. Амнистия и помилование в СССР. М., 1959; Квашиш В. Е. Гуманизм советского уголовного права. М., 1969; Марозулова И. Л. Амнистия и помилование в российском законодательстве. М., 1998.

² Шпигель Л. Амнистия – это инструмент политики? // Независимая газ. 1994. 30 марта. С. 6.

связанные с применением этих институтов, вызывают затруднение на практике.

С целью решения существующих проблем и совершенствования института государственного прощения необходимо принятие закона об амнистии и помиловании, который должен содержать новые прогрессивные направления в развитии идей амнистии и помилования. Несомненно, что применение амнистии должно являться исключительной компетенцией суда. Амнистия должна применяться только в отношении лиц, чья вина в правонарушении полностью доказана. Только суд вправе наказать виновного и освободить его по амнистии от дальнейшего отбывания наказания, сократить наказание, заменить его на более мягкое, а также прекратить дело по амнистии.

Закон об амнистии и помиловании должен быть единым. Это обусловлено не только однородностью актов прощения, но и их отдаленностью от обычных юрисдикционных функций и единством мотивации.

Следует отметить, что хотя и существуют правила подачи ходатайств о помиловании и порядок их рассмотрения, изданные в 1983 г., их применение в настоящее время практически невозможно. Это прежде всего связано с изменениями законодательства России, происшедшими с 1983 по 2000 г. В связи с этим необходимо издание новых правил, которые соответствовали бы современному законодательству.

Говоря о недостатках, связанных с порядком применения амнистий и помилования, нельзя не отметить и положительную сторону изменений в уголовном законода-

тельстве, связанных со вступлением в действие с 1 января 1997 г. нового УК РФ. В нем законодательно закреплены разграничения институтов амнистии и помилования с указанием субъектов, обладающих правом на издание актов об амнистии или помиловании, и последствий их применения. Законодательное закрепление этих вопросов, безусловно, является шагом вперед в уголовном законодательстве.

Необходимо создать действующую систему надзора за лицами, которые были освобождены от уголовной ответственности и наказания в порядке амнистии или помилования; специализированные органы или назначить отдельных лиц, уполномоченных на осуществление надзора. Они должны осуществлять надзорные функции, оказывать помощь амнистированным или помилованным лицам в поиске жилья и трудоустройстве. От амнистированного лица следует требовать выполнения определенных правил, способствующих содействию в разрешении возникающих проблем.

Наличие законодательных актов, регламентирующих основания и порядок применения актов об амнистии и помиловании, а также действующей системы надзора за лицами, освобожденными в порядке амнистии или помилования от уголовной ответственности или наказания, урегулировало бы применение амнистии и помилования, способствовало предупреждению преступлений, исправлению и перевоспитанию лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния.

И. А. Кузнецова,
*преподаватель кафедры экономических
и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОВЫХ ОСНОВ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОЛОНИЯХ (1957–1969 гг.)

В условиях исправительных учреждений, при ограничении сферы общения, концентрации большого количества заключенных, возникает необходимость в поддержании

установленного законодательством внутреннего порядка путем формирования у осужденных системы взглядов, привычек и убеждений, соответствующих господствующей в обществе и государстве идеологии. По замыслу законодателя, идеологическое воздействие должно выступать в качестве основного средства формирования личности и перевоспитания правонарушителей.

В конце 1950-х гг. в Советском государстве произошли существенные изменения в общественно-политической жизни страны. Были предприняты попытки ее демократизации, последовательного избавления от наследия культа личности Сталина, осо-

бенно в содержании карательной политики, восстановлении законности.

Эти изменения нашли отражение в новых законодательных актах, структурных преобразованиях в сфере исполнения наказаний.

На 1 января 1957 г. осужденные, представляющие небольшую социальную опасность, составляли 32,7 % (для сравнения: в 1953 г. – 43,5 %). Вместе с тем нередко необоснованно освобождались рецидивисты, совершившие тяжкие уголовные преступления. В результате этого обострилась криминогенная обстановка в стране.

Согласно данным, представленным министром внутренних дел СССР Н. П. Дудоровым в докладе под грифом «совершенно секретно» в ЦК КПСС 5 апреля 1956 г., в колониях и тюрьмах страны содержались 940 880 заключенных, в том числе в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) и колониях МВД – 781 630 человек. Из них осужденных:

- за контрреволюционные преступления – 113 735 человек;
- бандитизм, разбой и умышленные убийства – 135 131;
- грабежи, кражи, хищения и другие тяжкие уголовные преступления 305 593;
- хулиганство – 114 059;
- должностные, хозяйственные и прочие преступления – 113 112.

Для сравнения: в лагерях ОГПУ, по данным на 1 января 1932 г., содержались 334 300 человек, а на 1 января 1953 г. в лагерях и колониях – 2 472 247 заключенных. Осужденные размещались в 46 ИТЛ, включавших 1 398 лагерных подразделений и в 524 колониях и лагерных подразделениях, входивших в управления (отделы) ИТЛ и колонии МВД республик, УВД краев и областей. В 412 тюрьмах находилось 159 250 заключенных, из них приговоренных к тюремному заключению – 6 235; к высшей мере наказания – 1 163; переведенных в дисциплинарном порядке на тюремный режим из ИТЛ – 7 517; числящихся за следственными и судебными органами – 90 086; подлежащих переводу в лагеря и колонии – 40 603¹. Переполненность исправительных

учреждений, содержание воров-рецидивистов совместно с остальными заключенными являлись причиной совершения новых преступлений в местах лишения свободы, формирования банд.

В советских исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ) на протяжении длительного времени велась поисковая работа по нахождению наиболее оптимальных форм официальной среды (ухудшения или улучшения режима) осужденных, с тем чтобы наиболее эффективно использовать предусмотренные законом формы, методы и средства психолого-педагогического воздействия на личность.

В качестве наиболее удачной формы организации осужденных был признан отряд, появившийся в 1957 г. Создание отрядов и повсеместное утверждение отрядной системы связаны с мерами, принимаемыми государством, по укреплению законности и восстановлению в деятельности исправительно-трудовых учреждений принципа «от тюрем к воспитательным учреждениям»². В основных ведомственных нормативных актах, регламентирующих работу в отряде, были определены цели и задачи отрядной системы, отработка организационных основ и принципов формирования отрядных комитетов, а также функции работников отрядного звена. В Положении о начальнике отряда заключенных в исправительно-трудовых колониях МВД РСФСР 1962 г. подчеркивалось, что задача по перевоспитанию осужденных к лишению свободы может быть решена лишь при правильной постановке индивидуальной воспитательной работы с каждым заключенным. В целях создания условий для организации данной работы заключенные во всех исправительно-трудовых колониях (ИТК) распределены по отрядам, комплектование которых осуществлялось по производственному принципу. В Положении была определена максимальная численность осужденных в каждом отряде с учетом режима отбывания наказаний в колонии. Впервые на ведомственном уровне был закреплён

¹ См.: Российский государственный архив новейшей истории, ф. 89, оп. 16, д. 1, лл. 4, 6.

² Ключин В. Ф. Организационно-педагогическое управление и развитие отрядной системы в исправительно-трудовых колониях МВД СССР. М., 1976. С. 17.

принцип: «Отряд – центр воспитательной работы с заключенными».

В 1957 г. были внесены изменения в Правила для заключенных, содержащихся в тюрьмах МВД, согласно которым заключенные, переводимые впервые в дисциплинарном или судебном порядке из лагерей и колоний, первоначально в течение двух месяцев содержались на строгом режиме, а переводимых повторно – не менее шести месяцев.

Принимались меры по изоляции наиболее опасных заключенных из числа уголовно-бандитствующих лиц. Для этих целей в подразделениях строгого режима организовались бараки камерного типа для содержания в каждом из них до 30 человек. Сюда заключенные помещались по постановлению администрации ИТУ с санкцией начальника УВД. Условия содержания осужденных регламентировались Инструкцией о порядке содержания заключенных. Постановление Совета Министров СССР от 8 декабря 1958 г. № 1334 утвердило новое Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД СССР, которое определило задачи мест заключения, основные средства воздействия на заключенных, их содержание, виды ИТК, порядок и условия содержания заключенных, в соответствии с которым в ИТК были установлены три вида режима: общий, облегченный и строгий.

В 1959 г. проводилась работа по изменению видов режима заключенным. Для осужденных лиц режим устанавливался в зависимости от тяжести совершенных ими преступлений и степени общественной опасности, а к заключенным, отбывающим наказания, – в зависимости от поведения. В связи с этим во второй половине 1950-х гг. органы внутренних дел стали активнее проводить работу по установлению прежних судимостей у всех осужденных. В результате этого режим стал важнейшим средством воспитательного воздействия¹.

Дальнейшая разработка правовых основ деятельности мест лишения свободы и их

структурных преобразований связана с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению деятельности органов Министерства внутренних дел» от 3 апреля 1961 г. В этой связи указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 сентября 1961 г. было утверждено новое Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел РСФСР от 11 сентября 1961 г. № 440².

В начале 1960-х гг. в соответствии с новым законодательством были приняты меры по укреплению внутреннего порядка в исправительно-трудовых учреждениях. В связи с созданием колоний общего, усиленного, строгого и особого видов режима была проведена работа по перемещению контингента.

По новому законодательству осужденные на всех видах режима могли пользоваться по безналичному расчету деньгами, заработанными исключительно в колонии, что должно было стимулировать заключенных к труду. Им запрещалось иметь при себе наличные деньги и ценности, что препятствовало приобретению запрещенных предметов. Одновременно устанавливалась квота на свидания, передачи и посылки. Это наиболее сильно проявлялось в колониях особого режима, предназначенных для особо опасных рецидивистов. Для них была введена специальная форма одежды, а также ряд других ограничений.

Говоря о роли режима в решении воспитательных задач, следует отметить, что соблюдение осужденными правил поведения в местах лишения свободы влияет в дальнейшем на соблюдение ими правил общественной жизни после освобождения.

В связи с этим распорядок дня в ИТУ, призванный регламентировать жизнь осужденных, имеет особое значение. Важную роль здесь играют такие элементы распорядка дня, как подъем, физическая зарядка, занятия в школе, проведение культурно-массовых мероприятий, вечерняя проверка, отбой и др. Все это должно выполняться в точно указанное время, под контролем лиц,

¹ См.: Дагель П. С. Учения о личности осужденного в советском исполнительно-трудовом праве. Владивосток, 1972. С. 120–121.

² См.: Сборник нормативных актов. М., 1961. Т. 1. С. 112–118.

уполномоченных на то администрацией, с высокой степенью организованности¹.

В условиях исправительно-трудовых учреждений большое значение для укрепления режима имеют меры дисциплинарного и воспитательного воздействия. В 1960-е гг. руководители ИТУ нередко в стремлении создать видимость благополучия в колонии рассматривали серьезные преступления, предусмотренные Уголовным кодексом РСФСР (злостное хулиганство, телесные повреждения и т. п.), как нарушение режима и не привлекали к уголовной ответственности виновных. Как правило, за указанные правонарушения осужденные водворялись в штрафной изолятор. Такая позиция приводила к безнаказанности и оказывала отрицательное влияние на других.

В июле 1966 г. Верховным Советом СССР и Советом Министров СССР были приняты меры по усилению борьбы с преступностью, которые в условиях ИТК выразились прежде всего в укреплении режима и внутреннего порядка. Во второй половине 1966 г. во многих подразделениях ИТУ не допускался либерализм по отношению к осужденным, нарушающим дисциплину и совершающим преступления на почве хулиганства. В результате этого увеличилось число осужденных, привлеченных к уголовной и дисциплинарной ответственности.

К концу 1960-х гг. сложились определенные предпосылки для строгой регламентации поведения осужденных в ИТК. Был накоплен опыт организации карательно-воспитательного воздействия, проводились научные исследования проблем перевоспитания осужденных, изменился характер работы дежурной службы в подразделениях, увеличилось количество аттестованных сотрудников, снизилась численность осужденных в отрядах, упрочились самостоятельные организации правонарушителей.

Мировой опыт деятельности пенитенциарных учреждений 1957–1969 гг. был отражен в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, принятых ООН в 1959 г. Однако официальные вла-

сти, администрация колоний предпочитали умалчивать о них, ибо в противном случае необходимо было бы кардинально менять правоприменительную практику в отношении осужденных.

При исполнении наказания в виде лишения свободы находил применение весь комплекс государственно-правовых, социально-экономических, идеологических и воспитательных институтов, существенно затрагивающих права и интересы осужденных. Это положение усугублялось целым рядом ведомственных актов, которые предусматривали преимущественно принудительные и запретительные меры воздействия, заставляло диссидентов оказывать сопротивление режиму в исправительно-трудовых учреждениях.

Политико-воспитательная работа в комплексе мер исправительно-трудового воздействия занимает особое место. Она призвана формировать у осужденного в соответствии с государственной, общественной и общечеловеческой идеологией взгляды и убеждения, которые должны предопределять его правопослушный образ жизни, как в местах лишения свободы, так и после отбытия уголовного наказания. Формирование гражданской позиции – основное ее назначение. В основе политико-воспитательной работы в качестве неперемennых условий ее эффективности лежат: классификация осужденных по различным основаниям на однородные группы; обеспечение на этой основе дифференциации карательно-воспитательного воздействия на различные категории правонарушителей; организация, на основе дифференциации и в условиях дифференциации, индивидуального применения мер воспитательного воздействия.

В политико-воспитательной работе, как ни в одном из средств воздействия, наиболее зримо проявляются закономерности, связанные с изменением политических структур и социально-экономических условий государства, осуществлением различного рода реформ. Эти изменения с неизбежностью находят отражение в формах и методах политико-воспитательной работы, ее содержаниях².

¹ Кузьмин С. И. ИТУ История и современность. Человек: Преступление и наказание // Вестн. Рязан. ин-та права и экономики МВД России. 1996. 1(10).

² Детков М. Г. Тюремь, лагеря и колонии России. М., 1999.

А. В. Павлинов,
*доцент кафедры уголовного права
и криминологии ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ И УГОЛОВНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА В СФЕРЕ НАЗНАЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ ЗА ЭКСТРЕМИЗМ

В современный период состоянию российской правовой науки и законодательства дают диаметрально противоположные оценки.

Многие известные ученые-криминологи признают кризисное состояние отечественной науки уголовного права и криминологии¹. Другие говорят о процессе обновления современных концепций правовых наук².

Действительно, одной из ключевых проблем, по которой возникают научные дискуссии, является концепция уголовного правотворчества (если брать шире – концепция законодательной деятельности).

Отсутствие единой концепции развития уголовного законодательства и стратегии борьбы с преступностью приводит к парадоксальным, а вернее ненормальным ситуациям, в частности, связанным с разработкой и принятием кардинальных поправок в УК РФ (декабрь 2003 г.) и еще более интенсивной реверсивной деятельностью. Движение вспять выразилось: в тотальной, во многом справедливой критике закона в юридической литературе; предложениях представителей законодательного корпуса об их полной или частичной отмене либо возвращении к прежним нормам и институтам в модифицированном виде; изменениях и дополнениях в других кодифицированных нормативных актах (КоАП РФ), необходимых для устранения пробелов в правовом регулировании, возникающих вследствие недостаточно выверенного текста Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, и даже в са-

мых последующих «поправках к поправкам» (Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ), направленных на вычищение «технических» огрехов, возникших в связи с низким качеством проработки законодательного материала (без учета специфики кодифицированного акта как системного собрания правовых норм) и приведших к рассогласованию его отдельных частей и положений.

Практически все криминологи едины во мнении, что следует вести поиск развития концепции уголовно-правовой доктрины и совершенствование УК РФ, но содержание концепции, направленность и темпы ее развития предполагаются разные. Обобщенно разделим их на две группы.

Во-первых, можно выделить сторонников консервативной концепции развития (положенной в основу УК РФ).

Подавляющее большинство юристов-криминологов сходятся в том, что действующий УК РФ в целом справляется с задачей уголовно-правового регулирования борьбы с преступностью и отражает потребности общества в защите новых социально-экономических отношений (Б. В. Волженкин, В. Н. Кудрявцев, А. В. Наумов). Однако при этом наблюдается другая тенденция, когда продолжающаяся корректировка УК РФ законодателем не только не доводит до кондиции ту более или менее целостную концептуальную модель, на которую нанизывался нормативный материал 1996 г., но и разрушает ее³. И пока, как считает Н. Ф. Кузнецова, парламент не примет главного закона – о порядке проектирования и принятия федеральных законов (Закон «О законе»), депутаты нижней палаты Федерального Собрания могут продолжать бессистемно и неквалифицированно ломать Кодекс, тогда как стабильность законов выступает непременным условием стабильности государства и общества⁴.

Во-вторых, существует либеральная концепция уголовно-правовых преобразований, основоположником которой является А. Э. Жалинский.

¹ См.: Жалинский А. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголовное право. 2005. № 1. С. 21–24; Побегайло Э. Кризис современной российской уголовной политики // Там же. 2004. № 4. С. 112–117.

² См.: Чистов Д. Есть и реализуются современные концепции уголовного права и криминологии // Там же. 2005. № 5. С. 67–69.

³ См.: Звечаровский И. О концепции развития уголовного законодательства России // Уголовное право. 2005. № 3. С. 32–34.

⁴ См.: Кузнецова Н. Мнение ученых о реформе УК // Уголовное право. 2004. № 1. С. 27.

По его мнению, в настоящее время нужно настойчиво искать новые пути борьбы с преступностью и прежде всего обеспечивать необходимые изменения уголовного права, его доктрины, правотворчества и правоприменения. При этом понятия «усиление», «ужесточение», «неотвратимость» не останутся ключевыми. Следует, с точки зрения известного ученого, пересмотреть «излишнюю веру в возможность изменить поведение людей направленным воздействием, соединенным с насилием в виде уголовного наказания»¹. Надо развивать рациональную парадигму уголовного права, включающую в себя в том числе постоянный анализ уголовного правотворчества по социальным и экономическим критериям «издержки – выгоды»². Такой путь обществу необходим, считает А. Э. Жалинский, и он включает в себя проверку наличия альтернативы использования уголовного закона³. Ведь каждый уголовно-правовой запрет, каждая мера уголовно-правового воздействия заменимы по своей природе достаточно эффективными нормами других отраслей права, а уголовный закон должен применяться как последний довод.

На современном этапе речь следует вести о системном пересмотре УК и УПК РФ с целью повышения эффективности ресурсного обеспечения борьбы с проявлениями терроризма и других форм насильственного экстремизма, в том числе путем наращивания карательного воздействия⁴.

Преступления, относимые к террористической деятельности (их перечень закреплен в диспозиции ч. 1 ст. 205-1 УК РФ) относятся даже по санкции ч. 1 к категории тяжких или особо тяжких, за исключением последнего из перечисленных в норме-дефиниции преступлений. Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» от 21 июля 2004 № 74-ФЗ санкции уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за терроризм, значительно уже-

сточены. Часть 3 ст. 205 УК РФ включает в себя и такой вид наказания, как пожизненное лишение свободы. Даже если допустить возможность условно-досрочного освобождения виновного, то на свободу он выйдет не ранее чем через 25 лет. Однако 25 лет – это уже не наказание, как справедливо указывали УК РСФСР первых лет советской власти, это мера защиты общества от преступника.

Вместе с тем практика последнего времени свидетельствует об исключительно низкой результативности сверхдлительных сроков лишения свободы (нижний и верхний пределы санкции ч. 1 ст. 205 – от восьми до двенадцати лет, а ч. 2 ст. 205 – от пятнадцати до двадцати лет лишения свободы; максимальный размер наказания по ч. 1 ст. 206 соответственно – до десяти лет, а по ч. 2 и 3 – до пятнадцати и до двадцати лет лишения свободы).

Результаты многочисленных исследований в области применения длительных уголовных наказаний в России и за рубежом свидетельствуют, что достижение целей наказания возможно только в течение 7–10 лет⁵.

Сверхдлительные сроки (15, 20, 30 лет и пожизненно) лишения свободы, предполагающие отсутствие ближайшей перспективы освобождения, значительно снижают социальную активность у осужденных за антигосударственный экстремизм, мотивацию к общественно полезной деятельности, многие осужденные теряют социальные связи. В условиях строгой изоляции (камерной системы) после десяти лет личность полностью дезадаптируется, что влечет за собой повышение порога агрессивности и т. д. Безусловно, перечисленные факторы отрицательно влияют на исправительный процесс и препятствуют дальнейшей ресоциализации.

Однако следует отметить, что и устрашение преступников имеет исправительное воздействие. Правда, оно утрачивает силу по мере нарастания судимостей, связанных с отбыванием наказаний в местах лишения свободы, повышения степени общественной опасности совершенных преступлений, но не исчезает вовсе. Опрошенные осужденные за насильственные

¹ Жалинский А. Указ. соч.

² См.: Проблемы эффективности борьбы с преступностью в России: науч.-практ. конф. // Государство и право. 2003. № 11. С. 100–101.

³ См.: Жалинский А. Указ. соч.

⁴ См. подробнее: Гаврилов Б. Я., Павлинов А. В. Некоторые вопросы законодательного обеспечения борьбы с проявлениями терроризма и насильственного экстремизма // Рос. следователь. 2006. № 2. С. 21–26.

⁵ См., напр.: Полубинская С. В. Цели уголовного наказания. М., 1990.

проявления экстремизма отмечали, что определенный страх они испытывали перед первым помещением в места лишения свободы. Хотя они не освободились от него навсегда. Респонденты понимали, что в колонии любого вида режима можно как-то существовать. Но перспективы, связанные с возможностью очутиться в колонии особого режима (осужденные террористы к пожизненному лишению свободы содержатся в особых участках, как минимум, пяти колоний особого режима в России) или в тюрьме, их пугали.

Кстати, проведенный более широкий опрос сотрудниками кафедры уголовной политики и организации профилактики преступлений Академии управления МВД РФ среди россиян выявил следующее: 70–80 % граждан, соблюдающих запреты не совершать «ядерные преступления», исходят из 10 христианских заповедей и из своих представлений о добре и зле, а не из страха перед уголовно-правовыми нормами; 15–18 % боятся совершать преступления из-за страха перед наказанием и лишь 2–5 % ничего не боятся.

Поэтому в законотворческой деятельности следует ориентироваться на 18 %, опасаящихся длительных и сверхдлительных сроков лишения свободы, и на 2 % «отможенных», которые совсем не боятся никаких наказаний. В отношении такой категории потенциальных преступников будет действовать в полной мере общая и частная

превенция в случае ужесточения уголовного наказания. Сегодня становится очевидной необходимость оценить реальный потенциал УК РФ в борьбе с терроризмом. В современных условиях в России, когда участились случаи совершения террористических актов, влекущих, в том числе большие людские потери, корректировки санкций ст. 205 УК РФ в сторону их усиления, вплоть до применения пожизненного лишения свободы, являются оправданными. Небезосновательными являются и предложения о введении смертной казни для террористов. Ведь даже пожизненное заключение, не говоря уже о сверхдлительном лишении свободы, сохраняет осужденным надежду на амнистию (Государственная Дума неоднократно использовала свои полномочия по применению актов амнистии в целях противодействия экстремизму: с 1994 по 2003 г.), помилование, пересмотр дела, побег. Следует отметить, что российское законодательство не применяет по отношению к террористам и лицам, исповедующим насильственный экстремизм, институт судебного запрета на их помилование.

Таким образом, очень сложно воплотить в жизнь основной принцип, который в первую очередь принимается во внимание при назначении наказания: тяжесть назначенного наказания должна соответствовать тяжести совершенного преступления и вместе с тем обеспечить достижение всех целей наказания, в том числе исправление осужденного.

В. А. Пантелеев,
*начальник факультета профессиональной
подготовки и повышения квалификации
БЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ И ТЮРЕМ

Основной задачей коллективов следственных изоляторов (СИЗО) и тюрем уголовно-исполнительной системы (УИС) России в 2006 г. остается соблюдение законных прав и интересов лиц, заключенных под стражу и осужденных.

На 1 января 2006 г. в СИЗО УИС содержалось 152676 человек подозреваемых, обвиняемых и осужденных, или 113,8 % от установленного лимита мест. Общее движение подозреваемых, обвиняемых и осужденных через СИЗО составило в 2005 г. более 3,4 млн человек, что на 15 % больше, чем в 2004 г.¹

В результате роста численности содержащихся под стражей средний размер жилой площади, приходящейся на одного подозреваемого, обвиняемого, осужденного, в 2005 г. уменьшился на 0,3 м² и составил в целом по УИС 3,5 м² при санитарной нор-

¹ См.: Основные результаты оперативно-служебной деятельности следственных изоляторов и тюрем ФСИН России в 2005 году. М., 2006. С. 4.

ме, утвержденной действующим законодательством, – 4,0 м².

К основным действующим международным актам в пенитенциарной сфере относятся: Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955 г.), Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство личности видов обращения и наказания (1984 г.), Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни (1984 г.), Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (1985 г.).

Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., определила: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращению и наказанию»¹. «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи...»². Особую значимость указанные положения приобретают для лиц, лишенных свободы. Изолируя преступников от общества, государство одновременно берет на себя обязанность обеспечения нормального уровня их жизнедеятельности, а также применения разрешенных законодательством силовых мер в целях обеспечения безопасности в местах лишения свободы.

В последние годы многие правозащитные организации как в нашей стране, так и за рубежом, характеризуя обстановку в российских СИЗО и тюрьмах, приводят в подтверждение своих аргументов положения **Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство личности видов обращения и наказания** (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1984 г.).

Конвенция была принята как Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. В ст. 1 данной Конвенции раскрывается понятие пытки:

«1. Для целей настоящей Конвенции определение «пытка» означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно»³.

Исходя из положений приведенной выше статьи *боль или страдания, причиненные в результате законных санкций, не являются пытками*. Следовательно, на международном уровне официально признано: разрешенные законодательно меры предупреждения и пресечения кризисных ситуаций, в том числе в местах содержания под стражей, в исправительных учреждениях, не являются пытками в отношении тех лиц, к которым данные меры применяются.

Существует также целый ряд международных правовых документов, которые относятся конкретно к персоналу, работающему с людьми, лишенными свободы. В их число входят: Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1979 г.), Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите

¹ Всеобщая декларация прав человека // Защита прав человека в местах лишения свободы: Сб. нормат. актов и офиц. док. М., 2003. С. 8. Ст. 4.

² Там же. Ст. 25.

³ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство личности видов обращения и наказания: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1984 г.] // Защита прав человека в местах лишения свободы. С. 29.

заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания (1982 г.) и Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия (1990 г.).

В данном контексте необходимо уточнение, как соотносятся меры охраны, безопасности в пенитенциарных учреждениях с основными правами человека и гражданина, в том числе с Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными.

Обратимся к зарубежному опыту. Одним из магистральных направлений совершенствования деятельности пенитенциарных учреждений в наиболее развитых странах по исследуемой проблеме является неуклонное улучшение технической оснащенности и вооружения сотрудников тюрем. Первостепенное значение имеют охрана и оборона пенитенциарных учреждений, исключение возможности совершения побега спецконтингентом.

Достаточно широк спектр разрабатываемой и уже используемой специальной техники в пенитенциарных учреждениях передовых в техническом отношении государств по обеспечению безопасности персонала: от портативных персонифицированных устройств тревожной сигнализации до роботов-надзирателей и охранников, которые позволяют нейтрализовать агрессивные действия спецконтингента.

Наряду с совершенствованием ручного огнестрельного оружия весьма активно совершенствуются образцы нелетального оружия. В дополнение к традиционно используемым сотрудниками мест лишения свободы резиновым и деревянным дубинкам применяются созданные относительно недавно – пластиковые дубинки, ружья для стрельбы газовыми патронами и гранатами, резиновыми и пластиковыми пулями, устройства для распыления слезоточивого газа.

Регулярно проводятся тренировки и учения среди сотрудников тюрем по пресечению групповых неповиновений, буйства, неподчинения осужденных законным требованиям персонала. Тактика действий сотрудников пенитенциарных учреждений в чрезвычайных обстоятельствах предусматривает четкое распределение функций в

группах оперативного построения. Очень надежны специальные средства защиты персонала¹.

В целях изучения уровня состояния правовой и физической защиты сотрудников российских СИЗО в 2005 г. было проведено исследование среди сотрудников СИЗО УФСИН России по г. Москве. По результатам анкетирования персонала получили следующие сведения.

Уровню правовой защищенности сотрудников 60 % анкетированных дали низкую оценку. За средний уровень данный показатель приняли 30 % респондентов, а 10 % указали, что правовая защищенность отсутствует.

Все сотрудники отметили недостаточность в *обеспечении учреждений специальными средствами*. Один из сотрудников с сарказмом ответил, что кроме рук и ног в его распоряжении ничего нет. Все респонденты высказали предложение о выдаче им специальных средств: ПР-73, Черемуха-10, наручников и устройств типа электрошокера.

В отношении *принятия законодательных мер по повышению уровня правовой и физической защиты личного состава*, по мнению 100 % участвовавших в анкетировании сотрудников, необходимо осуществить ряд правовых и организационных мер:

- увеличить денежное содержание сотрудников службы безопасности и надзора, непосредственно работающих со спецконтингентом в местах лишения свободы;
- возратить специальные средства из дежурных частей на внутренние посты в СИЗО и тюрьмах;
- по примеру тюрем и джейлов² США, учреждений тюремного типа стран Европейского союза необходимо повысить уровень вооруженности сотрудников специальными средствами;

¹ См.: Пантелеев В. А. Предупреждение и пресечение кризисных ситуаций в пенитенциарных системах зарубежных стран: Учеб. пособие / ВЮИ ФСИН России. Владимир, 2005. С. 56.

² Джейл (Jail в переводе с английского означает «тюрьма») – это специальное учреждение в США, находящееся в подчинении шерифа округа, выполняет одновременно несколько функций: изолятора временного содержания, следственного изолятора и исправительного учреждения для осужденных к лишению свободы на срок до одного года. (Примеч. авт.)

– ввести в УИК РФ главу о правовом статусе сотрудников УИС.

Несмотря на сложную обстановку, которая сложилась в пенитенциарной системе, 70 % респондентов рассчитывают на дальнейшее продвижение по службе, 20 % полностью довольны своим служебным положением и только 10 % затруднились с ответом.

Следует отметить, что на ответы сотрудников практически не повлияла существенная разница в возрасте и стаже работы.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

Все респонденты имеют достаточный уровень профессиональной подготовки, но, несмотря на это, каждому приходилось сталкиваться с кризисными ситуациями различного характера.

Наблюдается низкий уровень правовой и физической защищенности сотрудников и отсутствие на практике механизма реализации мер социальной защиты персонала.

Отсутствие специальных средств в постоянном ношении на службе приводит сотрудников к психологическому дискомфорту и страху за свою безопасность.

Оперативная обстановка в учреждениях тюремного типа остается сложной, но контролируемой, несмотря на все трудности, возникающие в процессе их функционирования.

Еще один важный аспект обеспечения режима в СИЗО – прием и выдача подозреваемым и обвиняемым посылок и передач. В частности, у экспертов Совета Европы вызывает недоумение большой список разрешенных подозреваемым и осужденным личных вещей, продуктов питания и т. п. Это увеличивает объем работы персонала, приводит к возникновению проблемы безопасности, а также создает сложности для родственников, передающих материальные вещи подозреваемым и обвиняемым лицам. Многие зарубежные страны перешли к *системе объемного контроля*, при котором задержанному лицу возможно иметь количество разрешенных товаров, уместяющихся в коробку определенного размера. Это в значительной степени облегчает обыски и укрепляет порядок в учреждении. Кроме того, некото-

рые страны запретили передачу или посылку товаров в учреждение в основном по причине попадания наркотиков, распространяемых таким путем. Вместо этого разрешено передавать или посылать в учреждение деньги, на которые задержанное лицо может покупать товары в магазине учреждения или в соответствующих точках розничных продаж или в ресторанах, расположенных вблизи от учреждения.

Разумеется, различия в развитии государств могут сделать данные подходы недопустимыми в России, однако стоит дополнительно обсудить эти идеи, чтобы эффективно решить поставленную задачу¹.

Сегодня в России продолжается становление гражданского общества и правового государства. Процесс интеграции нашей страны в мировое сообщество, признание ею международных правовых актов в сфере исполнения наказаний в целях повышения эффективности уголовно-исполнительной системы вызывают необходимость шире использовать зарубежный опыт, практику функционирования пенитенциарных учреждений зарубежных государств, их технологии антикризисного управления, а также мировые тенденции совершенствования правоохранительной практики.

Исследование практики функционирования пенитенциарных систем развитых зарубежных стран позволяет по-новому оценить работу российских учреждений и органов управления УИС, выявить их сильные и слабые стороны. Зарубежная практика может существенно облегчить работу современных учреждений УИС России, снять ряд проблем, сэкономить значительные ресурсы. В то же время недопустимо механическое, бессистемное копирование отдельных элементов зарубежного опыта. Необходимо помнить, что УИС – это производная не только от законодательства, но и от социальных условий общества, его традиций, морали, уровня его экономического развития.

¹ См.: Морозов В. М., Пантелеев В. А., Ильин В. А. Проблемы соблюдения международных стандартов и решений Европейского суда по правам человека в деятельности уголовно-исполнительной системы России / ВЮИ Минюста России. Владимир, 2003. С. 34.

И. В. Пикин,
*преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ОСНОВАНИЯ
ОХРАНЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦ
В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ**

Первостепенное значение при рассмотрении вопроса о содержании внутригосударственных гарантий обеспечения прав и законных интересов субъектов правоотношений в сфере исполнения наказаний имеет проблема определения самих конституционных прав личности.

В отечественной научной литературе неоднократно высказывалось мнение о необходимости закрепления в Конституции РФ принципов исполнения наказаний как особой формы ограничения правового статуса личности, однако должной поддержки данное мнение не получило. На наш взгляд, принципы ограничения прав лиц, в отношении которых осуществляется исполнение наказаний, должны устанавливать ограничения в самой общей форме, без конкретного содержания, и иметь следующие особенности:

1) сводят к минимуму различия между условиями жизни в учреждениях, осуществляющих исполнение наказаний, и жизни на свободе;

2) объем ограничений определяется теми из них, необходимость в которых явно обусловлена фактом применения в отношении лица мер наказания;

3) выводятся из общедозволительного принципа правового регулирования.

Под научным исследованием конституционных гарантий обеспечения правового статуса личности в сфере исполнения наказаний подразумевают исследование субъективных прав, законных интересов и обязанностей конкретных категорий людей, в отношении которых осуществляется исполнение наказаний.

Если гарантии реализации прав личности в сфере исполнения наказаний представляют собой достаточно разработанные в теории и традиционно включаемые в правовой статус элементы, то гарантии реализации законных интересов — вновь вводимый и неисследованный элемент. Законные интересы как

элемент правового статуса личности в процессе исполнения наказаний признаются не всеми учеными, занимающимися данной проблематикой. В большинстве случаев законные интересы включаются в правовой статус а priori, основываясь на положениях общей теории права. Хотя в общей теории права взгляды на законные интересы весьма противоречивы. Это обуславливает необходимость теоретического анализа природы и места законных интересов в правовом статусе осужденных, соотношения их с субъективными правами и других вопросов. По своей юридической природе законные интересы примыкают к субъективным правам лиц, в отношении которых осуществляется исполнение наказания, и в отдельных случаях рассматриваются в сопоставлении с последними.

Назначение внутригосударственных юридических гарантий прав личности в сфере исполнения наказаний обуславливается социальной ролью ее правового статуса в целом. Так, в специально-юридическом плане права личности в сфере исполнения наказаний выступают в качестве элемента механизма правового регулирования, выполняя важные функции по сохранению, конкретизации и дополнению общего статуса граждан. Они служат формой опосредования наиболее важных интересов человека, в реализации которых в условиях отбывания наказаний заинтересованы как сами осужденные, так и общество.

Сущность внутригосударственных юридических гарантий прав личности в сфере исполнения наказаний (как и обладателей иных правовых статусов) заключается в предоставлении уполномоченному лицу возможности определенного поведения. Однако степень реализации такой возможности в сфере исполнения наказаний и соответственно степень притязания личности на закрепленное правом поведение зависит от признания или непризнания за правами человека, в отношении которого осуществляется исполнение наказаний, качества субъективных. В настоящее время данная проблема в теории права недостаточно исследована.

Анализ теоретических исследований, проводившихся ранее, позволяет выделять две полярные позиции в понимании субъективного права как элемента правового статуса личности в сфере исполнения наказаний. Представители первой связывают

появление субъективных прав личности с конкретными правоотношениями. Они считают, что на уровне общего и специального правового статуса можно говорить о так называемых статутных, или статусных, правах личности, определяющих для нее пределы возможного поведения. Нередко их включают в понятие правоспособности. Субъективные права, по их мнению, представляют собой индивидуализацию составляющих правовой статус статутных прав.

Вторая позиция основана на признании того, что субъективные права возникают не только в конкретных правоотношениях, но и в иных формах, в частности, общих правоотношениях либо помимо них непосредственно в нормах закона, либо во всех указанных формах (правовых связях) одновременно. Учитывая возникшую при этом разнородность правовых возможностей, объединяемых категорией субъективного права, но не всегда отвечающих его признакам, представители данной позиции выделяют разные стадии субъективного права: общего состояния, обладания, пользования или непосредственной реализации.

Следовательно, в одном случае в специальном статусе признаются статутные (статусные), в другом – субъективные права личности. На наш взгляд, применительно к специальному статусу личности, в отношении которой осуществляется исполнение наказаний, последнее решение предпочтительнее. Субъективное право осужденных должно содержать: право на собственные положительные действия (свободное в рамках предоставленного правом поведение, пользование социальным благом); право требовать исполнения (соблюдения) юридической обязанности от других лиц; право прибегнуть в необходимых случаях к защите своего субъективного права, в том числе и с помощью средств государственного принуждения.

По нашему мнению, в статусе личности в сфере исполнения наказаний все права должны быть субъективными, поэтому не следует их разделять на стадии. Так как различия между стадиями несущественны. Однако при переходе субъективного права из одной стадии в другую возникает сомнение, не связан ли он с качественным изменением самого содержания настолько, что позволяет говорить о новой правовой категории. Это

сомнение усиливается при рассмотрении субъективных прав осужденных.

Рассмотрим внутригосударственные гарантии охраны прав личности в сфере исполнения наказаний. В научной литературе наряду с термином «охрана» применительно к правам человека употребляется термин «защита»¹. Причем термин «защита» употребляется чаще, так как вопрос о правах наиболее остро встает в момент их нарушения или посягательств на них. Итак, термин «защита» согласно этимологическому анализу² применяется для обозначения активного противодействия нарушению прав человека и снижению негативных последствий данных нарушений. Как показывает практика, защитную инициативу, как правило, проявляет потерпевший, до его обращения вопроса о нарушении права обычно не возникает, следовательно, не возникает вопроса и о защите.

Термин «охрана» включает систему мер, направленных на предотвращение нарушений прав человека³. Иными словами, охрана ориентирована на недопущение возможных нарушений, а защита – на нейтрализацию уже существующих. Следовательно, охрана – это перспективный аспект деятельности государства по обеспечению прав человека, защита – ретроспективный.

Что касается охраны прав лиц в сфере исполнения наказаний, то их можно определить как комплекс организационно-правовых мер, направленных на создание условий максимальной реализации прав и свобод человека, а также предотвращение их возможных нарушений.

В соответствии с Конституцией РФ и согласно общепризнанным принципам и нормам международного права в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина. Это касается не только установленных Конституцией РФ основных прав и свобод, но и других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 55 Конституции РФ).

¹ См., напр.: *Игитова И. В.* Механизм реализации Европейской конвенции «О защите прав и свобод» // Государство и право. 1997. № 1. С. 76–82 и др.

² См.: Большой энциклопедический словарь. М., 1990. С. 459.

³ См.: там же. С. 964–965.

Важнейшими внутригосударственными юридическими гарантиями прав и свобод личности в сфере исполнения наказаний являются нормы Конституции РФ.

Следует отметить, вопросам обеспечения правового статуса личности в сфере исполнения наказаний уделяется особое внимание. Основываясь на нормах и принципах Конституции РФ, ст. 1 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹ и ч. 2 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ регулируют порядок и определяют особенности охраны прав лиц, в отношении которых осуществляется исполнение наказаний, гарантии их прав и законных интересов. Данные акты и основанные на них Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений² конкретизируют условия и средства, предоставляемые государством рассматриваемой категории лиц для осуществления ими своих прав, и возлагают на администрацию и сотрудников соответствующих государственных учреждений обязанности по обеспечению режима содержания, в том числе охране прав осужденных.

Начиная с XIX в., личность, в отношении которой осуществляется исполнение наказаний, стала рассматриваться в качестве субъекта российского права, наделенного не только обязанностями, но и правами, однако до середины XX в. права осужденных регламентировались разрешительными, запретительными или обращенными к должностным лицам мест государственной изоляции обязывающими нормами. Современное законодательство (Федеральный за-

кон «О содержании под стражей...» и УИК РФ) устанавливает достаточно совершенный правовой механизм реализации гарантий охраны прав и свобод осужденных, основанный на нормах Конституции РФ.

К основным элементам этого механизма относятся:

- регламентация режима содержания специально посвященными этому федеральными законами;
- четкое определение правового статуса личности в процессе исполнения наказаний, ее основных прав и обязанностей;
- включение обеспечения прав указанных лиц в число основных требований режима в местах государственной изоляции и возложение на администрацию и сотрудников учреждений соответствующих обязанностей;
- подробная регламентация порядка реализации основных прав и свобод личности в процессе исполнения наказаний;
- установление порядка информирования их о правах и свободах;
- информирование о порядке защиты прав и свобод;
- установление пределов правоограничений личности в процессе исполнения наказаний, обусловленных достижением целей применения государственной изоляции;
- исключение применения к рассматриваемым категориям лиц пыток, иных действий, имеющих целью получение информации, а также причинение физических или нравственных страданий.

Следует отметить, что не является сужением объема права или его ограничением уточняющие его содержание и используемые в законотворческой практике юридические способы фиксации границ дозволенной свободы, а также устанавливаемый отраслевым законодательством или подзаконными актами порядок осуществления права. В связи с этим выявляется необходимость совершенствования действующего законодательства, регламентирующего механизм реализации юридических гарантий в процессе исполнения наказаний.

Достижение реальной гарантированности прав и свобод личности в сфере исполнения наказаний предусматривает постановку и решение следующих задач:

- обеспечить законные основания применению режимных правоограничений;

¹ См.: О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федер. закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (с изм. внесенными Федер. законом от 15.04.2006 № 50-ФЗ).

² См.: Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации: Приказ Минюста России от 12.05.2000 № 148 (в ред. приказа Минюста РФ от 21 февр. 2002 г. № 55); Об утверждении правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, утв. приказом МВД России от 26.01.1996 № 41; Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: Приказ Минюста России от 30.07.2001 № 224 (в ред. приказа Минюста РФ от 08.07.2002 № 191).

- расширить сферу правомочий личности в процессе исполнения наказаний;
- ввести дополнительные гарантии реализации имеющихся правомочий.

Специфика правового статуса личности в сфере исполнения наказаний сегодня позволяет вести речь и о юрисдикционной форме реализации гарантий их правового статуса (о судебном порядке или специальном – административном).

На наш взгляд, судебную защиту следует классифицировать в соответствии с отраслями права на международно-правовую, конституционно-правовую, гражданско-правовую и уголовно-правовую.

Конституция РФ гарантирует каждому судебную защиту прав и свобод. Право на судебную защиту подразумевает не только право на обращение в суд за защитой, но и возможность реального восстановления нарушенных прав и интересов с помощью суда¹.

К основным способам судебной реализации гарантий защиты прав личности в сфере исполнения наказаний относятся требования через обращение в суд в гражданско-правовом порядке признания права; восстановления положения, существовавшего до нарушения права; признания действий незаконными; пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; возмещения убытков; компенсации морального вреда (физических или нравственных страданий); опровержения по суду порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений (в том числе в средствах массовой информации), если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

С целью административно-правовой защиты в административном порядке потерпевший может подать жалобу в прокуратуру, вышестоящий орган исполнительной власти или уполномоченному по правам человека.

Несмотря на то, что описанные способы в большей степени относятся к лицам с общим правовым статусом, это не исключает возможности пользования вышеназванных способов лицами, в отношении которых осуще-

ствляется исполнение наказаний, хотя это применение несколько затруднено положением данной категории лиц².

Рассмотренные способы юрисдикционной реализации гарантий защиты прав личности в сфере исполнения наказаний осуществляются в основном посредством подачи соответствующей жалобы.

Специальная административная защита включает в себя ведомственный контроль (ст. 21 УИК РФ) и прокурорский надзор (ст. 22 УИК РФ). Цель ведомственного контроля – изучение реального положения дел в государственных учреждениях, осуществляющих исполнение наказаний, и защита прав лиц, в отношении которых оно исполняется, от нарушения.

Рассмотрение результатов ведомственного контроля имеет разнообразные формы. Оно выражается в принятии необходимых решений вышестоящими органами управления, издании итоговых приказов, в отчетах руководителей проверяемых органов и учреждений, проведении специальных совещаний, собраний по итогам проверки, составлении планов по устранению выявленных недостатков в работе, проведении контрольных проверок с той же целью.

Ведомственный контроль является организационно-правовым средством обеспечения и защиты законности в осуществлении прав личности в условиях исполнения наказаний.

Наиболее эффективной из перечисленных форм защиты в настоящее время является судебная защита прав. Часть 3 ст. 56 Конституции РФ гарантирует право на судебную защиту, которое не подлежит ограничению. Им в полном объеме обладают и лица, в отношении которых исполняется наказание. Оно соответствует Минимальным стандартам правилам обращения с заключенными, согласно которым каждый из них должен иметь возможность обращаться к судебным властям с просьбами и жалобами.

Исследование вопросов реализации внутригосударственных гарантий обеспечения правового статуса личности в сфере исполнения наказаний выявило имеющиеся недостатки.

¹ См.: Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан: Закон РФ от 27 апр. 1993 г. № 4866-1 (в ред. ФЗ от 14 дек. 1995 г. № 197-ФЗ).

² См.: Власов А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. М., 2000. С. 36–42.

При рассмотрении норм Конституции и действующего законодательства, закрепляющих права и обязанности человека в процессе исполнения наказаний, становится несомненным тот факт, что содержащийся в них объем правомочий существенно ограничен.

Иными словами, дополнительные правомочия находятся в латентном состоянии, их приходится «проявлять» логическим путем, восполняя тем самым образовавшийся пробел в правовом регулировании. Думается, названный объем правомочий необходимо включать в структуру субъективного права человека в процессе исполнения наказаний. Вместе с тем выявленные пробелы в сфере закрепления правомочий приводят к расширительному толкованию их объема.

В то же время остро стоит проблема дальнейшего совершенствования действующего законодательства, регламентирующего механизм реализации юридических гарантий в процессе исполнения наказаний. В целом анализ внутригосударствен-

ного законодательства, регламентирующего процесс реализации гарантий охраны правового статуса личности в сфере исполнения наказаний, позволяет выявить следующие уровни их реализации: 1) конституционный; 2) федерального законодательства; 3) подзаконный (ведомственный); 4) законодательства субъектов федерации.

Как уже отмечалось, Конституция РФ гарантирует каждому судебную защиту прав и свобод. Право на судебную защиту подразумевает не только право на обращение в суд за защитой, но и возможность реального восстановления нарушенных прав и интересов с помощью суда². Однако нормы, содержащиеся в ст. 20 УИК РФ, не в полной мере закрепляют гарантии лиц, в отношении которых осуществляется исполнение наказаний в сфере реализации конституционного права на судебную защиту. В связи с чем следует разработать судебный порядок рассмотрения их жалоб на действия администрации учреждений и органов, исполняющих наказания.

С. А. Пичугин,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВЮИ ФСИН России

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ЛИЦАМ, СОВЕРШИВШИМ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ТЕЧЕНИЕ ИСПЫТАТЕЛЬНОГО СРОКА ПРИ УСЛОВНОМ ОСУЖДЕНИИ

Одна из проблем сферы уголовной юстиции в последнее время – устойчивый рост рецидива преступлений, уровень которого в 2005 г. составил 24 %. Иными словами, как отмечает председатель Верховного суда РФ В. М. Лебедев, в прошлом году почти каждый четвертый осужденный совершал преступление повторно. При этом 26 % рецидивных преступлений приходится на долю осужденных условно и условно-досрочно освобожденных, а 32 % из них совершили преступления в течение испытательного срока при условном осуждении¹.

Приведенные показатели свидетельствуют о малоэффективности наказаний, их предупредительного значения. Наблюдается рост рецидива, несмотря на то, что Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) предусматривает специальные правила назначения наказаний, которые влекут для осужденного более неблагоприятные последствия, чем если бы он совершил преступление, не имея неснятой и непогашенной судимости.

Гарантиями соблюдения прав подсудимого при назначении справедливого наказания в подобной ситуации являются правила, закрепленные в нормах гл. 10 УК РФ.

Назначение наказаний за преступления, совершенные в течение испытательного срока при условном осуждении, производится по правилам, предусмотренным ст. 60, 61, 63 УК РФ (общие правила), а также ст. 70, ч. 4 и 5 ст. 74 УК РФ (специальные правила). В ряде случаев могут

¹ См.: Количество рецидивов в уголовной сфере возрастает, констатирует Председатель Верховного суда Вячеслав Лебедев. 27.02.2006 // <http://www.supcourt.ru>.

² См.: Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан: Закон РФ от 27 апр. 1993 г. № 4866-1: [в ред. ФЗ от 14 дек. 1995 г. № 197-ФЗ].

применяться и другие, факультативные правила назначения наказаний, предусмотренные в ст. 62, 64–69, 71–73, ч. 6² ст. 88 УК РФ¹.

Рассмотрим специальные правила назначения наказаний при совершении условно осужденным преступления в течение испытательного срока, которые базируются на правилах назначения наказаний по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ). Совокупность приговоров, как и совокупность преступлений (ст. 69 УК РФ), является предусмотренным уголовным законодательством в ч. 2 ст. 60 УК РФ случаем, когда может быть назначено более строгое наказание за совершенное преступление, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 70 УК РФ, при назначении наказания по совокупности приговоров к наказанию, назначенному по последнему приговору суда, частично или полностью присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору суда. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 11 июня 1999 г. № 40, «под неотбытой частью наказания понимается часть наказания, которая не отбыта к моменту вынесения приговора. При условном осуждении под неотбытым наказанием понимается весь срок (размер) наказания, назначенный условно»². Однако в случае содержания лица до вынесения приговора под стражей это время засчитывается в срок наказания из расчета один день за один день (ч. 1 ст. 71 УК РФ).

Таким образом, к наказанию за преступление, совершенное в течение испытательного срока при условном осуждении, частично (что встречается на практике гораздо чаще) или полностью присоединяется наказание, признанное условным в соответствии со ст. 73 УК РФ по предыдущему приговору суда.

На наш взгляд, именно такой порядок сложения, когда за основу принимается наказание по последнему приговору суда, является верным. Действительно, ведь совершенное в течение испытательного срока преступление имело место уже после того, как лицу в первый раз было назначено наказание условно. Последнее, более позднее по времени, преступление актуально и в плане привлечения виновного к уголовной ответственности. В данном случае необходимо учитывать тот факт, что предыдущее наказание не оказало должного исправительного и предупредительного эффекта, т. е. не будет обладать должным воздействием на осужденного в случае, если взять его за основу при назначении наказания по совокупности приговоров. Наказание, назначенное по последнему приговору суда, учитывает факт совершения преступления при условном осуждении, поэтому оно более важно, значимо с точки зрения реализации уголовной ответственности.

Однако в практике судов нередко возникают ситуации, когда наказание, назначенное по последнему приговору, значительно мягче наказания, назначенного при условном осуждении (например один год шесть месяцев лишения свободы по последнему приговору и четыре года лишения свободы по предыдущему). Это объясняется тем, что ст. 73 УК РФ не содержит запрета на условное осуждение за тяжкие и особо тяжкие преступления, ограничивая только верхний предел наказания в виде лишения свободы, назначаемого условно, сроком в восемь лет. Определяющим при сложении сроков наказания в этом случае становится срок наказания, назначенного условно, так как согласно ч. 4 ст. 70 УК РФ окончательное наказание по совокупности приговоров должно быть больше как наказания, назначенного за вновь совершенное преступление, так и неотбытой части наказания по предыдущему приговору суда. По нашему мнению, в подобной ситуации на первое место выходит необходимость учета характера и степени общественной опасности преступления, осуждение за которое признавалось услов-

¹ Кроме того, следует отметить, что при назначении наказаний несовершеннолетним, осужденным условно необходимо применять правила, содержащиеся в гл. 14 (ст. 87–96) УК РФ.

² Бюл. Верхов. суда РФ. 1999. № 7.

ным. Совершение нового преступления свидетельствует о том, что условное осуждение не имело необходимого исправительного воздействия и требуется усиление мер принуждения к лицу, не оправдавшему предоставленного ему судом шанса, которым явилось условное осуждение в данном случае.

При этом окончательное наказание в случае, если оно менее строгое, чем лишение свободы (например, исправительные работы, ограничение по военной службе), не может превышать максимального срока или размера, предусмотренного для данного вида наказания Общей частью УК РФ (ч. 2 ст. 70 УК РФ). Так, для исправительных работ указанный срок не может превышать двух лет (ст. 50 УК РФ).

Окончательно назначенное наказание по совокупности приговоров в виде лишения свободы согласно ч. 4 ст. 56 и ч. 3 ст. 70 УК РФ не может превышать тридцати лет. Это установленный уголовным законодательством максимальный срок лишения свободы, предусмотренный ст. 56 УК РФ, на который может быть назначено судом данное наказание (в том числе и осужденным женского пола).

Часть 5 ст. 70 УК РФ регламентирует присоединение дополнительных видов наказаний при назначении наказания по совокупности приговоров и является, по сути, ссылочной, так как указывает на необходимость применения в данном случае правил ч. 4 ст. 69 УК РФ. Окончательное дополнительное наказание при частичном или полном сложении наказаний не может превышать максимального срока или размера, предусмотренного для данного вида наказания Общей частью УК РФ. Например, таковым следует считать три года для наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, если последнее применяется в качестве дополнительного (ч. 2 ст. 47 УК РФ).

В соответствии с ч. 4 ст. 74 УК РФ в случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока преступления по неосторожности либо умышленно-

прос об отмене или сохранении условного осуждения решается судом¹. Если суд сочтет необходимым отменить условное осуждение, он назначает наказание в соответствии со ст. 70 УК РФ.

Преступления, совершенные по неосторожности, могут относиться к категориям преступлений небольшой и средней тяжести (ч. 2 и 3 ст. 15 УК РФ). Следует отметить, что максимальное наказание за неосторожные преступления, предусмотренное УК РФ, может достигать семи лет лишения свободы (ч. 3 ст. 263, ч. 3 ст. 264 УК РФ), однако они согласно ч. 3 ст. 15 УК РФ относятся к категории преступлений средней тяжести.

Умышленными преступлениями небольшой тяжести признаются деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает двух лет лишения свободы. К ним относятся, например, преступления, предусмотренные ст. 115, 116, 119, ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 159 УК РФ и др.

Часть 5 ст. 74 УК РФ устанавливает правило, согласно которому в случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока умышленного преступления средней тяжести, умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления суд отменяет условное осуждение и назначает наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ. Из этого следует, что суд в данной ситуации до недавнего времени был не вправе сохранить условное осуждение. Исключением из этого правила стала ч. 6² ст. 88 УК РФ, введенная Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. Согласно ей, если несовершеннолетний условно осужденный совершил в течение испытательного срока новое преступление, не являющееся особо тяжким, суд с учетом обстоятельств дела и личности виновного может повторно принять решение об условном осуждении, установив новый испытательный срок и возложив на условно осужденного исполнение определенных обязанностей, предусмотренных ч. 5 ст. 73 УК РФ.

¹ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ № 21-Д98-22 по делу А. // Бюл. Верхов. суда РФ. 1999. № 10. С. 7.

Следует также заметить, что формулировка ч. 5 ст. 74 УК РФ содержит в себе лишнее слово «умышленного» применительно к обороту «тяжкого или особо тяжкого преступления», так как только умышленные преступления могут быть тяжкими или особо тяжкими в соответствии со ст. 15 УК РФ в редакции Федерального закона от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ. Поэтому мы предлагаем внести изменение в ч. 5 ст. 74 УК РФ после слов «средней тяжести» исключить слово «умышленного».

Как мы видим, ч. 4 и 5 ст. 74 УК РФ являются, по сути, отсылочными и направляют нас к ст. 70 УК РФ, в которой определены правила назначения наказания по совокупности приговоров.

Возможны случаи, когда после вынесения судом приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора по первому делу. Следует заметить, что в данном случае уголовно-правовой рецидив преступлений отсутствует. В подобной ситуации в соответствии с ч. 5 ст. 69 УК РФ действуют предусмотренные указанной статьей правила о назначении наказания по совокупности преступлений. При этом в окончательное наказание засчитывается наказание, отбытое по первому приговору суда.

В то же время следует отметить, что правила ст. 74 УК РФ распространяются только на случаи, когда лицо по первому приговору было осуждено условно и совершило преступление в течение испытательного срока. «При повторном условном осуждении за преступление, совершенное до вынесения первого приговора, правила ч. 5 ст. 69 УК РФ не применяются. Каждый приговор исполняется самостоятельно»¹. В подобной ситуации Верховный суд РФ запрещает складывать сроки лишения свободы, назначенные условно, а также испытательные сроки.

В связи с этим нельзя согласиться с М. Г. Гусейновым, который предлагает предоставить суду право отменить в таком случае условное осуждение («руководствоваться положениями ч. 4, 5 ст. 74 УК РФ»)

и применить правила назначения наказаний по совокупности преступлений². На наш взгляд, если осужденный не нарушал условий испытания в течение испытательного срока, отмена условного осуждения на основании только установления факта совершения преступления до применения условного осуждения нарушает требование принципа справедливости (ст. 6 УК РФ). В судебной практике встречаются ситуации, когда в отношении одного подсудимого с небольшим промежутком рассматриваются два уголовных дела, причем раньше может быть вынесен приговор за более позднее преступление. Поэтому подобное предложение М. Г. Гусейнова, на наш взгляд, неприемлемо.

Однако мы согласны с предложением М. Г. Гусейнова изменить ст. 74 УК РФ, указав на обязательную отмену условного осуждения в случае совершения лицом в течение испытательного срока неосторожного преступления средней тяжести³. Обоснованием такого предложения является то обстоятельство, что данные преступления в большинстве случаев связаны с неосторожным причинением смерти и сохранение условного осуждения вряд ли окажет в данном случае положительное исправительное воздействие на осужденного. Однако непонятно, почему в случае совершения условно осужденным умышленного преступления средней тяжести суд обязан отменить условное осуждение, а при совершении преступления той же категории, но с неосторожной формой вины, сохраняется судебское усмотрение на решение данного вопроса.

Таким образом, правила назначения наказания за совершение преступления в период испытательного срока при условном осуждении, несмотря на то, что закон сохраняет определенную долю судебного усмотрения, а также отдельные дискуссионные положения, в целом достаточно четко урегулированы УК РФ 1996 г., что является гарантией соблюдения прав человека.

² См.: Гусейнов М. Г. Условное осуждение и тенденции в практике его применения (по материалам Республики Дагестан): Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Махачкала, 2003. С. 23.

³ См.: там же. С. 22.

¹ Бюл. Верхов. суда РФ. 2002. № 2. С. 16.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ
ЗАКЛЮЧЕННЫХ
В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.**

В современной доктрине уголовно-исполнительного права правовой статус осужденного определяется как юридическое закрепление положения осужденного в обществе. Право как социальный регулятор лишь закрепляет это положение, вводит его в законодательные рамки.

Исходные положения правового статуса осужденного закреплены в международных правовых актах: Всеобщей декларации прав человека (1948), Международном пакте о гражданских и политических правах (1966), Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966), Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) и ряде других. Важнейшим предписанием указанных международных правовых актов является признание права человека на его правосубъектность. Особое значение оно приобретает в сфере исполнения уголовных наказаний.

Относительно правового статуса осужденного отметим только, что одной из его составляющих являются законные интересы осужденного. В современной юридической литературе законный интерес определяют в качестве правового стимула, выступающего в роли правового побуждения к законопослушному поведению осужденного¹, с чем мы не можем согласиться. На наш взгляд, законный интерес – это то, в чем может проявить себя осужденный в рамках действующего законодательства, исходя из собственной мотивации. С данной точки зрения представляется правомерным проанализировать возможности реализации законного интереса осужденного в исправительно-трудовых лагерях первой половины 1930-х гг.

Статья 46 Положения об исправительно-трудовых лагерях² допускала реализацию законных интересов заключенных в клубной, театральной, научно-лекционной и иной

просветительной работе, но данный правовой акт не учитывал произошедших изменений. Так, в результате проявленной осужденными инициативы в Соловецком лагере зародились трудовые коллективы, обобщенный опыт функционирования которых нашел отражение в Примерном уставе трудовых производственных коллективов (1931)³, который впоследствии широко использовался в исправительно-трудовых лагерях. На общем собрании членов коллектива сроком на шесть месяцев избирались председатель руководства и совет. Количество членов совета зависело от численности трудового коллектива, а их выборы проводились из расчета один человек от 25–30 заключенных.

Одновременно с трудовыми коллективами получили распространение и трудовые артели. Имея одинаковые цели, задачи и устав с трудовыми коллективами, они отличались составом. В них принимались лица, осужденные по ст. 58, 59 УК РСФСР, не вошедшие в трудовые коллективы, но перевыполнявшие на производстве установленные нормы выработки.

Для членов трудовых объединений администрация лагерей создавала улучшенные жилищно-бытовые условия. Они проживали в отдельных жилых помещениях на территории лагеря, имели собственные кухни.

В Дмитровском исправительно-трудовом лагере была издана Инструкция, которая регулировала деятельность общественных секций трудовых объединений⁴, созданных по инициативе заключенных (производственная, культурно-воспитательная и хозяйственно-бытовая). По мнению осужденных, вопросы совершенствования быта и организации досуга являются их внутренним делом и находятся в прямой зависимости от членов трудовых коллективов.

Кроме рассмотренных трудовых объединений органами самодеятельности заключенных являлись хозяйственно-бытовые комиссии, которые были организованы на лагерных пунктах, если они были небольшими по численности, или в общежитиях. Эти комиссии работали под руководством культурно-воспитательных частей. Права членов комиссии регламентировались отдельным положением, в соответст-

¹ См.: Уголовно-исполнительное право: Учеб. / Под ред. А. С. Михлина. М., 2006. С. 92.

² См.: СУ РСФСР. 1930. № 16. Ст. 203.

³ См.: Беломоро-Балтийский канал. М., 1934. С. 228.

⁴ См.: ГАРФ, ф. 9489, оп. 2, д. 25, т. 2, л. 352.

вии с которым основная цель их деятельности сводилась к оказанию помощи администрации в налаживании бытового обслуживания заключенных.

Хозяйственно-бытовые комиссии не входили в состав трудовых коллективов и артелей. По существовавшему Положению, они осуществляли руководство аналогичными комиссиями в бараках, помогали контролировать работу хлеборезок, каптерок, ларьков, кухонь и т. д.

Для трудовых коллективов заключенных предусматривалось выделение красных уголков, где они могли организовывать свой досуг. В Дмитровском исправительно-трудовом лагере в 1933 г. была разработана Инструкция по оборудованию красных уголков и постановке в них работы¹. В соответствии с ней на общем собрании заключенных в состав совета красного уголка избирались 3–5 человек во главе с председателем, который отвечал за быт и культурно-массовую работу среди заключенных. Улучшению деятельности красных уголков способствовали смотры-конкурсы, которые вносили оживление в воспитательную работу с заключенными.

Важной формой развития самодеятельного искусства среди заключенных были агитбригады. Они формировались по инициативе осужденных из наиболее талантливых и одаренных, призывали к выполнению плановых заданий, способствовали организации культурного досуга.

В лагерях уделялось достаточное внимание политическому воспитанию заключенных. Например, в Дмитровском исправительно-трудовом лагере с 1933 г. были введены обязательные политические занятия (политчас). Политзанятия и чтение газет были обязательными для заключенных. При желании они могли дополнительно посещать кружки с более углубленным изучением теории марксизма-ленинизма. Успешно закончившие обучение в политкружках выдвигались администрацией лагеря в качестве культуполномоченных, воспитателей. При этом добросовестное отношение к учебе всячески поощрялось.

Заключенным предоставлялась возможность проявить свои способности в рациона-

лизации и изобретательстве, в области искусства и т. д. Так, к 19-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции в Дмитровском исправительно-трудовом лагере была организована выставка искусства, на которой были представлены лучшие работы в области живописи, графики, рисунка, скульптуры. В дальнейшем они использовались для оформления поселков строителей канала, клубов, столовых, административных зданий, красных уголков и др. Этой же цели служил и проходивший с марта по июнь 1936 г. вселагерный конкурс музыкальных произведений, отражавших борьбу за нового человека. На конкурс были представлены 112 произведений, написанных 73 авторами².

Ликвидация безработицы, решение проблемы индустриализации страны на основе первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, то внимание, которое уделялось в средствах массовой информации соревнованию и ударничеству в трудовых коллективах, находили отклик и среди заключенных. Соревнование способствовало развитию общественной активности заключенных, порождало потребность участия не просто в коллективном, общественно значимом труде, но и в организации управления производственными процессами. Наряду с индивидуальным было распространено соревнование между бригадами и звеньями. В целях активизации соревнования широко использовались материальные и моральные стимулы, практиковалось премирование вещами, деньгами, досрочное освобождение и др.

В основу воспитательной работы всех лагерей были положены социалистическое соревнование и ударничество. Это отвечало требованиям XVI съезда ВКП(б) о необходимости дальнейшего развития новых форм организации труда среди рабочих. Для руководства социалистическим соревнованием и ударничеством в исправительно-трудовых лагерях создавались центральные штабы из самих заключенных под непосредственным руководством администрации лагерей.

Важное место в социалистическом соревновании имело стахановское движение, зародившееся в 1935 г. и охватившее всю страну. К началу 1936 г. лагерь и колонии

¹ См.: Приказ по Дмитровскому ИТЛ от 1933 г. № 322.

² См.: ГАРФ, ф. 9489, оп. 2, д. 44, т. 2, л. 117.

насчитывали тысячи заключенных, работавших по-стахановски. Заключенные добивались больших результатов в повышении производительности труда. Благодаря соревнованию заключенные объективно включались в создание материальной базы страны, а труд на ответственных участках социалистического строительства оказывал на них особое воспитательное воздействие.

С. А. Соколов,

старший преподаватель

кафедры уголовно-исполнительного права

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ

Политика государства в любой ее сфере, в том числе и в сфере обеспечения правового положения осужденных, зависит от взглядов и убеждений большинства населения этого государства на определенных этапах его развития. Все меры уголовно-правового характера, применяемые к виновному в преступлении лицу, в какой-то степени ограничивают его правовое положение. Степень этих ограничений зависит от вида назначенной виновному судом меры уголовно-правового характера, порядка и условий ее исполнения, predetermined основными направлениями политики государства в области борьбы с преступностью.

Любое государство на каждом этапе развития проводит в жизнь свою политику, которая едина по своей сущности. Она отражает морально-нравственные устои общества, уровень его правового сознания, требования международных актов о правах человека, об обращении с осужденными и др.

Политику государства принято разделять на внешнюю и внутреннюю, в рамках которых выделяют экономическую и социальную области. В границах социальной политики обособляется уголовная, составной частью которой является уголовно-исполнительная.

Таким образом, политика в сфере обеспечения правового положения осужденных – составная часть социальной политики государства в сфере борьбы с преступностью.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что в первой половине 1930-х гг. в исправительно-трудовых лагерях заключенные имели возможность реализовать свои законные интересы в сфере общественной деятельности и это, безусловно, способствовало становлению их на путь исправления, развитию личности даже в условиях изоляции от общества.

Борьба с преступностью – одна из основных задач государства, ее решение связано со всеми областями политики, что находит отражение в регламентации правового положения осужденных, т. е. в уголовно-исполнительной политике. И. В. Шмаров отмечал, что «на формирование стратегии политики в области исполнения наказаний оказывают влияние динамика и структура преступности. При стабильном уровне преступности или его снижении политика в данной сфере, как правило, более гуманна. Однако рост преступлений, особенно тяжких, прежде всего насильственных, негативно влияет на нравственные и правовые представления в обществе, стимулирует более жесткие политические и правовые решения»¹.

С позиций обеспечения правового положения осужденных исправительная система России – единый процесс непосредственного отбывания ими назначенных судом мер уголовно-правового характера и применения к ним в этот период соответствующих средств исправительного воздействия.

Исправительное воздействие представляет собой применение к осужденным системы установленных законом основных средств исправления (режим, труд, общее обучение и профессиональная подготовка, воспитательная работа и общественное воздействие), мер поощрения, взыскания, безопасности, а также проведение мероприятий, направленных на их бытовое и трудовое устройство после отбытия наказаний (мер социальной адаптации) или в процессе его исполнения.

Основные направления уголовно-исполнительной политики закреплены в международно-правовых актах, в частности, во

¹ Уголовно-исполнительное право: Учеб. / Под ред. И. В. Шмарова. М., 1996. С. 6.

Всеобщей декларации прав человека 1948 г.; Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными 1955 г.; Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1975 г.; Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. и др. Они отражены в Конституции РФ, Уголовном, Уголовно-процессуальном, Уголовно-исполнительном кодексах РФ. Их реализация зависит от социально-экономического положения в стране.

Сегодня в России создана прочная законодательная база, регламентирующая правовое положение осужденных. Ее создание, совершенствование и неуклонное следование соответствующим предписаниям было и остается одним из основных направлений уголовно-исполнительной политики государства.

В новом Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (УИК РФ) сущность и основные вопросы правового положения осужденных по отношению к любой мере уголовно-правового характера урегулированы в гл. 2 (ст. 10–15). В других главах рассматриваются особенности специального правового статуса осужденных по отношению к конкретной мере уголовно-правового характера.

Ограничения осужденных в правах, возложение на них специфических обязанностей, характерных назначенному им наказанию, причинение неизбежных моральных страданий в рамках закона должны иметь разумные пределы. Перед ними не ставятся цели возмездия, унижения чести и достоинства личности виновных. Они необходимы лишь для того, чтобы, с одной стороны, осужденный понял отрицательное отношение к себе общества, с другой – было удовлетворено чувство социальной справедливости.

Ограничения в правовом положении осужденных обусловлены режимом отбывания наказаний, они небеспредельны, т. е. не превышают разумного максимума, установленного законом для меры уголовно-правового характера, примененной к конкретному лицу.

В нормативных актах, регулирующих исполнение наказаний и являющихся фор-

мами выражения уголовно-исполнительной политики, четко просматривается курс на дальнейшую дифференциацию и индивидуализацию правового статуса осужденных в процессе исполнения наказаний.

Так, кроме различных видов режима в исправительных учреждениях установлены различные условия отбывания наказаний, перевод на которые изменяет правовое положение осужденных в процессе исполнения наказаний в лучшую или худшую для них сторону в пределах одного исправительного учреждения (ст. 87 УИК РФ). Кроме того, в соответствии с дополнениями, внесенными в УИК РФ Федеральным законом от 9 марта 2001 г.¹, в одной исправительной колонии могут создаваться изолированные участки с различными видами режима (ч. 2 ст. 74 УИК РФ), а воспитательные колонии не делятся на режимы.

Уголовно-исполнительная политика предусматривает ужесточение репрессии в отношении лиц, не желающих становиться на путь исправления, нарушающих требования режима. В порядке применения меры взыскания они могут быть водворены в одиночные камеры, единые помещения камерного типа, представлены к переводу в учреждения с более строгим режимом, в исключительных случаях к ним могут быть применены допустимые законом меры безопасности (ст. 86, 115–118, УИК РФ).

В отдельных ситуациях в исправительном учреждении может быть введен режим особых условий: в случаях оказания осужденными сопротивления персоналу исправительного учреждения, проявления буйства, участия в массовых беспорядках, захвата заложников и совершения иных общественно опасных действий, в целях пресечения которых к осужденным в соответствии с законом могут быть применены физическая сила, специальные средства и оружие (ст. 85 УИК РФ).

Предоставленная законом возможность существенного изменения правового положения осужденного в пределах одного исправительного учреждения свидетельствует о направленности политики в сфере регулирования правового положения осужденных на психологию и педагогику в

¹ См.: Рос. газ. 2001. 14 марта.

процессе исполнения наказаний, согласно которым эффективность исправительного воздействия повысится, если, с одной стороны, осужденные к лишению свободы будут отбывать весь срок наказания в одном исправительном учреждении (ст. 81 УИК РФ), с другой – будет присутствовать реальный стимул к становлению на путь исправления.

В соответствии с действующим законодательством ограничения осужденных в правах и возложение на них дополнительных обязанностей могут в пределах одного исправительного учреждения сводиться до минимума на облегченных (льготных – в воспитательных колониях) или усиливаться до максимума на строгих условиях отбывания наказаний. В нормах, устанавливающих возможность изменения правового положения осужденных в период отбывания наказаний в пределах одного исправительного учреждения, усматривается дальнейшее развитие в России ирландской «прогрессивной системы» исполнения наказаний, лежавшей в основе исправительно-трудовой политики Советского государства¹.

Индивидуализация процесса исполнения наказаний отражается также в разном правовом положении осужденных женщин и мужчин; беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, совершеннолетних и несовершеннолетних; лиц пенсионного возраста, осужденных, страдающих каким-либо заболеванием, и др.

В рамках уголовно-исполнительной политики в настоящее время разрабатываются и принимаются меры по охране здоровья осужденных, оказанию специализированной противотуберкулезной и иной помощи в исправительных учреждениях, обеспечению исправительной системы России необходимым оборудованием, медицинским персоналом и лекарствами.

В настоящее время актуальными остаются вопросы бытового и трудового устройства большинства осужденных, особенно освобождаемых из мест лишения свободы. Пока меры социальной адаптации лиц,

освобождаемых из исправительных учреждений, разработанные в нормативных актах, далеко не всегда реализуются на практике. Задача уголовно-исполнительной политики – определить стратегию деятельности социальных структур по проведению мероприятий содействия бывшим преступникам в возвращении их к нормальной жизни в обществе. Эту задачу должны ставить и намечать пути решения во всех областях политики все звенья государственных и негосударственных структур, различных общественных формирований, граждане. Содействие органов местного самоуправления в социальном устройстве лицам, имеющим судимость, освобожденным из исправительных учреждений, существенно сократило бы рецидив, уровень которого в последнее время растет.

Главное направление уголовно-исполнительной политики заключается в обеспечении исполнения каждой из предусмотренных законом мер уголовно-правового характера всеми и повсеместно. В настоящее время два вида наказаний: ограничение свободы и арест – не могут быть назначены ввиду того, что они не введены в действие по причине невозможности их исполнения. По мнению некоторых авторов, социально-экономическое положение в России не позволяет за короткий срок создать рабочие места для применения ограничения свободы и найти средства для строительства не менее 140 арестных домов и финансирования персонала.

Социально-экономическая нестабильность в стране, рост преступности, с одной стороны, диктуют необходимость коренного изменения исправительной системы, с другой – отодвигают решение этой проблемы на второй план.

Таким образом, содержание уголовно-исполнительной политики образует вырабатываемые государством и рассмотренные выше основные направления деятельности государственных и негосударственных структур, общества в целом и отдельных граждан по определению и обеспечению прав и установлению обязанностей уже осужденных лиц на период исполнения назначенной им меры уголовно-правового характера.

¹ См.: Бажанов О. И. Прогрессивная система исполнения наказания. Минск, 1981; Ткачевский Ю. М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 1997.

И. А. Тараканов,
*преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии ВЮИ ФСИН России*

**ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА ВОСПРИЯТИЯ
ОБОРОНЯВШЕГОСЯ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ
ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА
В СОСТОЯНИИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ**

Право на необходимую оборону в современной теории уголовного права чаще всего расценивается как естественное, неотъемлемое право человека либо как составная часть правового статуса личности¹, важная гарантия реализации конституционных положений о неприкосновенности личности, жилища и имущества граждан². Тем не менее многие вопросы правовой оценки действий, совершаемых при необходимой обороне, решаются органами следствия и суда по-разному, что негативно отражается на судебной-следственной практике в целом. Это объясняется тем, что институт необходимой обороны недостаточно изучен как в теории уголовного права, так и в правоприменительной деятельности.

Поэтому прежде чем говорить об особенностях доказывания наличия в деянии лица признаков необходимой обороны, целесообразно рассмотреть их сущность.

Большинство ученых склоняются к тому, что требования правомерности необходимой обороны можно условно разделить на две группы:

1) относящиеся к посягательству (общественная опасность, наличность, действительность);

2) относящиеся к защите (защищаемые права и интересы, причинение вреда посягавшему, пределы данного вреда)³.

¹ См.: *Лакеев А. А.* Лицо, действовавшее при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, как субъект уголовного права // Актуальные проблемы уголовного права в новом тысячелетии: Материалы межвуз. науч.-практ. семинара. Рязань, 2004. С. 106.

² См.: *Истомин А. Ф.* Самооборона: право и необходимые пределы: Моногр. М., 2005. С. 52–53.

³ См.: *Кириченко В. Ф.* Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М.; Л., 1948; *Якубович М. И.* Вопросы теории и практики необходимой обороны. М., 1961; *Паше-Озерский Н. Н.* Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962; *Милюков С. Ф.* Обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния. СПб., 1998 и др.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что если в теории уголовного права институту необходимой обороны уделяется довольно большое внимание со стороны исследователей, то в рамках науки уголовного процесса доказывание ее признаков отдельно не рассматривалось. Хотя данный процесс доказывания имеет определенные особенности.

В теории квалификации существует правило, согласно которому «официальная квалификация преступления, лежащая в основе обвинения, должна базироваться на точно установленных фактических данных, доказанных по правилам, установленным УПК РФ»⁴.

Разумеется, для доказывания недостаточно положений материального права, поскольку они отвечают на вопрос, что необходимо доказать, не раскрывая содержания данной процедуры.

Не менее важной проблемой для доказывания является установление наличности посягательства. Другими словами, необходимо определить совпало ли причинение вреда посягавшему по времени с общественно опасным посягательством или для оборонявшегося не был ясен момент его окончания.

Таким образом, на основе вышеизложенного представляется необходимым определить сущность доказывания признаков необходимой обороны.

В идеале для прекращения уголовного дела или отказа в его возбуждении следователю (дознавателю) надо установить все вышеперечисленные условия правомерности необходимой обороны. Однако это не всегда возможно сделать в полном объеме. Например, в результате осуществления защитных действий предполагаемому посягавшему была причинена смерть. Свидетели происшедшего отсутствуют. Вопросы, относящиеся к общественной опасности, наличности и действительности посягательства, остаются неразрешенными.

В данном случае целесообразно установить субъективное восприятие оборонявшимся ситуации. Если собранный проверочный материал или материалы уголовного дела подтверждают, что при существовавших условиях у оборонявшегося имелись все основания считать деяние предполагаемого по-

⁴ *Гаухман Л. Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 277.

сягавшего общественно опасным и реально существующим, в том числе и в момент осуществления защитных действий, то причинение вреда следует признать правомерным. При этом должны соблюдаться условия, относящиеся к самой защите.

В связи с этим все условия правомерности необходимой обороны можно разделить на две группы:

1) воспринимаемые оборонявшимся в результате наблюдения за поведением посягавшего (общественная опасность, действительность, наличность);

2) непосредственно связанные с решением оборонявшегося (защищаемые права и интересы, причинение вреда посягавшему, пределы данного вреда).

Кроме того, при допросе оборонявшегося необходимо выяснить, какой вред посягавшему он намеревался причинить. Полученные показания следует сопоставить с результатами экспертиз, а также показаниями других участников процесса. Если причиненный при обороне вред не охватывался умыслом оборонявшегося (прямым либо косвенным), то обвинение его (оборонявшегося) в совершении преступления при превышении пределов необходимой обороны следует признать необоснованным.

Однако, например, при нападении в безлюдном месте, вдали от жилых домов и транспортных магистралей, особенно в условиях недостаточной освещенности, лицо, подвергшееся внезапному нападению, может не рассмотреть количество нападавших, предметы, находящиеся у них в руках, и при отсутствии возможности скрыться или позвать на помощь оценить сложившуюся ситуацию как безвыходную, опасную для жизни и здоровья. В результате обороняющийся может избрать на первый взгляд несоразмерные средства и способы защиты, которые не могут быть признаны таковыми, если оценивать сложившуюся ситуацию с позиции подвергшегося нападению лица. Кроме того, последний может иметь слабое зрение или слух, недостаточную физическую подготовку и т. п.¹ Поэтому при решении вопроса о превышении

пределов необходимой обороны следовательно нельзя ограничиваться сопоставлением вреда причиненного и предотвращенного.

Необходимость доказывания восприятия оборонявшимся посягательства как общественно опасного и реально существующего объясняется следующим.

Если такое посягательство действительно существовало в момент соразмерной обороны, то налицо обстоятельство, исключающее преступность деяния. Естественно, оборонявшийся воспринимал его (посягательство) как угрожающее охраняемым правам и интересам, поэтому причинил вред с целью пресечения.

Если же посягательство в действительности не существовало, но у оборонявшегося объективно не было возможности и обязанности это осознать, то он также не подлежит уголовной ответственности, так как это следует из правил квалификации мнимой обороны при соблюдении ее пределов.

Если же гражданин причиняет вред другому лицу, пресекая при этом общественно опасное посягательство последнего, но при этом не осознает характера своих действий как оборонительных, то его деяние следует расценивать как умышленно совершенное преступление с фактически причиненным вредом.

В случае, когда лицо не осознает реальной опасности посягательства и не предпринимает никаких действий для причинения вреда посягавшему, вопрос о привлечении такого «оборонявшегося» к уголовной ответственности вообще не возникает и он предстает в качестве обычного потерпевшего.

Таким образом, чтобы доказать наличие в действиях лица признаков необходимой обороны и на этом основании прекратить уголовное дело либо отказать в его возбуждении, следует:

1) доказать, что в данной ситуации и при данных обстоятельствах оборонявшийся воспринимал действия другого лица как общественно опасные и реально существующие в момент обороны, причем у него (оборонявшегося) не было возможности и обязанности осознавать обратное;

2) установить, на причинение вреда какого характера был направлен умысел оборонявшегося, и на основе этого оценить соразмерность защиты и характера посягательства, осознаваемого оборонявшимся.

¹ См.: *Сергеева О. Н.* Теория и практика криминалистического обеспечения проверки версий о необходимой обороне и превышении ее пределов: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 57.

Н. Д. Трофимов,
*преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии ВЮИ ФСИН России*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Материальный и моральный вред от террористического акта является ни чем иным как вредным последствием совершенного преступления, представляющим собой вредные для общественной безопасности изменения общественных отношений, изменения в объектах, охраняемых уголовным законом¹.

Различают материальные и нематериальные последствия. Первые связаны с разрушением, повреждением, изменением свойств предметов внешнего мира либо с лишением возможности использовать их постоянно или временно в соответствии с их функциями или потребительской ценностью (уничтожение или повреждение вещи, лишение собственника возможности владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащей ему вещью и т. п.). Вторые относятся к идеологической, психической или моральной сфере (смерть, телесные повреждения, причинение нравственных страданий, ущемление неимущественных прав, нарушение деятельности государственного аппарата или общественных организаций и т. п.)².

Материальные последствия вещественны и в отличие от нематериальных могут быть измерены в определенных единицах (например в деньгах). В этом случае можно говорить о причинении имущественного вреда, или имущественного ущерба. Этот ущерб – результат противоправного воздействия либо на имущество потерпевшего (например уничтожение вещи), либо на его нематериальные блага (жизнь, здоровье и т. п.). Например, причинение телесных повреждений в результате террористического акта может повлечь за собой расходы на лечение, протезирование, усиленное питание, утрату всего или части заработка в связи с временной или стойкой потерей трудоспо-

собности; причинение смерти – расходы на похороны, а если умерший являлся кормильцем, то и утрату средств к существованию лицами, находящимися на иждивении. Однако вред, причиненный личности, не всегда приобретает денежное выражение. Например, человек, лишившийся двух зубов, может воздержаться от протезирования, а следовательно, не понесет денежных расходов. Физический, а значит и материальный, вред ему причинен, но выразить его в денежном эквиваленте невозможно.

Таким образом, материальные последствия террористического акта не всегда сводятся к материальному вреду; они могут быть выражены в причинении физического вреда, не получившего денежного выражения. Поэтому нельзя признать удачным применение термина «материальный ущерб» по отношению к гражданскому истцу. Точнее было бы говорить об имущественном вреде.

На наш взгляд, потребностям института возмещения вреда в уголовном деле отвечало бы деление вреда, причиненного террористическим актом, на имущественный и неимущественный³.

С экономической точки зрения имущественный вред может быть причинен лишь тем объектам, которые имеют стоимость, т. е. представляют собой овеществленный человеческий труд. Объектом неимущественного вреда являются ценности, не созданные человеком и, следовательно, не имеющие стоимости (например, свобода, честь и достоинство личности)⁴. Между тем оба вида вреда могут получить денежную оценку, так как формально цену может иметь все⁵. Однако при причинении имущественного вреда объективно возможно соизмерить стоимости умаленного блага и блага, предоставляемого взамен. Неимущественный вред как не имеющий стоимости несоизмерим с благом, которое может быть предоставлено взамен. Такой вред возмездим.

Как разъяснил Пленум Верховного суда РФ, «моральный вред может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников; невозможностью

¹ Жизнь, здоровье, материальные и нематериальные блага, общественная безопасность. (Примеч. авт.)

² См.: Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 174–175.

³ Неимущественный вред, в свою очередь, является разновидностью морального вреда. (Примеч. авт.)

⁴ См.: Мазалов А. Г. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1977. С. 31.

⁵ См.: там же. С. 32.

продолжать активную общественную деятельность; потерей работы; раскрытием семейной, врачебной тайны; распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина; физической болью, связанной с причинением увечья; иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий, и др.»¹.

Действующее законодательство в ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) предусматривает возмещение неимущественного (морального) вреда. Под моральным вредом понимаются нравственные и физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, неприкосновенность частной жизни и т. п.) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Причем в ст. 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик установлена ответственность за моральный вред, причиненный гражданину неправомерными действиями, и в том случае, когда в законе отсутствует специальное указание на возможность его компенсации.

В ч. 1 ст. 151 ГК РФ, которая введена в действие с 1 января 1995 г., указанное положение сохранено лишь для случаев причинения гражданину морального вреда действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага. В иных случаях компенсация морального вреда может иметь место при наличии указания об этом в законе. В частности, вопросы возмещения вреда, причиненного в результате террористического акта, регулируются ст. 17 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ².

¹ См.: Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: Постановление Пленума ВС РФ от 20 дек. 1994 г. № 10 // Бюл. ВС РФ. 1995. № 3. С. 9.

² См.: Терроризм: правовые аспекты борьбы: Нормат. и междунар. правовые акты с коммент. / Под ред. И. Л. Трунова. М., 2005. С. 11.

Согласно ч. 1 ст. 17 данного Закона возмещение вреда, причиненного в результате террористической акции, производится за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, на территории которого совершена эта террористическая акция, с последующим взысканием сумм этого возмещения с причинителя вреда в порядке, установленном гражданско-процессуальным законодательством. В ч. 2 данной статьи поясняется, что возмещение вреда, причиненного в результате террористической акции, совершенной на территории нескольких субъектов РФ, а также возмещение ущерба, причиненного одному субъекту РФ и превышающего возможности компенсации из бюджета данного субъекта РФ, производится за счет средств федерального бюджета с последующим взысканием сумм этого возмещения с причинителя вреда в порядке, установленном гражданско-процессуальным законодательством.

Следует отметить, что по правоотношениям, возникшим после 3 августа 1992 г., компенсация морального вреда определяется судом в денежной или иной материальной форме, а по правоотношениям, возникшим после 1 января 1995 г., — только в денежной форме, независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда.

Размер компенсации зависит от характера и объема причиненных истцу нравственных или физических страданий, степени вины ответчика в каждом конкретном случае, иных заслуживающих внимания обстоятельств, а не от размера удовлетворенного иска о возмещении материального ущерба, убытков и других материальных требований. При этом при определении размера компенсации должны учитываться требования разумности и справедливости.

Степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий³.

³ См.: Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 20.12.1994 № 10 // Рос. газ. 2001. № 4. П. 8.

Если предметом преступления являются те или иные материальные ценности, то размер причиненного вреда зависит в конечном счете от выбора соответствующей цены, так как именно она представляет собой «денежное выражение стоимости».

Иначе выглядит компенсация неимущественного (морального) вреда, которая является достаточно новым институтом в современном российском праве, сформировавшимся 10–13 лет назад.

В настоящее время моральный вред – это широко используемая в законодательстве категория. Согласно ст. 151 ГК РФ моральный вред – физические и нравственные страдания.

Более подробное понятие морального вреда приводится в постановлении Пленума Верховного суда РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» от 20 декабря 1994 г. № 10 (с изм. от 25 октября 1996 г., 15 января 1998 г.)¹. Важно подчеркнуть, что в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда РФ от 20 января 2003 г. № 2 указанное постановление не используется на территории Российской Федерации в части применения гражданско-процессуального законодательства².

Однако не все исследователи едины в трактовке понятия «моральный вред». Большинство из них считают, что моральный вред предполагает нравственные страдания и их можно определить как совокупность отрицательных эмоций (чувство страха, унижения, обиды и т. д.).

Так, А. М. Эрдлевский отмечает, что определение содержания морального вреда как страдания означает, что действия причинителя вреда обязательно должны найти отражение в сознании потерпевшего, вызвать определенную психическую реакцию. При этом неблагоприятные изменения в охраняемых законом благах отражаются в сознании человека в форме негативных

ощущений (физические страдания) и представлений или переживаний (нравственные страдания). Очевидно, любое неправомерное действие или бездействие может вызвать у потерпевшего нравственные страдания различной степени и лишить его полностью или частично психического благополучия³.

Важно подчеркнуть, что понятие «страдания» не совпадает по своему содержанию с понятием «физический вред», или «вред здоровью». Физические страдания – это одна из форм морального вреда (ст. 151 ГК РФ). Физический (органический) вред – это вред, наносимый здоровью человека, связанный с протеканием органических процессов в организме человека, влекущих ухудшение физического здоровья.

Как уже отмечалось, вопросам возмещения вреда, причиненного в результате террористического акта, посвящена ст. 17 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ.

Кроме указанного закона правоотношения по поводу возмещения вреда, причиненного в результате террористического акта, регулируются рядом правовых актов Правительства РФ⁴.

Анализ актов Правительства РФ и ст. 17 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» показывает, что государство берет на себя обязательство по компенсации причиненного вреда в случаях, когда потерпевший не может получить возмещение вреда от его причинителя. Таким образом, данные документы пытаются решить проблему возмещения вреда пострадавшему от террористического акта в случае неустановления лица, его совершившего. При этом речь идет не об освобождении виновного от ответственности за причиненный им вред, а о замене субъекта, уполномочен-

¹ См.: Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда.

² См.: О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 20.01.2003 г. № 2 // Бюл. Верхов. суда РФ. 2003. № 3.

³ См.: Эрдлевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. С. 186.

⁴ См., напр.: Об оказании помощи лицам, ставшим жертвами террористического акта в г. Буденновске Ставропольского края: постановление Правительства РФ от 19 июня 1995 г.; «Об оказании помощи лицам, ставшим жертвами террористического акта в январе 1996 г. в Республике Дагестан»: от 23 янв. 1996 г.

ного получить от него возмещение: вместо потерпевшего им становится либо Российская Федерация, либо ее субъект.

Следует отметить, что, несмотря на наличие Федерального закона «О борьбе с терроризмом», порядок реализации права на финансовую компенсацию вреда, причиненного террористическими актами, регулируется подзаконными актами, изданными по конкретным фактам.

Это обусловлено следующим.

Во-первых, не указан момент, когда у государства или субъекта РФ возникает обязанность производить компенсационные выплаты потерпевшим от террористического акта. Преступление террористического характера как материально-правовой факт порождает уголовно-правовые отношения. С момента причинения вреда потерпевший как участник уголовно-правовых отношений наделяется правом на возмещение вреда от причинителя и на финансовую компенсацию за счет государства, а также на доступ к правосудию. Однако возможность непосредственного использования данных прав появляется только с момента восстановления правового статуса потерпевшего¹, другими словами, стадия непосредственной реализации и стадия прекращения прав совпадают.

Однако если право на возмещение вреда от причинителя прекращается с момента непосредственного восстановления правового статуса потерпевшего, который может наступить как до возбуждения уголовного дела (на этапе предварительного следствия или судебного рассмотрения) в случае добровольного возмещения вреда, так и по истечении срока на кассационное обжалование приговора суда, в котором гражданский иск, заявленный при производстве по делу, разрешен в пользу потерпевшего или в котором потерпевшему отказано в его исковых требованиях, то право на финансовую компенсацию причиненного вреда от государства теоретически прекращается с момента возбуждения уголовного дела по статьям УК РФ, закрепляющим составы преступлений террористического характе-

ра. Следовательно, в законе необходимо предусмотреть, что именно с момента возбуждения уголовного дела у государства возникает обязанность осуществить компенсационные выплаты пострадавшим от террористического акта.

Во-вторых, не определен ответчик, на которого возложена обязанность произвести возмещение вреда, причиненного террористическим актом. В данном случае возможно применение ст. 1071 ГК РФ «Органы и лица, выступающие от имени казны при возмещении вреда за ее счет».

Одной из основных проблем возмещения вреда, причиненного в результате террористического акта, является также то обстоятельство, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) не приведен в соответствие с федеральными законами «О борьбе с терроризмом» и «О противодействии терроризму».

Поскольку Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» полностью утратил силу с 1 января 2007 г., представляется целесообразным дополнить п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ («Вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора») положениями ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму» и изложить их в следующей редакции: «По делам о преступлениях террористического характера государство осуществляет в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которым был причинен материальный и моральный вред в результате террористического акта.

Возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации».

По нашему мнению, необходимо более детально регламентировать механизм финансовой компенсации вреда, причиненного в результате террористического акта.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ нацелен на регулирование основ в организации борьбы с терроризмом, подзаконные

¹ Возмещение материального ущерба, компенсация морального вреда, возмещение расходов в полном объеме и т. п. (Примеч. авт.)

акты Правительства РФ – порядок возмещения вреда по конкретным фактам террористических актов. Использование последних в дальнейшем неоправданно, как и регулирование данного вопроса правовыми актами субъектов РФ, по причине того, что возмещение вреда, причиненного в результате террористического акта, является жизненно важным вопросом государства и общества и должно регламентироваться зако-

Л. Е. Филиппова,
преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин ВЮИ ФСИН России

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ НКВД В ПЕРИОД
СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ
КАК ЧАСТЬ ОБЩЕЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

После Октябрьской революции 1917 г. произошел слом всего государственного аппарата. В короткий срок складывавшаяся веками русская государственная служба была практически уничтожена. Чиновничество было разогнано либо репрессировано. По планам большевиков и логике политических и государственно-правовых изменений, происходящих в России в 1917–1920 гг., старое профессиональное чиновничество должно было исчезнуть и его место должна была занять новая «пролетарская государственная служба». Однако на деле Российское государство осталось в то время без эффективно функционирующего, знающего профессионального кадрового корпуса. Руководящей партией создавалась советская государственная служба, которая по своим принципиальным характеристикам была противоположна профессиональному чиновничеству дооктябрьской России¹.

Революция прервала кадровую преемственность и привела к власти людей из разных социальных слоев. В отличие от буржуазных революций, где приход к власти новых социальных сил оправдывался главным образом экономическими факторами, для Октябрьской революции был характе-

ном, непосредственно выражающим государственную волю и обладающим высшей юридической силой по отношению к другим нормативным правовым актам. В данном случае должны быть определены: субъекты права на финансовую компенсацию, правомочия субъектов, механизм определения размеров компенсационных выплат, процедура определения данного права, источник компенсационных выплат.

рен политический фактор. К власти пришли большевистские кадры.

Положение о Рабоче-крестьянской милиции от 10 июня 1920 г. внесло в нормативное обеспечение кадровой работы ряд новаций, суть которых сводилась к расширению компетенции Главмилиции и ее местных органов за счет постепенного изъятия полномочий у исполкомов Советов. Одним из новых требований Положения являлось возложение на Главмилицию организации «специальных курсов по милиции»².

Положение разделило кадры милиции на сотрудников и вспомогательный состав, определило компетенцию органов различного уровня в деле реализации кадровой функции. Был нормативно закреплён порядок определения на службу, определен механизм осуществления должностными лицами кадровых процедур, включающих наряду с другими вопросами и комиссионную проверку в испытательных комиссиях знаний и степени пригодности к службе³.

Завершение процесса становления кадровой функции создало реальные предпосылки для организации и развития ведомственной сети школ и курсов и планомерной, профессиональной подготовки работников милиции. Нормативно-правовой основой, положившей начало развитию и последовательному совершенствованию подготовки кадров милиции, явилось Положение о курсах командного состава милиции, утвержденное приказом Главмилиции РСФСР от 17 января 1921 г. № 69/с. В соответствии с этим документом местные органы милиции должны были организовать

¹ См.: *Старилов Ю. Н.* Службное право. М., 1996. С. 99.

² См.: СУ РСФСР. 1920. № 79. Ст. 371.

³ См.: *Лойт Х. Х.* Кадровая политика в органах внутренних дел Российской Федерации. СПб., 1998. С. 84.

открытие курсов командного состава при своих губернских и областных управлениях¹.

Отсутствие общей концепции развития экономики, политики, права отразилось на дальнейшем процессе реорганизации органов НКВД. Частая корректировка экономической политики привела к необходимости изменения направлений реорганизации НКВД. В связи с этим в процессе реорганизации НКВД можно выделить три этапа. На первом (1921–1922 гг.), совпавшем с началом осуществления новой экономической политики, функции наркомата расширились и усложнились его структура за счет вхождения в его состав основной части аппарата ВЧК, передачи в НКВД всех исправительно-трудовых учреждений и сосредоточения в его ведении вопросов регистрации общественных организаций и т. д. Все это превратило наркомат в ведомство, наделенное широчайшими полномочиями, что способствовало организации и развитию ведомственной сети школ и курсов и планомерной, профессиональной подготовки работников милиции.

К 1 января 1922 г. в РСФСР было создано 46 курсов, имевших в своем составе 2473 обучающихся. Штат курсантов устанавливался применительно к местным условиям, но в определенных рамках – от 100 до 150 человек. Финансирование курсов осуществлялось из местного бюджета, а обеспечение их хозяйственных потребностей было возложено на губернские и областные управления милиции².

Необходимо заметить, что в отличие от организации профессиональной подготовки полицейских чиновников в царской России, МВД которой не имело специального органа по координации этих вопросов, в милицеских структурах Советского государства общее организационное руководство специальной подготовкой работников милиции нормативно возлагалось на административно-строевой отдел одного из отделов Главмилиции НКВД РСФСР³.

Данный орган в структуре Главмилиции урегулировал процесс профессиональной подготовки сотрудников. Под руководством административно-строевого подотдела в течение 1921–1925 гг. были разработаны организационные и правовые основы школьно-курсовой подготовки. В организационную структуру системы профессионального милицеского обучения входили: школы резервов, осуществлявшие первичную подготовку лиц, принятых на должности милиционеров; губернские (областные), а впоследствии и межобластные школы для обучения младшего командного состава – старших и волостных милиционеров, участковых надзирателей; школы среднего командного состава, занимавшиеся подготовкой руководителей отделений уездных и городских отделений милиции⁴.

В школах резервов осуществлялась первоначальная подготовка милиционеров и одновременно проводилось обучение и младшего командного состава милиции. В связи с этим количество школ резервов значительно возросло. К концу 1923 г. их насчитывалось 25, а количество обучаемых в них составляло около 9 тыс. человек⁵.

Несмотря на усилия Главмилиции по активизации профессиональной подготовки, уровень образования большинства сотрудников оставался крайне низким, основная часть учебного времени отводилась на общеобразовательные предметы. Незрелость сети учебных заведений и необходимость более широкого охвата сотрудников различными формами обучения способствовали развитию внешкольной подготовки как самостоятельного вида профессионального обучения. Вначале внешкольная подготовка решала задачи по ликвидации неграмотности среди милиционеров.

Восьмого апреля 1922 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности издала циркуляр, потребовавший обязательного привлечения всех неграмотных и малограмотных милиционеров к всеобщему обучению и объявила эту работу

¹ См.: *Николаев П. Ф.* Подготовка командных кадров милиции в СССР (1917–1929 гг.). Омск, 1969. С. 25.

² См.: *Гольдман В. С.* Из истории организации школ и курсов милиции РСФСР в 1917–1925 гг. // Тр. / Высш. шк. МОП СССР. М., 1968. С. 82.

³ См.: *Павлов А. Н.* Петроградская милиция: ее развитие и деятельность в условиях НЭПа (1921–1925 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 94.

⁴ См.: *Шамаров В. М.* Кадровая работа в милиции НКВД РСФСР (правовые и организационные основы). М., 1997. С. 66.

⁵ См.: Рабоче-крестьянская милиция. 1924. № 11. С. 14; *Павлов А. Н.* Указ. соч. С. 98.

ударной. По складывающейся в эти годы традиции такие решения реализовывались в ходе различных кампаний. В данном случае датой окончательной ликвидации неграмотности среди милиционеров было определено 1 июля 1922 г. Во исполнение указанного циркуляра на местах были организованы резервы для прохождения курса грамотности.

Развитие новых экономических отношений потребовало укрепления законности, а следовательно, совершенствования правовой системы, приведения текущего законодательства в соответствие с Конституцией РСФСР, четкого разграничения компетенции между различными звеньями государственного механизма. Это коснулось прежде всего Наркомата внутренних дел как органа чрезвычайно многофункционального. Начался очередной этап (1923–1927 гг.) его реорганизации, которая в итоге превратила НКВД из органа, занимавшегося вопросами организации местной власти, в орган охраны правопорядка. Значительное влияние на данную реорганизацию оказал экономический кризис 1923 г., потребовавший максимального сокращения расходов на содержание государственного аппарата.

Приказом Главмилиции от 11 июня 1923 г. № 186 была утверждена единая программа занятий с милиционерами и комсоставом. Она была рассчитана на один год обучения и направлена на ликвидацию правовой безграмотности, знакомство работников милиции с текущими законодательными и другими нормативными документами, приемами выполнения оперативно-служебных задач.

К середине 1920-х гг. сформировалась система школьно-курсовой подготовки, в которую вошли все типы учебных заведений, дифференцированно готовящих различные категории личного состава. Сеть школьно-курсовой подготовки, по данным В. М. Шамарова, включала 20 школ резервов, три губернские школы младшего командного состава и пять школ среднего комсостава¹.

С 1921 по 1925 г. из школ милиции РСФСР было выпущено более четырех тысяч человек, из них местные школы окончили 3827 человек, школы среднего комсостава – 813 человек.

Повышению уровня профессионального образования сотрудников милиции и кандидатов на работу в органы внутренних дел способствовали и другие меры. Во-первых, со второй половины 1920-х гг. в воинских частях были организованы краткосрочные курсы по подготовке милиционеров из числа мобилизованных красноармейцев, желающих работать в милиции. Во-вторых, с 1929 г. на специальных курсах при местных организациях Осоавиахима началась подготовка женщин для работы в милиции. И в-третьих, в этот период появился институт запаса милиции, состоящий из передовых рабочих и крестьян. Один раз в год проводились сборы лиц, входивших в запас, где они получали необходимую общую, военную и специальную подготовку².

Данные изменения были закреплены в новом Положении о НКВД от 27 марта 1927 г. Однако к этому времени произошли серьезные изменения в социально-экономическом положении страны: новая экономическая политика стала сворачиваться, осуществлялся переход к форсированной индустриализации. Эти события потребовали централизации всего аппарата управления, которому противоречила децентрализованная структура НКВД, утвержденная Положением. Поэтому спустя девять месяцев после принятия Положения начался последний этап реорганизации, целью которой была централизация аппарата НКВД.

К концу 1920-х гг. система профессиональной подготовки сотрудников милиции характеризовалась наличием в органах милиции НКВД РСФСР широкой сети учебных заведений, осуществлявших подготовку практически всех должностных категорий. В систему учебных заведений входили содержащиеся за счет госбюджета: институт административного строительства с 3-годовалным сроком обучения, одногодичные высшие курсы НКВД усовершенствования административных работников и школы НКВД административных работников.

Кроме того, в этой системе функционировали за счет краевых и областных бюджетов школы краевых и областных административных управлений с шестимесячным сро-

¹ См.: Шамаров В. М. Указ. соч. С. 78.

² См.: Бюл. НКВД РСФСР. 1928. № 39. С. 809–811.

ком обучения, трехмесячные краткосрочные курсы по переподготовке младшего комсостава и месячные курсы по переподготовке рядового состава милиции и работников мест заключения¹. В 1928 г. внешкольная подготовка стала обязательной для всех категорий личного состава и называлась «повторно-инструкторские занятия», была введена заочная форма обучения (экстернат)². Централизация профессиональной подготовки проходила по единым планам и программам, утвержденным НКВД РСФСР.

Таким образом, к началу 1930-х гг. завершился процесс становления системы профессиональной подготовки милиции, ставшей основой для дальнейшего ее развития в последующие десятилетия.

В 1920-е гг. активно развивалась и система подготовки кадров для внутренних войск, имевших неразрывную связь с органами НКВД. Наряду с общими чертами с системой подготовки кадров милиции, профессиональная подготовка во внутренних войсках характеризовалась специфическими чертами.

Бурные, чрезвычайно сложные и противоречивые мероприятия по реорганизации Наркомата внутренних дел РСФСР, его органов на местах в рассматриваемый период свидетельствуют о том, что:

1) необходимость их реформирования была во многом обусловлена историей НКВД, сосредоточившего сразу после Великой Октябрьской социалистической

революции в своем ведении широкий круг функций;

2) последнее обстоятельство усугублялось тем, что компетенция Наркомата не была четко отграничена от сферы ведения других государственных органов (низовые Советы и исполкомы – прежде всего их президиумы, ВЧК, ОГПУ, ВСНХ, НКЮ и др.);

3) дублирование выполнявшихся НКВД и данными органами функций объективно создавало основания для их вмешательства в сферу ведения Наркомата внутренних дел, а с его стороны – в вопросы их компетенции, что вызывало трения;

4) это выразилось в дискуссиях о судьбе Наркомата внутренних дел, а также в частой реорганизации органов, проявившейся в объединении органов внутренних дел и некоторых звеньев других органов отраслевого управления либо выделении и передаче некоторых звеньев из НКВД в другие органы;

5) наиболее полно идеи и принципы нэп проявились в ходе реорганизации коммунальных органов, подведомственных НКВД;

6) общая линия развития Наркомата, ясно прослеживаемая из анализа итогов реорганизации различных его звеньев, соответствовала концепции укрепления законности с переходом к нэп. Например, у НКВД были изъяты функции руководства советским строительством, осуществление которой отраслевым государственным органом представляло очевидное нарушение действующей Конституции РСФСР.

¹ См.: Шамаров В. М. Указ. соч. С. 86.

² См.: Бюл. НКВД РСФСР. 1928. № 22. С. 446–448.

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Р. Р. Фатхуллин,
*старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых и специальных дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России*

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО- РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ

Современная ситуация в России характеризуется, к сожалению, сохранением негативных тенденций в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, что представляет серьезную угрозу здоровью населения, экономике страны, правопорядку и безопасности государства. Распространению наркотических средств и психотропных веществ способствуют криминализация российского общества, профессионализация и консолидация наркопреступности. В нашем государстве нет пока социального иммунитета к наркотикам. По некоторым данным, каждый год страна теряет в этой криминальной войне 70 тысяч жизней¹.

В большинстве случаев лица, совершившие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, отбывают уголовные наказания в исправительных учреждениях (ИУ). По данным ФСИН России, на 1 января 2006 г. в ИУ содержалось 600359 осужденных, из них 31535 лиц, склонных к немедицинскому употреблению наркотических средств и психотропных веществ (в 2001 г. – 47585, 2002 г. – 96177, 2003 г. – 86200, 2004 г. – 37309²).

С принятием Постановления Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. № 76³ уменьшились величины крупных и особо крупных размеров наркотических средств и психотропных веществ. В связи с этим количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений в ИУ, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, по стране будет возрастать.

Таким образом, в результате роста незаконного употребления наркотических средств и психотропных веществ среди осужденных увеличивается преступность, а следовательно, ухудшается состояние дисциплины. Последнее, в свою очередь, в целом негативно влияет на оперативную обстановку в ИУ.

Данный вывод подтверждается результатами проведенного нами опроса сотрудников оперативных подразделений ИУ⁴. Большинство респондентов (72 %) считают, что основным последствием проникновения наркотических средств и психотропных веществ в ИУ станет совершение осужденными других преступлений, по мнению 62,1 % опрошенных – ухудшение состояния дисциплины среди осужденных, а треть сотрудников (31,9 %) полагают, что падение авторитета администрации ИУ.

В 2001 г. в ИУ было изъято наркотических средств и психотропных веществ 32598 г, 2002 г. – 55277 г, 2003 г. – 39849 г, 2004 г. – 33554 г, 2005 г. – 31332 г⁵.

Несмотря на это, по-прежнему высока латентность преступного оборота наркотических средств и психотропных веществ

³ См.: Об утверждении крупных и особо крупных размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 7 февр. 2006 г. № 76 // Рос. газ. 2006. 11 февр.

⁴ В опросе принимали участие 212 сотрудников оперативных подразделений семи территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний.

⁵ См.: Отчет Федеральной службы исполнения наказаний за 2001–2005 гг.

¹ См.: Миллион алых доз // Рос. газ. 2006. 11 февр.

² См.: Отчет Федеральной службы исполнения наказаний за 2001–2005 гг. М., 2006.

как по стране в целом, так и по ИУ, в частности. Полностью решить данную проблему невозможно без проведения специальных мероприятий, которые осуществляются уполномоченными государственными органами в процессе оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

Законодательное определение ОРД закреплено в ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ¹. Оно является базовым для всех уполномоченных субъектов ее осуществления. В свою очередь, ОРД в ИУ имеет особенности, свойственные только данному специальному субъекту.

В частности, по мнению В. В. Кутковского, «ОРД в ИУ – это разновидность ОРД, обладающая своими специфическими чертами, целями, задачами, функциями и способами их решения, незаменимый инструмент выявления негативных тенденций в уголовно-преступной среде и последующего как гласного, так и негласного воздействия на эту среду с тем, чтобы не допустить совершения преступлений и злостных нарушений порядка отбывания наказания»². В аспекте борьбы с преступностью в ИУ такая позиция нам представляется вполне обоснованной.

В целом же основу ОРД составляет система государственно-правовых мер, способных обеспечивать достижение поставленных целей путем решения специализированных задач. При этом первостепенная роль в данной системе принадлежит именно мерам оперативно-розыскного характера. Здесь мы разделяем мнение Д. В. Гребельского о том, что «для быстрой ликвидации преступности недостаточно только меры, объективно устраняющей причины этого социального явления. Нужны еще и меры, социально направленные на борьбу с преступностью. К таким специальным мерам относятся и оперативно-розыскные, как предупреждающие и пресекающие преступления, так и рассчитанные на раскрытие преступлений и установление лиц, их совершивших. Именно с их помощью прак-

тически осуществляется непосредственная борьба с преступностью»³.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, осуществляются замаскированными способами путем налаживания каналов поступления наркотиков в ИУ. Таких преступлений в ИУ и каналов поступления наркотиков было выявлено соответственно: в 2001 г. – 18466 и 9766, 2002 г. – 23487 и 13781, 2003 г. – 27080 и 15308, 2004 г. – 27672 и 18568, 2005 г. – 29283 и 18031⁴. Анализируя динамику изменения количества выявленных преступлений данного вида и каналов поступления наркотических средств и психотропных веществ за 2001–2005 гг., можно сделать следующий вывод. Несмотря на ежегодное улучшение работы по выявлению каналов поступления наркотиков и психотропных веществ, продолжается рост преступности, связанной с их незаконным оборотом в ИУ.

Выявление сведений, необходимых для предупреждения и раскрытия рассматриваемых преступлений, только с помощью уголовно-процессуальных действий и гласных мер административного характера нередко бывает затруднительным и даже практически невозможными. Возникает необходимость осуществлять ОРД, чтобы получить информацию непосредственно как от самих преступников, так и от их окружения. Кардинальное решение возникающих при этом задач, на наш взгляд, определяет разведывательно-поисковая направленность ОРД. Это связано с тем, что борьба с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в ИУ, осуществляемая оперативными подразделениями, отличается от других видов деятельности направленностью на поиск сведений о неизвестных фактах и обстоятельствах, носящих криминальный характер, а также о лицах, совершивших преступления, замышляющих или подготавливающих их. При этом роль и значение ОРД по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в ИУ как никогда возрастает.

¹ См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² Кутковский В. В. К вопросу о сущности оперативно-розыскной деятельности и ее значении в борьбе с преступностью в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система России: Материалы науч.-практ. конф.: В 2 ч. М., 2005. Ч. 2.

³ Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1977. С. 19.

⁴ См.: Отчет Федеральной службы исполнения наказаний за 2001–2005 гг.

На основании ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» ОРД осуществляется посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий, причем перечень их исчерпывающий и может быть дополнен только федеральным законом. Получается, что оперативные подразделения могут предпринимать что-либо только в рамках очерченных законом оперативно-разыскных мероприятий, а все, что лежит за их пределами, не является ОРД и по большому счету незаконно.

Как мы отметили выше, специфической особенностью деятельности оперативных подразделений в ИУ является разведывательно-поисковая направленность. В силу чего в большинстве случаев ОРД по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в ИУ проводится негласно. Это означает, что она должна осуществляться так, чтобы об этом не знали проверяемые и разрабатываемые лица, а также посторонние граждане. В данном случае негласность позволяет решить две взаимосвязанные проблемы: во-первых, эффективно исключить возможность со стороны проверяемых и разрабатываемых лиц воспрепятствовать деятельности оперативных сотрудников и, во-вторых, обеспечить тайну применяемых в конкретном месте и времени оперативно-разыскных сил, средств, методов и форм.

В условиях полной секретности осуществляется только та часть ОРД, которая связана с работой с конфидентами. Ею занимаются оперативные подразделения с целью привлечения и использования осужденных в качестве негласных сотрудников. Это делается в строгой тайне от лиц, не допущенных к такой работе. Осуществляется ОРД специально уполномоченными государственными органами, их оперативными подразделениями, перечень которых установлен ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и может быть изменен или дополнен только федеральным законом.

Общие полномочия органов, осуществляющих ОРД, определены в ст. 14 и 15 указанного Федерального закона, а специальные – устанавливаются соответствующими законодательными актами Российской Федерации, регламентирующими их деятельность.

Так, к числу полномочий оперативных подразделений ИУ, в отличие от практики

оперативных служб ОВД, относится борьба со всеми видами преступлений на территории дислокации данных учреждений. При этом оперативные сотрудники ИУ обладают определенными полномочиями в отношении осужденных, позволяющими им эффективно решать свои непосредственные задачи¹.

Согласно Закону РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в ИУ отбывают наказания в виде лишения свободы разные категории лиц. Степень общественной опасности личности осужденных и их концентрация в ИУ объективно обуславливают специфику проводимой в данных учреждениях оперативной работы, требующей повышенного внимания к ее основному объекту – осужденным, учету их возраста, преступного опыта, криминальной зараженности.

Более того, в ИУ определенным образом проявляет себя криминальная субкультура осужденных, что выступает труднопреодолимым препятствием при решении конкретных оперативно-тактических задач². Существенное влияние на оперативную работу в ИУ оказывает характеристика негласного аппарата, привлекаемого оперативным составом. Негласный аппарат состоит главным образом из осужденных, находящихся в одинаковых условиях с основной массой лиц, отбывающих наказания в ИУ. В данном случае объективно имеет место идентичность или совпадение основных параметров негласного аппарата и потенциальных объектов оперативного обслуживания, что нехарактерно для практики ОВД. Поэтому при подборе негласного сотрудника для решения возникшей задачи очень важен учет его неформального статуса в среде осужденных наряду с возрастом, национальностью, землячеством и другими особенностями.

¹ См.: Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21.07.1993 № 5541-1. Ст. 14 // СЗ РФ. 2002. № 52. Ст. 5132.

² См.: *Билоус Е. Н.* Оперативно-розыскная характеристика криминальной среды и ее лидеров в ИТУ // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в современных условиях: Материалы науч.-практ. конф. Калининград, 1996. С. 49; *Михайличенко А. В., Потоцкий Н. К., Якушин Н. М.* Оперативно-розыскные меры борьбы с группировками отрицательной направленности: Лекция. Домодедово, 1987. С. 17.

Кроме негласного контроля за поведением осужденных на рабочих объектах оперативные подразделения имеют возможность применять и иные средства и методы, в частности, оперативно-технические средства, целенаправленный осмотр общежитий и личных вещей осужденных и др. В совокупности это позволяет обеспечить плотное оперативное прикрытие объектов¹.

Таким образом, рассмотрев основные сущностные черты ОРД подразделений ИУ, мы попытаемся сформулировать определение, которое, с нашей точки зрения, наиболее адекватно отражает суть данного направления этой деятельности: ОРД по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и

Р. Р. Зарипов,

*преподаватель кафедры экономических
и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

КОНТРОЛЛИНГ В УПРАВЛЕНИИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В связи с тем, что человеческие и материальные ресурсы являются ограниченными, производимые товары и услуги также ограничены. Ограниченность сужает возможности и диктует необходимость выбора. Поскольку мы «не можем иметь всего», мы должны решить, что мы выбираем². Предпринимательство существует уже очень давно, но вряд ли кто-нибудь до XX в. задумывался над тем, как системно управлять выбором ограниченных ресурсов.

Начиная с XX в., нестабильность и динамичность среды возрастает, и управление организацией представляет собой работу, которую нельзя выполнить успешно, руководствуясь только «сухими» формулами. Это приводит к пересмотру взглядов на целый ряд научных теорий и школ, сменяющих друг друга, хотя и соответствовавших современности.

¹ См.: Горбатенко В. И., Смаги Ю. Е. Тактика и методика применения оперативно-тактических средств оперативными аппаратами органов внутренних дел: Учеб. пособие. М., 1994. С. 12.

² См.: Макконнел К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика / Пер. с англ. М., 2005. С. 4.

психотропных веществ в ИУ — это основанная на законах и подзаконных нормативных правовых актах совокупность целенаправленных действий разведывательно-поисковой направленности, осуществляемых оперативными подразделениями преимущественно негласно, с использованием имеющихся у них в распоряжении сил, средств и методов по предупреждению и раскрытию наркопреступлений в пределах предоставленных им полномочий на основе комплексного подхода.

В заключение следует отметить, что ОРД в ИУ является эффективным видом деятельности по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ среди осужденных.

В связи с этим предприятия уголовно-исполнительной системы (УИС) и в целом России должны совершенствовать систему организации производственных процессов. Западные компании достаточно давно столкнулись с необходимостью решения данной проблемы. Появление и развитие контроллинга в Западной Европе и Америке связаны с изменениями в мировом сообществе и принципиальной переориентацией предпринимательского мышления и действий³.

Изучение истории, философии и зарубежного опыта контроллинга помогает лучше понять современное состояние концепции контроллинга, перспективы его развития, осознать его значение в практике предприятий.

Понятие «контроллинг» происходит от английского глагола «to control» (контролировать, регулировать, управлять, наблюдать). Контроллинг нельзя отождествлять с функцией контроля, поскольку данное значение является слишком узким. Понимание контроллинга в значении «управление», «руководство» является более правильным, так как в данном случае контроллинг рассматривается как особая концепция управления предприятием, направленная на информационную поддержку, интеграцию и координацию процессов планирования, учета, анализа, контроля и регулирования.

³ См.: Гусева И. Б., Плеханова А. Ф. Контроллинг на предприятии: Учеб. пособие / Нижегород. гос. техн. ун-т. Н. Новгород, 2004. С. 5.

Контроллинг – это концепция и подсистема управления предприятием, а контроль – это лишь одна из функций управления.

Контроллинг впервые появился в средние века и относился к системе государственного управления, когда в XV в. при дворе английского короля была введена должность под названием «countrollour», в задачи которого входили документирование и контроль денежных и товарных потоков.

В 1778 г. в США было законодательно учреждено ведомство «Controller, Auditor, Treasurer and Six Commissioners Accounts», которое должно было осуществлять управление государственным хозяйством и контроль за использованием средств.

Промышленный рост в США в конце XIX – начале XX вв., возникший благодаря строительству первых железных дорог, способствовал активному развитию контроллинга. Железнодорожные компании были одними из самых прогрессивных в то время как в плане технического вооружения, так и в сфере методов управления.

Однако первоначально преобладало исторически-бухгалтерское видение контроллинга. Контроллер выполнял функции ведения учета и ревизии уже совершившихся хозяйственных событий, хотя термина «контроллер» до Великой депрессии не существовало.

Годы Депрессии помогли понять, что успешное руководство предприятием неизбежно связано с усилением внимания к внутрифирменному планированию и учету. В результате чего функции контроллинга были расширены. Контроллинг и его функции стали ориентироваться на будущие события, в задачи контроллера входили вопросы планирования и контроля. При этом изменилось место контроллера в организационной иерархии предприятия. Он вышел на один уровень с казначеем¹.

В 1930–1970-е гг. в США и на американских дочерних предприятиях (преимущественно в Германии) контроллинг развивался в рамках концепции, ориентированной на систему учета. Он рассматривался только как инструмент, позволяющий собрать всю необходимую учетную информацию, на основе которой принимаются управленческие решения. Система учета была ориен-

тирована на прогнозирование будущих изменений и возможных вариантов развития. На базе всех данных, собранных в ходе учета, создавалась информационная система поддержки управленческих решений, связанных с планированием и контролем деятельности предприятия.

В период с 1970 по 1980 г. контроллинг развивался в рамках концепции, ориентированной на информационную систему, которая в большей степени отражала его суть и включала данные бухгалтерского учета и все сферы функционирования предприятия. Сущность и основные задачи контроллинга в рамках данной концепции заключались в создании информационной системы управления (management information system), ее внедрении, координации функционирования, оптимизации информационных потоков, которая позволяла собирать, обрабатывать, анализировать всю необходимую информацию и на основе полученных результатов принимать правильные управленческие решения. Однако следует отметить, что «... рациональное включение столь обширных информационных задач в хозяйственную структуру предприятия представляет трудную проблему. Эти задачи не самоцель, они являются производными вышестоящих целей, которые связаны со специфическими информационными потребностями»².

С 1980-х гг. получила развитие концепция, ориентированная на систему управления с акцентом на планирование, контроль и координацию, а с XXI в. – с акцентом на стратегию. Основной задачей и целью контроллинга в последней концепции является обеспечение жизнедеятельности предприятия в долгосрочной перспективе³.

В США, Германии и других развитых странах эффективность управления организацией на принципах контроллинга подтверждена многолетней практикой хозяйствования. Службы контроллинга и специалисты по контроллингу (контроллеры) существуют как в крупных и средних предприятиях, так и в малом бизнесе.

² Пич Г., Шерм Э. Уточнение содержания контроллинга как функции управления и его поддержки // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 3. С. 19.

³ См.: Гусева И. Б., Плеханова А. Ф. Указ. соч. С. 16.

¹ См.: Муратов А. С., Муратова Л. Н. Контроллинг затрат на предприятии. Кемерово, 2001. С. 11.

Таким образом, контроллинг является сложной совокупностью целей, функций, задач. Это новая концепция управления, которая позволила собрать в единое целое процессы в управлении собственностью: стратегическое управление, организацию, планово-учетную и контрольную деятельность, а также информационное обеспечение¹.

Контроллинг в сложных и динамичных условиях рынка оказывает помощь менеджеру в эффективном управлении предприятием. На современном этапе он является не только инструментом управления прибылью предприятия, но и определяет образ действия и философию последнего.

Понятие «контроллинг» только появляется в России. Интерес к нему возрос в результате перехода экономики от командно-административной системы хозяйствования к рыночным принципам в 90-х гг. XX в.

Первыми в России стали внедрять контроллинг крупные предприятия, которые по роду своей деятельности постоянно взаимодействуют с зарубежными партнерами (предприятия черной и цветной металлургии, нефтегазового комплекса, атомной энергетики). В настоящее время издается большое количество литературы зарубежных и отечественных экономистов, занимающихся исследованием проблем контроллинга.

А. В. Каляшин,
*преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности ОВД
ВЮИ ФСИН России*

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗВАНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАК ОСОБЕННОСТЬ ИХ АДМИНИСТРАТИВНО- ПРАВОВОГО СТАТУСА

Одной из особенностей административно-правового статуса сотрудника уголовно-исполнительной системы (УИС) является наличие у него специального звания. Под особенностью понимаются характерная черта, свойства, отличающие администра-

¹ См.: Погорелов Б. К., Арлабаев Ф. З. Контроллинг в управлении государственной собственностью в регионе: Моногр. Оренбург, 2002. С. 76.

За короткий период использования системы контроллинга в России сформировались национальные особенности ее развития, к которым можно отнести следующее:

- отсутствует единое понимание контроллинга, его целей, функций и задач, а также роли на предприятии (до сих пор контроллинг очень часто отождествляют с контролем);

- внедряя контроллинг, предприятия опираются на зарубежный опыт, не учитывая особенностей национальной экономики. В связи с этим особое значение приобретают теоретические исследования и разработки в этой области, основанные на российской практике;

- для российских предприятий свойственно частичное внедрение отдельных элементов контроллинга, а не системы в целом, а также упрощенное понимание контроллинга (редко строятся сложные математические модели, расчеты)².

Вместе с тем для производственного сектора УИС с его особенностями и нерешенными проблемами это абсолютно новое и практически неизвестное понятие. Хотя внедрение системы контроллинга в производственный сектор УИС, на наш взгляд, целесообразно.

тивно-правовой статус сотрудника УИС от других юридических статусов³, их рассмотрение направлено на выявление сущности административно-правового статуса, закономерностей его образования, включения в состав тех или иных элементов и др.

Под специальным званием понимается присвоенное персонально сотруднику УИС в соответствии с его образованием, выслугой лет, должностным положением и заслугами звание (от рядового внутренней службы до генерал-полковника внутренней службы) и устанавливающее взаимоотношения между сотрудниками при выполнении общих задач.

² См.: Ванюхина И. В. Контроллинг в российских коммерческих банках: Дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2003. С. 31.

³ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1999. С. 463.

Наличие у сотрудников УИС специальных званий является их отличительным признаком. Специальные знаки и различия помогают сотрудникам как носителям властных полномочий исполнять свои функции. Кроме того, специальные звания обеспечивают ясность и четкость во взаимоотношениях и субординации сотрудников, т. е. обеспечивают отношения власти и подчинения, позволяют выразить служебный стаж, заслуги и его служебное положение. Присвоение специального звания заключается также в том, чтобы при отсутствии отношений подчиненности и старшинства по должности урегулировать вопросы подчиненности как в повседневной, так и служебной обстановке. Подчинение сотрудников по специальному званию служит важным средством поддержания и укрепления служебной дисциплины, организованности и порядка. Специальные звания влияют на условия и порядок прохождения службы разными категориями сотрудников, объем их служебных и личных прав.

Так, относительно появления специальных званий в УИС Ю. П. Соловей, В. В. Черников пишут: «Распространение атрибуты подобно военной в уголовно-исполнительную систему пришло из бывшего СССР, во время Великой Отечественной войны. Впервые специальные звания сотрудников уголовно-исполнительной системы (в то время органов НКВД) были введены в 1935 г. после установления персональных воинских званий в армии и уточнены Указом Президиума Верховного Совета СССР «О званиях начальствующего состава органов НКВД и милиции» от 9 февраля 1943 г.¹

В настоящее время в соответствии с п. 1 ст. 22 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации², ут-

вержденного Постановлением Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1, сотрудникам УИС персонально присваиваются специальные звания с учетом их квалификации, образования, отношения к службе, выслуги лет и занимаемой штатной должности, а также других условий.

Полномочия по присвоению специальных званий должностными лицами Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН), территориальных органов, образовательных и иных учреждений ФСИН России установлены приказом ФСИН от 16 июня 2005 г. № 460³.

Таким образом, в России сложилась многолетняя административно-правовая традиция, связанная с присвоением специальных званий сотрудникам, проходящим службу в учреждениях и органах УИС.

Однако сегодня важно проанализировать присвоение специальных званий сотрудникам УИС. В соответствии с п. 1 гл. 1 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний⁴ ФСИН России подведомственна Минюсту России.

Работникам органов юстиции, в том числе судебным приставам⁵, присваиваются классные чины, которые подразделяются на 10 классов от юриста 3-го класса до государственного советника юстиции РФ, которые установлены в Положении о классных чинах для работников органов юстиции и государственного нотариата РСФСР⁶. Согласно данному Положению присвоение

³ См.: О полномочиях должностных лиц Федеральной службы исполнения наказаний, территориальных органов, образовательных и иных учреждений Федеральной службы исполнения наказаний по присвоению специальных званий: Приказ ФСИН России от 16.06.2005 № 460 // Ведомости УИС. 2006. № 1. С. 57–59.

⁴ См.: Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 (в ред. Указа Президента РФ от 02.12.2005 № 1396) // СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4109.

⁵ См.: О судебных приставах: Федер. закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ (в ред. от 22.08.2004). Ст. 4, ч. 4 // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3590.

⁶ См.: Об установлении классных чинов для работников органов юстиции и государственного нотариата РСФСР: Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 01.07.1991 № 1506-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 27. Ст. 938.

¹ Соловей Ю. П., Черников В. В. Комментарий к Закону Российской Федерации «О милиции». М., 2000. С. 362.

² См.: Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, утв. Постановлением Верховного Совета РФ от 23.12.1992 № 4202-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316; СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2964; 1998. № 16. Ст. 1796; № 30. Ст. 3613; 2000. № 26. Ст. 2730; 2001. № 11. Ст. 1002.

классного чина производится в соответствии с квалификацией работника, занимаемой должностью и стажем работы, а также с учетом классного чина, квалификационного класса, специального и воинского звания, присвоенных ему по прежнему месту работы или службы.

Таким образом, сегодня работникам органов юстиции присваиваются классные чины, за исключением сотрудников УИС, которым присваиваются специальные звания.

В Письме «Об отклонении Федерального закона «О службе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» от 15 февраля 2001 г. № ПР-296 Президент РФ В. Путин подчеркнул, что для сотрудников УИС необходимо ввести классные чины, единые для всех сотрудников юстиции Российской Федерации.

С момента принятия и вступления в законную силу Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ¹ сотрудники УИС будут проходить государственную правоохранительную службу и приобретут статус федерального государственного служащего.

В ст. 8 Проекта Федерального закона «О правоохранительной службе Российской Федерации»² установлено, что в зависимости от функционального назначения должности государственной службы подразделяются на должности федеральной государственной службы, государственной гражданской службы субъекта РФ, воинские должности и должности правоохранительной службы.

При этом гражданам, состоящим в должности правоохранительной службы, присваиваются специальные звания и классные чины.

В частности, в ст. 9 рассматриваемого Проекта определены специальные звания

(от рядового полиции до генерала полиции Российской Федерации), а в ст. 10 – классные чины правоохранительной службы (от младшего референта юстиции до действительного государственного советника юстиции).

В Законе РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»³ в настоящее время отсутствует перечень специальных званий, присваиваемых сотрудникам УИС.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод.

Одной из особенностей административно-правового статуса сотрудника УИС является наличие у него специального звания, под которым понимается присвоенное персонально сотруднику УИС в соответствии с его образованием, выслугой лет, должностным положением и заслугами звание (от рядового внутренней службы до генерал-полковника внутренней службы) и устанавливающее взаимоотношения между сотрудниками при выполнении общих задач.

В целях установления единого подхода к квалификационным разрядам, присваиваемым в органах юстиции Российской Федерации, с момента принятия и вступления в силу закона о государственной правоохранительной службе Российской Федерации представляется важным гл. IV «Права и обязанности работников уголовно-исполнительной системы» Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» переименовать в «Служба и работа в уголовно-исполнительной системе», в которой закрепить статью «Классные чины сотрудников уголовно-исполнительной системы», определив в ней перечень классных чинов, присваиваемых сотрудникам УИС.

¹ О системе государственной службы Российской Федерации: Федер. закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (в ред. от 11.11.2003) // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

² См.: <http://www.fireman.ru/news>.

³ См.: Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (в ред. от 22.08.2004) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316; СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2964; 1998. № 16. Ст. 1796; № 30. Ст. 3613; 2000. № 26. Ст. 30; 2001. № 11. Ст. 1002.

М. А. Татулян,
*старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
и гражданского права
Краснодарского филиала
ВЮИ ФСИН России*

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ОРГАНОВ
И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

В настоящее время особую актуальность приобрели вопросы совершенствования функционирования уголовно-исполнительной системы (УИС). Важной проблемой является улучшение профессиональной подготовки кадров, направляемых на работу в учреждения УИС.

Динамика развития общественных отношений, изменение законодательства в сфере регулирования институтов конституционного права требуют от правоохранительных органов, основной функцией которых являются охрана законности и правопорядка, защита прав и свобод человека, адекватного реагирования на происходящие изменения. Поэтому необходима углубленная и профессиональная подготовка сотрудников УИС в целях повышения эффективности решения задач, стоящих перед государством. Порядок организации и основные задачи учебного процесса в образовательных учреждениях определены в Инструкции по организации учебного процесса в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, находящихся в ведении Минюста России. Исходя из требований Инструкции, к одной из приоритетных задач учебного процесса можно отнести удовлетворение потребностей органов и учреждений УИС квалифицированными специалистами. Таким образом, учебная дисциплина «Конституционное право РФ», занимающая ведущее место в системе юридических дисциплин при подготовке специалистов УИС должна отражать специфику сферы деятельности обучающихся.

Россия является участником многочисленных международных соглашений, признает целый ряд международных стандартов, в первую очередь ООН и Совета Европы, по

вопросам соблюдения прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, и исполняет их в соответствии со своими экономическими и социальными возможностями. В уголовно-исполнительном законодательстве РФ главными задачами являются: регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определение средств исправления осужденных, охрана их прав и законных интересов, оказание осужденным помощи в социальной адаптации. Осужденные, независимо от их согласия, не должны подвергаться жестокому обращению, которое ставит под угрозу их жизнь и здоровье. В 1990 г. Президентом РФ одной из первых была одобрена Концепция реорганизации пенитенциарной системы до 2005 г. Реформирование УИС – составная часть государственной политики. Проводимая реформа направлена на декриминализацию общества, сокращение числа осужденных в местах лишения свободы, улучшение условий их содержания. Особое внимание уделено повышению профессионализма кадрового состава работников УИС.

Важным шагом в реформировании УИС стало создание специальной службы по контролю за соблюдением прав граждан, находящихся в местах лишения свободы. В Минюсте России было организовано соответствующее управление с подчиненными им отделами в федеральных окружных управлениях юстиции. В целях совершенствования правозащитной деятельности по решению министра юстиции РФ в УИС была создана вертикаль управления процессом обеспечения прав и законных интересов лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, следственных изоляторах, а также всех сотрудников и вольнонаемных работников УИС.

С целью решения проблем нормотворчества и правоприменительной практики в УИС учеными НИИ ФСИН России совместно с заинтересованными службами ФСИН России были разработаны: Концепция воспитательной работы с осужденными, Концепция кадровой политики УИС в новых условиях ее функционирования. Контроль со стороны Минюста России, ФСИН России, Генеральной прокуратуры РФ, международных и российских правозащитных организаций за деятельностью следственных изоля-

торов и исправительных учреждений выявил некоторые нарушения в обеспечении прав и законных интересов лиц, содержащихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах.

С сентября 2000 г. международная общественная организация «Международная тюремная реформа» (Penal Reform International) руководит экспериментальным проектом «Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации». Проект осуществляется совместно с ФСИН России, рядом учебных заведений, региональными управлениями исполнения наказаний (УИН) и общественными организациями. Финансовую поддержку оказывает Управление по Восточной Европе и Центральной Азии Департамента международного развития Великобритании.

Проект направлен на реформирование деятельности уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), сокращение применения наказаний в виде лишения свободы за счет расширения и более эффективного использования альтернативных и других мер уголовно-правового характера. «Опытными полигонами» с начала проекта являлись Томская, Рязанская и Самарская области, а с сентября 2002 г. к ним присоединились еще шесть областей: Новосибирская, Кемеровская, Саратовская, Нижегородская, Орловская и Калужская.

Основными направлениями проекта являются:

- *организационно-правовое*: укрепление правовой базы, внесение изменений и дополнений в законодательные и нормативные акты, изменение статуса УИИ и нормативной основы их деятельности;

- *образовательно-экспериментальное*: создание механизмов исполнения наказаний в виде обязательных работ на основе организации работы базовых УИИ в регионах, повышение образовательного и профессионального уровня сотрудников УИИ путем организации тренингов и семинаров, разработки учебно-методических пособий для специального курса подготовки инспекторов на базе Академии ФСИН России;

- *информационно-просветительское*: привлечение средств массовой информации с целью формирования общественного мнения в пользу альтернатив, организация

специальных семинаров для журналистов с целью разъяснения целей и задач проекта и представления результатов, работа по обеспечению информацией судейского и прокурорского корпусов;

- *привлечение общественности*: использование возможностей НПО в регионах для их более широкого участия в проекте в части предоставления рабочих мест и осуществления контроля за осужденными, а также в качестве общественных инспекторов.

За время существования проекта были достигнуты следующие результаты.

Так, ФСИН России, УФСИН регионов совместно с учебными заведениями (академией ФСИН России, юридическим факультетом Томского государственного университета, СЮИ ФСИН России) провели исследования нормативной, организационной и психологической базы, регулирующей деятельность УИИ. Были внесены изменения в нормативные акты, предложены принципиально новые механизмы работы, касающиеся как функционирования УИИ, так и психологических аспектов деятельности сотрудников. Были изданы и разосланы по всем УИИ России два сборника. В первом собраны все действующие нормативные документы, а в другом – результаты исследований и новаторские идеи.

Сотрудниками УИИ Томской и Саратовской областей был накоплен практический опыт по осуществлению контроля над выполнением общественных работ, который может быть использован в деятельности инспекций как при исполнении обязательных работ в будущем, так и расширении применения общественных работ, которые имеют полное право на самостоятельное существование и повышают эффективность условного осуждения. Кроме того, проводимый эксперимент позволил кардинально изменить принципы деятельности УИИ, скорректировать направленность профилактической работы и обеспечить профессиональную подготовленность сотрудников. Немаловажным является и тот факт, что выполнение бесплатных общественных работ условно осужденными позволяет повысить реальность воспитательно-предупредительного воздействия условного осуждения, максимально полно отработать механизм исполнения обязательных работ как вида наказа-

ния, а при более широком применении создаст дополнительные резервы рабочей силы для выполнения работ в интересах органов местного самоуправления.

Однако в ходе эксперимента выявился ряд проблем в деятельности УИИ:

- отсутствуют учебные заведения УИС, занимающиеся подготовкой специалистов непосредственно для УИИ;

- существующая в настоящее время нагрузка на одного сотрудника превышает «допустимую», как минимум, в два раза, что отрицательно сказывается на результатах работы;

- не соответствует требованиям материально-техническая обеспеченность УИИ, в том числе транспортом и помещениями.

В основе образовательного направления проекта лежит проведение специальных тренингов для сотрудников УИИ с целью повышения их уровня знаний. Академия ФСИН России занимается подготовкой сотрудников для пенитенциарной системы, но специальность «инспектор УИИ» была введена только с сентября этого года. Академией разработаны специальные учебно-методические пособия по данной специальности и программы подготовки, переподготовки и повышения квалификации инспекторов УИИ, изданы и распространены сборники организационно-методических документов для сотрудников УИИ, подготовлены три специальных учебника. В Томском филиале академии организовано и проводится повышение квалификации инспекторов Сибирского региона.

В ходе осуществления проекта во всех экспериментальных регионах были проведены тренинги для сотрудников УИИ по различным аспектам альтернативных наказаний, начиная с международных стандартов в этой области и заканчивая вопросами разрешения конфликтов между персоналом внутри УИИ и между персоналом и осужденным. Тренинг относится к числу нетрадиционных форм подготовки кадров, учитывающей новые образовательные технологии, обеспечивающие переход от дисциплинарно-информационного подхода к получению инструментария профессиональной деятельности. В основу тренингов положены современные обучающие системы, разработанные на базе философско-методо-

логических и психолого-педагогических знаний, способные преодолеть существующий сегодня разрыв между педагогической теорией и практикой. Именно поэтому структура программы тренингов составлялась в соответствии с функциями, выполняемыми инспектором, а целью являлось получение знаний, умений и навыков, позволяющих каждому сотруднику УИИ оптимально выполнять свои обязанности, т. е. стремиться стать профессионалом.

Важным направлением проекта, как уже отмечалось, является вовлечение в работу неправительственных общественных организаций и отдельных активистов на местах. Так, например, тренинги для сотрудников УИИ организуются и проводятся представителями НПО и учебных заведений. В ноябре 2006 г. вступил в силу приказ ФСИН России, утвердивший Положение об общественных инспекторах уголовно-исполнительных инспекций. Согласно данному Положению общественным инспектором может стать любой гражданин, достигший совершеннолетия и прошедший необходимую подготовку.

Таким образом, стратегический план дальнейшей работы по совершенствованию системы уголовно-исполнительных органов и деятельности в данном направлении должен включать:

В политической области:

- формирование устойчивой тенденции в органах власти, судебно-прокурорских органах к признанию ценности и эффективности альтернативных мер, окончательному преодолению «карательного менталитета» населения;

- поддержку политических решений и законопроектов, отвечающих тенденции, гуманизации уголовно-исполнительной политики;

В правотворческой области:

- совершенствование законодательной и подзаконной нормативной правовой базы, регулирующей деятельность по исполнению наказаний;

- разработку проектов постановлений Правительства РФ и приказов министерства юстиции РФ относительно статуса УИС, исправительных центров, их сотрудников и их взаимодействия с местными органами власти и общественностью;

В организационной области:

- дальнейшее совершенствование структуры УИИ, направленное на создание институтов воспитателей, психологов, службы взаимодействия с общественными инспекторами, муниципальными органами занятости населения, образовательными учреждениями и иными заинтересованными ведомствами;
 - повышение социального статуса сотрудников УИИ;
 - разработку и экспериментальное внедрение в ряде регионов типовой модели исправительного центра с последующим использованием ее по всей России;
 - отработку механизма взаимодействия исправительных центров с работодателями, местными органами власти, органами милиции;
 - внедрение общественного контроля за деятельностью исправительных центров и участие добровольцев в их работе;
 - организацию системы рейтинга исправительных центров;
 - внедрение новой структуры УИС на основе расширения штатной численности их сотрудников;
 - разработку и внедрение системы мониторинга обеспечения прав и свобод личности осужденных, отбывающих наказания в исправительных центрах и стоящих на учете в УИИ;
- В учебно-методической области:*
- разработку и реализацию учебных программ подготовки, переподготовки и

повышения квалификации работников исправительных центров;

- введение специализации для работы в исправительных центрах в высших учебных заведениях Минюста России;
- подготовку методических рекомендаций по работе с осужденными, стоящими на учете в инспекциях, и осужденными в исправительных центрах.
- обмен опытом работы УИИ и исправительных центров.

Таким образом, усилия высших образовательных учреждений и органов УИС сконцентрированы на решении следующих групп вопросов: дальнейшее реформирование УИС; совершенствование правового регулирования деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания; повышение результативности воспитательной работы с осужденными; научное обеспечение деятельности УИС; развитие многоступенчатой системы подготовки кадров; комплектование образовательных учреждений и подготовка специалистов для УИС по региональному принципу с учетом территориальных, социальных и экономических факторов; использование зарубежного опыта в пенитенциарной практике Минюста России.

УИС является важным звеном в правоохранительной системе РФ, поэтому необходимо уделять особое внимание осужденным, подследственным и кадровым сотрудникам системы в деле защиты их прав, так как от этого напрямую зависит состояние правопорядка в государстве.

О. А. Кучерявых,
преподаватель кафедры гуманитарных, экономических и финансово-правовых дисциплин Краснодарского филиала ВЮИ ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ПЕРИОД

Одной из характеристик криминогенной ситуации в России является рост рецидивной преступности (уровень рецидива по тяжким и особо тяжким преступлениям со-

ставляет 40–50 %¹). Среди основных причин этого явления можно выделить недостатки в решении социальных проблем лиц, освобожденных из исправительных учреждений (ИУ), их бытовую и трудовую неустроенность.

Статья 182 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) устанавливает, что осужденные, освобожденные от ограничения свободы, ареста

¹ См.: Долженкова Г. Д., Бабаян С. Л., Корчагина А. Ю., Сизая Е. А. Пути совершенствования социальной работы с осужденными в учреждениях ФСИН России: Метод. рекомендации. М., 2005. С. 21.

или лишения свободы, имеют право на трудовое и бытовое устройство, получение других видов социальной помощи в соответствии с законодательством РФ и нормативными актами. Реальное исполнение этих положений затруднительно.

До недавнего времени единственным правовым документом, разъясняющим порядок реализации вышеуказанных требований, являлась Памятка о некоторых изменениях порядка трудового и бытового устройства лиц, освобождаемых из учреждений, исполняющих уголовные наказания, утвержденная совместным Письмом МВД РФ № 1/3819 и Федеральной службы занятости (ФСЗ) РФ № 218-ФП от 28 сентября 1992 г. В соответствии с указанным документом администрация ИУ за 6 месяцев до освобождения знакомит осужденных с основными нормами и положениями законодательства о занятости населения, разъясняет порядок трудоустройства через государственную службу занятости. В Памятке указан порядок обращения в службу занятости, перечень документов, необходимых для постановки на учет и получения пособия по безработице, а также стипендии на время обучения по направлению службы занятости.

В соответствии с приказом Минюста России «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы» от 30 декабря 2005 г. № 262¹ определены назначение и содержание деятельности группы социальной защиты осужденных ИУ, ее основные цели, задачи и функции, права и обязанности сотрудников, установлен порядок оказания администрацией ИУ содействия в трудовом и бытовом устройстве лицам, освобожденным из мест лишения свободы.

На сотрудников группы социальной защиты осужденных возлагаются следующие обязанности:

- оформление необходимых документов и направление их в органы, осуществляющие пенсионное и социальное обеспечение;

¹ См.: Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы: Приказ Минюста России от 30.12.2005 № 262 // Бюл. М-ва юстиции России. 2006. № 3.

- осуществление контроля за своевременным перечислением пенсий и социальных пособий соответствующими органами;

- подготовка необходимых документов для получения осужденными паспорта установленного образца;

- оказание содействия осужденным в восстановлении социальных связей с родственниками, трудовыми коллективами, учебными заведениями, общественными и религиозными организациями;

- осуществление в рамках должностных полномочий взаимодействия с представителями органов государственной власти, организациями с различной формой собственности, заинтересованными в трудовом и бытовом устройстве осужденных;

- взаимодействие с органами местного самоуправления, ФСЗ РФ и органами внутренних дел по избранному осужденным месту жительства, попечительскими советами, иными общественными и религиозными организациями (объединениями), работодателями в предварительном решении вопросов трудового и бытового устройства освобождаемых;

- участие в организации и проведении практических занятий по подготовке осужденных к освобождению и т. д.

В соответствии с приказом Минюста России «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» от 13 января 2006 г. № 2² был установлен порядок оказания содействия в трудовом и бытовом устройстве осужденным, освобождаемым от отбывания наказаний в ИУ. Сотрудники группы социальной защиты осужденных направляют в органы местного самоуправления и органы ФСЗ РФ по избранному осужденным месту жительства письма с уведомлением об его освобождении трудоспособности и имеющихся специальностях, а также о наличии у него жилья; запросы о возможности его трудоустройства, предоставлении жилья и оформлении регистрации; в органы внутренних дел по избранному осужденным

² См.: Ведомости УИС. 2006. № 8. С. 43–47.

месту жительства – запросы о возможности проживания по указанному адресу.

Однако, несмотря на принятие вышеуказанных правовых документов, в настоящее время специалисты по социальной работе в ИУ не способны реально влиять на трудовое и бытовое устройство освобожденных из мест заключения, а могут только направить запросы и письма с уведомлением в органы внутренних дел, органы местного самоуправления или ФСЗ.

Сегодня актуальным остается вопрос о ресоциализации заключенных в постпенитенциарный период. Заработанных в колонии во время трудовой деятельности денег и единовременного пособия, выдаваемого при освобождении, освобожденным из мест заключения недостаточно, чтобы обеспечить себя жильем, пропитанием и т. д. Как следствие – большинство освобожденных снова возвращаются в места заключения за новые преступления (по заключению сотрудников ИК-14 ГУФСИН по Краснодарскому краю этот показатель достигает примерно 80 %).

С целью повышения эффективности работы по ресоциализации заключенных, проводимой в пенитенциарных учреждениях, необходимо оказывать помощь осужденным как в ИУ, так и после освобождения. Для этого следует создать специализированные общежития (дома или приюты), где бывший заключенный может получить такую помощь. Их создание с правовой и экономической стороны – долгий и трудный процесс. Поэтому в настоящее время следует больше внимания уделять работе реабилитационных центров и центров социальной адаптации (ЦСА).

В России функционируют свыше 200 подобных учреждений¹, основной задачей которых является оказание содействия в осуществлении мероприятий по социальной адаптации лиц, утративших социально полезные связи (в первую очередь лиц, освобождаемых из мест лишения свободы), к условиям жизни в обществе². В то же время

центры не имеют полномочий на оказание реальной помощи лицам, освобожденным из мест заключения, а именно: получение документов, удостоверяющих личность (паспорт), и трудоустройство. Нерешенными остаются вопросы направления на лечение в учреждения здравоохранения (в большинстве случаев из-за отсутствия страховых медицинских полисов), помещения в дома-интернаты для престарелых и инвалидов, социально-бытового устройства, оказания психологической помощи. С целью решения данных проблем необходимо законодательно урегулировать вопросы ресоциализации осужденных в постпенитенциарный период.

В г. Краснодаре существует подобный центр – Государственное учреждение социального обслуживания Краснодарского края «Краснодарский центр социальной адаптации «Забота» (далее – центр «Забота»). По информации данного учреждения, за первый квартал 2006 г. помощь оказана 1161 человеку, из них лиц, отбывших уголовные наказания, – 293, что составляет более 25 %. За этот же период оказано содействие в получении прописки 4 освобожденным из мест лишения свободы (0,35 %), пенсии – 6 (0,52 %), инвалидности – 1 (0,09 %), оформлены в дом-интернат 7 человек (0,6 %), а 6 человек отправлены по месту жительства (0,52 %). За май 2006 г. помощь в получении прописки, пенсии, инвалидности не оказывалась никому.

Следует отметить, что помощь в получении работы, документов, пенсионных и социальных выплат гражданам, обратившимся в центр социальной адаптации, оказывается недостаточно из-за отсутствия соответствующих полномочий у администрации центра.

По словам руководителя центра, какое-либо взаимодействие с ИУ края отсутствует. Об этом свидетельствует тот факт, что освобожденные из мест заключения, обращающиеся в центр «Забота», узнают о нем случайно, т. е. администрация ИУ не информирует их при освобождении о существовании подобного центра. По нашему мнению, это упущение в работе не столько центра, сколько администрации, и прежде всего социальных служб пенитенциарных учреждений.

¹ См.: Долженкова Г. Д., Бабаян С. Л., Корчагина А. Ю., Сизая Е. А. Указ. соч. С. 25.

² См.: Об утверждении Примерного положения об учреждении социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий: Постановление Правительства РФ от 08.06.1996 № 670 (в ред. от 06.07.1999 № 750) // СПС «КонсультантПлюс».

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что не только ФСИН и другие органы правопорядка, но и органы власти, местного самоуправления, руководители государственных и частных предприятий, общественные формирования должны принимать конкретные меры по содействию в решении вопросов трудового и бытового устройства граждан, осво-

А. В. Кудрявцев,
*старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ О НЕЙТРАЛИЗАЦИИ КРИМИНАЛЬНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

В ходе реформирования уголовно-исполнительной системы наряду с бесспорно положительными изменениями отмечается ряд негативных тенденций, сказывающихся в конечном итоге на состоянии оперативной обстановки в исправительных учреждениях. Среди них необходимо выделить следующие:

– в исправительных учреждениях увеличилось количество лиц, отбывающих наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений¹;

– возросло число осужденных с повышенной агрессивностью и возбудимостью, психическими отклонениями, склонных к различным формам деструктивного поведения – агрессии, конфликтам, членовредительству, суициду²;

¹ Так, количество лиц, осужденных за совершение убийств в 2005 г., составило 108 832 человека (99 867 – в 2002 г.), за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 85 640 человек (75 139 – в 2002 г.), за изнасилование – 20 316 человек (24 580 – в 2002 г.), за разбой – 80 070 человек (82 905 – в 2002 г.), за бандитизм – 1 571 человек (1 131 – в 2002 г.) и т. д. Всего в течение 2005 г. численность лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, увеличилась на 20 тыс. человек.

² См.: Впереди предстоит большая работа // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2006. № 4. С. 4.

бодившихся из мест заключения, и предотвращению совершения ими новых преступлений.

Проблемы ресоциализации заключенных в постпенитенциарный период выявляют потребность в дальнейшем совершенствовании нормативно-правового регулирования организации социальной поддержки данной категории граждан.

– все более активизируются криминальные лидеры, пытающиеся координировать противоправные действия осужденных и т. п.

Следует отметить, что данные процессы протекают на фоне участвовавших попыток криминала оказывать давление на нормальное функционирование исправительных учреждений, представителей администрации. При этом наряду с уголовными «авторитетами» действуют всевозможные неформальные организации, причисляющие себя к правозащитному движению. Их основной целью выступает дестабилизация ситуации в местах лишения свободы.

Вышеуказанные тенденции, безусловно, являются одними из основных причин роста преступности в пенитенциарной системе: уровень особо учитываемых преступлений увеличился на 9 %, число убийств возросло с 14 до 23, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью – с 28 до 40, дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, – с 6 до 8 случаев, количество побегов увеличилось с 213 до 231³. Высоким остается уровень нападений на сотрудников учреждений в связи с выполнением ими профессиональной деятельности.

В данных условиях в целях поддержания правопорядка в местах лишения свободы всем службам ФСИН России необходимо сосредоточить усилия на нейтрализации так называемого криминального противодействия осужденных. При этом, несмотря на участие в указанной деятельности представителей всех структурных подразделений, в основном эта задача решается оперативными аппаратами.

³ Статистические данные ФСИН России за 2005 г.

В их деятельности (как, впрочем, и других служб исправительных учреждений) в настоящее время усматривается ряд проблем, требующих разрешения. Часть их носит объективный характер: невысокий престиж службы в пенитенциарной системе, недостаточное финансирование, слабая профессиональная подготовка оперативно-составного состава, пробелы в правовом регулировании ОРД в УИС и др. Указанные причины усугубляются рядом моментов субъективного характера. Например, в ряде случаев деятельность оперативных аппаратов некоторыми руководителями органов и учреждений УИС отодвигается на второй план, отдавая при этом предпочтение иным видам деятельности (хозяйственной, производственной и др.). Результаты интервьюирования сотрудников оперативных аппаратов подтверждают такое положение дел. Однако практика пенитенциарных учреждений свидетельствует о том, что основой для всех направлений деятельности являются контролируемая администрацией оперативная обстановка, четкое соблюдение осужденными требований режима содержания. Данное утверждение, как нам представляется, едва ли может встретить сколько-нибудь серьезные возражения.

Криминальное противодействие осужденных проявляется в различных формах: совершение преступлений и нарушений требований режима содержания, подстрекательство основной массы осужденных к противодействию администрации, оперативно-разыскной деятельности, отказ от трудовой деятельности, безосновательные факты голодовок и членовредительства и др. Как отмечает Е. М. Рябков, к криминальному противодействию относятся все меры, подпадающие под действие уголовного или административного закона. Применительно к пенитенциарной системе к этому следует добавить и уголовно-исполнительное законодательство, особенно в части, касающейся совершения осужденными нарушений установленного порядка отбывания наказания. Мы полностью поддерживаем точку зрения Ю. Ф. Кваши, который совершенно справедливо отмечал, что оперативные отделы исправительных колоний ведут борьбу со всеми видами

преступлений, а также с не менее опасными, в силу своего характера, нарушениями режима отбывания наказания¹.

Особенность противодействия в исправительных учреждениях заключается в том, что оно проявляется не только в действиях осужденных, но и противодействии криминала, находящегося на свободе. Направлено оно на дестабилизацию нормальной деятельности исправительных учреждений, причем производится различными способами: от лоббирования принятия нормативных правовых актов до дискредитации образа сотрудника исправительного учреждения в сознании граждан.

Преступности в целом как антисоциальному явлению всегда было присуще противодействие властным структурам, без активного осуществления которого преступность не смогла бы существовать в принципе. Это, по сути, не столько реакция на деятельность правосудия, сколько форма ее существования². В этой связи органы власти должны предпринимать максимально возможные меры по нейтрализации деятельности криминальных структур, в том числе и по противодействию в уголовно-исполнительной системе. А. И. Коробеев в рамках единой уголовной политики наряду с уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, криминологической и т.п. выделяет и уголовно-исполнительную³. При этом некоторые ученые включают уголовную политику в состав правовой политики, определяя последнюю как основы, принципы, направления, задачи, стратегию и тактику правового регулирования общественных отношений⁴. Все указанные виды политики относятся к государственной политике. Однако, как нам кажется, в настоящее время уделяется недостаточное внимание уголовно-исполнительной политике в целом и нейтрализа-

¹ См.: Кваши Ю. Ф. Личность злостного нарушителя режима и правовые последствия отношения осужденного к данной категории: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 4.

² См.: Разум сердца. М., 1990. С. 223.

³ См.: Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 46.

⁴ См.: Бабаев В. К. Правовая система общества: Лекция // Общая теория права: Курс лекций / Под ред В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 97.

ции противодействия криминала, в частности. Не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу, отметим хотя бы то, что до сих пор не существует нормативного правового акта, определяющего правовой статус сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Вообще создается впечатление, что в сознании граждан образ сотрудника уголовно-исполнительной системы предстает в крайне негативном свете. Оперативные же работники представляются как сотрудники, склоняющие людей к доносу, распространяющие слухи и плетушки интриги в среде осужденных. Этому способствует культивирование такого образа в телевизионных программах, фильмах, а также так называемой массовой литературе. Причем основная масса указанных информационных продуктов создается либо по заказу криминальных структур, либо на их средства¹. Информацией об этом в избытке обладают оперативные подразделения различных правоохранительных органов. Однако каких-либо действенных мер по изменению складывающейся ситуации не принимается, хотя следует помнить, что деструктивные процессы в общественном сознании крайне отрицательно сказываются на эффективности нейтрализации противодействия криминальной среды.

Указанный вид противодействия в специальной литературе относится к так называемому правомерному противодействию. К нему также можно отнести апелляцию в вышестоящие органы власти и управления, отстаивание своих интересов в судебных инстанциях, экспансию криминальной субкультуры, внедрение и насаждение уголовных норм морали, на фоне которых деятельность криминальных структур выглядит как вполне приемлемая.

Необходимо также выделить фактор, способствующий совершению насильственных преступлений в отношении персонала исправительных учреждений. Это встречающиеся в действующем уголовном

законодательстве недостатки, касающиеся борьбы с данными деяниями. Так, сопоставление норм УК РФ 1996 г. и УК РСФСР 1960 г. о преступлениях, посягающих на пенитенциарную систему, а также сравнительный анализ практики их применения свидетельствуют о некотором ослаблении уголовно-правовой базы борьбы с криминальным противодействием администрации ИУ, что в конечном итоге приводит к нарушению нормального функционирования данных учреждений². Например, если УК РСФСР предусматривал ответственность за злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения, а также незаконную передачу запрещенных предметов лицам, содержащимся в них, то в действующем УК РФ эти нормы отсутствуют. Существует и ряд других аналогичных параллелей, свидетельствующих, по нашему мнению, не в пользу действующего уголовного закона.

Можно констатировать конкуренцию уголовно-правовых и уголовно-исполнительных норм, которая способствует неоправданной декриминализации правоприменителем насильственных действий осужденных. Например, за совершение насильственных действий, предусмотренных ст. 116 УИК РФ в качестве дисциплинарных проступков, УК РФ предусматривает уголовно-правовую ответственность. Безусловно, это является недостатком уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, оказывающим непосредственное влияние на криминальное противодействие осужденных.

Считаем, что проблема, поднятая в данной работе, требует выработки мер по ее решению. Причем это решение не должно носить лишь ведомственного или межведомственного характера. В данном вопросе необходима активная поддержка со стороны государства, поскольку нейтрализацию криминального противодействия в уголовно-исполнительной системе следует рассматривать как одно из приоритетных направлений борьбы с преступностью в стране.

¹ Например, после ареста «вора в законе» П. В. Захарова по кличке «Цирюль» в газете «Известия» появилась статья журналиста Желудкова «Идет охота на воров...». В ходе оперативно-технических мероприятий задокументирован факт инспирирования статьи самим Захаровым за валюту.

² См.: Еремкин М. П. Криминологическая характеристика и профилактика насильственных преступлений, совершаемых осужденными в отношении персонала исправительных колоний: Моногр. / Академия права и управления ФСИН. Рязань, 2005. С. 47.

С. Д. Ковалев,
*старший преподаватель кафедры
специальной техники и информационных
технологий ВЮИ ФСИН России*

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕХНИКА КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УИС

Нестабильная ситуация в Российском обществе, связанная с осуществлением в стране радикальных социально-политических, экономических и правовых реформ, оказала существенное негативное влияние на функционирование исправительных учреждений вообще, и, в частности, на деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС), а также на контингент осужденных, привела к осложнению криминогенной ситуации в пенитенциарных учреждениях, росту совершаемых там преступлений. Нельзя не согласиться с точкой зрения видного отечественного ученого и практика И. И. Карпеца, который отмечал: «Объективно преступность изменяется от формации к формации, внутри их, в зависимости от социально-политических и экономических противоречий и преобразований... Субъективные же изменения преступности зависят и от изменений в законодательстве, и от правоприменительной практики»¹.

Поскольку преступное поведение в учреждениях УИС детерминировано множеством объективных и субъективных факторов, администрации сложно держать под контролем оперативную обстановку. На этом фоне особое значение приобретает оперативно-разыскная деятельность (ОРД). Обеспечение надлежащей оперативной обстановки, режима исполнения и отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы, предупреждение правонарушений тесно связаны с состоянием работы оперативных подразделений. Мы согласны с мнением Д. В. Гребельского, считающего, что «для быстрой ликвидации преступности недостаточно только мер, объектив-

но устраняющих причины этого социального явления. Нужны еще и меры, специально направленные на борьбу с преступностью. К таким специальным мерам относятся и оперативно-розыскные, как предупреждающие и пресекающие преступления, так и рассчитанные на раскрытие преступлений и установление лиц, их совершивших. Именно с их помощью практически осуществляется непосредственная борьба с преступностью»².

Следует отметить, что ОРД в учреждениях УИС осуществляется в специфических условиях и одним из перспективных направлений повышения эффективности оперативной работы является использование специальной техники.

Многие видные специалисты в области ОРД: Д. В. Гребельский, А. Г. Лекарь, В. А. Лукашов, С. С. Овчинский, Г. К. Синилов и другие, – сходятся во мнении, что сведения, получаемые с использованием возможностей оперативных аппаратов, должны быть объективными и достоверными. Поэтому особую роль приобретают средства специальной техники, с помощью которых можно получить исключительно достоверные сведения, поскольку их использование позволяет избежать субъективного подхода на этапе получения и фиксации информации.

Применение специальной техники обеспечивает наступательность и внезапность оперативно-разыскных мероприятий, создание такой обстановки, в которой преступник вынужден оставить информацию о себе и своих противоправных действиях.

Использование технических средств в процессе ОРД имеет и предупредительно-профилактическое значение. С их помощью можно получить сведения о подготавливаемом или замышляемом преступлении, а затем принять меры по его предотвращению и пресечению. Это направление оперативной работы является приоритетным для оперативных отделов учреждений УИС, так как их деятельность ориентирована

¹ Карпец И. И. Преступность: Иллюзии и реальность. М., 1992. С. 33, 37.

² Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1977. С. 19.

прежде всего на недопущение преступлений. Следует отметить, что иногда даже самая общая осведомленность осужденных об эффективном применении сотрудниками оперативного отдела технических средств (поисковых приборов, химических ловушек, телевизионных систем) побуждает их отказаться от преступных намерений.

Преступления в учреждениях УИС совершаются, как правило, скрытно и имеют замаскированный характер, а сами действия преступников внешне выглядят как правомерные. Так, например, проведенные исследования показали, что в местах лишения свободы такой вид преступлений, как побег в 52,9 % случаев является результатом четко спланированного и осознанного действия¹. В процессе подготовки к побегу осужденные приобретают продукты питания, деньги, гражданскую одежду, документы, удостоверяющие личность и т. д. Перед побегом они обычно изучают: характер окружающей местности, состояние инженерно-технических средств охраны объектов исправительной колонии, организацию работы подразделений, обеспечивающих безопасность и охрану учреждения. Практические действия на стадии приготовления, по данным В. А. Машнина, продолжаются в среднем от одного до трех дней (44,2 % от изученных уголовных дел)². Встречаются факты, когда процесс подготовки длится от 10 до 20 дней, а порой до одного месяца и более. Применение технических средств позволяет зафиксировать подобные действия с тем, чтобы впоследствии проанализировать их, выявить в них преступный умысел, определить организаторов и исполнителей преступлений.

До недавнего времени основным и единственным источником получения информации при осуществлении ОРД являлся агентурный аппарат. Так, проведенные ис-

следования показали, что в 36 % случаев информация о причинах и условиях, способствующих совершению побегов, поступает к оперативным сотрудникам от негласного аппарата; в 28 % – в результате оперативного контакта; в 18 % добывают личным сыском; в 15 % поступает от сотрудников других отделов и служб исправительной колонии и в 3 % из иных источников³.

В последние годы наметилась тенденция к снижению эффективности агентурной работы в учреждениях УИС. Проведенные исследования позволяют назвать ряд недостатков, негативно влияющих на эффективность организации данного направления ОРД. К таковым относятся: пробелы в обучении и воспитании негласных сотрудников, а также в руководстве и контроле над ними (26 %); низкая квалификация конфиденентов (23 %); большая текучесть агентуры (18 %); несовершенство системы морального и материального стимулирования негласных сотрудников (13 %); недостатки в работе оперативных сотрудников по подбору и расстановке негласных сотрудников (7,5 %); боязнь расшифровки негласных сотрудников (7,5 %); иные (5 %)⁴. Становится все сложнее найти надежных агентов, не склонных к предательству и двурушничеству. На это указывает Н. И. Журавленко: «Преступная среда осужденных ведет активную контрразведывательную деятельность и жестко расправляется с расшифрованными агентами. В то же время меры по защите негласных сотрудников пока существуют больше на бумаге в виде декларативных заявлений о необходимости таких мероприятий, сам же механизм их практической реализации отсутствует»⁵. В таких условиях применение оперативной техники позволяет дополнить упреждающую информацию о подготовке к совершению

¹ См.: *Зиборов, Д. В.* Оперативно-розыскные меры по предупреждению побегов осужденных из исправительных колоний: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 25.

² См.: *Машнин, В. А.* Способы побегов из охраняемых ИТК и криминалистические методы их разоблачения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 16.

³ См.: *Зиборов Д. В.* Указ. соч. С. 216.

⁴ См.: там же.

⁵ *Журавленко, Н. И.* Средства технического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов исполняющих наказание: Учеб. пособие. Уфа, 1997. С. 8.

преступлений, получаемую из агентурных источников.

Проведенные исследования показали, что поступление запрещенных предметов к осужденным, содержащимся в учреждениях УИС, осуществляется различными способами, при этом лица, замышляющие и осуществляющие передачу осужденным запрещенных предметов, свои намерения сохраняют в тайне, а доставляемые предметы тщательно маскируют. Установлено, что наиболее часто в исправительные колонии доставляются спиртные напитки (15 %), денежные средства (14 %), наркотические средства (13 %), сильнодействующие медицинские препараты (10 %), продукты питания (11 %). Наиболее распространенными ухищрениями при проносе запрещенных предметов являются: сокрытие денег, наркотиков за подкладкой и в швах одежды (38 %), в каблуках и под стелькой обуви (27 %); сыпучие предметы (наркотики, сухие дрожжи) пересыпаются, а спиртные напитки переливаются в упаковку, приспособление (грелка, плоская фляга), удобные для проноса в скрытом от досмотра, обыска виде. Запрещенные предметы, проникающие к осужденным в посылках, передачах, бандеролях маскируются в банках для консервированных продуктов, табачных (41 %), кондитерских изделиях (23 %), продуктах домашнего приготовления (22 %). Пересылаемые осужденным хлопчатобумажные вещи (носки, носовые платки, белье) часто пропитываются наркотическими веществами (12 %)¹. Очевидно, что оперативное и качественное решение задачи поиска запрещенных предметов невозможно без применения технических средств. В связи с этим в учреждениях УИС очень широко используются поисковые приборы, с помощью которых выявляются не только сами запрещенные предметы, но и каналы их проникновения, тайники, пресекаются попытки осуществления побегов.

¹ См.: Крачун В. Д. Оперативно-розыскные меры по предупреждению проникновения запрещенных предметов к лицам, содержащимся в исправительных колониях: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 20.

Роль и значение специальной техники неизмеримо возрастают благодаря научно-техническому прогрессу. Следует иметь в виду, что внедрение в практику новых оперативно-технических средств обусловлено, с одной стороны, потребностью практической деятельности, а с другой – технологическими возможностями. В то же время изменения в технической вооруженности оперативных подразделений способствуют совершенствованию имеющихся и появлению новых тактических приемов и методов борьбы с преступностью, требуют отказаться от устаревших или расшифрованных тактических приемов.

Эффективность применения специальной техники во многом зависит от субъективного отношения к ней тех, кто ее использует в своей практической деятельности. В случае, когда применение техники не поощряется руководством, а сами технические средства по причине своей громоздкости, сложности в эксплуатации и неэффективности только затрудняют процесс собирания оперативной информации, нельзя ожидать ее активного внедрения в деятельность оперативных подразделений.

Приведенные выше аргументы свидетельствуют о том, что использование специальной техники весьма перспективно в учреждениях УИС. Замкнутость пространства общения и передвижения осужденных создает оптимальные условия для непрерывного контроля за их действиями. При этом оперативные отделы имеют широкие возможности и полномочия для использования в процессе разработки лиц, подозреваемых в совершении преступлений различных видов технических средств и научно-технических методов. Грамотное использование оперативной техники значительно расширяет возможности оперативных аппаратов и позволяет им добывать информацию в самой сложной обстановке. При этом сами технические средства являются мощным катализатором повышения эффективности деятельности оперативных отделов учреждений УИС.

С. Д. Хачатурян,
*начальник кафедры пенитенциарной
педагогике и психологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат психологических наук*

Т. В. Алякшина,
*начальник психологической службы
УФСИН России по Республике Мордовия*

О. В. Старикова,
*начальник психологической лаборатории
ФГУ ИК-1 УФСИН России
по Республике Мордовия*

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ПОЖИЗНЕННОМУ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Институт пожизненного лишения свободы как самая суровая мера наказания в России стал применяться с сентября 1993 г. Наказание в виде пожизненного лишения свободы является мощным психотравмирующим фактором, который может превысить адаптационные и компенсаторные возможности личности и привести к нарушению психофизиологических функций организма. Тотальные условия изоляции, жесткая регламентация жизнедеятельности и распорядка дня приводят не только к эмоционально-психическим расстройствам депрессивного характера, но и могут со временем вызывать глубокие личностные нарушения в структуре личности.

Заклученные, отбывающие подобное наказание, особо подвержены чувству одиночества и отчуждения по отношению к обществу вследствие потери связей с близкими и друзьями, оставшимися на свободе, неизвестности относительно своего будущего, так как сама бессрочность приговора делает затруднительным их представление о будущем.

Для организации эффективной работы психологических служб с лицами, отбывающими пожизненное лишение свободы, необходимо как можно лучше изучить их индивидуальные особенности, составить подробный «портрет» среднего осужденного. В качестве примера рассмотрим контингент участка для содержания осужденных к пожизненному лишению свободы, созданного 23 февраля 1998 г. в учреждении ЖХ-385/1 (ныне ФГУ ИК-1 УФСИН России по Республике Мордовия). Из них

по приговору суда 57 осужденным было назначено пожизненное лишение свободы (ПЛС), 107 осужденным Указом Президента РФ исключительная мера заменена ПЛС.

Средний возраст осужденных к ПЛС составляет 35–45 лет. Самому молодому осужденному – 26 лет (1979 г.р.), самому старшему – 64 года (1941 г.р.).

В возрасте до 30 лет отбывают наказание 18 человек, от 30 до 59 лет – 144 человек, старше 60 лет – 2 человека. На участке содержатся осужденные из 58 регионов России.

Среди осужденных к ПЛС 19 человек относятся к категории серийных убийц и 8 – к категории маньяков. Число жертв преступлений, совершенных этими осужденными, составляет 394, из них мужчин – 176, женщин – 151, мальчиков – 35, девочек – 32. Десять процентов преступлений было совершено на бытовой почве, 13 % – с применением огнестрельного оружия, 36 % – с применением холодного оружия, 41 % – с применением прочих предметов.

В прошлом большинство осужденных имели неоднократные судимости за корыстные, хулиганские и насильственные преступления. За убийства с корыстной мотивацией осуждены 52 человека, за убийства, сопряженные с изнасилованием, – 37 человек, за убийства с особой жестокостью – 38 человек, за убийства, совершенные в группе, – 19 человек, за убийства представителей власти – 11 человек.

Сорок человек ранее не имели судимости, 124 человека были судимы один раз и более.

Основная масса осужденных к ПЛС имела среднее и неполное среднее образование (высшее – 9 человек, среднее спец. – 19, среднее – 89, неполное среднее – 42, начальное – 4, не имеют образования – 1 человек).

Большая часть осужденных являются холостыми и разведенными (причем, большинство получили развод после вынесения приговора и по инициативе супруги).

Семейное положение осужденных к ПЛС характеризуется следующим образом: женатые – 32 человека, не состоящие в браке – 132 человека. В данный момент поддерживают связь с родственниками 80 % осужденных.

На момент совершения преступления 126 человек нигде не работали и не учились, 34 человека занимались низкоквалифицированными видами труда, только 2 человека работали по специальности и учились. Периодически работали, имели временный заработок 2 человека.

Осужденные к ПЛС содержатся в камерах по 1, 2, 4 человека в условиях строгой изоляции. Им категорически запрещено межкамерное общение. Вывод из камер осуществляется только в наручниках. Переводы из камеры в камеру производятся в исключительных случаях из-за конфликтов, неуживчивости.

На профилактическом учете по заболеванию туберкулезом на участке ПЛС состоит 43 человека, из них 14 человек болеют активной формой туберкулеза.

На учете у психиатра стоит 31 человек: 12 человек с диагнозом психопатия; 1 – посттравматическая энцефалопатия, эпизиндром; 2 – олигофрения; 4 – последствия черепно-мозговой травмы (ЧМТ); 1 – органическое заболевание центральной нервной системы со снижением интеллекта; 1 – невроз, 2 – психоз; 2 – психопатия возбудимого круга; 1 – последствия ЧМТ с астено-невротическим синдромом; 1 – последствия ЧМТ с судорожным синдромом, эпилепсия; 1 – параноидный галлюциоз; 2 – слуховой галлюциноз; 1 – неврастения.

С момента создания участка ПЛС умерло 27 осужденных. Наибольшая смертность наблюдалась в период с 1998 г. по 2002 г. За это время умерло 11 человек от туберкулеза, 6 человек от острой сердечной недостаточности, 1 человек от кишечной непроходимости. В 2003 г. умер от туберкулеза 1 человек, в 2004 г. – 5 человек с диагнозом туберкулез легких, в 2005 г. – 3 человека: 1 – кровоизлияние в мозг, 1 – туберкулез легких и 1 – рак желудка.

Из общего числа осужденных 36 % считают наказание заслуженным, 51 % – наказание слишком суровым и полагают, что лучше бы его заменили на конкретный срок, 13 % – наказание слишком мягким и предпочитают смертную казнь.

Анализируя полученные данные, можно сделать следующие выводы. Осужденные к ПЛС по характеру несколько замкнуты, погружены в себя, пессимистичны, испыты-

вают трудности в общении и адаптации, чувствительны, раздражительны, склонны к аффективным реакциям, мнительны, тревожны, замкнуты на чувственном восприятии реальности, с пониженным, часто подавленным, фоном настроения. Общая агрессивность в целом снижена, но отмечается врожденная склонность к вербальной агрессии, уровень интеллекта ниже среднего, мыслительная активность снижена, логическое мышление часто тормозится аффективными переживаниями. Проявляются робость, неуверенность в себе, заниженная самооценка в сочетании с переоценкой значимости личных страданий, стремление избежать ответственности, осознание реальности в плане потворствования своим желаниям.

Такие лица ориентированы прежде всего на получение личной выгоды, при этом способны пренебрегать моральными нормами и социальными правилами. Внутренне недисциплинированы, в поведении часто руководствуются случайными влечениями, в значительной мере одиночки, не коллективисты. Уровень волевого самоконтроля снижен, отмечается стремление приспособиться к условиям исправительной колонии, необходимость постоянного сдерживания и самоконтроля часто вызывает тревожные, невротические реакции.

Осужденные постоянно находятся в состоянии стресса. Пребывание в камере смертников после объявления приговора и ожидание исполнения приговора (высшей меры наказания) в течение нескольких лет, последующая замена высшей меры наказания на пожизненное лишение свободы, нахождение в местах пожизненного лишения свободы – все это, вызывает к действию разнонаправленные механизмы защиты, взаимоисключающие усилия которых не приводят к снятию напряжения.

Основной механизм защиты – уход в болезнь. Таким образом проявляется перевод психологических проблем в физические. Статистические данные свидетельствуют, что чаще всего, осужденные подвержены заболеваниям сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, туберкулезу.

Другим защитным механизмом является уход в религию. Осужденные к ПЛС ак-

тивно ищут способы общения с людьми из внешнего мира (до 80 %). Они считают, что через веру в Бога, упование на Волю Божию произошла переоценка ими их жизненного пути.

Еще одним защитным механизмом выступает уход в себя. Около 15 % осужденных к ПЛС уходят в себя на короткое время, т.е. имеет место ситуативный аутизм, и около 10–15 % осужденных не идут на контакт вообще.

В ходе отбывания наказания осужденные начинают задумываться о себе, о своей жизни, часто впервые это происходит именно в колонии. Они сами признают, что до того как их осудили к ПЛС, такие мысли даже не приходили им в голову.

Среди осужденных 37 % отмечают, что, размышления о содеянном позволили им проанализировать жизненный путь, совершенное преступление, осознать меру своей вины, понять ценность человеческой жизни, в том числе и собственной.

У 16 % заключенных развились стойкие пессимистические настроения, произошла утрата веры в будущее, а 11 % не видят в себе вообще никаких изменений.

По наблюдениям сотрудников, осуществляющих надзор за осужденными к ПЛС, чаще всего конфликты в камерах происходят на бытовой почве: не хотят делиться содержанием посылок с сокамерниками, не совпадают во взглядах на события, происходящие в стране. Наконец, просто надоедают друг другу, особенно те, которые находятся в камерах по два человека. Однако конфликты протекают перманентно. Осужденные стараются не нарушать режима содержания, решать свои конфликты через начальника участка ПЛС или сотрудника по социальной работе. Таким образом, открытые конфликты случаются крайне редко.

По отношению к администрации осужденные стараются вести себя максимально вежливо. Они стремятся не выделяться из общей массы, не привлекать к себе внимания плохим поведением. Анализ показывает, что основными мотивами такого поведения являются защита от неуважительного к себе отношения, надежда на условно-досрочное освобождение, желание спокойно, без эксцессов отбывать срок (т.е. придерживаются следующей жизненной пози-

ции: «я никого не трогаю и не хочу, чтобы трогали меня»), соблюдение обычных норм человеческого общежития.

Мысли о самоубийстве или попытки суицида после объявления приговора в следственном изоляторе и непосредственно в колонии возникали у 54 человек, однако до реализации замысла дело в основном не доходило.

В заключение необходимо отметить, что изоляция оказывает негативное влияние не только на психическое, но и на физиологическое состояние человека. Наиболее остро переживаются недостаток общения, информации, изолированность от окружающего мира. Одиночество, изоляция, ощущение ущербности, ненужности, потеря смысла жизни в связи с бессрочностью лишения свободы и т.д. разрушительны для нравственного мира личности. Отчуждение, доведенное до крайних пределов, перерастает в новое, опасное в нравственном отношении, явление, когда атрофируется моральная чувствительность, способность к сопереживанию, теряются социальные связи со свободой.

Мы разделяем точку зрения Э. Фромма, согласно которой характер человека может измениться при следующих условиях:

1. Мы страдаем и осознаем это.
2. Мы понимаем, каковы причины нашего страдания.
3. Мы понимаем, что существует путь, ведущий к освобождению от этих страданий.
4. Мы осознаем, что для освобождения от наших страданий мы должны следовать определенным нормам и изменить существующий образ жизни.

Наиболее неразработанными в пенитенциарной практике в настоящее время остаются предложения данным осужденным «путей» для преодоления «страдания».

Мы полагаем, что наказание не должно вызывать тяжелых душевных переживаний и страданий, а также разрушать психическое здоровье лиц, его отбывающих, но в то же время должно сохранить необходимую меру изоляции. Так как законодательно закреплена возможность предоставления условно-досрочного освобождения через 25 лет, то главной задачей психологических служб при сопровождении осужденных пожизненно является сохранение их психического здоровья.

Л. В. Ращупкина,
*преподаватель кафедры гражданско-
правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России*

**ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
ПО ЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЮ**

Россия вступила в период крупных преобразований, затрагивающих все сферы жизни общества. Правопорядок является важным условием существования и развития правового государства. Он составляет реальную основу современной цивилизованной жизни общества. Как известно, развитие общества может быть устойчивым, если оно характеризуется необратимым, направленным и закономерным увеличением эффективности и масштабов общественного производства, повышением уровня жизни людей. Непременным условием устойчивого развития общества является экологический правовой порядок. Проблема экологического правового порядка – это не только проблема реализации экологических прав личности, она намного шире и охватывает те области, которые на первый взгляд прямого отношения к ней не имеют. В условиях глобального экологического кризиса создается угроза не только реализации прав личности на благоприятную окружающую природную среду, но и реализации иных прав, прежде всего, права на жизнь. Крупномасштабная экологическая катастрофа может привести к тому, что не только экологические, но и другие права личности утратят свой смысл.

Сохранение и восстановление природных систем являются одним из приоритетных направлений деятельности государства и общества.

Природная среда должна быть включена в систему социально-экономических отношений как ценнейший компонент национального достояния. Для того чтобы работа в сфере обеспечения экологического правового порядка была эффективной и достигла своей цели, нужна планомерная, напряженная работа многих органов и учреждений государства, в том числе и уголовно-исполнительной системы (УИС) России.

Экологическая деятельность учреждений УИС России представляет собой комплекс осуществляемых ею правовых, а также орга-

низационных, экономических, технических и иных мероприятий, направленных:

а) на обеспечение охраны окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов;

б) минимизацию отрицательного воздействия деятельности учреждений ФСИН России на состояние окружающей среды, природные ресурсы;

в) обеспечение экологической безопасности сотрудников органов УИС и осужденных в процессе осуществления ими хозяйственной деятельности.

Содержание обязанностей учреждений, исполняющих наказания, как природопользователей по охране природы зависит от объекта природопользования.

Вопросы охраны природы в области землепользования занимают центральное место прежде всего в колониях-поселениях. Учреждения, исполняющие наказания, в соответствии с Земельным кодексом РФ¹ обязаны, например, использовать земли таким образом, чтобы они не утрачивали своего естественного плодородия, а наоборот, непрерывно его увеличивали.

Колонии, ведущие сельскохозяйственные работы, проводят все установленные законодательством мероприятия по охране земель. На них в полном объеме распространяются требования закона о систематическом осуществлении с учетом местных условий комплекса агротехнических, мелиоративных и противоэрозионных мероприятий, направленных на сохранение почв и их плодородия.

В соответствии со ст. 6 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1² колонии, участвующие в многоцелевом пользовании лесным фондом РФ и дальнейшей переработке ценной древесины в едином технологическом цикле, относятся к учреждениям с особыми условиями хозяйственной деятельности.

В области лесопользования лесные исправительные колонии должны соблюдать требования Лесного кодекса РФ³. На осно-

¹ См.: СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

² См.: ВСНД РФ и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

³ См.: СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 610; 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5132.

вании ст. 83 данного кодекса они обязаны вести работы способами, не допускающими возникновения эрозий почв, исключая отрицательное воздействие лесных пользований на состояние и воспроизводство лесов, а также на состояние водоемов и других природных объектов. Большое значение при лесопользовании имеет охрана лесов от пожаров, так как пожары вызывают наиболее тяжкие последствия в природной среде.

Лесные исправительные колонии, осуществляя лесопользование, обязаны в соответствии с требованием ст. 90 Лесного кодекса РФ: проводить восстановительные работы на вырубках, гарях и иных бывших под лесом площадях; при заготовке и трелевке древесины сохранять благоприятные условия для восстановления лесов на вырубках. При этом лесовосстановительные работы должны проводиться способами, обеспечивающими создание в наиболее короткие сроки высокопродуктивных лесов из хозяйственно ценных древесных пород.

При использовании водных ресурсов на учреждения УИС возлагается обязанность проводить технологические, лесомелиоративные, агротехнические, гидротехнические, санитарные и другие мероприятия, обеспечивающие исполнение требований Водного кодекса РФ¹ по охране вод от загрязнения и истощения.

Водный кодекс РФ устанавливает ряд условий, без соблюдения которых запрещается ввод в эксплуатацию новых и реконструированных объектов. Эти условия полностью распространяются и на исправительные учреждения.

Во исполнение требований экологического законодательства все учреждения, исполняющие наказания, обязаны проводить мероприятия, предотвращающие загрязнение атмосферного воздуха, разрабатывать и внедрять технологические процессы, обеспечивающие максимальную переработку сырья и топлива, создавать эффективные пылеулавливающие и очистные сооружения. При этом запрещается ввод в эксплуатацию новых и реконструированных предприятий, соору-

жений и других объектов, не удовлетворяющих требованиям по охране атмосферного воздуха.

Постановлением Правительства РФ от 29 августа 2001 г. № 636 утверждена Федеральная целевая программа «Реформирование уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации на 2002–2006 гг.»², которой предусматривается проведение комплекса природоохранных мероприятий в местах расположения предприятий, исполняющих уголовные наказания, а также создание системы антиинфекционной и антитуберкулезной защиты объектов УИС и биоцидной защиты инженерно-технических систем питьевого водоснабжения. В соответствии с приказом Минюста России «О мерах по улучшению природоохранной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системе Минюста России» от 1 февраля 2002 г. № 26 создаются постоянно действующие кустовые лаборатории по охране окружающей среды. Основными задачами, возложенными на кустовые лаборатории, являются: осуществление контроля за соблюдением исправительными учреждениями, следственными изоляторами, лесными исправительными учреждениями установленных норм и требований по охране окружающей среды, подготовка исходных данных для расчета нормативов природопользования вышеназванных учреждений и контроль за их соблюдением.

В УИС за последние годы создан промышленный потенциал, включающий почти 600 предприятий, которые выпускают свыше 100 тыс. наименований продукции машиностроения и металлообработки, изделий легкой промышленности и деревообработки. В связи с использованием на предприятиях УИС старого изношенного оборудования сохраняется сложная экологическая обстановка. Объективный анализ экологической обстановки в местах расположения учреждений ФСИН свидетельствует о том, что существенный ущерб окружающей среде наносится сбросами загрязненных сточных вод в поверхностные водоемы, фактическими выбросами загрязняющих веществ в атмосферу и размеще-

¹ См.: СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4471; 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5132.

² См.: СЗ РФ. 2001. № 38. Ст. 3743.

нием отходов производства. Как указывал в своем докладе на совещании руководителей территориальных органов А. С. Кононец, заместитель директора ФСИН России, задолженность по налоговым платежам за загрязнение окружающей среды и за право пользование лесным фондом за 2005 г. составила 1,7 млрд рублей¹. Основными факторами, детерминирующими нанесение вреда окружающей природной среде исправительными учреждениями, по нашему мнению, являются:

А. В. Страхов,
*преподаватель кафедры
оперативно-технической деятельности
ВЮИ ФСИН России*

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
О ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРОКУРАТУРЫ)**

Согласно статистическим данным в учреждениях уголовно-исполнительной системы совершается значительное количество преступлений, которые по родовому признаку относятся к подследственности как следователей прокуратуры и органов внутренних дел (ОВД), так и органов дознания МВД и ФСИН России. Однако в настоящий момент не урегулирован вопрос, кто должен их расследовать.

В соответствии со ст. 125 УПК РСФСР к органам предварительного следствия по уголовным делам были отнесены следователи прокуратуры, а также следователи ОВД и следователи органов государственной безопасности. Данная норма УПК РФ воспринята не была, ввиду чего круг государственных органов и должностных лиц, уполномоченных вести предварительное следствие, приходится логически домысливать, исходя из предписаний ч. 2 ст. 151 УПК РФ: следователи прокуратуры, следователи органов федеральной службы безопасности, следователи ОВД Российской Федерации и следователи органов по кон-

а) отсутствие ведомственных актов, направленных на реализацию положений федерального законодательства;

б) отсутствие реально действующей во всех учреждениях структуры ведомственных природоохранных органов;

в) некомпетентность руководителей исправительных учреждений в вопросах, связанных с охраной окружающей среды;

г) отсутствие продуманной и действенной системы экологического воспитания и образования сотрудников УИС России.

тролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

В данной статье нас будут интересовать следственные подразделения органов прокуратуры.

Следственный аппарат органов прокуратуры действует в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. ФЗ от 17 ноября 1995 г.)². На основании этого закона в Генеральной прокуратуре Российской Федерации, прокуратурах субъектов Российской Федерации, прокуратурах городов и районов и приравненных к ним прокуратурах установлены среди прочих должности старших следователей по особо важным делам и следователей по особо важным делам и их помощников. Согласно ст. 31 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» органы прокуратуры, осуществляя уголовное преследование, призваны проводить расследование по делам о преступлениях, отнесенных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации к их компетенции.

К их ведению относится расследование уголовных дел о наиболее опасных преступлениях против жизни (убийства), о половых, должностных преступлениях и о некоторых иных, перечисленных в ч. 2 ст. 151 УПК РФ, а также по уголовным делам о преступлениях, совершенных судьями, прокурорами, следователями и должностными лицами ФСБ, МВД, таможенных органов и органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, военнослужащими, и по уголов-

¹ См.: Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2006. № 4. С. 22–23.

² СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

ным делам о преступлениях, совершенных в отношении указанных лиц в связи с их служебной деятельностью.

Следует отметить, что еще Генеральным прокурором СССР, с учетом увеличения количества пенитенциарных преступлений и возросшей вследствие этого нагрузки на следственный аппарат прокуратуры, в союзных республиках, краях и областях СССР были организованы специализированные прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительно-трудовых учреждениях, которые действуют вплоть до настоящего времени¹. Так, например, на основании приказа Генерального прокурора СССР от 20 апреля 1983 г. № 303-Л «Об организации прокуратуры» во Владимире была создана прокуратура по надзору за соблюдением законов в исправительно-трудовых учреждениях. В штат специализированных прокуратур были введены должности следователей.

Поскольку специализированная прокуратура осуществляет надзор за деятельностью исправительных учреждений, где совершаются преступления, относящиеся по предметно-родовому признаку к подследственности и органов дознания, и органов предварительного следствия, то возникает вопрос, чем в своей работе должны руководствоваться следователи прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях при определении подследственности по уголовным делам?

До недавнего времени функциональные обязанности следователей специализированных прокуратур регулировались приказом Генерального прокурора РФ «О разграничении компетенции территориальных прокуроров и прокуроров специализированных прокуратур от 9 апреля 1996 г. № 24» (в ред. приказов Генерального прокурора РФ от 23 мая 1997 г. № 26, 4 августа 1997 г. № 48, 8 декабря 1998 г. № 48).

Примером этого может служить уголовное дело, возбужденное в 2001 г. следовате-

лем территориальной прокуратуры г. Владимира по факту изъятия у начальника отряда исправительного учреждения наркотического вещества на основании ст. 108, 109, 112 и 129 УПК РСФСР. Однако постановлением прокурора города уголовное дело было направлено на доследование в прокуратуру за соблюдением законов в исправительных учреждениях: «В соответствии с приказом Генерального прокурора РФ № 24 от 8 сентября 1998 г. направить в прокуратуру за соблюдением законов в исправительных учреждениях уголовное дело, возбужденное следственным отделом прокуратуры. Л. задержан в порядке ст. 122 УПК РСФСР...»².

Эта директива предписывала прокурорам по надзору за соблюдением законов в исправительно-трудовых учреждениях «производить предварительное следствие по делам о преступлениях, совершенных осужденными в исправительно-трудовых учреждениях, а также по службе работников этих учреждений, специальных подразделений по обеспечению безопасности объектов уголовно-исполнительной системы, если вышестоящим прокурором не принято иное решение».

Однако указанный подзаконный ведомственный нормативный акт приказом Генеральной прокуратуры РФ от 9 сентября 2002 г. № 54 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, приравненных к ним военных и других специализированных прокуратур» был отменен. При этом новый приказ вопросам уголовно-процессуальной деятельности прокуратур уголовно-исполнительной направленности не уделил внимания. В результате этого следователи «пенитенциарной» прокуратуры, осуществляя предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в исправительных учреждениях, руководствуются в своей деятельности самыми общими предписаниями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и УПК РФ, что следует признать крайне недостаточным.

Согласно статистическим данным за 2005 г. количество зарегистрированных преступлений среди лиц, содержащихся в

¹ В соответствии п. «о» ст. 71 Конституции РФ и в связи со вступлением в силу Уголовно-исполнительного кодекса РФ с 1 июля 1997 г. взамен утратившего силу Исправительно-трудового кодекса РСФСР в названиях органов, исполняющих наказания, меняются слова «исправительно-трудовые» на «исправительные».

² См: Уголовное дело № 623/1 (Октябрьский районный суд г. Владимира).

учреждениях уголовно-исполнительной системы, составило 930. Данная цифра, на наш взгляд, не отражает действительного положения вещей, так как в пенитенциарных учреждениях существует практика сокрытия преступлений от учета по принципу «не выносить сор из избы».

Из общего количества преступлений можно выделить такие, как:

- убийство (ст. 105 УК РФ) – 18 случаев;
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (чч. 1–3 ст. 111 УК РФ) – 26;
- умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) – 37;
- причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК РФ) – 4;
- кража (ст. 158 УК РФ) – 20;
- незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228 УК РФ) – 82;
- побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ) – 263¹.

Отсюда следует, что преступления, совершаемые в исправительных учреждениях, можно отнести и к подследственности следователей (органов дознания) ОВД и к компетенции органов прокуратуры, а также частично к подследственности следственных подразделений органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в сфере юрисдикции которых функционируют соответствующие учреждения. Необходимость производства следственных и иных процессуальных действий в ходе расследования указанных преступлений приводит к тому, что, например, следователь ОВД вынужден посещать исправительное учреждение с целью осмотра места происшествия, проведения допросов, причем, возможно, не только сотрудников учреждения, но и осужденных, производства следственных экспериментов и т. д., что вряд ли желательно для администрации исправительного учреждения².

¹ См.: Сводный отчет о результатах деятельности УИС (форма 1-УИС) // Информ.-аналит. сб. Тверь, 2006.

² См.: *Мальшева О. А.* Предварительное расследование по УПК России (процессуальные и организационно-правовые аспекты): Моногр. Рязань, 2004. С. 146.

В данном случае ведомственный интерес превалирует над интересами уголовного судопроизводства. Аналогичную мысль высказывает и Ю. М. Антонян, отмечая, что должностные лица, принадлежащие к разным правоохранительным органам, не связаны общими ведомственными интересами³.

При этом не последнее место отводится и психологическому фактору. Осужденные, находящиеся в местах лишения свободы, относятся к сотрудникам милиции в большей степени отрицательно, чем к сотрудникам исправительных учреждений, поскольку считают, что именно первые их «посадили» и из-за них они вынуждены претерпевать определенные лишения: ограничения в свободе перемещения, переписке, общении с родственниками, друзьями. Поэтому нужных результатов при проведении следственных, процессуальных действий следователи ОВД добиться смогут не всегда.

Во избежание этого при выявлении преступления, подследственного органам дознания, соответствующие материалы по сложившейся практике забирают прокуроры по надзору за исправительными учреждениями. Они возбуждают уголовные дела и своими постановлениями изменяют форму расследования преступления с дознания на предварительное следствие. При этом свои решения о принятии к производству следователями прокуратуры по надзору за исправительными учреждениями уголовных дел о преступлениях, подследственных органам дознания, в частности ОВД, а также об изменении формы расследования они мотивируют возможностью усиления процессуальных гарантий защиты прав осужденных либо сотрудников исправительных учреждений, вовлекаемых в уголовное судопроизводство в качестве подозреваемых (обвиняемых), и других участников уголовного процесса.

Можно предположить, что между начальниками учреждений ФСИН России и прокурорами по надзору за исправительными учреждениями существует негласная договоренность о том, что все преступления против установленного порядка несения службы, совершенные сотрудниками соответствующими

³ См.: *Антонян Ю.* Зло приносят... соловьи // *Щит и меч.* 2003. № 12.

щих учреждений и органов, а равно преступления, совершенные в расположении указанных учреждений и органов иными лицами, должны расследоваться следователями специализированной прокуратуры.

Следует обратить особое внимание на ст. 313 УК РФ «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи». Уголовные дела о преступлениях, квалифицируемых по части первой данной статьи, относятся к последственности органов дознания ОВД, а уголовные дела о преступлениях, квалифицируемые по второй и третьей частям, – к последственности следователей ОВД.

В. В. Виноградов,

*начальник факультета очного обучения
ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук*

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЛЕКСА ПРОГРАММ
ПО СОБЛЮДЕНИЮ ПРАВ, СВОБОД
И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОСУЖДЕННЫХ
ЖЕНЩИН В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

За последние полтора десятка лет в Российской Федерации произошли огромные структурные изменения, так как были ликвидированы старые экономические, социальные и политические системы. В то время, как все население в целом было вынуждено адаптироваться к новым условиям, женщины столкнулись со специфическими трудностями, среди которых можно выделить следующие:

- ухудшение социально-экономического положения женщин;
- вытеснение их из сферы принятия решений;
- феминизация бедности.

Несмотря на то, что в настоящее время в России наблюдается экономический рост, и права человека являются неотъемлемой частью политической программы, тем не менее страна характеризуется наличием гендерного неравенства. В связи с этим большое количество женщин совершают преступления и оказываются в местах лишения свободы.

С нашей точки зрения в словосочетании «осужденная женщина» содержится внутреннее противоречие, поскольку слова

В настоящий момент в прокуратурах по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях ФСИН России действуют следственные подразделения, штат которых различен. Они расследуют уголовные дела о пенитенциарных преступлениях. Однако неясно, чем они руководствуются при определении подследственности в случае принятия дела к своему производству? Соответствующих предписаний нет ни в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», ни в подзаконных нормативных правовых актах, ни в УПК РФ. Представляется, что данная тема является весьма актуальной для серьезных научных исследований.

«осужденная» и «женщина» трудно объединить в одно понятие. Но в третьем тысячелетии оно существует и даже довольно распространено и в России, и в зарубежных странах. Осуждение и изоляция в местах лишения свободы ставят человека в сложную жизненную ситуацию. Гендерные особенности женщин обуславливают дополнительные негативные последствия, связанные с трудными обстоятельствами их жизнедеятельности в период отбывания уголовного наказания. Самостоятельно разрешить трудную жизненную ситуацию, вернуться к нормальной жизни после освобождения удастся далеко не всем. Возникают необратимые для женщины потери ее микросреды, семьи, общества в целом. Очевидно, что осужденным женщинам необходима специальная комплексная правовая, психологическая, педагогическая, социальные помощь, поддержка, сопровождение, система которых составляет суть и особенности всей исправительной работы с ними.

Поэтому сегодня одна из важнейших задач, стоящих перед нашим обществом, связана с повышением эффективности работы органов и учреждений исполнения наказаний по перевоспитанию правонарушителей и особенно женщин. Общество ждет от вчерашней осужденной после отбывания ей уголовного наказания не только законопослушного поведения, но и выполнения ею своего социального предназначения.

Современные ученые (А. В. Пищелко, Д. В. Сочивко) констатируют, что ныне существующая система исполнения уголовных наказаний не в состоянии пока ре-

шить эту задачу. Для нее (системы) по-прежнему остается характерной односторонняя прагматическая направленность деятельности исправительных учреждений (ИУ). Только если раньше система была ориентирована на трудоиспользование осужденных, то в настоящее время главной считается задача обеспечения правопорядка в ИУ и законопослушного поведения осужденных в период отбывания уголовного наказания. Нет сомнения, что и та, и другая задача имеют важнейшее значение, однако их абсолютизация приводит к тому, что не решаются две другие важные задачи – формирование опыта эмоционально-ценностных отношений и социально-нравственной деятельности осужденных.

Авторитетные мнения ученых-пенитенциаристов и различные публикации в средствах массовой информации говорят о необходимости:

- совершенствования работы по обеспечению прав и свобод осужденных женщин в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, основным принципом которой должна стать ее открытость для ученых, средств массовой информации, общественных организаций;

- объединения в этом направлении усилий государства, общественных организаций, самих ИУ;

- изучения и использования передового опыта отдельных регионов и ИУ;

- комплексного (интегративного) подхода в организации данной работы в отдельно взятом ИУ.

Конституцией Российской Федерации осужденным женщинам гарантируются права: на жизнь, охрану достоинства личности, труд, отдых, охрану материнства и детства, социальное обеспечение, охрану здоровья и медицинскую помощь, благоприятную окружающую среду, образование, получение квалифицированной юридической помощи и свободы: совести, вероисповедания, мысли и слова, литературного, художественного и других видов творчества и т. д. На эти права и свободы накладываются ограничения условиями исполнения наказаний, которые находят свое отражение в УИК РФ и ряде других нормативных документов.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 УИК РФ оказание осужденным помощи в социальной адаптации и охрана их прав, свобод и за-

конных интересов являются одними из приоритетных задач учреждений, исполняющих уголовные наказания, имеющими особую актуальность в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы. Кроме того, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство России определяет категории осужденных, нуждающихся в дополнительной помощи и поддержке, создании улучшенных условий отбывания наказания ввиду особых психологических и половозрастных характеристик. К одной из таких категорий относятся осужденные женщины.

Помощь в скорейшем приспособлении осужденных женщин к порядку отбывания наказания в ИУ заключается в создании улучшенных условий содержания, обеспечении и охране их прав, свобод и законных интересов. В связи с этим в последнее время проведена серьезная работа по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства. Было принято более 10 федеральных законов и 20 подзаконных нормативных правовых актов, направленных на приведение в полное соответствие с рекомендациями мирового сообщества условий содержания осужденных (в т.ч. женщин) к уголовным наказаниям.

Уголовно-исполнительное законодательство устанавливает, что в исправительных колониях осужденные женщины могут иметь при себе детей в возрасте до 3-х лет, для которых на территории ИУ оборудованы дома ребенка. В них обеспечиваются условия, необходимые для нормального проживания и развития детей. Осужденные женщины вправе помещать в дома ребенка своих детей, общаться с ними в свободное от работы время без ограничения. Им может быть разрешено совместное проживание с детьми (ч. 1 ст. 100 УИК РФ). Для устройства детей у родственников, в детском доме, а также для свидания с детьми-инвалидами женщинам может быть разрешен краткосрочный выезд за пределы ИУ (ч. 2 ст. 97, ч. 2 ст. 100 УИК РФ).

Вопросам правового регулирования материально-бытового и медико-санитарного обеспечения осужденных женщин (взрослых и несовершеннолетних) всегда уделяется повышенное внимание. Так, приказами Минюста России от 9 марта 2005 г. № 85 и от 2 августа 2005 г. № 125 утверждены повы-

шенные нормы питания, вещевого довольствия и материально-бытового обеспечения осужденных беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3-х лет (ч. 6 ст. 99 УИК РФ). Они могут приобретать продукты питания и предметы первой необходимости за счет средств, имеющихся на их лицевых счетах, а также получать посылки, передачи и бандероли без ограничения количества (ч. 5 ст. 88, ч. 1 ст. 90 УИК РФ). Норма жилой площади в женских исправительных колониях не может быть менее 3 кв. м (ч. 1 ст. 99 УИК РФ). Осужденные беременные женщины и кормящие матери могут дополнительно по медицинскому заключению получать продовольственные посылки и передачи (ч. 4 ст. 100 УИК РФ), бесплатное питание (ч. 5 ст. 99 УИК РФ).

Развиваются и расширяются различные медицинские услуги, которыми имеют право пользоваться женщины. С учетом физиологических особенностей указанных лиц организуется специализированное медицинское обслуживание.

Согласно ст. 94 УИК РФ осужденные женщины имеют право на просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач. Они могут получать общее образование и профессиональную подготовку (ст. 108, 112 УИК РФ).

Женщины, лишенные свободы и привлеченные к труду, подлежат обязательно государственному страхованию, обеспечиваются пособиями и отпуском по беременности и родам на общих основаниях, а также имеют право на государственное пенсионное обеспечение по старости, инвалидности, при потере кормильца (чч. 1, 2 ст. 98 УИК РФ), право на отпуск.

Несовершеннолетним осужденным женского пола также создаются улучшенные жилищно-бытовые условия и устанавливаются повышенные нормы питания (ч. 6 ст. 99 УИК РФ). Питание, одежда, коммунально-бытовые услуги и индивидуальные средства гигиены им предоставляются бесплатно (ч. 5 ст. 99 УИК РФ). Они могут получать посылки, передачи и бандероли без ограничения количества (ч. 1 ст. 90 УИК РФ). Норма жилой площади в женских воспитательных колониях не может быть менее 3,5 кв. м (ч. 1 ст. 99 УИК РФ).

При этом все больше получает распространение в женских исправительных и вос-

питательных колониях оказание специализированной психологической и социальной помощи осужденным (ст. 12 УИК РФ).

Согласно Федеральному закону «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1 запрещается применять спецсредства, газовое и огнестрельное оружие в отношении женщин с видимыми признаками беременности и несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен, кроме случаев оказания ими вооруженного сопротивления или иного нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан.

Осужденные женщины могут отбывать наказание в виде лишения свободы в следственных изоляторах, выполняя работы по хозяйственному обслуживанию (ст. 77 УИК РФ).

Уголовно-исполнительное законодательство России также предусматривает необходимость оказания помощи осужденным женского пола в социальной адаптации при освобождении из исправительных учреждений.

В соответствии с Инструкцией об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в ИУ уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Минюста России 13 января 2006 г. № 2, и ст. 181 УИК РФ осужденные женского пола обеспечиваются бесплатным проездом к месту жительства, одеждой по сезону, продуктами питания, единовременным денежным пособием. Беременные женщины, кормящие матери, несовершеннолетние обеспечиваются продуктами по повышенным нормам. Женщинам с детьми дополнительно выдается сухой паек.

Администрация ИУ оказывает помощь осужденным женщинам в регистрации по месту жительства, трудоустройстве, устройстве детей в дошкольные детские учреждения, а в случае острых заболеваний – в учреждения здравоохранения.

Несовершеннолетним осужденным женского пола в случае отсутствия у них родственников также оказывается помощь по устройству на работу или учебу, в обеспечении их жилой площадью. В необходимых случаях несовершеннолетние могут быть направлены в школу-интернат, другое учебно-воспитательное учреждение на государственное попечение либо передаются органам опеки и попечительства.

Осужденные женщины, являющиеся инвалидами первой или второй группы или достигшие пенсионного возраста, по их просьбе и по представлению администрации ИУ направляются в дома инвалидов и престарелых (ч. 3 ст. 180 УИК РФ).

Осужденные беременные женщины, женщины, имеющие малолетних детей, несовершеннолетние в возрасте до 16 лет направляются к месту жительства в сопровождении родственников или иных лиц либо работника ИУ.

Обеспечение законодателем, администрацией женских исправительных и воспитательных колоний в полном объеме всех прав и свобод осужденных предопределяет эффективность исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Гарантированность надлежащего правового положения осужденных женщин позволит осуществить их социальную реабилитацию в будущем, предупредить совершение ими новых преступлений во время отбывания наказания и после освобождения. Для этого необходимо создание специальных условий в ИУ, требующих материальных затрат, внесения коррективов в содержание воспитательной, психологической, социально-педагогической и социальной работы.

Дальнейшее совершенствование организационного построения исправительных учреждений и управления процессом исправления осужденных женщин и обеспечения их прав и свобод мы видим в относительно новой и сейчас достаточно разработанной пенитенциарной наукой *технологии реализации* в ИУ комплекса *исправительных программ* для женщин-осужденных, в которых они должны сами принимать активное и добровольное участие.

Под **исправительной программой** понимается специально организованная деятельность осужденных в ИУ, результатом которой является повышение уровня развития и степени исправления осужденных.

Нормативная правовая база для исправительных программ была создана во второй половине XX в. и законодательно закрепила за каждым осужденным право на участие в программах в соответствии с индивидуальными потребностями.

В современной практике пенитенциарных учреждений функционируют следующие

виды исправительных программ: **психологические**, направленные на решение психических и эмоциональных проблем осужденных, например, алкогольная и/или наркотическая зависимость, **социальные**, нацеленные на развитие у осужденных коммуникативных навыков, улучшение социальной обстановки, **образовательные**, необходимые для осужденных, не имеющих среднего, высшего образования или просто желающих приобрести дополнительные общеобразовательные знания, и **профессиональные**, направленные на приобретение специальности, улучшение экономического благосостояния и поддержание жизнеобеспечения учреждения. Однако весь комплекс этих программ ИУ не осуществляется в единстве и взаимосвязи.

Для современных российских условий особенно актуальным становится реализация определенной последовательности применения исправительных программ для каждой отдельно взятой осужденной внутри ИУ. Ученые отмечают следующий алгоритм их осуществления: *психологические программы – социальные программы – образовательные программы – профессиональные программы*.

Психологические программы представляют собой первый этап в процессе ресоциализации. К этому виду программ относятся: программа психотерапии, программа групповой терапии, программа по контролю гнева, программа функциональной музыки, программа «Мои жизненные планы» психотерапевтический театр (кукольный театр, театр сказок), программа «Как управлять собой», программы психологической адаптации, помощи и сопровождения и др. Как свидетельствуют результаты исследований, психологические программы для осужденных являются максимально развитыми по сравнению с другими видами исправительных программ.

Социальные программы охватывают программы по решению социальных проблем, а также религиозные и развлекательные программы. Программы по решению социальных проблем могут представлять собой собрания, где обсуждаются интересные заключенных женщин явления современного общества, такие как: образование, наркомания, воспитание детей, охрана

здоровья, условия труда и др. Помимо получения необходимой информации, эти собрания предоставляют осужденным великолепную возможность научиться рассуждать, развивать собственную речь, анализировать, уважать чужое мнение, коллективно принимать весомые решения. В России эти программы начали активно использоваться в связи с введением в штаты ИУ специалистов по социальной работе.

К этому виду программ относятся: программа помощи в восстановлении социально-полезных связей, «родительская школа», «школа материнства», школа по подготовке к освобождению, программы социальной адаптации и социального консультирования, «юридическая клиника», «ярмарка рабочих мест», программа «Как начать свое дело», программа шефской помощи детскому дому и т. д.

Религиозные программы – это групповые и индивидуальные беседы, а также занятия по изучению Библии и нравственных основ христианства и православия, в частности, отправление религиозных обрядов. Данные программы служат эффективной психологической защитой от гнетущей обстановки ИУ и в России являются одними из наиболее развитых. В ИУ строятся храмы, часовни, выделяются помещения, которые оборудуются для отправления религиозных обрядов.

Развлекательные программы нацелены на то, чтобы осужденные имели возможность качественно и с пользой для себя проводить досуг и организованно отдыхать. Они позволяют создать благодатную почву для улучшения социальной атмосферы учреждения, формируют условия для установления позитивных социальных контактов (в том числе с общественными организациями) на основе общих интересов, способствуют формированию у осужденных таких социальных качеств, как умение работать в команде, прислушиваться к мнению другого, принимать общие решения, дают осужденным возможность саморазвития и приобретения позитивного жизненного опыта.

Образовательные программы наиболее распространены в пенитенциарных учреждениях и представляют собой очередной этап в процессе подготовки осужденных к участию в профессиональных программах. К образо-

вательным программам относятся: получение образования на различных уровнях (основное, среднее, высшее), а также программы, обучающие работе в библиотеке и компьютерном классе; программы общеразвивающего характера, а также литературные программы, программы о моде, об искусстве, программы освоения различных видов художественного творчества, дистанционное обучение в вузах и др.

Участие осужденных в **профессиональных программах** является одним из важнейших этапов процесса их исправления. Этот вид исправительных программ объединяет программы по приобретению специальности, производственные программы и программы по жизнеобеспечению учреждения.

Программы по приобретению специальности призваны выработать у лиц, содержащихся в местах лишения свободы, профессиональные знания, умения и навыки, имеющие спрос на рынке труда. При успешном окончании программы участнику выдается государственная лицензия, сертификат или диплом.

Производственные программы направлены на поддержание финансового благополучия учреждения, заключенного и лишь косвенно позволяют осужденным получить ту или иную специальность. Обычно они функционируют на базе крупных фирм и предприятий, где осужденные изготавливают продукцию, необходимую для нормального функционирования учреждения либо продаваемую на внешнем рынке, и получают зарплату, близкую к минимальной.

Программы по жизнеобеспечению учреждения необходимы для функционирования различных служб. Они охватывают ведение документации, противопожарную службу, доставку почты, общественное питание, аптеки, уборку помещений и внешней территории, обслуживание водопроводных систем, электротехнического оборудования, эстетическое оформление внешней и внутренней территории и др. Несмотря на свое чисто утилитарное значение, программы по жизнеобеспечению учреждения в полном объеме выполняют воспитательную функцию, а в отдельных случаях и образовательную.

Для того чтобы объективно оценить результат участия осужденных в исправи-

тельных программах, необходимо тщательно фиксировать количество записавшихся на программу и закончивших ее, причем подробно анализировать каждый случай досрочного прекращения посещения занятий. Также необходимо учитывать, насколько правильной была последовательность участия осужденной в разных видах исправительных программ, поскольку ее нарушение может привести к неудаче тех видов программ, участие в которых требует предварительной подготовки за счет других видов. Это все должно быть возложено на социальных работников ИУ. Существенную роль в адекватности оценки играет скоординированность целей организаторов программ различных уровней. В свою очередь, цели, которые ставятся перед участниками программ, должны быть реально достижимыми.

Реализация исправительных программ для осужденных будет значительно эффективнее, если при их подготовке учитывать следующие факторы:

1) придание участию осужденных в исправительных программах статуса общественно полезного труда; предоставление осужденным определенных привилегий;

2) уделение особого внимания разработке профилактических программ по борьбе с алкоголизмом, наркоманией, СПИД, туберкулезом, гепатитом и т. д.;

3) создание в рамках социальных программ такой программы, участвуя в которой осужденные могли бы узнавать информацию, связанную с событиями и явлениями современного общества, и учиться высказывать в связи с этим собственное мнение; использование в полной мере мощного потенциала средств массовой информации; создание условий для приобщения к искусству, физической культуре и спорту; внедрение в жизнь ИУ практики ежевечерних сборов в рамках отрядов (бригад, звеньев) с целью обсуждения работы учреждения, отношений между осужденными, осужденными и персоналом, собственного поведения и поведения окружающих; разработка программы, способствующей успешному трудоустройству, и программы, нацеленной на обучение осужденных умению строить семейные отношения;

4) в рамках реализации профессиональных программ предоставление осужденным возможности приобретать специальности, которые наиболее востребованы на современном рынке труда;

5) подбор программного материала таким образом, чтобы осужденные имели возможность соотнести его со своим жизненным опытом; организация программ с учетом не только конкретных осужденных, но и их родственников, друзей, знакомых;

6) создание и реализация «гибких программ», которые смогли бы обеспечить участие в них любого количества желающих и позволить им не прерывать обучения при переводе в другое учреждение;

7) преодоление эпизодичности, фрагментарности, бессистемности в реализации исправительных программ для осужденных; постоянное расширение и обновление; разработка системы оценки исправительных программ, которая позволила бы их оптимизировать;

8) для повышения уровня владения сотрудниками умениями и навыками реализации исправительных программ организация в учреждениях на базе методического совета (методического кабинета) курсов, тренингов, мастер-классов и иных форм обучения под руководством опытных работников, с приглашением ученых, занимающихся данной проблемой; использование для этого занятия в системе служебной подготовки, закрепление наставников; побуждение сотрудника к работе над собой.

В Концепции развития социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях на период до 2010 г. отмечается направленность на дальнейшее совершенствование организационного построения ИУ и управления процессом исправления осужденных, поиск путей их оптимизации. Именно совершенствование деятельности ИУ по обеспечению прав и свобод осужденных женщин представляется нам одним из эффективных путей комплексной организации воспитательной, психологической и социальной работы в ИУ для женщин, в реализации которого возможно активное взаимодействие с заинтересованными в нем общественными организациями.

К. Н. Курысев,
начальник кафедры
оперативно-технической деятельности
ВЮИ ФСИН России
кандидат технических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЯ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

При осуществлении оперативно-разыскной деятельности (ОРД) в Российской Федерации в некоторых случаях требуется получение двух или более судебных решений на проведение практически одних и тех же оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ). Данное обстоятельство нельзя признать способствующим предупреждению и раскрытию преступлений, поскольку отвлекает усилия оперативных аппаратов на ненужную бумажную работу, требующую больших затрат времени и сил.

Поясним рассматриваемую ситуацию на примерах.

Пример 1. Преступник подготавливает совершение тяжкого или особо тяжкого преступления и при этом использует возможности телефонной связи, т. е. ведет телефонные переговоры, отправляет и принимает факсимильные сообщения, пользуется возможностями сотовой телефонной связи и использует SMS-сообщения.

В данном случае сотрудники оперативного аппарата, получив информацию о подготовке совершения тяжкого преступления, проводят ОРМ, направленные на получение и фиксацию информации с целью накопления достаточных оснований для возбуждения уголовного дела в отношении данных лиц (или для решения других задач ОРД). Причем наиболее часто используется такое ОРМ, как «прослушивание телефонных переговоров», состоящее в слуховом контроле, а также фиксации разговоров физических лиц (проводимых, разрабатываемых), ведущихся по телефонным линиям связи¹. Поскольку данное ОРМ ограничивает конституцион-

ные права граждан на тайну телефонных переговоров, то для его проведения необходимо получить судебное решение (ч. 2 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Далее: ФЗ об ОРД)². Однако вместе с передачей обычных телефонных (речевых) сообщений преступники все чаще используют новые возможности телекоммуникационных систем, например, факсимильные сообщения, SMS-сообщения, возможности электронной почты, т. е. компьютерную связь, обычно осуществляемую по телефонной линии связи.

Однако для получения оперативно значимой информации путем контроля указанных возможностей телекоммуникационных систем необходимо провести еще одно ОРМ – снятие информации с технических каналов связи (п. 11 ч. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД). И в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 8 ФЗ об ОРД на проведение данного ОРМ так же, как и в первом случае, требуется получение судебного решения, поскольку оно ограничивает конституционные права граждан на тайну телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи.

Таким образом, несмотря на то, что преступник использует один и тот же телефонный канал связи, но передает и телефонные, и факсимильные (или SMS), и другие сообщения с использованием одной и той же аппаратуры, все же необходимо в соответствии с требованиями ФЗ об ОРД для контроля его преступной деятельности получить два и более судебных решения.

Данное обстоятельство приводит к необоснованному затягиванию процесса выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, за счет составления дополнительных оперативно-служебных документов, дополнительных затрат времени и сил оперативных сотрудников на получение в суде дополнительных судебных решений.

¹ См.: Оперативно-розыскная деятельность: Учеб. 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова, А. Ю. Шумилова. М., 848 с.

² См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

Пример 2. Совершено тяжкое преступление. По данному факту возбуждено уголовное дело. Идет его расследование, в ходе которого следователь в соответствии со ст. 186 УПК РФ назначает такое следственное действие, как «контроль и запись переговоров», которое по смыслу объединяет и прослушивание телефонных переговоров, и снятие информации с технических каналов связи¹ (хотя в УПК РФ это называется иными переговорами). По требованиям ч. 2 ст. 186 УПК РФ данное следственное действие проводится на основании судебного решения, для получения которого следователь ходатайствует перед судом², т. е. на следователя возлагается обязанность получения судебного решения для проведения данного следственного действия. Далее определяется орган, которому поручается техническое исполнение контроля и записи. Именно с этого момента и начинаются проблемы.

В качестве органа выступает оперативное подразделение, взаимодействующее с подразделением, осуществляющим предварительное следствие. Однако само оперативное подразделение не проводит прослушивания телефонных и иных переговоров, а пользуется возможностями оперативно-технических подразделений, имеющих необходимую аппаратуру и подготовленных специалистов. Следует заметить, что оперативно-технические подразделения имеют право проводить ОРМ, но никак не следственные действия. Поэтому сотрудники оперативного подразделения, которому следователь передал постановление о производстве контроля и записи переговоров (ч. 4 ст. 186 УПК РФ), вынуждены выписывать задание для оперативно-технического подразделения на проведение ОРМ «прослушивание телефонных переговоров», а при необходимости кон-

троля факсимильных или SMS-сообщений – и на проведение ОРМ «снятие информации с технических каналов связи». Причем в соответствии с требованиями ч. 2, ст. 8 ФЗ об ОРД к заданию должно быть приложено судебное решение на проведение ОРМ «прослушивание телефонных переговоров», которое получает оперативное подразделение во исполнение поручения следователя. Если дополнительно к этому было выписано второе задание на проведение ОРМ «снятие информации с технических каналов связи», то оперативное подразделение должно получить второе судебное решение также в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 8 ФЗ об ОРД. Если сложить все вместе, то для проведения одного следственного действия должно быть получено до трех судебных решений.

Однако проблемы на этом не заканчиваются. Существует еще много сложностей при передаче результатов изначально следственного действия, а реально уже ОРМ, следователю. Данный процесс регламентируется Инструкцией о порядке представления результатов ОРД в орган дознания, следователю, прокурору или в суд, утвержденной совместным приказом всех субъектов ОРД (на тот период)³. В соответствии с п. 10 данной Инструкции представление результатов ОРД следователю включает в себя:

- вынесение руководителем органа, осуществляющего ОРД, постановления о представлении этих результатов;
- вынесение постановления о рассекречивании оперативно-служебных документов составляющих государственную тайну;
- оформление сопроводительных документов и фактическая передача соответствующему должностному лицу или органу.

Результаты ОРД, осуществляемой оперативно-техническими подразделениями, в соответствии с п. 97 Указа Президента Российской Федерации «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне»

¹ См.: Контроль и запись переговоров при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий: Науч.-метод. рекомендации Генпрокуратуры для сотрудников прокуратуры. М., 2002. С. 14.

² См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2003. С. 377.

³ См.: Приказ ФСНП РФ, ФСБ РФ, МВД РФ, ФСО РФ, ФПС РФ, ГТК РФ, СВР РФ от 13 мая 1998 г. № 175/ 226/ 336/ 201/ 286/ 410/ 56. www.vfgnit.ru.

от 11 февраля 2006 г., № 90¹, составляют государственную тайну и при передаче органу дознания, следователю, прокурору или в суд должны быть в обязательном порядке рассекречены. Поэтому появляется еще одно промежуточное звено на пути движения результатов следственного действия, инициированного следователем, требующее немало времени. Следует учесть, что в соответствии с п. 26 указанной выше Инструкции результаты ОРД не представляются:

– если невозможно обеспечить безопасность субъектов (участников) ОРД в связи с представлением и использованием данных результатов в уголовном процессе;

– если их использование в уголовном процессе создает реальную возможность расшифровки (разглашения) сведений об используемых или использованных при проведении негласных ОРМ силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах ОРД, внедренных в организованные преступные группы, штатных негласных сотрудниках и лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, а также об организации и тактике проведения ОРМ, отнесенных законом к государственной тайне (кроме случаев, когда указанные сведения предаются гласности в порядке, установленном ФЗ об ОРД). Таким образом, гипотетически может возникнуть ситуация, когда следователю будет отказано в предоставлении результатов инициированного им следственного действия, а это – еще большая проблема, возникающая из-за несовершенства российского законодательства.

По нашему мнению, пути выхода из создавшегося положения могут быть следующие:

1. Получение судебного решения на ограничение не отдельно взятого конституционного права человека и гражданина, указанного в ч. 2, ст. 8 ФЗ об ОРД, а на ограничение конституционных прав конкретного гражданина в общем, о чем необходимо внести изменения в ст. 8 и 9 ФЗ об ОРД и разъяснить (уточнить), что опе-

ративное подразделение (или следователь) получает одно судебное решение на ограничение конституционных прав гражданина.

2. Изменение перечня ОРМ, разрешенных в ст. 6 ФЗ об ОРД, в сторону обобщения (укрупнения), например, объединив такие ОРМ, как: «прослушивание телефонных переговоров», «снятие информации с технических каналов связи», «электронное наблюдение» (наблюдение с использованием специальных технических средств), – в одно общее мероприятие, на проведение которого получается одно судебное решение.

3. Введение ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» в ОРМ «снятие информации с технических каналов связи», так как последнее является более общим мероприятием, а телефонные сообщения представляют частный случай передачи информации по техническим каналам связи. При этом в ст. 6 ФЗ об ОРД необходимо привести определение каждого из ОРМ, например, как это сделано (правда, на наш взгляд не совсем удачно) в «Открытом проекте новой редакции оперативно-розыскного закона России»².

4. Внесение изменения в ч. 5 ст. 186 УПК РФ следующего характера: органом, которому поручается техническое осуществление контроля и записи переговоров, является оперативно-техническое подразделение государственных органов, указанных в ст. 13 ФЗ об ОРД, и оно имеет право проводить данное следственное действие. После чего необходимо разработать межведомственную инструкцию о порядке проведения данного следственного действия. В ней определить порядок проведения следственного действия «контроль и запись переговоров» оперативно-техническими подразделениями, порядок оформления и передачи результатов следователю.

² См.: Новая редакция оперативно-розыскного закона России: Открытый проект: Науч.-справ. пособие / Авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М., 2004. 32 с.

¹ См.: Рос. газ. 2006. 17 февр.

М. А. Нагимов,
*начальник кафедры уголовно-правовых
и специальных дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

**ПРОЦЕСС РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
СТАНДАРТОВ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
В РОССИЙСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРАКТИКЕ
КАК ЗАДАЧА УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТОМ**

Одним из основных направлений реформирования деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания, является обеспечение соблюдения прав и свобод осужденных и заключенных под стражу. В связи с этим важной задачей Федеральной службы исполнения наказаний выступает приведение правоприменительной практики при исполнении уголовных наказаний в соответствие с международными стандартами.

Рассматривая данный процесс с точки зрения управленческой науки и практики, мы можем его представить как управление неким проектом с заданными характеристиками ожидаемых результатов при определенных требованиях к срокам и бюджету. Обоснованность такого подхода можно доказать следующей цепочкой рассуждений.

Уголовно-исполнительная система (УИС) претерпевает определенные изменения, обусловленные внешними и внутренними факторами. Успешность деятельности УИС, как и любой социальной системы, во многом определяется тем, насколько адекватно, быстро и эффективно она способна произвести преобразования, соответствующие проводимой уголовно-исполнительной политике Российской Федерации. Для целенаправленного осуществления таких изменений необходимы научно обоснованные подходы и специальные методы. Проект как особая форма осуществления подобных трансформаций предполагает, что они должны быть реализованы в рамках определенных ограничений по срокам, стоимости и характеристикам ожидаемых результатов. Наличие таких ограничений предъявляет специальные требования к организации и методам управления, суть ко-

торых состоит в концентрации полномочий и ответственности за весь проект в целом в руках одного человека и создания управленческой команды проекта, частично отчуждаемой на время исполнения проекта от структурных подразделений. При этом, по нашему мнению, из-за специфических особенностей пенитенциарной системы наибольшее внимание необходимо уделять процессам управления проектом в следующих функциональных областях:

- управление предметной областью проекта (содержанием и границами) – определение целей, конечных результатов и критериев оценки;

- управление проектом по временным и промежуточным параметрам – разбивка его на комплекс работ и отдельные работы; определение последовательности выполнения, продолжительности и расписания работ – календарного плана-графика проекта;

- управление проектом по критерию финансовой рациональности и ценовой эффективности;

- управление коммуникациями – определение источников и потребителей информации внутри и вне проекта, описание видов и потоков распространяемой информации, сроков и периодичности ее предоставления; способов доставки информации; методов обработки статистической информации, предоставляемой для контроля процесса реализации проекта; управления процедурами распространения информации в ходе реализации проекта и т.д.

На первый взгляд общие подходы управления проектом просты и понятны: проект надо начать с постановки задач и согласования цели, спланировать путь ее достижения, выполнить предусмотренные работы и успешно закончить проект, достигнув цели, как было спланировано.

При использовании данного подхода в процессе реализации международных стандартов исполнения наказаний в российской пенитенциарной практике сложности возникают прежде всего при определении целей.

Можем ли мы рассмотреть в качестве цели приведение условий отбывания наказаний осужденными к международным

стандартам? Как определить результаты и критерии оценки управления проектом?

Для начала зададимся вопросом: что такое «международные стандарты исполнения наказаний»? Стандарт – нормативный документ по стандартизации, разработанный, как правило, на основе согласия, характеризующегося отсутствием возражений по существенным вопросам у большинства заинтересованных сторон, принятый (утвержденный) признанным органом¹. В широком смысле слова стандарт (от англ. standard – норма, образец) – это образец, эталон, модель, принимаемые за исходные для сопоставления с ними других подобных объектов. Стандарт как нормативно-технический документ устанавливает комплекс норм, правил, требований к объекту стандартизации и утверждается компетентным органом. Он может быть разработан как на материальные предметы, так и на нормы, правила, требования различного характера. Международные стандарты исполнения наказаний, в свою очередь, являются наряду с международными договорами одним из двух видов (по степени обязательности) международных актов.

Международные договоры – это соглашения (пакты, конвенции и т.п.) между государствами, обязательные для использования всеми участниками.

Международные стандарты – документы, содержащие нормы, принципы и предложения, касающиеся назначения уголовно-правовых мер, обращения с осужденными и деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Главная цель этих документов – защита человеческих и гражданских прав. Помимо этого к задачам международных стандартов относятся распространение прогрессивного мирового опыта, гуманизация уголовно-исполнительной политики государства в области обращения с осужденными и заключенными под стражу, максимально возможное сужение сферы применения репрессивных мер (смертной казни, лишения свободы, предварительного заключения под стражу

и т.п.). В отличие от международных договоров международные стандарты носят рекомендательный характер².

Международные стандарты содержания осужденных провозглашаются рядом структурных подразделений ООН, а именно Экономическим и Социальным советами, Комиссией по правам человека, ее Подкомиссией по предотвращению дискриминации и защите меньшинств и регулярными конгрессами ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Принятие международных стандартов Генеральной Ассамблеей и основными структурами ООН придало им общезначимый и общеобязательный характер, то есть они воспринимаются всем международным сообществом как минимальные правила содержания осужденных.

Таким образом, управление предметной областью проекта однозначно определяется целью, заключающейся в приведении условий отбывания наказаний осужденных к международным стандартам.

Для определения перечня задач, решение которых привело бы к достижению цели, воспользуемся материалами 16-го заседания Руководящей группы Совета Европы по реформированию УИС Российской Федерации, прошедшего в Саратове 16–20 сентября 2003 г. Так, участниками данного форума были выявлены наиболее актуальные направления деятельности УИС, которые следует глубоко исследовать. К ним относятся: обновление и совершенствование уголовно-исполнительного законодательства и всей нормативной правовой базы УИС; снижение численности лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы; улучшение условий содержания (в первую очередь бытовых и санитарно-гигиенических) осужденных и заключенных; реализация осужденными права на труд; содержание заключенных, приговоренных к пожизненному лишению свободы; улучшение медицинского обслуживания осужденных, борьба с социально значимыми заболеваниями; испол-

¹ См.: ГОСТ Р 1.0–2. Государственные системы стандартизации РФ. Основные положения.

² См.: Документы ООН, касающиеся заключенных: Сб. М., 2000. С. 6–7.

нение наказаний в отношении женщин и несовершеннолетних и др.¹

В литературе, посвященной проблемам пенитенциарной системы, все международно-правовые стандарты обращения с заключенными в зависимости от наличия возможностей для их внедрения делятся на три классификационные группы:

1) стандарты, для внедрения которых не требуется материальных затрат, так как их реализация зависит исключительно от активности соответствующих государственных органов;

2) стандарты, для внедрения которых пока нет возможностей, но они могут быть созданы в ближайшие пять лет;

3) стандарты, для внедрения которых нет реальных социально-экономических возможностей, и они не могут быть созданы в ближайшие пять лет².

При управлении по критерию финансовой рациональности и ценовой эффективности мы предлагаем непосредственно применить вышеприведенную классификацию.

Особое значение имеет правильный подбор составных элементов управления коммуникациями. Среди них мы укажем только на один – методы обработки статистической информации, предоставляемой для контроля процесса реализации проекта. Так, например, основным критерием, по которому контролируется один из важных международных стандартов соблюдения прав человека в следственных изоляторах, является величина камерной площади в расчете на одного человека. Данный показатель к началу 2005 г. в среднем по всем следственным изоляторам ФСИН России составляет 3,6 м² (к началу 2006 г. – 3,9 м²)³.

¹ См.: Сборник материалов 16-го заседания Руководящей группы Совета Европы по реформированию УИС РФ. М., 2003.

² См.: Комментарии к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными / Под общ. ред. П. Г. Мищенко. М., 1997. С. 29–30.

³ См.: Калинин Ю. И. Об организации работы по соблюдению прав лиц, содержащихся в местах лишения свободы: Докл. на заседании коллегии Минюста России 16 дек. 2005 г. // Преступление и наказание. 2006. № 1. С. 4.

В то же время применение средней величины этого показателя мы считаем в методологическом аспекте ошибочным, поскольку при таком показателе, достаточно близком к международным стандартам, по отдельным следственным изоляторам величина этого показателя может оказаться намного ниже среднероссийского значения.

Например, согласно отчету ГУИН Минюста России по итогам 2003 г. в целом по России величина камерной площади в расчете на одного человека составляет в среднем 3,62 кв. м²⁴. Вместе с тем в процессе анализа по территориальным органам УИС выяснилось большое отклонение от среднего значения данного показателя в следующих территориальных органах: Ханты-Мансийский АО – 1,3 м²; Нижегородская область – 2,17 м²; Ярославская область – 2,4 м²; Республика Татарстан – 2,4 м²; Кемеровская область – 2,6 м².

Кроме того, мы дополнительно провели анализ данных в разрезе следственных изоляторов по одному из субъектов РФ – ГУФСИН России по Республике Татарстан. Согласно показателям, представленным в официальном докладе Уполномоченного по правам человека в Республике Татарстан «О соблюдении прав человека в учреждениях ГУФСИН России по Республики Татарстан и изоляторах временного содержания МВД Республики Татарстан в 2005 году», фактический метраж, приходящийся в камерах на одного заключенного под стражу, вместо 4 м² колеблется от 2,1 м² в СИ-2 (г. Казань) до 2,5 м² в СИ-1 (г. Казань)⁵.

В заключение следует отметить, что в контексте общей концепции гуманизации уголовно-исполнительной политики применение научно обоснованных методов управления позволит определить целевые параметры функционирования УИС, обеспечивающие приведение правоприменительной практики при исполнении уголовных наказаний в соответствие с международными стандартами.

⁴ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы // Отчет ГУИН Минюста России за 2003 г., М., 2004.

⁵ См.: Республика Татарстан. 2006. 27 янв.

К.А. Кунаш,
*преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин
Кузбасского филиала ВЮИ ФСИН России*

**КОМПОНЕНТЫ ГОТОВНОСТИ
СОТРУДНИКОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ
К ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Проблема девиантного поведения находится в центре внимания школы, социально-педагогических работников, инспекторов по делам несовершеннолетних, однако нельзя с полной уверенностью сказать, что она окончательно решена. Причинами этого называют сложную социально-экономическую ситуацию, характеризующуюся нестабильностью и отсутствием веры в будущее, ослабление института семьи, ориентацию современной школы на обучение в ущерб ведению воспитательной работы. Тем не менее, какими бы ни были причины данной проблемы, решать ее надо комплексно, с участием разных сторон, и не последнюю роль здесь могут сыграть сотрудники пенитенциарной системы. Но для того чтобы можно было существенно повлиять на сложившуюся ситуацию, сотрудники должны быть готовы к ведению такой работы, обладать достаточным объемом теоретических знаний, иметь развёрнутое представление о профилактической деятельности, владеть ее методами и технологиями. В науке до сих пор нет четкого категориального определения самой готовности. Мы предлагаем следующее (рабочее) – определение готовности, с одной стороны, не претендующее на полноту, но, с другой стороны, позволяющее практически осуществлять проектирование и осуществление педагогической деятельности по созданию условий, способствующих ее становлению. По нашему мнению, готовность можно определить через три основных компонента:

1. Когнитивный компонент, который должен обеспечивать наличие знаний и способности осуществлять некоторую деятельность.

2. Самоопределение к проблеме, характеризующееся «отношением причастности». Очевидно, что человек даже способный выполнять деятельность по разрешению определенных проблем, будет заниматься этим

только в том случае, если он чувствует свою причастность к данным проблемам.

3. Самоопределение к себе как к субъекту деятельности. Сюда входит самооценка способностей, уровней притязаний и ответственности.

Рассмотрим эти компоненты с точки зрения проектирования образовательного процесса, способствующего становлению готовности.

Когнитивный компонент определяет направление процесса обучения, исходя из которого должно формироваться содержание образования. В нем чаще всего выделяют две составляющие: культурную и прагматическую. Мы предлагаем в прагматической составляющей различать технологический (способность проектировать деятельность) и исполнительский (способность осуществлять деятельность) уровни. Культурная составляющая в готовности к работе с трудными подростками обеспечивается такими учебными предметами, как философия, психология и общая педагогика. Если первые два предмета достаточно представлены в государственном образовательном стандарте по специальностям «юриспруденция» и «правоохранительная деятельность», то педагогическое направление представлено слабо. Поэтому при проектировании образовательного процесса, способствующего становлению готовности к работе с подростками, склонными к девиантному поведению, необходимо выделить минимально необходимое общепедагогическое содержание и продумать обеспечение системных связей с философией и юридической психологией. Кроме того, с учетом тенденции к смене педагогической парадигмы от ценностей усвоения культуры к ценности культуротворческого процесса (тем более, что устоявшаяся культура не решает проблемы девиантного поведения), необходимо проектировать не столько процесс репродуктивного усвоения готовых знаний, сколько процесс производства новых знаний. Для этого в проектируемый курс необходимо включить освоение навыков поисковой деятельности (исследование проблемной ситуации, выдвижение гипотез, проверка достоверности выдвинутых гипотез). Учебное проектиро-

вание проверки гипотез призвано обеспечить единство культурной и прагматической составляющих. Формирование исполнительских способностей в педагогических учебных заведениях происходит во время педагогической практики, которая в юридическом вузе отсутствует. Мы предполагаем, что исполнительские способности могут формироваться путем организации квазипрофессиональной деятельности в виде деловых и имитационных игр, тренингов, а также при помощи методов, обеспечивающих связь теоретического материала с эмпирическими знаниями курсантов и слушателей.

Самоопределение к проблеме. В современном российском обществе сложилась такая ситуация, когда большая часть людей пытается найти виновников существующих в стране проблем, а не пытается определить, что именно нужно сделать для их решения. Так и в случае с девиантным поведением подростков – школа часто пытается переложить ответственность на родителей, а родители – на школу, и никто не пытается найти выход из создавшегося положения.

Отношение причастности возможно только при наличии такого качества личности, как эмпатия, которое формируется во взаимодействии с другими субъектами в ситуации этического конфликта. Таким образом, отношение причастности определяет направление процесса воспитания и его место в целостном педагогическом процессе. Содержание образования в этом случае должно включать в себя этические тексты,

описывающие внутриличностные и межличностные нравственные конфликты, обнажающие смысловые стороны жизни. Известно, что одной из причин девиантного поведения как раз и является «разлад с самим собой и близким окружением».

Самоопределение к себе как субъекту деятельности. Психологи выделяют две разновидности неадекватного самоопределения. При завышенных самооценке и уровне притязаний человек становится диктатором, часто берется «не за свои» проблемы, что ведет к истощению, нервным срывам и в конечном итоге к эмоциональному «сгоранию». При заниженной самооценке и уровне притязаний появляется безынициативность, стремление избегать ответственности, что приводит к профессиональному «вырождению». Но в сложной структуре человеческой личности эти две тенденции часто совмещаются. Работа по становлению готовности к деятельности в компоненте самоопределения к себе, таким образом, определяет третий подпроцесс в целостном педагогическом процессе – развитие. Для решения этой части проблемы готовности необходимо включать в содержание образования тренинги самоисследования и личностного роста.

Данная статья лишь очерчивает структуру содержания образования в триединстве содержаний обучения, воспитания и развития. Способы проектирования и собственно содержательные моменты станут предметом исследования в дальнейшем.

А.В. Скобелина,
*старший научный сотрудник ОНУРИО
Кузбасского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат политических наук*

**ВВЕДЕНИЕ СПЕЦКУРСА «PR
в ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ФСИН РОССИИ»
в УЧЕБНУЮ ПРОГРАММУ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ
КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СО СМИ**

Согласно международным стандартам уголовно-исполнительная система любого демократического государства должна соответствовать принципам гласности и от-

крытости. Это касается исполнения и отбывания всех видов наказаний (особенно лишения свободы) и иных мер уголовно-правового характера. Очевидно, что в современном мире, когда главным источником информации для людей стали печать и телевидение, достичь обозначенных целей можно только путем проведения грамотной и целенаправленной информационной политики Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ФСИН России) со средствами массовой информации (далее: СМИ).

Однако журналисты обращаются за информацией к сотрудникам ФСИН России

только в чрезвычайных случаях: побег, бунт, смерть заключенных, лишение свободы публичных персон. Однако пенитенциарная система настолько замкнута и консервативна, что порой и такие факты остаются в тени, а иногда и умышленно укрываются администрацией мест лишения свободы. Ежедневная же, во многом рутинная работа нескольких тысяч человек, задействованных в уголовно-исполнительной системе, журналистов не интересует и остается за кадром.

В СМИ большое внимание уделяется материалам, посвященным криминальной тематике. В них освещаются громкие преступления, ход их раскрытия и расследования. Заканчиваются такие материалы, как правило, информацией о сроках и видах наказаний лицам, совершившим преступления. Однако на этом этапе уголовная ответственность не заканчивается, а только начинается. Вопросы же, каким образом осуществляется государственное карательное принуждение, какова его процедура, содержание и последствия в виде судимости, – остаются тайной за семью печатями для общества. Представляется, что освещение указанных фактов могло бы послужить действенным средством в достижении целей наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Соответственно инициировать взаимодействие со СМИ необходимо самим подразделениям ФСИН России: регулярно информировать о своей деятельности общественно-политические СМИ, фиксировать и анализировать сообщения о своей работе в различных медиа, проводить пресс-конференции и брифинги по актуальным вопросам, вести разъяснительную работу, стремиться к установлению обратной связи с населением, формировать имидж своей структуры и многое другое.

Эффективно справиться с этими задачами может специальный отдел Public Relations в подразделениях ФСИН России. Public Relations (в переводе с английского – отношения с общественностью) является особым типом информационной деятельности и представляет собой продол-

жительные целенаправленные действия информационного характера по формированию положительного имиджа предприятия, фирмы или какого-либо лица¹.

Для таких отделов необходимы специалисты, которые, с одной стороны, обладали бы информацией о структуре, целях, функциях, особенностях работы ФСИН России, а с другой стороны, обладали бы навыками работы с текстом, построения информационного сообщения, имели бы представления о PR-технологиях, особенностях массовой коммуникации и др.

Сегодня эти функции в лучшем случае исполняют журналисты, которых призвали на службу, а чаще всего – рядовые сотрудники ФСИН России. В такой ситуации представляется уместным в рамках дисциплин гуманитарного цикла в учебных заведениях ФСИН России в качестве спецкурса разработать и апробировать программу «PR в подразделениях ФСИН России».

Задачами этого курса будут обучение курсантов и слушателей эффективному взаимодействию со СМИ, формированию лояльного отношения общественности к сотрудникам уголовно-исполнительной системы.

Для этого курсантам и слушателям необходимо дать элементарное понимание специфики массовой коммуникации: каким образом коммуникация устанавливается, что является поводом для сообщения в СМИ, каким образом готовятся информационные сообщения, письма, как проводятся пресс-конференции, брифинги, как организовать мониторинг общественного мнения и многое другое. В рамках этого курса очень эффективны будут практические занятия, которые можно проводить в форме пресс-конференций, брифингов.

С нашей точки зрения данный курс будет отвечать современным потребностям уголовно-исполнительной системы, а специалисты, обладающие знаниями в области PR, будут востребованы в будущем.

¹ См.: Блэк С. PR для профессионалов. М., 2002. С. 15.

Б. В. Смирнов,
доцент кафедры пенитенциарной
педагогике и психологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат медицинских наук

**ПРАВСТВЕННОСТЬ И ИНТЕЛЛЕКТ
КАК СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ
И ДЕЗАДАПТАЦИИ СОТРУДНИКА
ПЕНИТЕНЦИАРНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ**

Под деформацией личности следует понимать изменения психических процессов, свойств, качеств, состояний личности под воздействием среды, в которой осуществляется ее деятельность, приводящие к неадекватному поведению в процессе выполнения той или иной деятельности.

Профессиональная деформация работника пенитенциарной системы – это интериоризация им субкультуры тюремной среды (зоны) и на основе этого формирование у сотрудника жаргона, стиля поведения осужденных. Это явление полиморфное. Сущность наиболее значимых изменений личности сотрудника, подвергшегося влиянию тюремной субкультуры, заключается в трансформации профессионально важных качеств в противоположные. Бдительность превращается в подозрительность, требовательность – в придирчивость, пунктуальность – в педантизм.

У деформирующейся личности сотрудника, имеющего определенные властные полномочия, появляются негативные стереотипы поведения, ухудшаются отношения с друзьями, родственниками, формируется склонность к применению агрессивных действий по отношению к подчиненным, осужденным, изменяется привычный стиль поведения (складывается властно-командный тон, используются ненормативная лексика, жаргон, речевые штампы, нередко допускаются злоупотребления служебным положением, развиваются повышенное самомнение, болезненная реакция на критику, уверенность в своей ценности и непогрешимости).

Все эти элементы личностной и профессиональной деформации без своевременной корректировки постепенно усугубляются: профессиональная девиация → деформация → деградация.

Девиация – это отклонение от некоторой средней нормы, выражающееся в незначительных и невыраженных изменениях у работника исправительного учреждения (ИУ). Например, употребление в быту, в кругу семьи, родственников, соседей профессиональных терминов «Отставить!», «Так точно!», «Есть!», «Никак нет!». Такие личностные проявления не носят негативного характера¹. Изобилие в речи оперативного работника терминов из лагерного жаргона, склонность к оскорблениям, унижению осужденных, вплоть до рукоприкладства, присвоению изъятых у них запрещенных предметов (денег, наркотиков, сотовых телефонов и пр.), нарушение им общепринятых моральных норм в быту, в среде своих знакомых свидетельствуют о глубокой деформации личности сотрудника.

В повседневной пенитенциарной деятельности сотрудники ИУ испытывают негативное давление со стороны отрицательно настроенной части спецконтингента и начальства. Постепенно у них развивается подозрительность, застревание на негативном опыте, предвзятое отношение к другим («все виноваты»), чувство враждебности и агрессивности, безынициативность (выполнение работы только по приказу), снижается самооценка и оценка окружающих, наблюдается утрата чувства осторожности и бдительности².

Особую проблему в ИУ представляет обеспечение безопасности личного состава. Нередко конфликты сотрудников с осужденными заканчиваются трагически. По данным статистики, в 2003 г. было зафиксировано 289 инцидентов, связанных с причинением тяжкого и средней тяжести вреда здоровью личному составу ИУ, при этом погибло 223 сотрудника.

На наш взгляд, детерминантами этих эксцессов являются вышеперечисленные факторы профессиональной деформации.

¹ См.: Зобков В. А., Смирнов Б. В. «О совершенствовании превентивных мер, направленных против дезадаптации и профессиональной деформации личности пенитенциарного учреждения // Журн. практ. психолога. 1997. № 6. С. 107.

² Предупреждение деструктивных форм поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы: Метод. рекомендации // Б-чка психолога. М., 2005. С. 24.

В качестве примера можно привести ситуацию, имевшую место в ИУ.

Начальником медчасти колонии общего режима (еще в доперестроечные годы) была проведена работа по повышению качества медицинского обслуживания осужденных. В короткий срок он преобразил медчасть зоны до неузнаваемости. Был произведен косметический ремонт помещения. В коридорах стационара была организована художественная галерея, включающая работы осужденных. Были приобретены цветной телевизор и компьютер. В пустующем помещении бывшего архива была оборудована сауна, которой пользовались больные и лица, не имеющие нарушений режима. Была приобретена аппаратура для флюорографии и рентгена. В результате этой работы резко сократилось количество нарушений режима среди осужденных. Количество жалоб осужденных на некачественное медицинское обслуживание сократилось в шесть раз. Жалобы осужденных на работу медперсонала своевременно рассматривались, выявленные недостатки устранялись. Данные результаты были достигнуты без применения репрессий, наказаний, мер принуждения.

В ходе исследования, проведенного сотрудниками кафедры пенитенциарной педагогики и психологии с целью выяснить, является ли образовательный и интеллектуальный уровень фактором противодействия профессиональной деформации у сотрудников пенитенциарных учреждений, обследованию были подвергнуты 100 человек аттестованных и вольнонаемных сотрудников различных подразделений мужской колонии общего режима (4 группы по 25 человек).

В первую группу вошли инженеры предприятия, врачи медицинской части, преподаватели общеобразовательной средней школы ИУ, т. е. лица с высшим образованием, высокими вербальными показателями интеллекта (осведомленность, относительно большой словарный запас, умение обобщать, обладание конструктивными способностями и т. д.). Во вторую – начальники отрядов, воспитательная служба, работники оперативной и режимной служб; в третью – работники штаба, хозяйственной службы; в четвертую – младшие ин-

спекторы, контролеры, мастера цехов предприятий.

В первой группе было зафиксировано лишь два нарушения, не относящихся к злостным, во второй – 6, а в третьей – 13.

В четвертой группе было зафиксировано 96 правонарушений (главным образом принесение в колонию запрещенных предметов). Трое контролеров были привлечены к уголовной ответственности. Следует отметить, что значительная часть правонарушений не была раскрыта. Большинство представителей четвертой группы не имели законченного среднего образования.

На основании этих исследований можно сделать вывод, чем выше уровень образования и интеллекта у работников пенитенциарного учреждения, тем меньше у них выражена профессиональная деформация и дезадаптация: резистентность к лагерному жаргону, широкий круг интересов и интеллектуальных потребностей, хорошая память, высокая ориентация на положительное в осужденном, низкий уровень проявления «раболепия» перед начальством и т. д.

Таким образом, факторами противодействия профессиональной деформации и дезадаптации сотрудников пенитенциарных учреждений являются:

- высокий уровень морали и нравственности работников уголовно-исполнительной системы;
- достаточно высокий образовательный, интеллектуальный и культурный уровень сотрудников пенитенциарных учреждений, который определяет устойчивость к негативным воздействиям тюремной микросреды и вследствие этого – формированию деструктивных изменений личности;
- тщательный психологический отбор кандидатов на все вакансии в ИУ, абитуриентов в образовательные учреждения уголовно-исполнительной системы;
- непрерывная профессиональная учеба и психологическая помощь сотрудникам уголовно-исполнительной системы в процессе службы;
- исполнение руководством ИУ рекомендаций практических психологов по кадровым и другим вопросам, дающим возможность улучшения психологического климата в подразделениях учреждения и в среде спецконтингента.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ

О. А. Морохова,

доцент кафедры иностранных языков

ВЮИ ФСИН России

кандидат педагогических наук, доцент

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ДИСЦИПЛИН В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Высокое качество подготовки сотрудников правоохранительных органов предполагает профессиональное и общекультурное образование. Для специальной юридической подготовки характерно также совмещение разных отраслей знаний социально-гуманитарных дисциплин, в частности, разработка междисциплинарных аспектов в лингвистическом образовании юристов.

«Сомнительна юриспруденция без грамматики...», – утверждал М. В. Ломоносов, которого А. С. Пушкин называл «первым нашим университетом»¹. Сегодня эти слова особенно актуальны. С развитием правового государства, становлением демократических институтов увеличивается роль документации, включенной в различные юридические сферы. Законодательные акты, протоколы, служебные постановления, тексты договоров, контрактов, заключений, служебная переписка, ходатайства, жалобы часто используются в профессиональной деятельности и требуют высокой культуры их составления, понимания и исполнения. Проблемы, связанные с языковым оформлением юридических документов, касаются всех ступеней правоприменительной деятельности: от законодательных актов до оформления процессуальных документов.

Разработкой проблем взаимосвязи лингвистики и юриспруденции занимаются такие отечественные ученые, как Н. Н. Ивакина, Н. Д. Голев, М. Б. Кострова, С. А. Яшков, Г. Е. Слепко, Т. С. Масловская, А. С. Пиголкин² и др. На основе научных исследований в настоящее время интенсивно разрабатываются междисциплинарные курсы: «Профессиональная речь юристов», «Профессиональный русский язык», «Юридическая риторика», «Судебное красноречие», «Язык и право: словесность в юриспруденции», «Судебное протоколирование как вид юридического письма», «Язык и стиль процессуальных документов», «Лингвистические проблемы юридической терминологии», «Стилистика юридических документов и устных выступлений», «Юридическая техника (лингвистический аспект)», «Деловые бумаги и процессуальные документы», «Судебная лингвистика»³.

Один из способов реализации междисциплинарного подхода при подготовке сотрудников правоохранительных органов в ВЮИ ФСИН России – введение междисциплинарного спецкурса «Языковое оформление юридических документов».

В собственно профессиональной деятельности – процессе создания, обоснования и применения правовых норм – юрист работает как с устными, так и письменными текстами. Сам процесс применения права предполагает подготовку и оформление разного рода юридических текстов, в том числе документов, подчиняющихся определенным правовым и языковым требованиям. Можно выделить два уровня работы с текстом – языковой и структурно-логический. Такие «идеальные» качества, как

² Голев Н. Д. Постановка проблем на стыке языка и права // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул. 1999. С. 4–11; Губаева Т. В. Словесность в юриспруденции. Казань, 1995; Ивакина Н. Н. Русский язык российского права // Рос. юстиция. 2000. № 7. С. 12–20; Кострова М. Б. Язык уголовного закона: научное наследие М. Д. Шаргородского и современность // Правоведение. 2004. № 3. С. 29–43; Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990.

³ Юрислингвистика-4: Юрико-лингвистические дисциплины на юридических, филологических и журналистских факультетах российских вузов: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, 2002.

¹ Ария С. Язык и стиль процессуальных документов // Рос. юстиция. 2002. № 7. С. 59–61.

культура речи, смысловая точность и цельность, последовательность и простота изложения, композиционная четкость, соотносятся со всеми видами юридических текстов. Необходимо отметить, что в практике юриста встречаются тексты, имеющие жесткую формальную регламентацию (справка, акт), но есть и такие, которые отличаются более свободной формой. Ко всем юридическим документам применимо такое понятие, как эстетика деловых бумаг. Это понятие характеризует документы, которые отличаются доказательностью позиции, строгой логикой изложения и высокой гармоничностью текста.

Текст любого юридического документа должен представлять собой единство планов содержания и выражения. При подготовке юридического документа, его редакционной обработке необходимо стремиться к точному выбору лингвостилистических средств с учетом функциональной и типологической специфики документа, особенностей его содержания, целевого назначения. Неточный выбор слова, грамматической формы, неудачное синтаксическое оформление речи могут исказить смысл юридического документа, затруднить его восприятие и применение. Многообразие жанров юридических документов раскрывает различные нюансы и тонкости, которые еще детально не изучены в научной литературе и требуют пристального внимания.

Один из жанров юридического документа – язык закона. Система государственных требований к языку закона является существенной гарантией его качества. Язык нормативного акта должен быть понятен и общеупотребителен, в то же время ему необходимо быть четким, ясным и кратким. Логичность текста закона достигается через ясность языка, т. е. он должен быть настолько прост, чтобы каждый гражданин мог точно и правильно понять права и обязанности, содержащиеся в правовой норме, общий смысл правового предписания и иметь четкую установку на его выполнение. Однако возникает опасность излишнего упрощения правового языка, которая может привести к его вульгаризации, стать помехой правильного словесного выражения некоторых тонкостей законодательной регламентации. Доступность языка можно выразить через два основных критерия:

1. Каждый должен точно и правильно понимать свои права и обязанности, которые порождает закон;

2. Общий смысл юридического предписания в связи с его предназначением в системе социальных норм должен быть понятен каждому.

Лаконизм – еще одно основное требование к языку законодателя. Закон должен иметь строгое нормативное содержание, так как его цель – разработка нормативных предписаний, определяющих поведение людей. Юридический язык не терпит словесных повторений, усложненных оборотов, излишних эпитетов. Вместе с тем лаконизм предписания не должен идти в разрез с полнотой отражения государственной воли, что достигается через использование понятийного аппарата.

Требование точности языка заключается в наиболее полном и правильном отражении сути правового предписания. Точность предполагает стилистическую и грамматическую верность юридического языка, правильное употребление слов и связь между ними.

Для наиболее четкого представления о совершенном юридическом языке следует обратиться к дефиниции самих правовых определений, составляющих его основу. Правовые определения должны адекватно отражать сущность определяемого явления. Это обуславливает ценность обобщения под нормативно-правовым углом зрения¹. Сложность заключается в том, что абсолютно все признаки изучаемого явления охватить, как правило, невозможно, а вырабатываемое правовое определение должно быть правильным, т. е. не расходиться с объективной действительностью, оптимально и полно ее отражать.

Для повышения качества подготовки законодательных документов в 1994 г. был создан отдел лингвистической экспертизы законопроектов Правового управления Ап-

¹ См.: Александров А. С. О методологических следствиях, вызываемых терминологическими причинами (из опыта прочтения УПК РФ) // Правоведение. 2005. № 5. С. 6–18; Рогачевский Л. А. О названии действующего Федерального закона об адвокатуре (к вопросу о законодательной технике) // Правоведение. 2004. № 4. С. 21–27; Яшков С. А. Соотношение понятий «информация», «сообщения», «сведения» и «данные» в УК РФ // Правоведение. 2004. № 2. С. 91–96.

парата Государственной Думы РФ, который проводит лингвистическую экспертизу проектов федеральных законов, постановлений, заявлений, обращений, принимаемых Государственной Думой. В 2001 г. была утверждена и зарегистрирована в Министерстве юстиции РФ Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС).

При составлении процессуальных документов следует также обращать внимание на стиль изложения. Во-первых, необходимо избегать сложных фраз с деепричастными и причастными оборотами, длинной цепью придаточных предложений. В идеале текст процессуального документа должен состоять из коротких рубленых фраз.

Во-вторых, изложение должно складываться из логически последовательных разделов, каждый из которых завершается четким выводом. Следует избегать неясных по развитию доводов изложения, повторов, пространных рассуждений, лишаящих текст конкретности и четкости.

В-третьих, в документе должны излагаться только юридически значимые соображения, в частности, если составляется жалоба на судебное решение, анализ дела должен быть ограничен мотивами этого решения. Анализировать иные обстоятельства дела нет необходимости. Однако в этих документах необходимо затрагивать не только правовые категории, но и нравственные категории, так как ни одно судебное решение не может противоречить общественной морали и здравому смыслу.

В-четвертых, следует придерживаться спокойного тона. В деловом процессуальном документе не допускаются эмоциональные всплески. Любые вызывающие возражение мотивы судебного или следственного акта, даже наиболее возмутительные, абсурдные, должны анализироваться доказательно, спокойным и рассудительным тоном. Не рекомендуется использовать в процессуальных документах, например, усилительное слово «абсолютно», хотя применяется оно часто. При характеристике процессуальных нарушений не рекомендуется использовать такие прилагательные, как «грубый», «грубейший», в большинстве случаев следует смягчить оценку, на-

пример, «существенные, привлекающие внимание». В деловых текстах уместно употреблять такие смягчающие выражения, как «по мнению защиты», «представляется, что», а также негативные оценки – «нехарактерно», «недостаточно убедительно».

Протокол судебного заседания как один из жанров юридических документов порождает целый ряд специфических вопросов: в каком виде должен входить естественный язык в юридический документ¹; каковы взаимоотношения естественных и юридических текстов; где проходит граница между переводом устной речи в письменную и искажением смысла при передаче чужой речи; каковы его механизмы. Если вопросы процессуального содержания протокола рассматриваются в нормативных актах и научной литературе, то язык протокола до сих пор остается неизученным.

Разработка различных аспектов юридического языка актуальна сегодня и при преподавании иностранного языка – одного из этапов языкового образования юристов. В настоящее время значительно расширился круг международного общения России, что выразилось в подписании и ратификации целой серии важнейших международно-правовых документов. В связи с этим сопоставление юридических терминосистем в иностранном и русском языках, анализ тематических групп юридических терминов, их сходства и различия в русском и иностранном языках, выяснение причин такого сходства и различия, изучение интернациональных терминосистем международного права, документов ООН и Совета Европы – необходимый междисциплинарный аспект профессиональной подготовки юристов.

Таким образом, разработка прикладных аспектов на стыке языка и права – актуальная задача современного лингвистического образования юристов, так как юридические документы в правовом государстве получают широкое распространение и становятся неотъемлемым элементом речевой культуры общества.

¹ См.: Татарникова Н. М. Юридический протокол как вторичный речевой жанр // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, 2000. С. 44–48.

Н. А. Ешкилева,
*преподаватель кафедры экономических
и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НЕОБХОДИМОСТИ
ПРЕПОДАВАНИЯ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
«КОММЕРЧЕСКОЕ ПРАВО» В ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ**

Коммерческое право – учебная дисциплина, преподавание которой возобновлено в России после длительного перерыва в начале 90-х гг. XX в. в связи с изменением экономического строя и возникшей необходимостью построения в России рыночных отношений. В настоящее время изучение коммерческого права предусмотрено во всех юридических вузах и юридических факультетах, в том числе и в образовательных учреждениях высшего профессионального образования ФСИН России (входит в состав общепрофессиональных дисциплин).

Выделение коммерческого права как структурной части гражданского является оправданным, так как в самостоятельный раздел выделены интенсивно развивающиеся и часто меняющиеся нормы, правовое регулирование коммерческой деятельности нуждается как в частноправовом, так и публично-правовом воздействии, которое выходит за рамки гражданского права.

Системы курсов коммерческого и гражданского права сходны между собой. Данное сходство объясняется концептуальным подходом к пониманию коммерческого права как функциональной подотрасли гражданского права. Различие предопределено комплексным характером курса коммерческого права, включающего материал публично-правового характера. Таким образом, курс коммерческого права – это второй этап изучения права, базирующийся на знаниях, полученных студентами при изучении основных отраслевых правовых дисциплин: гражданского, административного, уголовного, предпринимательского, финансового права и т. д.

Коммерческое право выделено в отдельную учебную дисциплину для удобства изучения. Целью данного учебного курса является приобретение знаний в области правового обеспечения коммерческой дея-

тельности. Главными задачами учебного курса являются: усвоение предмета, методов, системы и источников коммерческого права; характеристика субъектов и объектов коммерческой деятельности, выявление способов защиты прав участников торговой деятельности и их ответственности за те или иные нарушения и др.

Специализация выпускников юридических факультетов и юридических вузов ФСИН России – уголовно-правовая. В связи с этим необходимо таким образом построить процесс обучения коммерческому праву, чтобы знания и умения, полученные в рамках данной учебной дисциплины, пригодились будущим работникам пенитенциарной системы в их практической работе.

Коммерческое право относится не только к коммерсантам или предпринимателям. Новые законы, регулирующие экономику, в конечном счете отражаются на потребителях. Кроме того, содержание коммерческой деятельности в настоящее время включает деятельность производителей по сбыту произведенного ими товара, деятельность торговых посредников, а также потребителей – юридических и физических лиц – по приобретению товара для предпринимательской деятельности или хозяйственных нужд, не связанных с личным, домашним, семейным и иным подобного рода использованием. Для сравнения: в дореволюционном торговом праве коммерческая деятельность рассматривалась исключительно как деятельность торговых посредников, и только они считались субъектами этой деятельности. Таким образом, любой орган или учреждение ФСИН России является субъектом коммерческой деятельности, по крайней мере как потребитель, а следовательно, вопросы правового регулирования данной деятельности необходимо изучать будущим юристам уголовно-исполнительной системы.

На наш взгляд, данную учебную дисциплину необходимо преподавать в высших учебных заведениях ФСИН России.

Во-первых, она позволяет углубленно изучить соответствующие правовые явления, прежде всего цивилистического характера в рамках современного торгового оборота, обновить гражданско-правовые представления студентов, вывести их на новый уровень. Следует заметить, что основное требование к

юристу предъявляется на конкретное знание, умение правовыми средствами решать практические проблемы.

Во-вторых, необходимо отметить прикладной характер знаний, полученных в процессе изучения коммерческого права, так как в учреждениях ФСИН России созданы и функционируют государственные унитарные предприятия, которые являются коммерческими структурами и конкурируют на рынке с гражданскими коммерческими и некоммерческими организациями, руководствуются в своей деятельности теми же правилами и законами, что и гражданские организации. Наиболее востребованы полученные знания и умения будут для будущих сотрудников юридических отделов учреждений и органов ФСИН России, а также отделов маркетинга и сбыта.

В-третьих, сложность современного законодательства о коммерческой деятельности, его известная подвижность и относительно небольшой объем аудиторных занятий требуют не простой передачи обучающимся адекватной информации о правовом регулировании коммерческой деятельности, а использования информационно-аналитического подхода. Это необходимо для того, чтобы сформировать у обучающихся навыки самостоятельного анализа правовых явлений.

В-четвертых, особое внимание необходимо уделять взаимодействию теории и практики. Будущие юристы должны иметь четкое представление о документах, составляемых при совершении торговых операций, уметь считать неустойку, ориентироваться в договорном праве, уметь правильно составлять договоры и т. д. В связи с этим на занятиях часто применяется такое задание, как составление проекта коммерческого договора, спецификаций и протокола согласования разногласий к договору поставки. Кроме того, три темы курса посвящены рассмотрению различных моделей коммерческих договоров, что имеет непосредственное практическое значение для уголовно-исполнительной системы. Государственные унитарные предприятия учреждений ФСИН России производят продукцию и занимаются ее сбытом, а также закупают продукцию для своих хозяйственных нужд, т. е. заключение коммерческих договоров является неотъемлемой ча-

стью деятельности таких предприятий. Анализ сведений о выполнении договорных обязательств государственными унитарными предприятиями учреждений уголовно-исполнительной системы по Владимирской области за 2004–2006 гг. свидетельствует о том, что в ходе своей деятельности предприятия заключают различные договоры, например, договоры поставки, а также договоры поставки для государственных и муниципальных нужд, договоры страхования, перевозки, комиссии, договоры на оказание услуг, размещение рекламы.

Отдельная тема учебного курса посвящена вопросам ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение коммерческих договоров. К наиболее частым нарушениям договорных обязательств относятся ненадлежащее качество переданных товаров, срывы поставок и просрочка передачи товара, нарушение обязательств по расчетам. Следует отметить, что знание различных мер ответственности и умение правильно предусмотреть эти меры при составлении договора – задача юриста-профессионала. Как уже отмечалось, учреждения и органы ФСИН России заключают различные виды коммерческих договоров, поэтому нередко сталкиваются с проблемами ответственности. Именно меры гражданско-правовой ответственности призваны восстановить справедливость. В связи с этим юристам ФСИН России достаточно часто приходится обращаться с исками в суд с целью решения вопроса о возмещении учреждениям ФСИН России убытков, нанесенных недобросовестными партнерами. Вопросы ответственности наряду с нормативными актами федерального уровня регулируются ведомственными приказами. Например, при составлении договора сотрудникам юридических служб исправительных учреждений УФСИН России по Владимирской области рекомендуется первоначально уменьшить либо исключить полностью условия об ответственности подразделений уголовно-исполнительной системы за просрочку платежа.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о необходимости преподавания учебной дисциплины «Коммерческое право» в вузах ФСИН России, так как приобретенные теоретические знания, а также

практические умения и навыки являются важной составляющей в системе юридических знаний выпускников, а также будут востребованы в будущей профессиональной деятельности в учреждениях и органах ФСИН России. Производственный сектор уголовно-исполнительной системы нахо-

Д. А. Баландин,
*начальник кафедры экономических
и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ
УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «РОССИЙСКОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО»
И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

В настоящее время необходимо обеспечение высокого качества подготовки кадров для Федеральной службы исполнения наказаний России и МВД России.

Особую актуальность приобрела проблема обучения предпринимательскому праву курсантов и слушателей, которые являются будущими или уже действующими сотрудниками правоохранительных органов.

В связи с этим в ВЮИ ФСИН России уже третий год осуществляется преподавание такой учебной дисциплины, как «Российское предпринимательское право».

Следует отметить, что знания и умения, полученные курсантами и слушателями по данной учебной дисциплине, могут быть использованы ими в служебной деятельности уголовно-исполнительной системы (УИС) и органов внутренних дел, в частности:

- при обеспечении правовой и организационной составляющей производственно-хозяйственной деятельности исправительных учреждений УИС, которой в последнее время уделяется большое внимание;
- экономической безопасности объектов УИС;
- в процессе предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики.

Последнее направление особенно актуально, так как, например, по данным статистики, в 1995 г. в России правоохранительными органами было выявлено 211 тыс. 826

преступлений экономической направленности, в 2005 г. – 437 тыс. 719 (т. е. в два раза больше). Размер причиненного материального ущерба на момент возбуждения уголовного дела от данного рода преступлений в 2005 г. составил более 1 трлн 399 млрд руб.¹

Анализ структуры МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ выявил шесть подразделений, где сотрудники-выпускники в своей деятельности используют знания по предпринимательскому праву. В структуре криминальной милиции это управления по борьбе с экономическими, налоговыми преступлениями, организованной преступностью (в последнем случае имеется в виду отдел данного управления, сотрудники которого ведут борьбу с организованной преступностью, действующей в сфере экономики).

В структуре милиции общественной безопасности это отдел по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка и исполнения административного законодательства. В структуре следственного управления также существует отдел по расследованию преступлений экономической направленности. Кроме того, в структуре министерств и управлений существует отдел материально-технического и хозяйственного обеспечения.

Таким образом, спектр подразделений МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ, где могут быть использованы знания, полученные в процессе изучения данной учебной дисциплины, достаточно широк.

Так, 72 % опрошенных курсантов 3 курса ВЮИ ФСИН России указали на востребованность полученных ими знаний в дальнейшей практической деятельности, 15,5 % опрошенных курсантов затруднились ответить. При этом 94 % респондентов оценили высокое качество проводимых лекций.

¹ См.: Данные ГИЦ МВД России за 1995 г., 2005 г.

При рассмотрении проблем преподавания предпринимательского права необходимо отметить следующее.

В настоящее время на изучение курса учебной дисциплины отводится 40 аудиторных часов, из которых 18 – лекции, остальные часы предусмотрены на проведение семинаров, практических занятий, тестов. Формой итогового контроля является зачет. В рамках дисциплины рассматриваются следующие темы: понятие предпринимательского права, субъекты предпринимательского права; правовой режим имущества; правовые основы несостоятельности (банкротства), конкуренции; рекламы; государственное воздействие на предпринимательство; предпринимательские договоры; ответственность предпринимателей. С 2007/2008 учебного года количество аудиторных часов, отводимых на изучение данной дисциплины, увеличилось до 50, в связи с этим появилась возможность дополнительно включить еще две темы.

Однако этого увеличения аудиторных часов недостаточно для изучения данной дисциплины.

Проведенное анкетирование показало, что данная проблема актуальна также для студентов факультета внебюджетного образования, обучающихся по гражданско-правовой специализации. Так, отдельные группы обучающихся изучают предпринимательское право всего лишь 8 аудиторных часов, состоящих только из лекций, отсутствуют семинары, практические занятия, деловые игры, тестирование.

Сложившаяся ситуация проведения учебных занятий сказывается на качестве подготовки обучающихся. Решить вышеназванную проблему возможно путем перераспределения количества часов по дисциплинам, предусмотренным рабочим учебным планом.

Библиотека ВЮИ ФСИН России обеспечивает обучающихся необходимой учебной, научной литературой, а также соответствующими нормативными правовыми актами по данной дисциплине.

Следует отметить, что вследствие недостаточности или несвоевременности финансирования библиотечный фонд института по рассматриваемой учебной дисциплине является недостаточным и устаревшим. Так как в связи с быстро изменяющимся зако-

нодательством, регулирующим отношения в сфере предпринимательства, учебники, изданные даже в 2006 г., по отдельным темам уже устарели (например, «Правовое обеспечение конкуренции и ограничения монополистической деятельности», «Правовое регулирование рекламы»). В дальнейшем эта проблема сохранится.

На наш взгляд, ее решение заключается в увеличении финансирования на приобретение учебной и научной литературы, в том числе представленной в электронной форме, а также расширении возможности доступа обучающихся к таким электронным правовым системам, как «Консультант-Плюс», «ГАРАНТ» и т. п.

Как уже отмечалось, современное российское законодательство, регулирующее отношения в сфере предпринимательства, характеризуется значительной динамичностью. В связи с этим преподавательский состав вынужден ежедневно отслеживать соответствующие изменения в законодательной и подзаконной нормативной правовой базе и ежегодно (иногда чаще) перерабатывать лекционный и иной учебно-методический материал (рабочие программы учебной дисциплины, планы проведения семинарских занятий, методические разработки для проведения практических занятий, тесты и т. д.).

В связи с предстоящим вступлением России во Всемирную торговую организацию ожидаются существенные изменения законодательства, регулирующего отношения в сфере предпринимательства, в 2007–2008 гг.

Снижение методической и технической нагрузки на преподавателей и кафедру, связанной с динамичностью законодательства в сфере предпринимательства, заключается в предоставлении отдельных учебно-методических материалов в электронной форме в общую библиотеку и компьютерные классы института. Таким образом можно избежать прохождения материалов через редакционно-издательский отдел института. Данный этап занимает в среднем 6–12 месяцев, что для преподавателей таких юридических учебных дисциплин, как «Российское предпринимательское право», «Коммерческое право», «Финансовое право», «Налоговое право», в настоящее время непозволительно долго.

Анализ проведенного среди курсантов исследования относительно видения про-

блем, препятствующих полноценному получению знаний по учебной дисциплине, позволяет сделать следующие выводы:

1) недостаточное количество часов, предусмотренных для изучения учебной дисциплины;

2) динамично изменяющееся законодательство, регулирующее отношения в сфере предпринимательства;

3) значительный объем материала;

4) недостаточность библиотечного фонда института;

5) недостаточный доступ к электронным правовым системам «КонсультантПлюс», «ГАРАНТ» и т. п.

А. А. Ершов,

преподаватель кафедры специальной техники и информационных технологий ВЮИ ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ФСИН РОССИИ

Проблема формирования информационной культуры курсантов и слушателей в высших учебных заведениях ФСИН России в последние годы приобретает особую значимость. Это связано с изменениями в характере будущей деятельности выпускников, вызванными реформированием уголовно-исполнительной системы (УИС), качественными и количественными изменениями преступности в стране. Сотруднику УИС необходимо уметь и грамотно работать с большим потоком информации: вести различного рода учеты, находить информацию в базах данных, анализировать ее. Все это необходимо учитывать при подготовке профессиональных кадров для УИС. В Концепции совершенствования образовательной политики уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации на 2004–2006 гг. отмечается, что «образовательная политика УИС, осуществляемая в условиях перехода к постиндустриальному, **информационному** обществу, должна быть направлена на развитие

Для решения обозначенных проблем, по нашему мнению, требуются консолидированные усилия преподавателей и представителей ряда структурных подразделений института (учебного и финансово-экономического отделов, курсов, библиотеки, отдела технических средств обучения и т. д.).

Подводя итог вышесказанному, представляется возможным заключить, что преподавание учебной дисциплины «Российское предпринимательское право» в современной ситуации является актуальным и необходимым условием подготовки квалифицированных юристов как уголовно-правовой, так и гражданско-правовой специализации.

*у своего сотрудника таких личностно-профессиональных качеств, как профессиональная мобильность, креативность, способность самостоятельно принимать управленческие решения в экстремальных, нестандартных ситуациях»¹. Развитие этих качеств у курсантов и слушателей было бы невозможно, если бы они не могли умело пользоваться компьютером и не обладали определенным потенциалом **информационной культуры**. Для этих целей «необходимо не просто включение образовательных учреждений в Интернет и локальные информационные сети, а создание автоматизированных рабочих мест преподавателей и обучающихся в библиотеках вузов... в учебно-методических кабинетах кафедр»².*

В Концепции воспитания работников уголовно-исполнительной системы на 2006–2010 гг. отмечается: «Главный ориентир развития и реформирования уголовно-исполнительной системы – работник УИС, его самореализация в профессиональной деятельности»³. Самореализация будет неполной, если работник УИС не будет обладать необходимым, соответствующим современным условиям уровнем информационной культуры.

¹ Концепция совершенствования образовательной политики уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации на 2004–2006 годы. С. 2.

² Там же. С. 7.

³ Концепция воспитания работников уголовно-исполнительной системы ФСИН России на 2006–2010 годы. С. 2.

В процессе профессиональной деятельности сотрудники УИС сталкиваются с большим объемом информации, представленной из различных источников в разных форматах, имеют дело с компьютеризированными рабочими местами, подготавливают электронные документы и с помощью распределенных информационно-вычислительных сетей организуют служебный электронный документооборот. Причем с каждым годом удельный вес использования компьютерной техники и объем информации возрастают. Поэтому важным становится процесс формирования информационной культуры будущих сотрудников УИС, который позволил бы повысить качество выполнения ими служебных обязанностей в процессе профессиональной деятельности.

Сегодня в нашей стране отсутствует целостная государственная концепция информационного образования и формирования информационной культуры. Информационная культура в последнее время преимущественно ассоциируется с технико-технологическими аспектами информатизации, овладением навыками работы на персональном компьютере. Преобладает монодисциплинарный подход, в результате которого формирование информационной культуры сводится к обучению основам информатики, ликвидации компьютерной безграмотности, овладению рациональными приемами работы с электронными документами и т. п. Каждое из этих направлений само по себе не вызывает сомнений, однако они имеют локальный характер и не способны решить проблемы в целом – формирование информационной культуры как целостного явления, в котором интегрируются все эти, а также целый ряд иных, дополнительных направлений. Ситуация усугубляется отсутствием специально подготовленных педагогических кадров и необходимой учебно-методической литературы.

Уровень развития информационной культуры обучающихся зависит не только от качества знаний, умений и навыков работы с информацией, но и от психологической и профессиональной готовности преподавателя к работе с информационно-технологическими средствами.

Для формирования информационной культуры будущих специалистов УИС должны соблюдаться следующие условия:

1. Соответствие содержания учебных планов и программ тенденциям развития информационных технологий в конкретных предметных областях.

2. Внедрение новых информационных технологий в профессиональную подготовку и переподготовку кадров УИС.

3. Практическая направленность на профессиональное обучение и переподготовку кадров УИС.

4. Высокий уровень профессиональной подготовки преподавателей-специалистов в области информационных и компьютерных технологий.

5. Наличие современной технической (компьютерной) базы.

Эти условия были учтены при разработке концептуальных основ курса «Информационные технологии правовой деятельности» во Владимирском юридическом институте.

Более подробно остановимся на каждом из условий.

За последние несколько лет технический прогресс в области высоких технологий привел к лавинообразному внедрению компьютерной техники практически во все сферы деятельности современного государства: начиная от мелких фирм, и заканчивая крупными корпорациями и государственными учреждениями, что, в свою очередь, ускорило процесс информатизации общества, интеграции государства в единое мировое информационное пространство, всемирную компьютерную сеть. В результате этого компьютерные аппаратные комплекты становятся все более и более доступными из-за низкой и постоянно снижающейся стоимости, поэтому очень быстро устаревают и заменяются на новые, более перспективные и производительные. В то же время программное обеспечение не отстает и развивается, подстраиваясь под новое компьютерное оборудование, нередко существенно изменяясь при этом. Поэтому важно следить за тенденциями развития как программного, так и аппаратного обеспечения в конкретных областях и приводить содержание учебных планов и программ в соот-

ветствие с развитием новых информационных технологий.

Становление информационного общества потребовало обеспечения адекватности образования динамичным изменениям, происходящим в природе и обществе, всей окружающей человека среде, возросшему объему информации, стремительному развитию информационных технологий. При этом выдвигаются на первый план новые производственные и социальные информационные технологии, владение которыми позволяет получить информацию нового качества о состоянии объекта, процесса или явления. Поэтому в процессе формирования информационной культуры курсантов и слушателей вузов ФСИН России внедрение новых информационных технологий позволит на более качественном уровне применять современные средства автоматизации в профессиональной деятельности.

Использование компьютерной техники в процессе обучения и применение новых апробированных информационных технологий позволит существенным образом повысить качество подготовки курсантов и слушателей. Особое внимание необходимо уделять овладению средствами информатики и вычислительной техники, так как

уже ни одно учреждение на данный момент не обходится без использования средств вычислительной техники.

Одним из условий формирования информационной культуры обучающихся (курсантов и слушателей) является высокий уровень профессиональной подготовки преподавателей. Они должны профессионально владеть современными компьютерными технологиями и своими знаниями, умениями, навыками в этой области, способствовать формированию информационной культуры обучающихся.

Технический прогресс современного общества требует практически каждые два года менять компьютерный парк на новый, более усовершенствованный, в силу быстрого устаревания предыдущего. Это, в свою очередь, вызывает определенные трудности в финансовом обеспечении учебного процесса, а иногда даже невозможности осуществления этого из-за отсутствия финансовой поддержки учебного процесса с использованием современной технической (компьютерной) базы. Поэтому очень важно применять и динамически адаптировать старую техническую базу к современным потребностям использования информационных технологий в образовательном процессе вуза.

В. А. Советов,

*ученый секретарь Ученого совета
ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук*

ТВОРЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Формы, способы и сферы проявления творческих начал в педагогической деятельности неразрывно связаны с формированием педагогической культуры. Анализ специальной литературы позволяет представить феномен педагогической культуры как интегральное качество личности педагога-профессионала, как обобщенный показатель профессиональной компетентности преподавателя, как цель профессионального самосовершенствования, а также

как условие и предпосылку эффективной педагогической деятельности.

Формирование педагогической культуры преподавателя высшей школы предполагает овладение педагогическими инновациями, способами организации учебной, научной деятельности обучающихся, технологией педагогического общения. Все это придает особую значимость профессионально-педагогическим знаниям, их осмысленному отбору, оценке, построению на их основе концептуальной схемы собственной деятельности. Известно, что научные педагогические знания представляют собой определенным образом упорядоченную и организованную систему, представленную в виде педагогических теорий. В этой связи овладение преподавателем не одной, а несколькими разработанными и действующими теориями, содержащими фундаментальные психолого-педагогичес-

кие знания, создает реальную почву для творчества, альтернативности в организации целостного педагогического процесса.

Современная инновационная стратегия учебно-воспитательного процесса существенно повышает роль преподавателя вуза как непосредственного носителя новаторских процессов, его инновационная деятельность становится обязательным компонентом личной педагогической системы. Процесс формирования педагогической культуры преподавателя высшей школы будет тем эффективнее, чем больше он направлен на создание инновационной среды в вузе, на факультетах и кафедрах, стимулирующей постоянный поиск новых приемов и способов профессиональной деятельности. Следует признать, что при всем многообразии технологий обучения (диалогических, компьютерных, проблемных, модульных и др.) реализация основных педагогических функций все равно остается за преподавателем. С внедрением в учебно-воспитательный процесс современных технических средств обучения преподаватель высшей школы все более осваивает функции консультанта, советчика, воспитателя, менеджера. Это требует от него специальной педагогической подготовки, так как в профессиональной деятельности реализуются не только узкоспециальные, предметные знания, но и знания в области педагогики и психологии, технологии обучения и воспитания. На этой базе формируется готовность к восприятию педагогических инноваций, их оценке и реализации.

Инновация как средство и процесс предполагает введение чего-либо нового. Само понятие «инновация» означает новшество, новизну, изменение. Применительно к педагогическим процессам – это введение нового в цели, содержание, методы и формы обучения и воспитания, организацию совместной деятельности преподавателей и слушателей. Необходимость в инновационной направленности педагогической деятельности преподавателя вуза в современных условиях определяется рядом обстоятельств.

Во-первых, социально-экономические преобразования в обществе обусловили необходимость коренного обновления системы образования, технологии, методологии и организации педагогического процесса в

учебных заведениях различного типа. Таким образом, инновационная направленность выступает как средство обновления политики в сфере подготовки кадров высшей квалификации.

Во-вторых, создание новых типов учебных заведений, в том числе и негосударственных, вхождение высших учебных заведений в рыночные отношения придают особую роль такому качеству, как конкурентоспособность. Это относится не только к вузам в целом, но и к профессорам и преподавателям, в частности. Когда обучающийся имеет возможность выбора альтернативного учебного курса, то преподавателю отнюдь не безразлично, какому курсу, а следовательно, и какому преподавателю он отдаст свое предпочтение.

В-третьих, в условиях жесткой регламентации содержания учебно-воспитательного процесса преподаватель был ограничен не только в самостоятельном выборе новых курсов, дисциплин, но и в использовании приемов и способов педагогической деятельности. Если раньше инновационная деятельность сводилась к использованию рекомендованных сверху нововведений, то сейчас она приобретает все более избирательный исследовательский характер. Иными словами, происходит изменение отношения преподавателей к самому факту освоения и применения педагогических новшеств. Именно поэтому важным направлением в работе руководителей факультетов и кафедр становятся анализ и оценка предлагаемых преподавателями педагогических инноваций, создание условий для их успешной разработки и применения.

В-четвертых, непрерывное изменение объема, состава учебных дисциплин, введение новых специальностей и специализаций, усиление гуманитаризации содержания высшего образования требуют постоянного поиска новых технологий обучения и организационных форм. В этой связи роль педагогического знания и педагогического творчества в преподавательской среде существенно возрастает.

Современные психолого-педагогические исследования позволяют выделить следующие компоненты профессионально-педагогической культуры: аксиологический, технологический и творческий.

Аксиологический компонент профессионально-педагогической культуры образован совокупностью педагогических ценностей, созданных человечеством и включенных в целостный педагогический процесс вуза. В процессе профессиональной деятельности преподаватели овладевают концепциями и идеями, приобретают знания и умения, составляющие гуманистическую технологию педагогической деятельности, и в зависимости от степени практического приложения они оценивают их как более или менее значимые. В качестве педагогических ценностей здесь выступают знания, идеи, концепции, имеющие в настоящий момент большую значимость для общества и отдельной педагогической системы. Можно с уверенностью утверждать, что вся история высшей школы и педагогической мысли – это процесс постоянной оценки, переосмысления, установления ценностей, переноса известных идей и педагогических технологий в новые условия. Поэтому непреложным компонентом педагогической культуры преподавателя является умение в старом, давно известном увидеть новое, по достоинству его оценить.

Технологический компонент профессионально-педагогической культуры включает в себя приемы и способы педагогической деятельности преподавателя. Не вызывает сомнений тот факт, что педагогическая деятельность технологична по своей природе. Категория «педагогическая технология» раскрывает исторически меняющиеся приемы и способы, объясняет направленность деятельности в зависимости от складывающихся в обществе отношений, т. е. помогает понять суть педагогической культуры.

Творческий компонент профессионально-педагогической культуры раскрывает механизм овладения ею как творческий акт. Творчество органически присуще педагогической деятельности. Личность, осваивая ценности педагогической культуры, способна интерпретировать, преобразовывать их, что определяется как характером его научно-педагогической деятельности, так и личностными особенностями преподавателя.

Творческий характер педагогической деятельности вызывает сложный синтез всех психических сфер личности преподавателя (познавательной, эмоциональной, волевой и мотивационной). Личностный смысл про-

фессиональной деятельности требует от него способности регулировать свое поведение в соответствии с возникшими и специально поставленными педагогическими задачами, высокой степени активности.

Таким образом, становится очевидным, что педагогическая культура является сферой творческого приложения и реализации педагогических способностей личности. Творческую личность характеризуют такие черты, как готовность к риску, независимость и критичность суждений, самобытность, смелость воображения и мысли, чувство юмора и др. Указанные качества раскрывают особенности действительно свободной, самостоятельной и активной личности. Сегодня под понятием «творческая личность» понимается такой тип личности, для которого характерна устойчивая, высокого уровня направленность на творчество, мотивационно-творческая активность, которая позволяет ей достигнуть в одном или нескольких видах деятельности социально и лично значимых творческих результатов.

Специфика педагогического творчества преподавателя вуза состоит в том, что объектом и одновременно субъектом его профессиональной деятельности является личность обучающегося, будущего профессионала. Как показывает практика, все другие виды творческой деятельности уступают педагогическому творчеству по своей ответственности и сложности именно в силу того, что в процессе педагогической деятельности происходит становление личности специалиста.

В силу специфики своей профессиональной деятельности преподаватель высшей школы, как правило, сочетает педагогическое и научное творчество. Бесспорно, характер научной деятельности, логика решения научных задач детерминируют алгоритм решения задач педагогических. Вместе с тем, как показывают исследования, схема творческого процесса в педагогике в общем виде соответствует структуре творчества, вскрытой эвристикой. Однако если в содержательном плане факт соответствия установлен, то в процессуальном отношении педагогическое творчество имеет ряд существенных особенностей.

Во-первых, отсроченность результатов творческих поисков педагога, которые воплощаются в деятельности и поведении бу-

дущих специалистов, их знаниях, умениях, навыках и оцениваются лишь частично и относительно. В связи с этим они не могут служить обоснованием решения на каждом новом этапе педагогической деятельности. Как правило, в иных сферах результаты деятельности материализуются сразу же и могут быть соотнесены с поставленной целью. Только развитые рефлексивные, аналитические, прогностические и другие способности преподавателя позволяют ему, основываясь на частичных, порой сиюминутных результатах, прогнозировать свою профессионально-педагогическую деятельность, предвидеть возможные трудности.

Во-вторых, педагогическое творчество более регламентировано во времени. Основные этапы творческого процесса – возникновение педагогического замысла, его разработка и реализация – между собой жестко связаны во времени, требуют оперативного перехода от одного этапа к другому. Например, если в деятельности художника, писателя, ученого вполне допустимы, а иногда даже необходимы паузы между этапами творческого акта, то в практической деятельности преподавателя они чаще всего неприемлемы. Педагог ограничен аудиторным временем, количеством часов, отводимых на изучение конкретной темы, раздела и т. д. В ходе лекции, семинарского или лабораторного занятия возникают предполагаемые и неожиданные проблемные ситуации, требующие квалифицированного решения и преимущественно незамедлительного.

В-третьих, сотворчество преподавателя с обучающимися в педагогическом процессе, коллегами-преподавателями, основанное на

единстве цели профессиональной деятельности. Нужно признать, что атмосфера творческого поиска в педагогическом и студенческом коллективах выступает мощным стимулирующим фактором. В ходе учебно-воспитательной работы, производственной практики преподаватель вуза как ученый и педагог, специалист в определенной области знаний демонстрирует своим слушателям творческое отношение к профессиональной деятельности, увлеченность ею.

За долгую историю высшей школой накоплен богатый педагогический опыт, который должен быть реализован в конкретной преподавательской и научно-исследовательской деятельности, но, к сожалению, часто остается невостребованным, поскольку у многих преподавателей не сформирована потребность в его изучении и применении, отсутствуют навыки и умения в его отборе и анализе. Практика показывает, что преподаватели вузов часто даже и не задумываются о необходимости и целесообразности анализа собственного педагогического опыта и опыта своих коллег, полагая, что интуиция им подскажет – что предпринять в той или иной педагогической ситуации.

Учитывая данное обстоятельство, на кафедрах вуза целесообразно иметь тематику мини-исследований психолого-педагогического содержания, которые помогут преподавателям более объективно оценить эффективность используемых ими педагогических технологий, творчески подойти к выбору новых, а также по-иному взглянуть на собственную педагогическую деятельность.

Ф. М. Зезюлин,

заместитель начальника

ВЮИ ФСИН России по строевой части

кандидат педагогических наук, профессор

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДВИГАТЕЛЬНЫХ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ КУРСАНТОВ ВО ВРЕМЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Под психолого-педагогическими условиями понимается такая обстановка, когда в тесном взаимодействии представлена совокупность психологических и педагогических факторов, обеспечивающая препода-

вателю возможность организовать продуктивную деятельность курсанта. Эта обстановка может быть создана с учетом физиологии и психологии личности, требований к организации обучения и воспитания.

Изучение и анализ отечественной и зарубежной литературы по данной теме позволяют определить общие и частные психолого-педагогические условия, без создания которых не может быть эффективной работы по формированию специальных двигательных умений и навыков¹.

¹ См., например: *Столяренко А. М.* Общая педагогика: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по пед. спец. М., 2006. 479 с.

К *общим* психолого-педагогическим условиям относятся:

- во-первых, обеспечение единства образовательной, развивающей и воспитывающей задач педагогического процесса;

- во-вторых, педагогически правильное использование дидактических принципов: воспитывающего обучения, сознательности и активности, наглядности, доступности и научности, систематичности, последовательности и прочности;

- в-третьих, динамичность и разнообразие методов, приемов и средств обучения, их направленность на физическое обучение, ориентирование курсантов на самоорганизацию и саморазвитие в образовательном процессе.

Предметом особого внимания становится проблема формирования специальных навыков и умений в системе профессиональной подготовки курсантов по физической подготовке. Современные требования к будущим сотрудникам придают особую значимость умениям и навыкам, необходимым при пресечении различных противоправных действий.

К *частным* психолого-педагогическим условиям относятся: степень готовности обучающихся к двигательному действию; состояние здоровья курсантов; степень адаптации курсантов к обучению; характер и величина физических нагрузок и нервно-психических напряжений, испытываемых в процессе учебной деятельности; уровень управления должностными лицами физической подготовкой и ее организации; состояние учебно-материального обеспечения занятий; индивидуализация процесса профессиональной подготовки курсантов; сотрудничество между субъектами обучения – курсантами, преподавателями и управлением института.

Важнейшим элементом данной группы условий является *степень готовности курсантов* к разучиванию действий. Она включает в себя следующие компоненты: физическая готовность курсантов, означающая наличие определенного уровня развития физических качеств, которые необходимы для выполнения действия; наличие двигательного опыта, который характеризуется фондом приобретенных ранее двигательных навыков и умений и непосредственно связанных с ними знаний; личностно-психические компоненты, мобилизующие к действию и

определяющие характер поведения при его выполнении, которые означают психическую готовность к овладению двигательным действием. Эти компоненты готовности могут складываться далеко не одновременно. В процессе занятий по физической подготовке необходимо направленно воздействовать на них с тем, чтобы обеспечить заблаговременную подготовку к разучиванию каждого нового действия, предусмотренного учебной программой.

Между *развитием физических качеств* и формированием двигательных навыков существует определенная связь. Совершенствование навыка невозможно без высокого уровня развития физических качеств, и наоборот, максимально проявить силу, быстроту, выносливость нельзя без овладения навыком конкретного движения. Только при совершенном овладении навыком можно эффективно реализовать физические качества. На необходимость развития и совершенствования физических качеств указывает и А. А. Горелов¹. Во-первых, курсанты, обладающие оптимальным уровнем развития общей выносливости, силы, быстроты, ловкости, в условиях, связанных с большими физическими нагрузками и нервно-психическими напряжениями, значительно превосходят по объективным показателям профессиональной работоспособности курсантов с недостаточным уровнем их развития; во-вторых, у них гораздо быстрее идет развитие специальных физических качеств и более успешно формируются прикладные двигательные навыки; в-третьих, они в меньшей степени подвержены воздействию неблагоприятных и отрицательных факторов профессиональной деятельности и природной среды. Достигнутую к началу разучивания действия степень развития необходимых физических качеств контролируют посредством тестовых упражнений.

В последние годы усилилось понимание педагогами и психологами роли фактора положительной мотивации к учению в обеспечении успешного овладения знаниями и умениями. При этом выявлено, что

¹ См.: Горелов А. А. Концептуальные основы системы физической подготовки летного состава // Современный бой и физическая подготовка войск. СПб., 1993. Вып. 4. С. 27–39; Горелов А. А., Дорофеев В. А., Цед Н. Г. Об использовании рукопашного боя в армии США // Современный бой и физическая подготовка войск. СПб., 1992. Вып. 3. 69 с.

высокая позитивная мотивация может играть роль компенсирующего фактора в случае недостаточно высоких способностей, однако в обратном направлении этот фактор не срабатывает – никакой высокий уровень способностей не может компенсировать отсутствия учебного мотива или низкой его выраженности, не может привести к значительным успехам в подготовке.

Специфика мотивации учебной деятельности зависит, как отмечает П. М. Якобсон, от личностных особенностей учащихся: от потребности в достижении успеха или, наоборот, от пассивности, нежелания совершать усилия над собой, устойчивости к неудаче (фрустрации) и т. п.¹

Большую роль в мотивационном компоненте играют цели обучения. В. Я. Кикоть и В. А. Якунин разделяют цели обучения и цели учения². Первые задаются извне и выявляют общественные запросы и ценности, которые по отношению к обучающимся являются внешними. Вторые определяются индивидуальными потребностями, сформировавшимися на основании их предшествующего опыта. Обе цели могут совпадать лишь в идеальном случае, когда первые воспроизводят себя в структуре индивидуальных мотивов.

По мнению Е. П. Ильина, на базе общей мотивации учебной деятельности (профессиональной, познавательной, прагматической, социально-общественной и лично-престижной) у обучающихся появляется определенное отношение к разным предметам. Оно обуславливается:

- а) важностью предмета для профессиональной подготовки;
- б) интересом к определенной отрасли знаний и данному предмету;
- в) качеством преподавания (удовлетворенностью занятий по данному предмету);
- г) мерой трудности овладения этим предметом исходя из собственных способностей;
- д) взаимоотношениями с преподавателем данного предмета.

Значительная часть курсантов убеждена, что общенаучные и общеобразовательные дисциплины не приближают, а удаляют их

от овладения профессионально важными знаниями и навыками. Характерно, что фактор мотивации для успешной учебы нередко оказывается сильнее, чем фактор интеллекта. Успехи в учебе не обнаружили тесной и достоверной связи с интеллектом обучающихся, в то время как по уровню мотивации учебной деятельности «сильные» и «слабые» учащиеся различались. Первые имеют потребность в освоении профессии на высоком уровне, ориентированы на получение прочных профессиональных знаний и практических навыков. Вторые же в структуре мотива в основном сосредоточены на внешней стороне: избежать осуждения, наказания за плохую учебу, не лишиться увольнения в отпуск и т. д.³

Осознание высокой значимости мотива учения для успешной учебы привело к формированию принципа мотивационного обеспечения учебного процесса⁴.

Задача педагога и состоит в том, чтобы *уметь регулировать побудительные мотивы курсанта*, учитывая при этом, что средствами мотивации могут служить не только материальные вознаграждения. Эффект мотивирующего воздействия может быть высоким при условии, если педагог проявит в общении с обучающимися ясность и искренность своих намерений, умение убеждать и настаивать на решении поставленных задач.

Важным психолого-педагогическим условием формирования специальных умений и навыков в условиях лично-ориентированной педагогики является *индивидуализация* процесса физической подготовки курсантов. Под индивидуализацией подразумевается такое использование частных средств и методов физического воспитания и такое построение занятий, при которых учитываются индивидуальные различия занимающихся и тем самым создаются благоприятные условия для развития индивидуальных способностей⁵.

³ См.: Дворяшина М. Д., Владимирова Н. М. Интеллектуальное развитие и успешность обучения: Комплексное исследование проблем обучения и коммунистического воспитания специалистов с высшим образованием. Л., 1980.

⁴ См., например: Гребенюк О. С. Проблема формирования мотивации учения и труда у учащихся средних профтехучилищ. М., 1985.

⁵ См.: Матвеев Л. П. Теория и методика физической культуры: Учеб. для ин-тов физ. культуры. М., 1991. 543 с.

¹ См.: Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969.

² См.: Кикоть В. Я., Якунин В. А. Педагогика и психология высшего образования: Учеб. СПб., 1996.

Проблема индивидуализации при построении всей системы физического воспитания решается на основе органического сочетания двух направлений: общеподготовительного, ведущего к освоению обязательного для всех минимума жизненно важных двигательных умений, навыков и связанных с ними знаний, а также к достижению определенного уровня всестороннего развития физических качеств, и специализированного, ведущего к углубленному совершенствованию в избранной деятельности. Реализация индивидуального подхода к обучающимся требует также знания условий жизни курсанта, его учебы, отдыха, учета его интересов и стремлений, понимания его психики.

Среди важнейших условий решения проблемы формирования двигательных умений и навыков курсантов следует назвать *взаимопонимание, сотрудничество* между субъектами обучения – курсантами, преподавателями, управлением института. Взаимопонимание и сотрудничество могут быть достигнуты в совместной деятельности, базирующейся на индивидуальных приемах и способах обучения и общения, свободе курсантов в реализации своих способностей и интересов. За основу взаимодействия берется не противопоставление,

а сотрудничество субъектов учебно-воспитательного процесса; развитие личности обучающихся не сравнивается с усредненным эталоном.

Формирование двигательных действий при обучении боевым приемам борьбы тесно взаимосвязано с формированием теоретических знаний, двигательных представлений, умений и навыков у курсантов. Эффективность этого процесса зависит от ряда психолого-педагогических условий, закономерностей и принципов воспитания и обучения.

Особенность применения боевых приемов борьбы в том, что они применяются в конфликтных ситуациях, которые имеют огромное количество вариантов своего продолжения. Соответственно и подготовка курсантов должна осуществляться с учетом этих условий. Применение задач репродуктивно-поискового и вариативно-реконструированного характера способствует формированию сотрудника, владеющего необходимым объемом прикладных двигательных навыков, физических, специальных и психических качеств, обеспечивающих ему: успешное решение задач в экстремальных ситуациях, сохранение и укрепление здоровья и высокую профессиональную работоспособность.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ

П. И. Остапенко,

*начальник Краснодарского филиала
ВЮИ ФСИН России*

доктор юридических наук, профессор

А. Д. Лебедева,

*старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
и гражданского права Краснодарского
филиала ВЮИ ФСИН России*

кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В 1950–1970-х гг.

Большое число негативных проявлений, которые наблюдались в системе исправительно-трудовых учреждений (ИТУ), объяснялось главным образом кадровой проблемой. Уголовно-исполнительная система испытывала определенные сложности с комплектованием специалистов. На протяжении длительного времени в исправительных учреждениях существовала проблема неуставных отношений сотрудников с осужденными: «... в лагподразделениях до настоящего времени не изжиты факты сожительства заключенных мужчин с заключенными женщинами, и что хуже всего, ... работники лагподразделений имеют связь с заключенными, а среди них и работники КВЧ»¹.

Кроме того, многие сотрудники ИТУ не были обеспечены жилплощадью. Так, 25 августа 1951 г. в докладе на Партийной конференции строительства № 2 ГУШОСДОР МВД СССР (Краснодарский край) отмечалось, что «многие сотрудники еще не обеспечены жилплощадью, подолгу живут врозь с семьями»². Также неоднократно указывалось на неудовлетворительные условия проживания сотрудников ИТУ. Например, 23 июля 1950 г. на Партийной конференции строительства № 2 ГУШОСДОР МВД СССР было отмечено, что «... люди

живут в отвратительных ужасных условиях и это никого не интересует. Средства есть, а жилплощадь не строят. Многие хорошие сотрудники отсеиваются»³.

«Не созданы нормальные условия для личного состава ВСО. Медобслуживание стрелков осуществляется вместе с заключенными. Согласно приказу № 92 мы обязаны стрелкам, прослужившим более года, предоставлять квартиры, но мы их не предоставляем, эти ненормальности влияют на службу и ущемляют материально личный состав, солдаты получают 300 рублей, имея семьи, платят по 100–120 рублей за квартиру»⁴.

Необходимо отметить также и другую проблему. Двадцать седьмого января 1950 г. в годовом отчете ИТК-7 указывалось, что «подбору материально-ответственных лиц не уделялось должного внимания, в результате чего образовалась нехватка материальных ценностей»⁵. В этой связи руководству колонии предписывалось «по линии ОК принять срочные меры к ускорению приема в аппарат подразделения вольнонаемных специалистов ППЧ и бухгалтерии»⁶.

Кадровой проблеме ИТУ уделялось особое внимание также и на государственном уровне. Так, в докладе МВД СССР в ЦК КПСС о деятельности ИТУ МВД в 1957–1958 гг. указывалось: «Министерством внутренних дел приняты меры по укреплению кадров лагерей и колоний, повышению уровня их общеобразовательной и специальной подготовки. В 1957–1958 гг. на работу в исправительно-трудовые учреждения направлено 4 800 молодых специалистов с высшим и средним специальным образованием, 1 800 человек прошли переподготовку на курсах усовершенствования, более 10 тыс. работников обучаются заочно в высших и средних учебных заведениях. За указанный период заменено значительное количество руководящих работников, не справляющихся с возложенными обязанностями. Тем не

³ Там же, д. 1, л. 12.

⁴ Там же, ф. 3471, оп. 1, д. 13, л. 65.

⁵ Архив ГУИН Минюста России по Краснодарскому краю, оп. 1/1, д. 7, л. 35.

⁶ Там же, л. 117.

¹ Архив ГУИН Минюста России по Краснодарскому краю, оп. 1/1, д. 15, л. 5.

² ЦДНИКК, ф. 6228, оп. 1, д. 8, л. 35.

менее на отдельных ответственных участках все еще находятся безынициативные, слабо подготовленные работники. Особенно тяжелое положение с кадрами имеет место в низовых подразделениях. Решающим звеном исправительно-трудовых учреждений являются начальники колоний, лагерных отделений, пунктов и отрядов. Между тем 68,3 % начальников лагерных пунктов имеют низшее и незаконченное среднее образование. Среди начальников отрядов и лагерных отделений таких лиц имеется 52,4 % и начальников колоний – 36,5 %. Важная роль в укреплении режима принадлежит надзирательскому составу. Однако создание постоянных и хороших кадров надзирателей путем зачисления на сверхсрочную службу солдат и сержантов, подлежащих демобилизации из конвойной охраны, затрудняется ввиду крайне низкой заработной платы (оклад основной массы надзирателей равен 400–500 рублей). Серьезную тревогу вызывает большая текучесть кадров исправительно-трудовых учреждений. Ежегодно из лагерей и колоний увольняется около 20 % личного состава, причем более половины – по личной просьбе. Только за 1958 г. из исправительно-трудовых учреждений уволено около тысячи специалистов с высшим образованием, в том числе более 600 – инженеров и врачей. В результате имеется большой некомплект инженерно-технических и медицинских работников. Для лагерей и колоний требуется 3 500 инженеров и техников

О.Г. Прошин,

*доцент кафедры гуманитарных, экономических и финансово-правовых дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат исторических наук*

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРВЫХ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В целях качественной подготовки специалистов для уголовно-исполнительной системы (УИС) в учебных заведениях ФСИН России возникает настоятельная необходимость в изучении истории УИС, так как слушатели вышеуказанных учебных заведений должны иметь представление об основных вехах раз-

и около 2 000 врачей и фельдшеров»¹. Кроме того, согласно архивным материалам, в низовых подразделениях ИТУ не хватало сотрудников вооруженной стрелковой охраны. Последнее обстоятельство, а также унижающее достоинство обращение с заключенными сотрудников ИТУ стали причинами увеличения числа побегов осужденных из мест лишения свободы. Как отметил один из участников партсобрания в ИТК-6 УИТЛиК УМВД по Краснодарскому краю: «Мы знаем много фактов, когда побеги совершаются лишь потому, что на заключенных вымещает зло стрелок или надзиратель»².

Таким образом, назрела острая необходимость в изменении сложившейся ситуации в ИТУ, обусловленной тяжелыми условиями работы и быта, особенно в исправительно-трудовых лагерях, расположенных в основном вдали от населенных пунктов.

В 1962 г. в соответствии с решением коллегии МВД РСФСР «О мерах по закреплению кадров в ИТУ МВД РСФСР» от 27 апреля³ на оперативную работу в лесные ИТЛ были направлены 400, а в 1963 г. – 500 выпускников школ и училищ МВД СССР, а также 3 000 молодых специалистов, окончивших гражданские вузы и техникумы. Кроме того, с целью подготовки кадров для ИТУ высшей квалификации и переподготовки их начальствующего состава в 1970 г. решением Правительства СССР было создано специальное высшее учебное заведение – Рязанская школа МВД СССР.

вития той системы, где они работают или где будет проходить их служебная деятельность.

Образование и развитие системы мест лишения свободы в России изучалось разными исследователями: М. Н. Гернетом, В. Н. Мокринским, И. Я. Фойницким, М. Г. Детковым, Н. С. Познышевым и др.

Однако историки и другие авторы, рассматривающие эту тему, освещая период образования тюремной системы, мало обращают внимания на самый начальный этап образования мест заключения на территории Древней Руси, и поэтому указанная проблема остается до сих пор актуальной.

¹ ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 505, лл. 302–329.

² ЦДНИКК, ф. 3471, оп. 1, д. 61, л. 53.

³ См.: САФ ИЦ ГУВД КК, д. 365, л. 13–16.

Вопрос заключается в том, какими критериями пользоваться при определении периодизации начального этапа образования системы мест лишения свободы в Российском государстве. Многие авторы основным из них считают время появления первых правовых актов, в числе которых была «Краткая правда»¹. На наш взгляд, это очень узкий подход к данной проблеме. Необходимо рассматривать события образования и развития системы мест исполнения наказаний комплексно, исторически, не отрывая их от становления Древнерусского государства и его правоохранительных структур, так как система образования мест заключения – явление, прежде всего, историческое, а не только юридическое. Поэтому, по нашему мнению, точкой отсчета начального момента зарождения системы мест лишения свободы на территории Руси следует считать образование Древнерусского государства – это и будет основным критерием определения начала периодизации образования системы мест заключения в России.

Не вызывает сомнения время зарождения и образования Древнерусского государства с центром в Киеве – IX в. Возникнув, государство не может обойтись без правоохранительных органов, например, для обеспечения внутренней безопасности и охраны торговых путей от разбойников. На территории Руси образование единого государства, объединившего южные и северные группы восточных славян, произошло в конце IX в. Оно связано с именем князя Олега, правившего с 879 по 912 г. Создав Древнерусское государство с центром в Киеве, он удачно воевал с Византией. В результате князем Олегом были заключены самые ранние договоры с Византией (911 г.). Потом они перезаклювались его преемниками, князьями Игорем – в 944 г. и Святославом – в 971 г. В этих соглашениях между византийскими

императорами и русскими князьями впервые фиксировались также правила взаимного выкупа пленников и выдачи преступников². Следовательно, можно предположить, что этих пленников и преступников содержали в каких-то определенных местах.

На основании только письменных источников, например летописей, очень трудно установить точную дату образования первых мест заключения на Руси, поскольку таких свидетельств сохранилось очень мало. Вместе с тем реконструировать события тех лет можно на основании другой информации, полученной из этнографических и археологических материалов (например, у кавказских народов, долгое время сохранявших черты родоплеменных отношений, пленные содержались в таких в местах заключения, как погреба, ямы, подвалы).

В древнейшем летописном памятнике Руси – «Повести временных лет» XII в. содержится рассказ о мщении вдовы князя Игоря княгини Ольги древлянам. Она жестоко поступила с посольством древлян, бросив их в яму. Исходя из этого письменного свидетельства, можно утверждать, что ямы для узников применялись уже с X в., так как Ольга правила с 945 по 964 г.³

Таким образом, первыми местами содержания заключенных на Руси были: ямы, подвалы, погреба, подземелья, лишённые света, с ограниченным доступом воздуха.

Правовым источником, содержащим юридические нормы X–XII вв., является «Русская правда». В ней не встречаются слова, связанные с обозначением мест заключения, нет в ней и правовых сведений, касающихся того, как осуществлялся режим содержания узников. Это объясняется тем, большинство преступников на Руси до решения их дел оставалось «на поруках» у общества и частных лиц; под стражу брали только таких, которым по их «беспутству» не удавалось достать поручителей.

И хотя еще не были сформированы правовые нормы содержания заключенных, но места заточения и заключенные в Древнерусском государстве уже существовали. Они находились в княжеских вотчинах и монастырях и назывались «поруб» и «темница». Как счита-

¹ См.: Горбунов В. А. Становление и развитие системы исправления и нравственного перевоспитания арестантов в тюрьмах Казанской губернии в XVIII–XIX вв.: Моногр. Казань, 2002. С. 7; Измаелов Ш. К. История и практика работы учреждений Управления исполнения наказаний Министерства Юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан // Роль органов юстиции в становлении и укреплении институтов государственной власти: Материалы Республик. науч.-практ. конф. Казань, 21–22 мая 2002 г. Казань, 2002. С. 27.

² См.: Олейник И. И. История правоохранительных органов России: Учеб. пособие : В 3 ч. / ВЮИ Минюста России. Владимир, 2002. Ч. 1. X – начало XX в. С. 8.

³ См.: Изборник 1076. М., 1965. С. 151–152.

ет кандидат исторических наук И. И. Олейник, эти названия упоминаются в ранних русских летописях Древнерусского государства XI–XII вв. в связи с заточением каких-нибудь лиц, правда, она не говорит о том, что это и были первые места заключения¹. Порубом называлась яма, в которую был опущен сруб. Имеются исторические сведения, что великий князь Владимир (годы правления 980–1015 гг.) держал в порубе своего сына Святотополка с женой и католическим миссионером Рейнбером. А князь Изяслав поместил в поруб полоцкого князя Всеслава².

Наряду со светской властью после официального принятия христианства на Руси большую роль в жизни Древнерусского государства стала играть православная церковь. Возникают русские монастыри. С момента их появления в них существовали темницы, т.е. места заключения, в которых содержались еретики³, о чем имеются сведения в более поздних летописях. Так, например, Новгородские летописи 1375 г. рассказывают о борьбе «стригольников» с ересью. В послании митрополита Фотия к псковичам 1427 г. говорится о том, что необходимо отыскивать «стригольников», казнить их телесно и заточением. Псковичи так и сделали: они схватили «стригольников» и бросили их в темницы⁴.

Одним из ярых гонителей еретиков стал игумен и основатель Иосифо-Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий, под руководством которого этот монастырь превратился в одно из самых суровых мест заключения для еретиков и особо политически опасных для государя лиц.

Православная церковь обладала крупными феодальными владениями, которые надо было защищать. С этой целью она активно и тесно сотрудничала и идеологически поддерживала великокняжескую власть. Великие князья также поддерживали церковь.

В XV в. великий князь Василий Темный объявил еретиком митрополита Исидора, который привез в Россию Флорентийскую унию о признании папы главой церкви. Тот

был арестован и отправлен в заточение в Чудов монастырь. Таким образом, русская православная церковь сохранила свою независимость от католической церкви. Интересен, наверное, и первый исторически зафиксированный факт побега из мест заключения: Исидор бежал из монастырской темницы в Тверь, а оттуда – в Литву⁵.

Согласно источникам, в монастырских темницах, которые в то время в основном были земляными или подземными, существовали подвалы, кельи, ямы-колодцы, а для одиночного заключения даже использовались ниши в стенах. Подземелья напоминали ямы-колодцы около 3 метров в глубину, обложенные камнями и сверху покрытые деревянными щитами с дверью⁶. Из-за отсутствия света и возможности двигаться заключенные заболели, теряли зрение и умирали, а в результате антисанитарных условий там заводились крысы. Наиболее известны подземные темницы в Иосифо-Волоколамском и Соловецком монастырях.

Первые упоминания о государственных, казенных тюрьмах появились в правление Иоанна III (1462–1505 гг.). Об этом свидетельствуют Новгородские и Псковские летописи, в которых говорится о том, что при наместнике Я. В. Оболенском в Пскове произошли волнения смердов (1483–1485 гг.). Лидеры непокорных смердов были наказаны и брошены в тюрьму⁷.

Тюремное заключение применялось и при Василии III (1505–1533 гг.). Так, в «Истории русской церкви» рассказывается о князе Михаиле Глинском, который сначала бежал от Сигизмунда к Василию III, а «...потом спустя несколько лет изменил ему, тайно сносившись с Литвой и бежал из русского стана, но был схвачен, заключен в оковы и сидел в тюрьме...»⁸.

Указанные исторические факты свидетельствуют о том, что в зарождающемся централизованном русском государстве тюрьмы уже существовали. В них заключали провинившихся по приказу царя, а на местах в тюрьму могли отправлять наместники, но

¹ См.: Олейник И. И. Указ. соч. С. 30.

² См.: История Русской церкви. М., 1991. С. 388–389; Олейник И. И. Указ. соч. С. 11.

³ См.: История Русской церкви. С. 9; Бушуев С. В., Мионов Г. Е. История государства Российского: Ист.-библиогр. очерки. М., 1991. Кн. 1. IX–XVI вв. С. 89.

⁴ См.: Иловайский Д. И. История России. Соби-ратели Руси. М., 1996. С. 365–366.

⁵ См.: Зуев М. Н. История России с древнейших времен до конца XX века: Учеб. пособие. 4-е изд., стереотип. М., 2002. С. 87.

⁶ См.: Познышев С. В. Очерки тюремноговедения. М., 1915. С. 46.

⁷ См.: Иловайский Д. И. Указ. соч. С. 430–431.

⁸ История Русской церкви. С. 369.

тюремной системы еще не было, так как не сформировалась еще законодательная база для этого. В Судебнике 1497 г. устанавливаются единые нормы уголовной ответственности и порядок ведения следствия и суда, ужесточаются наказания за уголовные преступления, но ничего не говорится о тюремной системе, не устанавливаются порядок и режим содержания заключенных¹.

Тюрьма как место заключения и изоляции преступников только начинала образовываться при Иоанне III в центре и на местах, но карательная политика государства, направленная против некоторой части своих граждан, уже проводилась. И в этом отношении светской власти очень помогла православная церковь, которая с момента своего образования на Руси стала играть значительную роль в государстве в применении наказания для еретиков и особо опасных для государя лиц в виде заключения в монастырские темницы.

Основная проблема великокняжеской власти заключалась в стремлении удельных князей к независимости от нее, поэтому главной целью карательной политики государства на протяжении многих веков являлось уничтожение или наказание, в том числе и в виде лишения свободы, своих политических противников. Центростремительные тенденции, всегда возникающие при ослаблении центральной власти, неизбежно определяли политику государства, направленную на укрепление и усиление правоохранитель-

ных органов, история которых тесно и неразрывно связана с общей политикой государства. Монархический характер власти, укрепление самодержавия были выгодны всем слоям русского феодального общества, так как без сильных и мощных государственных и правоохранительных органов Россия не смогла бы сохранить свою независимость и территориальную целостность.

Политическое и экономическое положение России, постоянные войны и борьба внутри государства отразились и на организации карательной системы. С укреплением централизованного государства в XV–XVI вв. усиливаются тенденции по обеспечению защиты интересов господствующего класса, которые проявляются, в частности, в усилении наказаний и изоляции преступников. Места лишения свободы постепенно преобразуются в централизованную систему, требующую своего законодательного оформления, что нашло отражение в новом Судебнике 1550 г., в котором появился новый вид наказания – тюремное заключение.

Таким образом, рассматривая некоторые исторические аспекты проблемы начального этапа образования первых мест заключения в дореволюционной России, можно сделать вывод о том, что началом образования системы мест лишения свободы на Руси можно считать период с IX до середины XVI в., т.е. до момента законодательного оформления тюремной системы Российского государства.

В. А. Горбунов,

*доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и гражданского права
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ИСПРАВЛЕНИЯ И НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ АРЕСТАНТОВ В ТЮРЬМАХ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Актуальность изучения процесса становления системы исправления и нравственного

воспитания арестантов в тюрьмах Казанской губернии в указанный период обусловлена необходимостью правильно понять и оценить истинные цели преобразований пенитенциарной системы в свете решения задач, поставленных тюремной реформой 1879 г.

Основные задачи тюремной реформы в России заключались: в совершенствовании системы управления местами заключения; повышении роли центрального органа тюремного ведомства в осуществлении контрольных функций, обеспечении единства карательной практики на всей территории империи; исправлении и воспитании арестантов. Департамент полиции исполнительной, ведавшей до реформы тюремными делами, оказался не в состоянии решать задачи

¹ См.: Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1984–1994. Т. 2; Гернет М. Н. История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1941. С. 64; Детков М. Г. Наказание в царской России, система его исполнения. М., 1994. С. 7–8.

по исправлению и нравственному воспитанию арестантов, которые царское правительство ставило перед местами заключения.

Образованное в 1879 г. в составе Министерства внутренних дел Главное тюремное управление, по мнению его учредителей, должно было стать высшей контролирующей и распорядительной инстанцией, осуществляющей непосредственное руководство подчиненными ему местными органами тюремного ведомства.

В записке начальника Главного тюремного управления, содержащей оценку дореформенной управленческой деятельности, отмечалось: «... до настоящего времени между местными учреждениями Тюремного управления и Центральным органом этого же Управления, насколько известно, не было этой постоянной и неразрывной связи, которая бы давала Центральному органу возможность следить за правильностью действий подчиненных ему учреждений»¹.

В связи с этим было признано необходимым создать Совет по тюремным делам. Он представлял собой коллегиальную структуру, в состав которой входили высшие государственные чиновники, представители различных ведомств, и имел совещательный характер. К компетенции Совета по тюремным делам относились вопросы, касающиеся проектов смет доходов и расходов мест заключения, тюремного устройства, пересылки арестантов, исправления заключенных, организации управления и отчетности².

В результате анализа качественного состава кадров мест заключения, уровня его профессиональной подготовки Министерство юстиции пришло к выводу о необходимости учреждения при Главном тюремном управлении тюремных курсов. «Если судья должен обладать не только специальными юридическими познаниями, но и высшим образованием для того, чтобы разобраться в обстоятельствах, приведших к преступлению, дать им должную моральную и юридическую оценку и произнести над обвиняемым справедливый приговор, — говорилось в обосновании, — то и начальнику тюрьмы, важным призванием которого является воздействие на преступника в смысле

его исправления и нравственного воспитания с тем, чтобы вернуть его в общество полезным гражданином, не менее необходимы для успешного выполнения этой трудной и сложной задачи, с одной стороны, особые нравственные качества: энергия, твердость характера, преданность долгу и, с другой — серьезные специальные познания научного характера, которые не могут быть приобретены одним житейским опытом»³.

Перед администрацией тюрем была поставлена задача нравственного исправления преступников. Ее достижению способствовала также деятельность членов Попечительного общества о тюрьмах, созданного еще в 1819 г. по образу и подобию Британского библейского общества императором Александром I. В Правилах для Общества записано: 1) «Обязанностью Общества сего будет стараться о том, чтобы в тюрьмах и местах заключения вводимы были по удобствам пять следующих средств исправления..., а именно: ближайший и постоянный надзор над заключенными; 2) размещение их по роду преступлений и обвинений; 3) наставление их в правилах Христианского благочестия и доброй нравственности; 4) занятие их приличными упражнениями; 5) заключение провинившихся или буйствующих из них в уединенное место»⁴.

При этом Правила для Попечительного общества о тюрьмах оставляли открытым вопрос, касающийся изменения внутреннего устройства тюрем, режима содержания заключенных и средств его обеспечения. «Поэтому неудивительно, — пишет М. Н. Гернет, — что создавалось совершенно нелепое положение: нравственное воздействие должно было оказываться на людей, сидевших в тюрьмах на шейных цепях, вделанных в тюремные стены, с кандалами, колодками и рогатками»⁵.

Вместе с тем, несмотря на ограниченность и декларативность указанных Правил, впервые вводились определенные новшества в тюремный быт: разрешение членам комитетов посещать тюрьмы и знакомиться с положением содержащихся там

¹ ЦГАОР, ф. 122, оп. 1, д. 138, л. 11

² См.: Познышев С. В. Очерки тюремоведения. М., 1915. С. 267.

³ Детков М. Г. Наказание в царской России, система его исполнения. М., 1994. С. 45.

⁴ Гернет М. Н. История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1941. Т. 1. С. 72.

⁵ Там же. С. 78.

преступников, привлечение церковнослужителей к работе с заключенными, создание библиотек с книжным фондом исключительно религиозного содержания.

Однако с учреждением Попечительного общества о тюрьмах остались нерешенными главные проблемы тюремной системы: размещения заключенных, обеспечения их трудового использования, исключения насилия над личностью.

Рассматривая сложившуюся систему наказаний как основу для проведения тюремной реформы, особая комиссия сгруппировала различные виды наказаний по степени их тяжести и при этом выделила в отдельную группу исправительные наказания.

На территории Казанской губернии в XIX – начале XX в. размещалось несколько видов исправительных учреждений.

1. *Исправительные арестантские отделения гражданского ведомства.* Данный вид наказаний применялся в совокупности с лишением всех особенных прав состояния и только для лиц мужского пола, не освобожденных от телесных наказаний. Необходимым условием его исполнения являлось обязательное использование наказанных на различного рода работах. В таких отделениях заключенные подразделялись на отряды испытуемых и исправляющихся. Пребывание в отряде исправляющихся в течение десяти месяцев засчитывалось за один год отбывания наказания и давало возможность досрочного освобождения.

2. *Рабочие дома.* Заключение в рабочие дома также влекло за собой лишение всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию осужденного ему присвоенных. Применялось только для лиц, не освобожденных от телесных наказаний, и преимущественно за преступления против чужого имущества. Предусматривалось обязательное занятие осужденных трудом.

3. *Смирительные дома.* Заключение в них подвергались лица как освобожденные, так и не освобожденные от телесных наказаний. Данное наказание сопровождалось ограничением некоторых прав, могло применяться и без этих ограничений. Занятие трудом являлось обязательным условием.

4. *Тюрьмы.* В Казанской губернии в конце XIX – начале XX в. было тринадцать тюрем, в которых содержалось около 2500 человек. Срок содержания в тюрьме назна-

чался от одного месяца до одного года и четырех месяцев. При привлечении к труду учитывалось желание заключенных, однако мещане и крестьяне независимо от желания могли быть привлечены к выполнению работ по распоряжению администрации.

5. *Казанский воспитательно-исправительный ремесленный приют.* Предназначался для исправления и нравственного воспитания несовершеннолетних преступников. Воспитанники приюта, совершившие кражи, укрывательства и сбыт краденых вещей, находились в нем от одного месяца до четырех лет. В учебно-воспитательные мероприятия входили: школьное обучение, обучение ремеслу в мастерских, а также церковная литургия¹.

Царское правительство в деле исправления и нравственного воспитания арестантов отдавало большое предпочтение священникам.

Тюрьмы посещали как служители церкви, так и мулла.

В местах заключения Казанской губернии имелись свои церкви в Казанской, Спасской, Тетюшской, Козмодемьянской, Чистопольской, Лаишевской тюрьмах и Казанском исправительном арестантском отделении.

Например, в Казанской губернской тюрьме религиозно-нравственное воздействие на заключенных совершалось в тюремной церкви во время божественной литургии во все праздничные и воскресные дни, а накануне этих дней – во время всенощной. В церкви пел хор певчих из арестантов, а некоторые молитвы пелись всеми заключенными, находящимися в храме. По окончании каждой службы священник произносил проповеди и поучения на тему прочитанного святого Евангелия, а иногда в эти же дни после обеда проводил собеседование о вере и нравственности. Арестантов-мусульман посещал в определенные дни мулла.

В зимнее время при тюрьме велись школьные занятия с малолетними арестантами под руководством священника.

В целях духовно-нравственного исправления арестантов при Казанской центральной пересыльной тюрьме имелась часовня, где во все праздничные дни священник совершал службу, а по окончании богослу-

¹ См.: Отчет Казанской тюремной инспекции. Казань, 1900. С. 19.

жения произносились поучения на тему святого Евангелия, а в особо торжественные праздники – собеседование по проповедям на данный праздник.

В тюрьмах, где не было церкви, богослужение совершалось в особо приспособленных для этого камерах.

Как мы отметили выше, в Казанском воспитательно-исправительном ремесленном приюте кроме богослужения проводилась определенная учебно-воспитательная работа.

Питомцы занимались законом Божиим, русским языком, пением, арифметикой (изучались четыре арифметических действия).

Воспитанники приюта были гораздо образованнее и умнее своих сверстников, находящихся на свободе и тративших все свое время на то, чтобы прокормиться и одеться.

Кроме того, в приюте была создана библиотека, и дети, умеющие читать и писать пользовались ее услугами. Наряду с религиозно-нравственным воспитанием детей со стороны служителей церкви с ними работали воспитатели, которые проводили беседы, громкие читки, организовывали праздники и другие мероприятия. В своей исправительно-воспитательной деятельности они разъясняли детям не только правила поведения и соблюдения распорядка дня, но и прививали им те необходимые качества, которые пригодятся им после освобождения из приюта. Воспитанники, выходя на свободу, были вполне самостоятельными людьми, грамотными, имеющими специальности, необходимые для работы на фабрике и заводе.

Н. Н. Коннова,
соискатель ВЮИ ФСИН России

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ

В 1918 г. была создана Комиссия для несовершеннолетних в Наркомате общественного призрения, которая являлась принципиально новым учреждением в структуре системы профилактики несовершеннолетних. Работа комиссии велась по четырем основным направлениям: индивидуальная воспитательная работа; устройство беспризорных

Мусульмане кроме обучения русской грамоте занимались изучением мусульманской религии и арабской письменности под руководством муллы, посещающего приют два раза в неделю в послеобеденное время.

В Казанской губернии арестанты краткосрочные из поселян были в большинстве своем людьми безграмотными и неразвитыми, особенно из иногородних, которые к тому же не знали никаких ремесел. Именно на это должно было быть обращено особое внимание при назначении им рода занятий. Нравственное же воспитание и обучение к ним не применялось, кроме словесных внушений их духовного отца, выбор которого осуществляли очень тщательно.

В тюрьмах Казанской губернии, как следует из отчета Общества попечительного о тюрьмах за 1899 г., студентами Казанской духовной академии проводились чтения религиозно-нравственного и церковно-исторического содержания по особо составленным программам. Главным образом, эта работа велась в воскресные и праздничные дни. Для иллюстрации и лучшего усвоения прочитанного показывались «туманные картины посредством волшебного фонаря»¹.

Таким образом, в целом, оценивая меры по исправлению и нравственному воспитанию арестантов, содержащихся в исправительных учреждениях Казанской губернии в XIX – начале XX в., можно отметить стремление царского правительства к развитию общеполитического сознания личности, религиозному мышлению и повышению образовательного уровня арестантов.

в детские государственные учреждения; помещение правонарушителей в режимные воспитательные учреждения; наблюдение за поведением детей-правонарушителей, требующих особого внимания. Отделы охраны детства Наркомпроса стали непосредственными исполнителями многих правовых норм. Их внимание было сосредоточено на оказании помощи беспризорным и их устройстве в детские дома. Тем самым осуществлялась эффективная профилактика преступности и правонарушений несовершеннолетних, так как противоправное поведение детей и подростков в 1920-е гг.

¹ ЦГАОР, ф. 122, оп. 1, д. 29, л. 86.

являлось крайним выражением беспризорности в России.

Для руководства приютами несовершеннолетних была создана коллегия призрения. Она состояла из заведующего отделом материнства и младенчества, заведующего отделом несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных деяниях, и заведующего приютами общего характера. В их обязанности входило осуществление необходимых мер по выявлению и устройству несовершеннолетних в приюты. Контроль над всеми учреждениями несовершеннолетних возлагался на уездные Советы¹.

За период с 1917 по 1921 г. число детских учреждений в России увеличилось в 17 раз².

В Детском доме как учреждении социального воспитания в зависимости от возраста пребывающих в нем несовершеннолетних, в том числе и правонарушителей, содержались подростки от 14 до 17 лет. Основным принципом организации детдомов было сочетание обучения и воспитания у подростков самостоятельности.

В то же время в России формировалась сеть учреждений для несовершеннолетних правонарушителей со строгим педагогическим режимом. Тем самым было положено начало дифференцированному применению мер воздействия.

К 1921 г. количество беспризорных в России составило 4,5 млн человек (по сравнению с 1910 г. возросло в два раза)³. Количество сирот за первые шесть лет советской власти также увеличилось вдвое. Наблюдался значительный рост преступности среди этого контингента. В 1920 г. третья часть воспитанников детских домов для несовершеннолетних детей в Петрограде были круглыми сиротами⁴. Несмотря на развитие системы детских учреждений общее количество мест в них составляло 882 тыс.⁵ Отсутствие материальных и педагогических ресурсов привело к

тому, что детдом фактически превратился в учреждение для содержания детей.

Поиск новых, заменяющих детдом, форм устройства детей привел к возникновению патроната. Он предусматривал передачу детей, родители которых были лишены родительских прав, сирот, выпускников колоний и детских домов для воспитания в семье трудящихся на определенный срок. Принимались меры по развитию трудовой школы и профессионального обучения. Восьмой съезд РКП(б), состоявшийся 6 марта 1919 г., принял решение о введении бесплатного обязательного политехнического обучения всех детей обоюбого пола до 17 лет⁶. В 1920/1921 учебном году государство обеспечило открытие 13 тыс. школ на 800 тыс. мест⁷. В этом же году стали создаваться культурно-воспитательные учреждения. Их деятельность планировалась с учетом особенностей района, степени безнадзорности и правонарушений детей, их интересов.

Функцию координации и контроля за деятельностью различных ведомств взяли на себя Советы защиты несовершеннолетних, учрежденные постановлением Совнаркома РСФСР от 4 января 1919 г.⁸ Они имели право издавать специальные постановления по охране детства и контролировать их выполнение, координировать деятельность всех учреждений, ведущих работу с несовершеннолетними, а также приостанавливать действие ведомственных решений, нарушающих или ущемляющих права подростков.

В 1920–1921 гг. социальное воспитание (включая образование) и социально-правовая охрана были переданы в компетенцию Наркомпроса, выступавшего носителем общегосударственного подхода, и сосредоточены в отделах народного образования на местах. В частности, функция правовой охраны и защиты несовершеннолетних была вменена социальному отделу правовой охраны в Наркомпросе и подотделам социального воспитания на местах.

На этом этапе центральное место правомерно занимала система социального воспитания, которая включала общеобразовательные и профессионально-технические

¹ См.: Правовые вопросы семьи и воспитания детей. М., 1968. С. 18.

² См.: Швейцер В. Л. Очередные задачи детского дома // Социально-правовая охрана детей и подростков: Материалы ко 2-му Всерос. съезду. М., 1925. С. 19–22.

³ См.: Педагогическая энциклопедия: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 191.

⁴ См.: Люблинский П. И. Борьба с преступностью несовершеннолетних. Петроград, 1923.

⁵ См.: Попов Н. А. К вопросу о борьбе с детской преступностью // Власть Советов. 1923. № 8.

⁶ См.: Восьмой съезд РКП(б). М., 1965. С. 400–401.

⁷ См.: Педагогическая энциклопедия. М., 1965. Т. 2. С. 233.

⁸ См.: СУ РСФСР. 1919. № 3. Ст. 32.

школы, детские дома, школы-коммуны, школьные клубы, дома для школьников, детские площадки.

Таким образом, происходило постепенное формирование государственной системы, четко ориентированной на единство социального воспитания, профилактики и социально-правовой охраны детства. Практика показала, что совершенствовались старые и шел интенсивный поиск новых форм и структур.

Были созданы различные типы исправительных учреждений: трудовые дома (в городах) и колонии (в сельской местности)¹. Трудовые дома дифференцировались по возрасту несовершеннолетних (от 14 до 15 и от 16 до 20 лет). Цель помещения несовершеннолетних в трудовые дома – обучение квалифицированным видам труда, развитие духовных интересов, расширение умственного горизонта путем общего и профессионального образования и формирование самостоятельных и осознающих свои права и обязанности граждан Советского государства. Предусматривалось также физическое воспитание и оздоровление посредством спорта и гигиены тела. То есть на первый план в этих учреждениях выдвигалась не кара, а возвращение подростков к нормальной жизни в обществе.

Характер применяемых мер воздействия определялся после двухмесячного комплексного изучения несовершеннолетнего врачами, педагогами в отделении для новичков, что, по мнению ряда авторов, целесообразно возродить и в наше время².

Существовали также реформатории – учреждения, созданные на базе Наркомсоцбеза для реализации мер судебного наказания в отношении несовершеннолетних правонарушителей, на условиях полувоспитательного, полутюремного типа. Существовали и особые, изолированные от взрослых, отделения для несовершеннолетних в тюрьмах.

В то же время по инициативе Ф. Э. Дзержинского создавались труд-коммуны ОГПУ двух типов, предназначенные для подростков:

¹ См.: Положение о трудовых домах для несовершеннолетних правонарушителей, лишенных свободы. Исправительно-трудовой кодекс от 16 октября 1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 86.

² См.: Кудлай Т. П. Теоретические основы развития системы предупреждения несовершеннолетних: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.

1) вынужденных самостоятельно устраиваться в жизни в силу тяжелых условий; ставших правонарушителями;

2) не стремящихся попасть в обычные учреждения, а приспособившихся к жизни в притонах.

Основными принципами организации трудовой коммуны являлись: добровольность вступления в нее; полная детская самоорганизация; труд, дающий квалификацию; широкая связь с общественными организациями.

Это было совершенно новое начинание, которое имело огромный социально-педагогический эффект, так как воспринималось и поддерживалось подростками.

В основе организации трудкоммун лежали некоторые спорные концепции, например, игнорирование принципов индивидуального подхода и учета тяжести преступления некоторых кандидатов. Однако трудкоммун достигли больших успехов в перевоспитании значительного контингента несовершеннолетних преступников. Многие подростки, ставшие на путь преступлений под влиянием тяжелых жизненных условий, испытывали неудовлетворенность своим положением. Это и использовали организаторы коммун³.

В 1920-е гг. детская беспризорность приняла характер большого социального бедствия. Созывались съезды и конференции по различным вопросам охраны детства, участники которых выступали с предложениями и инициативами. В связи с этим на Первом Всероссийском съезде деятелей по охране детства была обоснована необходимость создания детской милиции.

Ее задачей было не только выявление детей, совершивших проступки, но и проведение предупредительной работы, например, выявление беспризорных детей, их изоляция от жестоких родителей, опекунов, помещение подростков в распределители⁴. Предложение получило одобрение, и распоряжением Отдела охраны детства Народного комиссариата социального обеспечения от 14 июня

³ См.: Миньковский Г. М., Тузов Л. Л. Профилактика правонарушений несовершеннолетних. Киев, 1987. С. 16.

⁴ См.: Первый Всероссийский съезд деятелей по охране детства // Журн. Нар. комиссариата соц. обеспечения. 1919. № 5–6. С. 46–48.

1919 г. № 1722/б были созданы первые детские приемные пункты и институт братьев и сестер социальной помощи¹.

Приемные пункты предназначались для кратковременного содержания несовершеннолетних, задержанных на срок не более трех суток. За это время собирались необходимые сведения о подростке. Комиссией по делам несовершеннолетних рассматривался вопрос о его устройстве. Об открытии каждого приемного пункта сообщалось местным органам милиции, с тем чтобы задержанные несовершеннолетние правонарушители доставлялись по возможности не в дежурную часть милиции, а в приемные пункты.

В июне 1920 г. в г. Москве Наркомпросом проводился Первый Всероссийский съезд по борьбе с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних. В его работе приняли участие практические и научные работники из Москвы, Петрограда и других городов. На этом съезде было внесено предложение о переименовании детской милиции в «социальную инспекцию», что больше соответствовало функциональному предназначению этих учреждений.

Для организации борьбы с детской преступностью и правонарушениями Декретом Совнаркома от 23 декабря 1921 г. были созданы детские специальные инспекции². Их создание положило начало формированию системы специализированных органов профилактики правонарушений несовершеннолетних в России. Социальные инспекторы дежурили на улицах, площадях, вокзалах, задерживали несовершеннолетних правонарушителей, беспризорных, заблудившихся и доставляли их в так называемые первичные учреждения – приемники и распределители. Они были вспомогательными органами социальной инспекции, комиссии по делам несовершеннолетних и органов охраны детства районных отделов народного образования и входили в систему Наркомпроса. Приемники (распределители) создавались в областных центрах, крупных городах и на больших узловых станциях. Приемники были рассчитаны на 100 мест, а распределители – 50.

Они разделялись на два типа: для детей 8–14 лет и подростков 14–17 лет. В этих учреждениях изучалась личность подростка с целью решения вопроса о применении необходимых мер.

В течение четырех месяцев несовершеннолетние готовились к жизни в условиях коллектива детского учреждения, куда они будут направлены. Проводились самоорганизация воспитанников, организация их труда, общеобразовательная учеба, общественное и политическое воспитание. Приемник для детей старше 14 лет организовал для подростков образовательную и общественно-политическую работу по подготовке их в учреждения профессионального образования; принимал меры по трудоустройству подростков на производство; организовывал труд внутри учреждения; учебу, тесно связанную с производственным трудом подростков; принимал активное участие в организации трудовых коммун.

С появлением таких учреждений был решен вопрос о принятии мер по изъятию несовершеннолетних из вредно влияющей среды, а также о дальнейшем их устройстве³.

Таким образом, в первые годы советской власти в условиях Гражданской войны и восстановительного периода была создана сеть социального воспитания и взаимодействующая с ней сеть специальных органов по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних⁴.

К лету 1922 г. работали 245 комиссий по делам несовершеннолетних, 160 распределителей, 237 приемников, 277 стационарных учреждений перевоспитания, 490 обследователей и 1252 социальных инспектора. Однако катастрофически не хватало воспитательных и специальных учреждений, подготовленных кадров, материальная база существующих органов была неудовлетворительной.

В это время совет защиты детей при Совнаркоме упразднен, а при ВЦИК создана комиссия по улучшению жизни детей. По постановлению ВЦИК от 10 февраля 1921 г. деткомиссия была наделена обширными полномочиями в вопросах контроля и содей-

³ См.: Миньковский Г. М., Тузов Л. Л. Указ. соч. С. 12.

⁴ См.: Литвинов Л. Ф. Деятельность органов внутренних дел по искоренению беспризорности, предупреждению и пресечению преступности несовершеннолетних. М., 1979.

¹ См.: ЦГА РСФСР, ф. 413, оп. 2, д. 326, л. 26; д. 65, л. 242; д. 66, л. 80.

² См.: СУ РСФСР. 1921. № 66.

ствия социально-правовой охране детства, в том числе материального обеспечения деятельности детских учреждений¹. Свои контрольные и содействующие функции она осуществляла через президиумы губернских и уездных исполкомов. Деткомиссия имела право отменять распоряжения ведомств, ущемляющих права ребенка, принимать общегосударственные постановления, касающиеся социально-правовой охраны детей, и привлекать к их исполнению все необходимые ведомства и организации.

По инициативе деткомиссии был разработан трехлетний план борьбы с детской беспризорностью и преступностью². Деткомиссия выявляла несовершеннолетних, нуждающихся в помощи, беспризорных, осуществляла профилактику правонарушений несовершеннолетних. Для этих целей привлекались средства государственного бюджета, были найдены источники дополнительного финансирования на местах: создан специальный фонд по охране материнства, организованы трудовые общежития, усовершенствована специальная подготовка в трудовых домах, положено начало в расширении семейного патроната над выпускниками детских домов и др.

Сильный разрушающий удар системе социального воспитания нанес голод в 1921 г. Произошло резкое сокращение детских учреждений из-за того, что основные ресурсы были направлены на борьбу с голодом. Вместе с этим увеличилось число несовершеннолетних, которым была необходима государственная помощь (по различным данным насчитывалось 4–6 млн голодающих детей, преступность несовершеннолетних превышала довоенный уровень в семь раз)³. Положение с детскими домами стабилизировалось только в начале 1924 г., но и в этот период они были способны принять только 540 тыс. человек, хотя поток беспризорных продолжал расти. Через 127 приемников и распределителей только в РСФСР за 1923 г. прошло 45400 детей, из них только 4376 были правонарушителями, а остальные – беспризорными⁴.

¹ См.: СУ РСФСР. 1921. № 11. Ст. 75.

² См.: Трехлетний план борьбы с детской беспризорностью и преступностью. М., 1927.

³ См.: Куфаев В. М. Юные правонарушители. М., 1924. С. 223.

⁴ См.: ЦГАОР СССР, ф. 4042, д. 19–37.

По инициативе деткомиссии был разработан трехлетний план борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. Новая экономическая политика и материальный кризис в стране заставили пересмотреть и сократить количество различных детских учреждений. Инспекторы детских социальных инспекций сохранились только в губернских отделах народного образования. Было сокращено и количество детских домов, многие приемные пункты, приемники, распределители превратились в детские дома для устройства несовершеннолетних.

Возникла необходимость в коренном пересмотре содержания работы учреждений социально-правовой охраны. Следовало улучшить профилактическую работу учреждений на самой улице для развития позитивных навыков детей.

Педагогическая работа осуществлялась в стационарных и первичных учреждениях, артелях, мастерских, убежищах (ночлежках). Ночлежки предназначались для приюта детей, предпочитающих бродяжничать, а не жить в детских учреждениях социально-правовой охраны. В них были оборудованы клубы, мастерские, деятельность которых была направлена на приобщение несовершеннолетних к организованному труду, отвлечению от воровства и хулиганства⁵. Ночлежки стали временной, но необходимой и впоследствии оправдавшей себя формой приюта для подростков.

В профилактической работе участвовали общественные организации: женсоветы, комсомол, профсоюз. Широко пропагандировалась идея о привлечении всех государственных органов и общественных организаций для комплексного решения вопроса о предотвращении правонарушений несовершеннолетних. Однако к этому времени накопился ряд проблем организационно-правового характера: возникли затруднения по единообразному применению законодательства, организации планомерной скоординированной борьбы с преступностью и правонарушениями несовершеннолетних, отсутствовал надзор за правильностью принимаемых решений. В связи с этим 25 мая 1925 г. была создана Центральная комиссия

⁵ См.: Об организации для беспризорных ночлежек с мастерскими при них: Циркуляр НКП РСФСР Главсоцвоса от 23 октября 1924 г. № 125.

по делам несовершеннолетних, которая стала высшим координирующим органом для аналогичных местных комиссий¹. Состав комиссий был уже государственно-общественный. В нее входили не только представители органов государственного управления, но и массовых общественных, профсоюзных и комсомольских организаций. Общественность привлекалась к участию в профилактической работе на всех уровнях. Однако приоритет по-прежнему оставался за государством. В целом описанная структура системы предупреждения правонарушений несовершеннолетних сохранилась до середины 1930-х гг.

Изменились лишь организационные формы органов социального воспитания и социально-правовой охраны детства, их ведомственная принадлежность, появились новые формы координации усилий в борьбе с преступностью несовершеннолетних.

Так, были расширены права местных комиссий по делам несовершеннолетних, которые получили право предъявлять обвинения по факту преступных посягательств на интересы ребенка². Контроль за соблюдением законности в деятельности местных комиссий возлагался на областные (краевые) комиссии. Ведущим направлением деятельности местных комиссий по делам несовершеннолетних в новом Положении о комиссиях была названа борьба с беспризорностью и правонарушениями несовершеннолетних. Для координации мероприятий по ликвидации детской беспризорности и преступности была создана специальная комиссия при Совнаркомом СССР³.

В связи с тем, что социальная инспекция не справлялась с задачей по изъятию большого количества беспризорных подростков с улиц и других общественных мест, СНК РСФСР 17 июля 1929 г. возложил эту обязанность на органы милиции с условием направления несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных детей после их задержания в комиссию или приемный пункт⁴.

¹ См.: Положение о Центральной комиссии по делам несовершеннолетних, утв. СНК РСФСР 25 мая 1925 г. // СУ РСФСР. № 38.

² См.: О местных комиссиях по делам несовершеннолетних: Постановление СНК РСФСР от 26 марта 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. Ст. 143.

³ См.: СЗ СССР. 1928. № 36.

⁴ См.: СУ РСФСР. 1929. № 56. Ст. 547.

В 1931–1933 гг. именно милиция занимала главенствующую роль в задержании правонарушителей и беспризорных.

Таким образом, на первом этапе создания системы профилактики несовершеннолетних (1917–1934 гг.) была определена и практически апробирована достаточно разветвленная сеть органов, реализующих задачи всех субъектов процесса: от выявления и учета несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи, определенных профилактических воздействий до их патронирования после отбывания наказаний.

По мнению Т. П. Кудлай⁵, особенностями деятельности этой системы являются следующие:

1) последовательное воплощение в жизнь закрепленного в законодательстве принципа приоритета воспитательных и профилактических мер над наказательными;

2) определение борьбы с беспризорностью детей как составной части более широкой проблемы – защищать само существование детей;

3) сосредоточенность системы учреждений в ведомствах, реализующих заботливый и гуманный подход к детям, в том числе к несовершеннолетним правонарушителям;

4) взаимодействие социального воспитания, социальной профилактики и социально-правовой охраны детства;

5) оперативность и гибкость в поиске новых постоянных и временных структур, органов, форм и методов работы;

6) стремление сформировать систему органов и учреждений государственного и общественного характера, обеспечивающую достижение целей и задач социально-правовой охраны в предупреждении правонарушений несовершеннолетних;

7) формирование многоуровневой по целевому назначению системы учреждений: социального воспитания, помощи, мер по профилактике правонарушений;

8) активное использование общественности для борьбы с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних, оказание детям помощи в адаптации к новым условиям жизни.

В целом рассматриваемая система, опираясь на научно обоснованную концепцию социально-правовой охраны несовершен-

⁵ См.: Кудлай Т. П. Указ. соч. С. 241.

нолетних и борьбу с беспризорностью и преступностью в их среде, и основная линия ее развития в рассматриваемый период были прогрессивными.

Для дальнейшего совершенствования государственных мер по профилактике правонарушений несовершеннолетних было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 г., которое определило целью быструю ликвидацию детской преступности¹.

Существующая система борьбы с преступлениями и иными правонарушениями несовершеннолетних была реорганизована, ликвидированы комиссии по делам несовершеннолетних, детские социальные инспекции, исправительно-воспитательные учреждения переданы из Наркомпроса в Народный комиссариат внутренних дел СССР, расширилась сеть трудовых колоний, изоляторов и приемников-распределителей. На основании приказа НКВД СССР от 31 декабря 1940 г. № 1208 были созданы детские комнаты милиции. Их деятельность была изложена в данном приказе и дополнена в Инструкции о порядке изъятия органами милиции безнадзорных и бесправных детей с улиц, общественных и других мест возможного их пребывания, утвержденной приказом НКВД СССР от 28 июня 1944 г. № 312.

Одновременно велись поиски новых структурных элементов профилактической работы. Так, в районных и городских Советах крупных городов были созданы секции по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. В домоуправлениях вводились штатные работники по организации культурного досуга детей. При отделах народного образования созданы отделы трудового детства.

В период Великой Отечественной войны возникли новые проблемы в борьбе с преступностью несовершеннолетних. Потеря родителей, ухудшение материального положения, свертывание многих детских учреждений, разрушение жилищ – все это вновь породило массовую беспризорность и преступность несовершеннолетних. В соответствии с постановлением СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родите-

лей» от 23 января 1943 г.² при исполкомах местных Советов были созданы комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей. В задачи комиссий входили устройство нуждавшихся в этом детей и подростков в детские дома и семьи трудящихся, их трудоустройство, оказание материальной помощи.

В годы войны стала расширяться сеть детских домов, приемников-распределителей, был возрожден семейный патронат, увеличилось количество школ и ФЗО, из государственного бюджета на эти цели было выделено 6,6 млрд рублей.

В соответствии с постановлением СНК СССР «Об усилении борьбы с детской безнадзорностью, беспризорностью и хулиганством» от 15 июня 1943 г. были образованы детские учреждения нового типа. Это закрытые воспитательные учреждения со специальным режимом – детские воспитательные колонии органов внутренних дел, которые в дальнейшем были реорганизованы в специальные школы органов просвещения и специальные профессионально-технические училища. Они предназначались для подростков, совершивших мало-значительные преступления, а также воспитанников детских домов за антиобщественное поведение. Из этого следует, что уголовная политика учитывала вынужденный характер большинства преступлений несовершеннолетних в период войны. По существу, вновь возрождался институт мер, заменяющих уголовные наказания.

Таким образом, в годы войны и в первые послевоенные годы произошло обновление структуры системы предупреждения правонарушений несовершеннолетних. При этом для репрессивного периода становления данной системы (1935–1955 гг.) характерно сохранение принципа приоритета государственных начал в профилактической работе. Вместе с тем деятельность системы имела свои особенности³:

1) концентрация основных обязанностей по осуществлению профилактической работы в органах внутренних дел и юстиции, реализующих линию уголовно-правовой борьбы с преступностью несовершеннолетних;

² См.: Предупреждение правонарушений и охрана прав несовершеннолетних: Сб. нормат. актов. М., 1959. С. 164.

³ См.: Кудлай Т. П. Указ. соч. С. 249–250.

¹ См.: СЗ СССР. 1935. № 32. Ст. 252.

2) постепенное сокращение участия неспециализированных субъектов профилактики из числа учреждений социального воспитания и медицины;

3) развитие структуры органов специальной профилактики правонарушений несовершеннолетних (приемники-распределители, исправительно-воспитательные учреждения со специальным режимом, специальные участки народных судов и др.);

4) активизация общественности в военное время и послевоенные годы (семейное патронирование, комиссии по работе среди детей и подростков профсоюзных комитетов, рейды, патрули и объединения комсомола, шефство трудовых коллективов и т. п.);

5) применение гуманных принципов, заложенных в 1920-е гг., и стремление ограничить последствия культа личности Сталина в сфере предупреждения правонарушений несовершеннолетних, обусловившего перенос центра тяжести на репрессии.

К середине 1950-х гг. общесоциальные меры профилактики стали все больше дополнять уголовно-правовые меры борьбы с преступностью несовершеннолетних. Так, в 1957–1958 гг. комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, были преобразованы в комиссии по устройству детей и подростков. Они дополнительно получили право на направление несовершеннолетних в закрытые воспитательные учреждения и координацию профилактической деятельности различных государственных органов и общественных организаций.

Комиссии по делам несовершеннолетних, создаваемые при исполкомах Советов народных депутатов на районном, городском и областном уровнях, стали органом, объединяющим и координирующим всю работу по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. Республиканские комиссии осуществляли руководство и методическую помощь местным комиссиям.

Они создавались на базе комиссий по устройству детей и подростков и, по существу, воссоздавали тип учреждений, который существовал в 1920–1930-е гг., но с существенным усилением координирующих и контролирующих функций.

Одним из недостатков существовавшей тогда системы была рассредоточенность мер, применяемых к несовершеннолетним: административные комиссии рассматрива-

ли дела о мелком хулиганстве детей, народный суд имел право налагать штрафы на работающих подростков, товарищеский суд рассматривал дела о повторном мелком хулиганстве. Комиссии вместо непосредственного применения мер передавали их в дублирующие инстанции (например, материалы о правонарушениях несовершеннолетних передавались в общественные организации по месту учебы, работы или жительства). По-прежнему не было достаточного ресурсного обеспечения.

В 1966–1967 гг. расширилась компетенция комиссий по делам несовершеннолетних, были уточнены их права и обязанности, однако они не были обеспечены необходимыми ресурсами и не устраняли вышеотмеченные недостатки¹.

Для исследуемого периода характерно расширение системы социального воспитания: росла сеть общеобразовательных школ, школ-интернатов, пришкольных интернатов в сельской местности, профтехучилищ с различным сроком обучения. Все учреждения социального воспитания были государственными.

В 1970-х гг. впервые на законодательном уровне была урегулирована деятельность органов профилактики несовершеннолетних. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних, приемников-распределителей для несовершеннолетних и специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 15 февраля 1977 г.² стал правовой основой реорганизации детских комнат милиции и инспекции по делам несовершеннолетних, закрепил на законодательном уровне функции приемников-распределителей для несовершеннолетних правонарушителей.

В последующие пятнадцать лет было издано значительное число законов, правовых актов, постановлений, направленных на активизацию общественности в предупреждении преступности среди несовершеннолетних. Например, Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и дальней-

¹ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1967. № 23. Ст. 536; 1969. № 4. Ст. 89.

² См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 8. Ст. 13; 1988. № 22. Ст. 18.

шим развитием системы народного образования в СССР» от 24 декабря 1958 г.; Положение о добровольных народных дружинах (1960 г.); постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» от 11 ноября 1966 г.; Положение о детских комнатах милиции на общественных началах от 13 февраля 1969 г.; Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах добровольных народных дружин по охране общественного порядка» от 20 мая 1974 г.; постановление ЦК КПСС «О состоянии борьбы с преступностью в стране и дополнительных мерах по предупреждению правонарушений» от 2 апреля 1988 г.

Основа этих документов – передача общественности значительной части функций по предупреждению совершаемых несовершеннолетними правонарушений. Из лиц, имеющих опыт общественной работы среди детей, выдвигались общественные инспекторы. В их числе было много учителей, работников детских учреждений, пенсионеров. Однако навязывание этих инспекторов «сверху», отсутствие морального и материального стимула, системы обучения общественников обрекли значительную часть правовых актов по этим вопросам на фактическое бездействие.

В эти же годы появился новый институт индивидуальной профилактики – общественные воспитатели¹, основной задачей которых стало оказание помощи родителям или лицам, их заменяющим, в перевоспитании несовершеннолетних правонарушителей. Было определено десять категорий несовершеннолетних, нуждающихся в особом внимании, урегулирован порядок назначения общественных воспитателей комиссиями по делам несовершеннолетних на основании определения, приговора или постановления суда. Тем самым в отличие от шефов эта категория получила правовой статус.

Общественный воспитатель наделялся достаточно большими полномочиями, позволяющими успешно предупреждать антиобщественное поведение. Вместе с тем ана-

лиз деятельности общественных воспитателей, а также результатов исследований свидетельствует о низкой эффективности данного социального института. Большинство подростков, совершивших преступления, не были охвачены данной формой воспитания, хотя на учете в инспекции по делам несовершеннолетних состояло более половины из них. Кроме того, имел место формальный подход к назначению общественных воспитателей. Недостаточная правовая и педагогическая подготовка взрослых, даже желающих работать с детьми, часто приводили к тому, что они не могли воспрепятствовать подростку встать на преступный путь.

Так, в процессе изучения уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних было установлено, что к каждому четвертому, привлеченному к уголовной ответственности, ранее были назначены наставники или общественные воспитатели².

Таким образом, в течение третьего этапа формирования системы в законодательстве и практической работе среди несовершеннолетних утверждался приоритет общественных начал.

Это обстоятельство с учетом названных выше проблемных ситуаций, свидетельствующих о поспешных решениях в этой сфере, стало одним из препятствий, предопределивших бездейственность системы предупреждения правонарушений несовершеннолетних в целом.

Так, за период 1960–1986 гг. число выявленных преступлений, совершенных несовершеннолетними, увеличилось в 2,3 раза, количество участников – в 1,7, а число осужденных – почти в 8 раз, коэффициент (по числу преступников 14–17-летнего возраста) вырос с 69,3 до 106 %, т. е. на 53 %.

В 1989 г. резко возросла преступность несовершеннолетних – на 16 %³.

Таким образом, третий этап развития системы предупреждения правонарушений несовершеннолетних характеризовался следующими особенностями:

1) функционирование в условиях административно-командной системы управления, ориентирующегося на защиту интересов ведомств, что обусловило разобщен-

¹ См.: Положение об общественных воспитателях несовершеннолетних: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1967 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1967. № 5. Ст. 1239.

² См.: Кудлай Т. П. Указ. соч. С. 261.

³ См.: Преступность и правонарушения в СССР: Стат. сб. за 1989 г. М., 1990. С. 82.

ность, нескоординированность деятельности различных органов;

2) безучастность учебных заведений к судьбам подростков и активное включение в раннюю профилактику правоохранительных органов;

3) искажение отчетности, «бумажный» стиль работы, отход от интересов личности, утверждение «двойной морали»;

4) формализм в работе общественности, ее некомпетентность в вопросах социально-правовой охраны, признание общественным мнением главенства карательных мер вопреки законодательным декларациям;

А. А. Ашин,

*старший преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России*

кандидат юридических наук

Д. А. Иванов,

курсант 4 А курса ВЮИ ФСИН России

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО ИТК РСФСР 1970 г.

Исправительно-трудовое законодательство России в период действия ИТК РСФСР 1970 г. имело своей задачей обеспечение исполнения уголовного наказания с тем, чтобы оно не только являлось карой за совершенное преступление, но исправляло и перевоспитывало осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважения к правилам социального общежития, предупреждало совершение новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, а также способствовало искоренению преступности (ст. 1 ИТК РСФСР)¹.

В соответствии с ИТК РСФСР несовершеннолетние осужденные отбывали наказания в виде лишения свободы в воспитательно-трудовых колониях (ВТК). Правовому регулированию деятельности ВТК в ИТК РСФСР была отведена целая глава.

Согласно гл. 13 ИТК РСФСР существовало два вида ВТК: усиленного и общего режимов.

5) слабое развитие трех ведущих подструктур – органов социального воспитания, социальной профилактики и социально-правовой охраны несовершеннолетних со значительным отставанием последних;

6) ресурсные диспропорции по отношению к задачам и функциям.

Таким образом, большое теоретическое и правовое наследие государственной системы профилактики РСФСР и СССР целесообразно использовать в научной и практической деятельности с учетом современного правового и социально-экономического развития Российской Федерации.

В ВТК общего режима содержались несовершеннолетние женского и мужского пола, впервые осужденные к реальному лишению свободы с изоляцией от общества.

В ВТК общего режима существовало два вида условий: обычные и улучшенные. Несовершеннолетние осужденные, содержащиеся в обычных условиях, проживали в жилых помещениях типа общежития; имели право в течение года: на предоставление 4 краткосрочных и 4 длительных свиданий, получение 8 посылок, передач и бандеролей (ст. 75 ИТК РСФСР).

Лица, содержащиеся в ВТК в улучшенных условиях, кроме права на 6 краткосрочных и 6 длительных свиданий, 12 посылок в год, обладали важным преимуществом – им полагался ежегодный отпуск с правом выезда за пределы ВТК (ст. 75 ИТК РСФСР).

Основаниями для перевода осужденных в улучшенные условия содержания в колониях общего режима были: отбытие ¼ срока наказания; хорошее поведение и честное отношение к труду и обучению.

Перевод осужденного в улучшенные условия содержания производился по постановлению начальника колонии и заключался по общему правилу в одновременном увеличении суммы денег, разрешаемой к расходованию на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, и количества свиданий до максимальных пределов².

Согласно статистическим данным за 1989 г., приводимым ВНИИ МВД СССР, количество осужденных, содержащихся в

¹ См.: Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. М., 1996. С. 3.

² См.: Комментарий к Исправительно-трудовому кодексу РСФСР. М., 1973. С. 197.

ВТК общего режима, составило 76 % от общего числа несовершеннолетних осужденных. Из них лица, совершившие кражу впервые, составляли 41,5 %; умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах – 1,2 %; умышленное тяжкое телесное повреждение – 2,2 %; изнасилование – 21,8 %; хулиганство – 9,3 %¹.

В ВТК усиленного режима были более строгие условия содержания. Здесь содержались лица мужского пола, ранее уже отбывавшие наказания в виде лишения свободы, а также те, кто был переведен в ВТК усиленного режима из ВТК общего режима. Статья 53 ИТК РСФСР гласила, что это может иметь место в тех случаях, когда лица, содержащиеся в ВТК общего режима, допускают там злостные нарушения режима.

Согласно статистическим данным ВНИИ МВД СССР за 1989 г., доля несовершеннолетних, содержащихся в ВТК усиленного режима, составила около 24 % от общего числа осужденных. Среди лиц, отбывавших наказания за грабежи и разбои, так же, как и среди несовершеннолетних, судимых за кражи, была велика доля специального рецидива – 45,9 % из них повторяют это преступление².

Труд во все времена существования пенитенциарного права считался основным видом исправления осужденных, поэтому не случайно в ст. 37 ИТК РСФСР было записано, что каждый осужденный обязан трудиться.

Организация труда осужденных несовершеннолетних имела специфическую направленность. Большое внимание уделялось учебно-производственной деятельности и профессионально-техническому обучению. Несовершеннолетние осужденные трудились в мастерских, цехах и подсобных хозяйствах. В большинстве ВТК для этих целей имелось самостоятельное производство типа завода, фабрики, а также были созданы и соответствующим образом оснащены учебно-производственные мастерские, профессионально-технические училища³.

Несовершеннолетний осужденный после того, как ему исполнялось восемнадцать лет, переводился в исправительно-трудовую ко-

лонию общего режима. Однако в теории исправительно-трудового права существовало положение, согласно которому при определенных условиях осужденный мог оставаться в пределах ВТК до достижения им двадцатилетнего возраста (ст. 78 ИТК РСФСР). Основанием для принятия такого решения могли быть: завершение осужденным общего образования или если до истечения его срока лишения свободы осталось менее 1–2 лет, а также из интересов личной безопасности. В данной норме реализовывался закрепленный в законе принцип: осужденный к лишению свободы должен отбывать весь срок наказания, как правило, в одном исправительно-трудовом учреждении.

В ИТК РСФСР также применялось такое основание для оставления в ВТК, как «твердо встал на путь исправления». С нашей точки зрения, данный термин является сугубо оценочным и можно «подгонять» под это различные основания, например, добросовестное отношение к труду, ненарушение режима содержания в течение определенного срока, с положительной стороны зарекомендовал себя перед руководством, т. е. о каких бы то ни было определенных рамках этого понятия говорить очень сложно.

Принимая во внимание, что суд применяет лишение свободы только в исключительных случаях, а именно когда он не может применить более мягкого наказания, то тогда в ВТК должны были помещаться только несовершеннолетние, совершившие особо опасные преступления. Это положение наиболее отчетливо просматривается в процессе анализа документов по специальной переписи.

Важным преимуществом ИТК РСФСР 1970 г., по сравнению с ранее действовавшими Исправительно-трудовыми кодексами, была прогрессивная система отбывания наказаний, заключавшаяся в более широких возможностях использования администрацией ВТК мер поощрения и взыскания для осужденных. В основном это выражалось в следующем: изменение условий содержания осужденных несовершеннолетних в лучшую сторону в пределах одной колонии; перевод осужденных, злостно нарушающих требования режима в ВТК общего режима, в ВТК усиленного режима.

Данные положения прогрессивной системы отбывания наказания легли в основу

¹ См.: Лысягин О. Б. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в ВТК. По материалам специальной переписи 1989 г.: Пособие. М., 1991. С. 21–22.

² См.: там же. С. 22.

³ См.: Комментарий к Исправительно-трудовому кодексу РСФСР. С. 191.

ныне действующего уголовно-исполнительного законодательства.

Таким образом, целью ВТК, как и любого исправительно-трудового учреждения, были исправление и перевоспитание несовершеннолетних, осужденных к реальному лишению свободы с изоляцией от общества. На наш взгляд, деятельность ВТК должна была носить более выраженный воспитательный характер. Закрепляя в ИТК РСФСР 1970 г. отдельные исправительно-трудовые учреждения для несовершеннолетних, законода-

Д. А. Ерин,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук, доцент

Ю. Г. Бубнова,

старший инспектор адъюнктуры

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук

ВЕДОМСТВЕННАЯ МИЛИЦИЯ

ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1924–1929 гг.

В декабре 1921 г. в Советской республике была ликвидирована промышленная милиция. Однако это не означало ликвидации охраны промышленных и хозяйственных объектов, поскольку необходимость в этом сохранялась. В результате поисков новых организационных форм и в первую очередь по инициативе губернских милиций была найдена новая форма организации охраны промышленных объектов – ведомственная милиция.

В 1922 г. почти во всех территориальных образованиях республики, в том числе и во Владимирской губернии, стали формироваться различные виды вооруженной охраны предприятий и учреждений, такие как: фабрично-заводская, горная, торговая и др. Как правило, они подчинялись начальнику милиции города, уезда или района и содержались за счет охраняемых ими фабрик и заводов. Начальник милиции республики И. Ф. Киселев отмечал, что «начало существования ведомственной милиции относится примерно к 1922 г., и создание ее происходило не сверху, по распоряжению центральных органов, а снизу, по инициативе с мест. После ликвидации различных видов милиции, имевшихся

тель исходил из основополагающего принципа исправительно-трудового законодательства – раздельного отбывания наказаний в виде лишения свободы несовершеннолетними осужденными от взрослых. Основной задачей изолированного исполнения наказаний в виде лишения свободы несовершеннолетних осужденных от взрослых являлось исключение возможности наложения преступного опыта на несформировавшуюся психику и мировоззрение несовершеннолетнего, отбывающего наказание.

ранее в составе общегосударственной милиции, и ограничения работы последней только выполнением общих задач по охране революционного порядка и безопасности совершенно естественным стал вопрос о порядке охраны имущества, принадлежащего государству, и организации для этой цели каких-либо специальных видов вооруженной охраны»¹. Данный процесс был связан с переходом государства к нэпу, так как в этот период стали возникать новые формы собственности: частная, акционерная, общественная и др. Новые владельцы мастерских, фабрик и заводов стали организовывать свои охранные службы, которые нередко были связаны с преступным миром, что осложняло и без того тяжелую криминальную обстановку в стране. К тому же такие охранные подразделения фактически не подчинялись НКВД РСФСР. Сложившаяся ситуация требовала принятия соответствующих мер, результатом которых стало постановление СНК РСФСР от 6 февраля 1924 г. о создании ведомственной милиции. В январе 1925 г. НКВД РСФСР совместно с НКЮ РСФСР, Рабоче-крестьянской инспекцией, наркоматами внешней и внутренней торговли, финансов, земледелия, путей сообщения, Реввоенсоветом, ОГПУ издал Положение о ведомственной милиции и Инструкцию о порядке организации ведомственной милиции и ее деятельности, а также Инструкцию о порядке несения ведомственной милицией охраны. Все эти нормативные правовые акты вводились в действие на территории всего Российского государства приказом НКВД РСФСР

¹ Органы внутренних дел России. 1802–2002: В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 156.

от 24 февраля 1925 г. № 29¹. Согласно общим положениям о ведомственной милиции ее основными задачами являлись: «... а) охрана разного рода имущества, принадлежащего разным предприятиям и учреждениям, а также частным, имеющим государственное значение предприятиям; б) выполнение всех обязанностей по охранению общественного порядка и спокойствия в пределах территории, занимаемой этими предприятиями и учреждениями; в) производство в пределах тех же территорий дознаний...»². Ведомственная милиция должна была организовываться и содержаться за счет обслуживаемых ею предприятий и учреждений на договорных началах. Положение устанавливало, что ведомственная милиция могла подразделяться на специальные виды в зависимости от характера и назначения отдельных предприятий и учреждений (горно-приисковая, промысловая, фабрично-заводская, торгово-промышленная, кредитно-финансовая, портовая, ярмарочная, курортная и др.). В своей деятельности ведомственная милиция должна была подчиняться всем узаконениям, приказам, инструкциям и распоряжениям, действующим в отношении общегосударственной милиции. Порядок несения службы и специальные обязанности, которые возлагались на ведомственную милицию, могли устанавливаться разрабатываемыми на местах особыми правилами «... детально регулируемыми, соответственно с характером и местными особенностями предприятий», по согласованию с администрацией предприятий и учреждений³.

Общее руководство деятельностью ведомственной милиции осуществлял начальник милиции РСФСР, а для непосредственного руководства в отделе милиции Центрального административного управления НКВД РСФСР (ЦАУ НКВД) был образован подотдел ведомственной милиции, на который возлагались общий надзор, контроль и руководство деятельностью и работой всех видов ведомственной милиции, разработка и проведение в жизнь общих положений и правил, нормирующих организацию и специальную службу всех видов

ведомственной милиции, а также составление и разработка проектов соглашений и типовых договоров с соответствующими ведомствами и предприятиями.

На местах, в пределах губернии или области, общее руководство деятельностью ведомственной милиции возлагалось на соответствующего начальника общегосударственной милиции. Причем в тех случаях, когда на территории губернии имелось не менее 15 учреждений и предприятий, обслуживаемых ведомственной милицией, или же общее число милиционеров превышало 150 человек, то в составе административных отделов губернских исполнительных комитетов учреждались отделения ведомственной милиции на правах подотделов. Во главе отделения ведомственной милиции стоял начальник, который пользовался правами начальника милиции губернии.

В случае, если на предприятии и в учреждении личный состав ведомственной милиции насчитывал более 50 человек, то там организовывалось отделение ведомственной милиции по особому штату. Когда же численный состав ведомственной милиции был менее 50 человек, то она непосредственно подчинялась либо начальнику отделения государственной милиции либо начальникам уездной или районной (волостной) милиции. Особое внимание при организации ведомственной милиции обращалось на то, что на каждые 5–10 милиционеров должна была учреждаться должность старшего милиционера⁴. Предполагалось, что вся ведомственная милиция должна содержаться за счет охраняемых предприятий и организаций.

Уже к сентябрю 1924 г. ведомственная милиция была сформирована более чем в 30 губерниях РСФСР, которая обслуживала около 520 разных предприятий, учреждений и организаций.

Во Владимирской губернии к формированию ведомственной милиции приступили к лету 1924 г., практически сразу после опубликования основных положений по организации ведомственных милиций в республике. Особое место в деле организации ведомственной милиции занял очередной губернский съезд начальников мили-

¹ См.: Сборник приказов начальника ЦАУ НКВД – начальника милиции республики. М., 1925. № 4.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 39.

⁴ См.: там же. С. 41.

ций и начальников отделений уголовного розыска Владимирской губернии, представителей губернского суда и губернской прокуратуры, который состоялся 8 июня 1924 г. На этом съезде среди основных текущих вопросов, касающихся деятельности губернской милиции, был обсужден вопрос о создании подразделений ведомственной милиции губернии. Не случайно на съезде было принято решение, в котором указывалось, что «... в области введения ведомственной милиции признать, что организация на территории Владимирской губернии таковой является необходимой и ввиду сокращения штатов общей милиции и уголовного розыска таковая, несомненно, поможет увеличить борьбу со всеми видами преступлений во всех городах, фабричных и заводских поселках... а также явится, несомненно, более надежным элементом по охране государственных и хозяйственных органов»¹.

Эта организация осуществлялась путем замены сторожей вооруженной охраны на милиционеров ведомственной милиции либо путем организации новых подразделений ведомственной милиции. Так, руководство владимирской уездно-городской милиции предварительно собрало сведения о количестве предприятий всех форм собственности на территории города Владимира и уезда с целью выяснения, кто, как и какие предприятия охраняет. На 16 мая 1924 г. вооруженной охраной, в которой насчитывалось 35 человек, контролировалось 11 предприятий (2 частных и 9 государственных и кооперативных)². Практика показывала, что руководство предприятий считало вооруженную охрану недостаточно эффективным средством в борьбе с участвовавшими хищениями на предприятиях, которые совершались как самими работниками, так и посторонними лицами. Неэффективность работы объяснялась тем, что, во-первых, вольнонаемные сторожа вооруженной охраны имели права производить личный досмотр граждан, чем пользовались правонарушители. Об этом свидетельствует переписка между руководством фабрики им. Карла Либкнехта, находящейся в селе Сергеиха Быковской волости Владимирского

уезда, с начальником владимирской уездно-городской милиции Беляевым, в которой обсуждался вопрос об учреждении на фабрике должности милиционера, находящегося в распоряжении начальника волостной милиции и обладающего правом производства обыска рабочих на территории фабрики с целью предотвращения хищений³. А во-вторых, по свидетельству директора фабрики им. Кутузова в селе Ставро, сторожа вооруженной охраны плохо знали свои прямые обязанности⁴.

Окончательно вооруженная охрана Владимирской губернии была реорганизована в ведомственную милицию 30 сентября 1924 г.⁵

Причем необходимо отметить, что инициатива по организации ведомственной милиции исходила как со стороны администрации предприятий, так и от руководства уездно-городских милиций. Ввиду того, что в исследуемый период, особенно в первой половине 1920-х гг., по всей стране происходило сокращение общей милиции и уголовного розыска, руководство уездных и городских милиций шло по пути увеличения ведомственной милиции с возложением на последнюю обязанностей по охране общественного порядка на территории фабричных поселений. С этой целью руководство уездно-городских милиций нередко само выступало с инициативой организации ведомственной милиции на фабриках и заводах, преследуя одновременно две цели: с одной стороны, организовать охрану предприятий от расхитителей, а с другой стороны, привлечь ведомственную милицию к выполнению функций государственной милиции. Так, например, 15 октября 1925 г. начальник владимирской уездной милиции Беляев направил письмо в фабрично-заводское управление фабрики «Комавангард», в котором отмечал, что «... ввиду малого количества милиционеров Собинской волостной милиции и большого района, занимаемого Собинской волостью... обслуживание фабричного поселка и Вашей фабрики затруднительно... вносим предложение об организации ведомственной милиции для обслуживания фабрики

¹ ГАВО, ф. 307, оп. 1, д. 33, л. 213.

² См.: там же, ф. 308, оп. 1, д. 124, л. 3.

³ См.: там же, л. 20.

⁴ См.: там же, л. 33.

⁵ См.: там же, л. 84.

ки и поселка... в количестве 10 человек (1 старший и 9 младших милиционеров)»¹.

Как правило, основанием для создания подразделений ведомственной милиции являлось письменное прошение руководства предприятий и учреждений о возможности принятия их объектов под охрану ведомственной милицией или по инициативе руководства уездно-городских милиций с заключением соответствующего договора. В договоре указывались: объект охраны, срок охраны (как правило, от 3 до 6 месяцев), количество милиционеров, необходимое для охраны, а также число постов. Особо оговаривалось время суток, а также сумма, выделяемая предприятием на содержание каждого милиционера. Сумма финансирования зависела от финансового состояния предприятия. Так, например, в 1924 г. согласно договору с Владторгом об охране 2 магазинов и лесного склада в городе Владимире оплата на содержание каждого милиционера составляла 33 рубля; согласно договору с Владимирским отделением Нижегородской базы сахартреста – 20 рублей, а оплата содержания ведомственной милиции, осуществляющей охрану Торговых рядов города Владимира, составляла 40 рублей на каждого милиционера². К ноябрю 1924 г. почти по всей территории уезда сумма на содержание милиционера достигла в среднем 45 рублей независимо от характера предприятия или организации (например, на фабрике им. К. Либкнехта, во Владимирском музее, художественной галерее и частной артели инвалидов им. 1 Мая платили одинаково). С весны 1925 г. сумма была вновь повышена, однако в этот период руководство уездной милиции стало подходить более дифференцированно к определению суммы взноса. Так, с государственных предприятий и организаций, как правило, взималось по 50 рублей за каждого милиционера, а с частных или кооперативных – по 55 рублей³. Исходя из практики содержания ведомственной милиции Владимирской губернии в период с октября 1925 г. по январь 1926 г. административный отдел губернского исполнительного комитета из-

дал циркуляр от 8 февраля 1926 г. № 40028, в котором устанавливался обязательный минимальный и максимальный размеры взноса на содержание одного ведомственного милиционера в пределах от 48 до 58 рублей⁴. Причем в эту сумму входили заработная плата милиционера, социальное страхование, содержание месткома, снабжение вооружением, снаряжением, обмундированием и орграсходы. Как правило, зарплата милиционера ведомственной милиции составляла 45,45 % от общей суммы взноса предприятия⁵. Так, например, если сумма взноса за одного ведомственного милиционера составляла 50 рублей в месяц, то из нее шло: на зарплату – 25 рублей, на обмундирование – 10 рублей 45 копеек, вооружение – 3 рубля 15 копеек, орграсходы (т. е. расходы на содержание ведомственной милиции и органов управления ею: 50 % на содержание губернского отделения ведомственной милиции, 50 % – уездных отделений) – 6 рублей 40 копеек, социальное страхование – 4 рубля 50 копеек, на местком – 50 копеек⁶.

Количество заключенных с предприятиями договоров на охрану постоянно росло, а вместе с этим увеличивалось количество милиционеров ведомственной милиции. Так, например, если на 1 августа 1924 г. владимирской уездно-городской милицией было заключено 13 договоров с различными предприятиями и учреждениями, то к 1 сентября 1926 г. ведомственная милиция Владимирского уезда насчитывала 65 милиционеров, охраняла 18 предприятий, а общая сумма договоров составляла 22 157 рублей⁷. Средняя заработная плата в ведомственной милиции к декабрю 1925 г. составляла: у милиционера – 30 рублей 80 копеек в месяц, у младшего состава – 38 рублей 50 копеек, у среднего состава – 64 рубля 68 копеек⁸.

Однако, несмотря на то, что ведомственная милиция была призвана осуществлять охрану государственных предприятий либо частных, имеющих государственное

¹ ГАВО, ф. 308, оп. 1, д. 164, л. 22.

² См.: там же, д. 124, лл. 43, 45, 55.

³ См.: там же, д. 123, л. 41.

⁴ См.: там же, д. 157, л. 23.

⁵ См.: там же, д. 123, л. 50.

⁶ См.: там же, д. 133, л. 41; д. 157, л. 1.

⁷ См.: там же, д. 163, лл. 2, 33.

⁸ См.: там же, л. 8.

значение, довольно часто руководство уездно-городских милиций заключало договоры на охрану с частными предприятиями и физическими лицами. Так, например, 17 июля 1924 г. был заключен договор на охрану фруктовых садов, арендуемых гражданином Блиновым, сроком на 2 месяца; 20 июля того же года – на охрану торговых рядов города Владимира; договор на охрану общественного порядка и спокойствия в районе расположения пивной № 5 города Владимира; 1 марта 1926 г. – с торговым комитетом города Суздаля на охрану предприятий: 3 чайных, 9 лавок, 4 булочных, 2 постоянных дворов, 4 трактиров, 1 магазина и 1 склада¹. В связи с этим Владимирский губернский исполнительный комитет издал специальный циркуляр «О неправомерностях в заключении договоров при формировании объединений ведомственной милиции», в котором особо подчеркивалось, что некоторые милиции включают в договоры условия принятия на себя обязанности охраны имущества частных предприятий, не имеющих государственного значения, «порядка в ресторанах, не допуская в них ссор, бесчинств и ругани», с назначением милиционеров и предоставлением администрации ресторанов права проверки несения милиционерами службы², что было совершенно не допустимо и противоречило циркуляру НКВД РСФСР от 23 мая 1924 г. № 217 и приказу по ГО от 10 июня 1924 г. № 63.

Кроме того, несмотря на наличие образца договора, утвержденного центральными органами, на местах допускались различные отклонения, причем некоторые из них напрямую противоречили основной задаче ведомственной милиции. В 1924–1925 гг. при заключении договоров о создании отдельных подразделений ведомственной милиции включался пункт о том, что «... милиция не отвечает за правильность охраны в случае отсутствия фонарей при складах и магазинах, а также в случае налетов вооруженных банд с нападением на охрану»³, так как вопросы о случаях освобождения милиции от ответственности не

должны были предусматриваться договором, а решались судом.

В некоторых случаях при заключении договора особо оговаривались различные аспекты охраны и организации розыска похищенного имущества, если на охраняемом объекте случится кража. Причем включение этих пунктов противоречило типовому образцу договора, утвержденному руководством НКВД СССР. Так, при заключении договора с Владимирским государственным универсальным магазином от 1 ноября 1924 г. указывалось, что «... в случае обнаружения кражи как во время караула, а равно и после, милиция обязана тотчас же принять соответствующие меры к розыску, причем расходы по таковому берет на себя...»⁴.

Характерной чертой некоторых договоров, особенно при организации фабрично-заводских милиций, было включение пункта о предоставлении милиционерам квартир с отоплением и освещением⁵.

При организации ведомственной милиции для охраны также особо важных государственных объектов, как, например, Владимирское отделение Госбанка, в договор от 16 января 1925 г. было включено дополнительное требование к милиционерам ведомственной милиции, а именно: стаж работы в милиции должен быть не менее 1,5 лет, из 5 требуемых милиционеров 3 человека должны быть членами РКП(б)⁶.

Необходимо отметить, что фактически с момента организации структура управления ведомственной милицией Владимирской губернии постоянно изменялась как на губернском, так и на уездных уровнях. Так, с момента образования руководство ведомственной милицией осуществлялось подотделом ведомственной милиции административного отдела губернского исполнительного комитета, а в уездах – соответственно уездного (хотя в приказе указывалось на то, что в пределах губерний «... учреждаются в составе административных отделов ГИКов отделения ведомственной милиции на правах их подотделов»)⁷. Причем эти подотделы и отделения существовали самостоятельно и на-

¹ См.: ГАВО, ф. 308, оп. 1, д. 124, лл. 47, 55, 68; оп. 1, д. 123, л. 103; оп. 1, д. 166, л. 48.

² См.: там же, л. 50.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 123, л. 10.

⁵ См.: там же, л. 14.

⁶ См.: там же, лл. 14, 20.

⁷ Сборник приказов начальника ЦАУ НКВД ... С. 40.

равне с подотделами государственной милиции и уголовного розыска. Особое место в системе ведомственной милиции губернии занимала ведомственная милиция Владимирского уездно-городского управления милиции, так как это управление, а соответственно и отделение ведомственной милиции обслуживало как губернский город, так и Владимирский уезд. Уездно-городское управление постоянно реорганизовывалось, а вместе с ним изменялась структура управления ведомственной милицией. Так, в октябре 1925 г. в связи с расформированием управления владимирской уездно-городской милиции на основании приказа начальника административного отдела Владимирского губернского исполнительного комитета от 10 октября 1925 г. № 3 отделение ведомственной милиции было расформировано, все функции ведомственной милиции по губернскому городу были переданы подотделу ведомственной милиции губернского административного отдела, а по уезду – в отделение ведомственной милиции уездного управления милиции¹.

На основании приказа административного отдела Владимирского губернского исполнительного комитета от 19 февраля 1926 г. № 34 и во исполнение циркулярного распоряжения ЦАУ НКВД РСФСР от 10 февраля 1925 г. № 651 все подотделы ведомственной милиции при управлениях губернской и всех уездных милиций Владимирской губернии переименовывались в отделения с непосредственным подчинением начальнику подотдела милиции уездного управления милиции², что, естественно, снижало статус ведомственной милиции. Уже к осени 1926 г. состоялась новая реорганизация управления ведомственной милицией Владимирской губернии. Двадцать второго сентября 1926 г. начальник административного отдела губернского исполнительного комитета издал приказ № 84, в котором указывалось, что «... опыт работы за истекший год ведомственной милиции показал нецелесообразность существования самостоятельных губернского и уездных отделений... и для необходимости придания органам ведмилиции наиболее целесообразной формы организации, планово-мерности и единства в руководстве ими... а рав-

но достижения экономии средств... расходуемых на содержание самостоятельных отделений...»³ отделения ведомственной милиции необходимо упразднить. Самостоятельное отделение ведомственной милиции при губернском административном отделе было включено на правах отделения в подотдел милиции, а ведомственная милиция в уездных управлениях и в волостях подчинена начальникам уездных и волостных милиций. По всей видимости, этот приказ стал следствием неэффективной организации управления ведомственной милицией и серьезных недостатков в работе.

Так, после года существования ведомственной милиции во Владимирской губернии распространенным явлением стало принятие начальниками уездных милиций сотрудников сверх установленного штата за счет средств ведомственной милиции, причем эти сотрудники числились как милиционеры ведомственной милиции, а фактически работали в качестве журналистов, машинисток или делопроизводителей⁴.

Весьма распространенным недостатком в деятельности ведомственной милиции, особенно в сельской местности и рабочих поселках, было недобросовестное отношение к службе, которое проявлялось в халатном несении службы и употреблении спиртных напитков при исполнении служебных обязанностей. Так, во время празднования 1 Мая «... в Собинке почти вся милиция была пьяная... а администрация фабрики им. Лакина отмечает, что милиционеры ведомственной милиции приглашают на посты девчонок и бывают часто на постах пьяные...»⁵.

Однако, несмотря на некоторые недостатки в работе, ведомственная милиция Владимирской губернии оказалась весьма эффективной силой в охране и борьбе с расхищением имущества различных предприятий и учреждений. Кроме того, в период с 1924 по 1929 г. ведомственная милиция внесла существенный вклад в дело охраны общественного порядка и борьбы с преступностью на территории фабрично-заводских поселков, которых в губернии было немало, и фактически исполняла функции государственной милиции.

¹ См.: ГАВО, ф. 308, оп. 1, д. 155, лл. 6, 7 (об.).

² См.: там же, л. 34 (об.).

³ Там же, д. 157, л. 39.

⁴ См.: там же, л. 6.

⁵ Там же, ф. 327, оп. 1, д. 83, л. 51.

М. Г. Назарова,

старший преподаватель кафедры

гуманитарных дисциплин

ВЮИ ФСИН России

кандидат философских наук

Н. А. Масальская,

курсант 2-го курса ВЮИ ФСИН России

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И ИДЕИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Проблема глобализации остается одной из самых актуальных в настоящее время, хотя до конца 1980-х гг. понятие «глобализация» не использовалось в научной литературе. По утверждению одного из наиболее известных западноевропейских исследователей проблем глобализации У. Бека¹, «глобализация» является наиболее употребляемым, но в то же время наименее понятным словом или лозунгом последних лет. Осмысление понятия глобализации, ее сущности и результатов развития проводится также и в России.

В западной и отечественной научной литературе отмечается, что глобализация есть преобладающее направление в современной экономике, политическом развитии, поддержании экологического равновесия; одновременно утверждается, что с ней связаны самые разные угрозы человеческому развитию. Преобладает мнение, что вследствие глобализации происходит девальвация важнейших институтов цивилизации – государства и права². Несомненно, глобализация является сложным и противоречивым процессом современной жизни и требует всестороннего рассмотрения и осмысления.

По определению Международного валютного фонда, глобализация – это «в возрастающей степени интенсивная интеграция как рынков товаров и услуг, так и ка-

питалов»³. Не ограничиваясь экономической областью, глобализация охватила все сферы общества. Ее рассматривают в нескольких измерениях: как (мировую) систему национальных государств, мировую капиталистическую экономику, мировой военный порядок и международное разделение труда. В целом глобализация – весьма сложный и неоднозначный процесс; его характер, цели, способы и последствия по-разному оцениваются представителями вовлеченных в него культур.

Тема глобализации и глобализм как идеология этого планетарного явления стали в последние годы популярными по нескольким причинам. Во-первых, западный мир после 1970–80-х гг. занял роль мировой экономической доминанты. Во-вторых, информационная революция позволила «воедино связать» регионы планеты. В-третьих, крушение социалистической системы, а затем и кризис в Азии создали иллюзию победы либеральных ценностей в мировом масштабе. В-четвертых, серьезное значение имел растущий культурный обмен между странами периферии и «первым миром»⁴.

В настоящее время популярен тезис об Интернете как наиболее ярком воплощении глобализации в информационной сфере. В середине 2000 г., по данным, приводимым Д. Фельдманом, число пользователей Интернета составляло около 304 млн человек, при этом 88 % из них живут в странах, численность населения которых составляет менее 15 % жителей планеты. В США и Канаде, где живет менее 5 % мирового населения, сосредоточено более 50 % пользователей Интернета. В России на их число (по данным на 2003 г.) приходится около 1 % населения страны⁵. В связи с этим встает вопрос о дальнейшем развитии информационной деятельности в

¹ См.: Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. М., 2001.

² См.: Иванец Г. И., Червонюк В. И. Глобализация, государство, право // Государство и право. 2003. № 8. С. 87.

³ Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. С. 9, 36.

⁴ См.: Ракитянский Н. М. Россия и вызовы глобализации // Социс. 2002. № 4. С. 60–61.

⁵ См.: там же. С. 61.

России. Центры глобализации (перемен) остаются жестко локализованными в рамках западного мира. Но в России нет такого социального субъекта модернизации, который бы мог направить ее в русло постиндустриального капитализма, способного к информатизации.

Сегодня политики говорят о том, что Россия может войти в постиндустриальный мир путем создания и продвижения отечественных уникальных технологий. Однако история страны, традиции и нынешняя реальность российской жизни таковы, что даже если эти технологии и будут созданы, проданы или реализованы, то они не будут способствовать развитию России. Наоборот, в настоящее время в огромных количествах распродаются природные ресурсы, но существенного повышения жизненного уровня населения за последние 10 лет не наблюдается. Возможно, аналогичная ситуация сложится и при продаже технологий¹. Существует мнение, что реальное развитие страны и общества начнется только тогда, когда расширится внутренний рынок, а граждане страны будут иметь реальную возможность использовать современные технологии и их результаты и станут заинтересованными в технологическом прогрессе.

Благодаря информационным технологиям наиболее эффективным бизнесом стало преобразование живого человеческого сознания: индивидуального, группового и массового. М. Г. Делягин сформулировал ряд наиболее опасных в этом плане тенденций: 1) превращение процесса формирования сознания в сверхэффективный бизнес – эффект самопрограммирования, когда управляющие субъекты в лице национальных и транснациональных элит утрачивают адекватную политическую рефлексию; 2) профессиональное стремление PR-операторов и их хозяев решать проблемы реальной жизни страны методом «промывания мозгов»; 3) распространение информационных технологий связано со снижением ответственности субъекта управления; 4) возможность ограничения демократии².

¹ См.: *Ракитянский Н. М.* Указ. соч. С. 62.

² См.: *Делягин М.* Россия в условиях глобализации // *Независимая газ.* 2001. 11 апр.

В информационном обществе интенсивнее, чем в индустриальном, происходит распад социума на два класса: класс интеллектуалов, носителей знаний, и класс тех, кто не входит в новую информационную систему, господствующим товаром которой становится информация с коротким жизненным циклом. Это достаточно строгое разделение, так как интеллектуальный информационный класс имеет возможность создавать готовую продукцию без применения труда других. Начиная с середины 1970-х гг., имущественное неравенство в развитых странах растет, к нему присоединяется неравенство по информационному показателю (в информационном обществе знания превращаются в основной элемент общественного богатства). В итоге «мировая паутина Интернета» объединяет тех, кто имеет к ней доступ, и отсекает других, поэтому в результате могут возникнуть жесткие социальные, классовые противоречия³.

Под влиянием глобализации происходят серьезные изменения во всей политической структуре общества. Она изменяет реальное положение государства в политической структуре общества. С точки зрения глобалистов государство в новой реальности не будет доминирующей силой на мировой арене. Государства потеряют свою национальную идентичность. Происходит разрушение внутреннего суверенитета государства, обусловленное рядом обстоятельств планетарного характера: мощное влияние оказывают глобальные рыночные силы в лице транснациональных корпораций и финансово-промышленных групп (ТНК).

Глобализация самым непосредственным образом влияет на состояние демократии и политической стабильности как внутри отдельной страны, так и в определенном регионе мира, способствуя, с одной стороны, интернационализации и более тесному взаимодействию стран и цивилизаций; с другой, выполняя дезинтеграционную функцию.

Глобализация ускоряет процессы государствообразования, интенсифицирует увеличение количества государств. В эпоху глобализации растет число негосударств-

³ См.: *Ракитянский Н. М.* Указ. соч. С. 63.

венных субъектов, которые осуществляют функции, ранее относившиеся к сфере государственной деятельности. В экономической сфере мощь транснациональных корпораций превышает возможности правительства даже среднеразвитых стран. Возникает огромное количество международных неправительственных организаций (НПО) (религиозных, правозащитных, благотворительных, экологических и др.), которые оказывают большее влияние на общественное мнение, формирование политики, выработку законов, чем отдельные правительства.

Под влиянием глобализации происходит изменение характера и содержания государственной деятельности. Государства все больше занимаются решением глобальных проблем, таких как преступность, изменение климата, «озоновые дыры», наступление пустынь, выбросы углекислого газа, эпидемии, бедность. Это способствует объединению государств при решении сложнейших проблем выживания человечества.

Глобализация вызвала пересмотр прежнего деления государств на страны «первого», «второго» и «третьего мира». Возникает следующее соотношение: страны «первого мира» с тремя основными центрами силы – США, страны Европейского союза и Япония (на данную группу государств приходится около 80 % потока финансов и информации); страны «второго мира» – те, которые движутся за лидерами (Китай, Индия, Россия и некоторые др.); страны «третьего мира» – наименее развитые нации, обреченные на дальнейшее отставание¹.

Глобализация влияет на все сферы социальной и экономической жизни, диктует необходимость переосмысления не только роли государства, но и права в современном мире. Существует мнение ученых о том, что глобализация одновременно с ослаблением управляющей функции государства изменит прежние представления о регулятивной роли права. Страны, желающие войти в новую мировую систему, будут придерживаться экономических и политических правил по «Вашингтонскому консенсусу»: открытость, дерегуляция, прива-

тизация национальных экономик, ограничение суверенитета государства и др. В качестве институтов системы регуляции выступают: Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация и др. Существует и иное мнение, согласно которому глобализация способствует развитию национальной юридической системы, предполагает опережающее формирование юридического обеспечения. Таким образом, правовая система и само право рассматриваются как рычаг экономических преобразований в обществе.

Глобализация предполагает увеличение «прозрачности» границ между различными национальными, экономическими и политическими системами, что приведет к выработке новых общих норм поведения политических и экономических субъектов, использования общих «правил игры» на мировом рынке. В результате национальные правовые системы интернализуются, осуществляются их сближение, унификация ряда отраслей и институтов права и законодательства. В целом интернационализация права происходит путем правовой аккультурации, сближения (конвергенции) правовых систем, унификации и стандартизации права. Так, на основе европейских стандартов в области прав человека унифицируется гуманитарное национальное право.

Глобализация – это система открытого культурного обмена, заимствования образцов поведения и адаптации культурных стереотипов. Стандартизация все более проникает в сферу прав человека. Государства-члены сообщества ориентируются на международно-правовые стандарты в области гуманитарного права. Вызывают интерес также наднациональные механизмы защиты прав человека.

Глобализация сопровождается накоплением информации о гражданах, их поведении, созданием электронных баз данных о телеметрических параметрах каждого человека, структуре ДНК, отпечатках пальцев и т. д. По оценкам экспертов, к 2015 г. такие данные на 75 % жителей планеты будут находиться в закодированном виде в единой системе².

¹ См.: Ракитянский Н. М. Указ. соч. С. 63.

² См.: Иванец Г. И., Червонюк В. И. Указ. соч. С. 92.

В современном мире существует мнение, что такое негативное явление, как транснациональная преступность, выступает именно как следствие глобализации. Ученые-криминологи указывают на прямую связь между глобализацией и правонарушением: глобализация вызывает социальный протест, иногда принимающий преступные формы; порождает люмпенизацию и маргинализацию, увеличивая количество мелких правонарушителей; обогащает арсенал способов и средств совершения преступлений; затрудняет поиск и обнаружение преступников, детерминирует организованные формы преступности¹. Развитие информационного общества, транспортных средств способствует легкому перемещению из одной страны в другую.

В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция роста транснациональных криминальных сообществ. По данным ВНИИ МВД РФ, в России насчитывается 10 наиболее крупных преступных сообществ, в которые входят 240 мелких организованных групп численностью свыше 5 тыс. участников. Наблюдается устойчивая тенденция роста транснациональных криминальных сообществ. Ежегодно подразделениями по борьбе с организованной преступностью разрабатываются свыше 200 преступных формирований с международными связями².

Таким образом, глобализация – весьма сложный и противоречивый процесс; его

характер, цели, способы и последствия по-разному оцениваются представителями вовлеченных в него культур. Очевидно, что в результате глобализации практически все страны, в том числе и Россия, оказались вовлеченными в международные политические процессы, мировые финансовые, технологические и информационные потоки. Постепенно происходит распад социума на два класса: класс интеллектуалов, носителей знаний, и класс тех, кто не входит в новую информационную систему, господствующим товаром которой становится информация. Под влиянием глобализации происходят серьезные изменения в экономической, политической и правовой структурах общества: государства теряют свою национальную идентичность, мощное влияние оказывают глобальные рыночные силы в лице ТНК, унифицируется гуманитарное национальное право, транснациональная преступность выступает именно как следствие глобализации. Однако наряду с негативными есть и положительные последствия: государства все больше занимаются глобальными проблемами выживания человечества.

Все это свидетельствует о том, что явление глобализации необходимо изучать все-сторонне, искать адекватные механизмы регулирования в политической, правовой, экономической и других структурах общества.

И. Н. Кудряшов,
преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности ОВД
ВЮИ ФСИН России

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕТОДОВ КОНТРОЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Органы государственной власти, обладая определенной компетенцией, независи-

мо от ее объема и содержания, реализуют ее путем использования ряда методов.

Методы показывают, каким образом решаются стоящие перед субъектами государственного управления задачи. От правильного применения тех или иных методов при реализации задач и функций управления зависит эффективность государственного управления³.

Метод (от греч. *methodos*) – буквально «путь к чему-либо»⁴. Методы контроля отличаются по своему содержанию от других методов и образуют отдельную группу. Не-

¹ См.: *Иванец Г. И., Червонюк В. И.* Указ. соч. С. 92.

² См.: Российское государство и углубление реформ в контексте глобализации мировых процессов, внешних и внутренних угроз безопасности России, борьбы с организованной преступностью и коррупцией: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (18–20 апреля 2001 г.). Калуга, 2001. Вып. 1. С. 56.

³ См.: Советское административное право: Учеб. / Под ред. А. П. Коренева. М., 1986. С. 85.

⁴ Философский словарь / Ред.-сост.: Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лудченко. М., 1999. С. 278.

смотря на то, что существуют разногласия относительно числа обязательных признаков, свойственных методам контроля, характер их применения многие исследователи определяют как «властный императив»¹, «прямое управляющее воздействие»² или «властное обеспечение должного поведения подконтрольных объектов»³ и т. д.

Метод контроля фактически выражает разные аспекты практической деятельности государства в лице ее контрольных органов. В этом отношении методы контроля по своему содержанию близки к административно-правовым методам.

В настоящее время не выработано стройной и доступной системы методов контроля объединений граждан.

В свою очередь, отсутствие четко оформленной системы методов контроля деятельности общественных объединений граждан приводит к резкому снижению эффективности данного вида государственной деятельности, разного рода нарушениям со стороны участвующих в данных правоотношениях субъектов, а также к смешению форм и методов контроля деятельности объединений граждан, употреблению их в качестве синонимов.

Исходя из этого, формирование четкой системы форм и методов контроля деятельности общественных объединений со стороны органов юстиции является актуальным направлением современной теории государства и практики государственного управления.

Решению данной проблемы будет способствовать классификация форм и методов контроля общественных объединений по стадиям подконтрольного процесса на: предварительный, текущий и последующий контроль.

¹ Мецаев Б. К. Юридическая природа контрольной деятельности: теоретико-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 156.

² Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации. М., 2004. С. 264.

³ Савенко О. Е. Контрольная функция государственных органов: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 158.

С точки зрения управления *предварительный контроль* направлен на обеспечение при разработке решений возможности скоординировать, скорректировать и даже отменить принятие непродуманных управленческих решений.

Анализ положений текущего законодательства, регламентирующего контрольную деятельность органов юстиции в отношении объединений граждан, выявил небольшой удельный вес предварительного контроля в системе мер контрольного воздействия.

По мнению Н. Н. Калюжного, основной причиной крайне малой распространенности предварительного контроля в деятельности органов государственной власти является то, что его осуществление «требуется увеличения времени на процедуру принятия решения»⁴.

Однако с юридической, экономической и управленческой точки зрения целесообразно предупредить возникновение трудностей, чем бороться с их негативными последствиями.

Предварительный контроль, являясь наиболее эффективной формой контроля, что обусловлено целями его осуществления, требует тщательного изучения особенностей его включения в систему контроля по данному направлению деятельности.

Фактическое воплощение предварительный контроль находит в применении *методов превенции*.

В отношении органов юстиции, осуществляющих контроль деятельности общественных объединений, превентивным методом является принятие *решения о регистрации общественного объединения*.

Согласно ст. 1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» под государственной регистрацией юридического лица понимается акт уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляе-

⁴ Калюжный Н. Н. Конституционно-правовое регулирование контрольных функций деятельности органов исполнительной власти в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 36.

мый посредством внесения в государственный реестр сведений о создании, реорганизации и ликвидации юридического лица, а также иных сведений о юридическом лице¹.

Сущность государственной регистрации юридических лиц состоит в подтверждении легитимности создания юридического лица, а в отношении общественных объединений – и в возможности участвовать в правоотношениях как гражданских, так и публичных².

В соответствии со ст. 21–23 Федерального закона «Об общественных объединениях» принятие решения о регистрации общественного объединения носит ярко выраженный превентивный характер, что выражается в обязательном предоставлении определенного перечня документов общественным объединением в момент регистрации, установлении сроков рассмотрения данных документов и существовании оснований отказа в государственной регистрации объединения³.

Следует отметить, что отсутствие указания в законе на иные превентивные методы, по нашему мнению, является упущением, ввиду высокой эффективности применения данных методов в достижении целей контрольной деятельности.

Текущий (оперативный) контроль осуществляется в процессе управленческой деятельности⁴. А. П. Корнев отмечает, что этот вид контроля является элементом организаторской работы и позволяет осуществлять корректирование решений, регулирование системы управления⁵. Текущий контроль осуществляется «после регистрации общественных объединений...

¹ См.: О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федер. закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (в ред. от 02.07.2005) // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3431.

² См.: Шмалый О. В. Регистрация как форма государственного управления: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 109–110.

³ См.: Об общественных объединениях: Федер. закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (в ред. от 02.02.2006) // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

⁴ См.: Калюжный Н. Н. Указ. соч. С. 36.

⁵ См.: Основы управления в органах внутренних дел: Учеб. / Под ред. А. П. Корнева. М., 2001. С. 221.

за соответствием их деятельности уставным целям»⁶.

Фактическое выражение текущий контроль находит в применении органами юстиции пресекательных методов.

Пресекательные методы предназначены для прекращения противоправных действий и их вредных последствий⁷.

В. М. Горшенев и И. Б. Шахов считают, что методы пресечения направлены на стабилизацию, фиксацию, стимулирование и ограничение соответствующих действий участников контрольного процесса⁸.

Анализ законодательства, регулирующего деятельность общественных объединений, показывает, что система методов текущего контроля достаточно хорошо проработана законодателем в отношении предусмотренных законом мер контроля.

В ст. 38 Федерального закона «Об общественных объединениях» выделены такие методы, как:

1) запросы у руководящих органов общественных объединений их распорядительных документов;

2) направление своих представителей для участия в проводимых общественными объединениями мероприятиях;

3) проведение проверки соответствия деятельности общественных объединений их уставным целям;

4) запрос и получение информации о финансово-хозяйственной деятельности общественных объединений у органов государственной статистики, федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов и иных органов государственного надзора и контроля, а также у кредитных и иных финансовых организаций;

5) вынесение органом, принимающим решения о государственной регистрации общественных объединений, письменного

⁶ Автономов А. С., Беляева Н. Ю., Гуцин В. З., Кудрявцева Г. А., Шутько Д. В. Комментарий к Федеральному закону «Об общественных объединениях». М., 1996. С. 128.

⁷ См.: Савенко О. Е. Указ. соч. С. 164.

⁸ См.: Горшенев В. М., Шахов И. Б. Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987. С. 108.

предупреждения руководящим органам данных объединений с указанием конкретных оснований вынесения предупреждения и срока устранения указанного нарушения в случае выявления нарушения общественными объединениями Конституции РФ и законодательства РФ или совершения ими действий, противоречащих их уставным целям.

Необходимо заметить, что характеристика отдельных методов текущего контроля содержится в разных нормативных актах, что указывает на отсутствие единой системы методов контроля.

Последующий контроль (постконтроль) представляет собой самый распространенный вид контроля. Он осуществляется по окончании исполнения управленческого решения¹.

В отношении контроля деятельности общественных объединений граждан форма последующего контроля выражена в возможности применения мер принуждения к объединениям граждан, которые не выполняют законных требований органов юстиции, т. е. в возможности привлекать к ответственности общественные объединения за нарушение законодательства РФ.

По своей природе применение мер принуждения относится к *методам ответственности (последующего контроля)*. В их основе лежит «идея возмездия как негативная реакция государства и общества на совершенные правонарушения»².

Методы контроля, характерные для данной формы, содержатся в ст. 41–44 гл. 5 Федерального закона «Об общественных объединениях», хотя в системе методов контроля они отсутствуют.

Указанный закон предусматривает следующие методы ответственности:

- 1) приостановление деятельности общественного объединения;
- 2) ликвидация общественного объединения и запрета его деятельности.

В ч. 1 ст. 41 Федерального закона «Об общественных объединениях» установлено, что общественные объединения, в том числе не обладающие правами юридиче-

ского лица, несут ответственность за нарушения законодательства РФ.

Данное положение Федерального закона является основанием осуществления контроля деятельности общественных объединений со стороны органов юстиции путем применения методов ответственности.

Оценивая эффективность данного положения, необходимо отметить, что привлечение к ответственности, как и применение иных методов принуждения в отношении общественных формирований, не должно являться целью контрольной деятельности. Эффективнее предупредить совершение общественным объединением противоправных деяний, чем устранять их последствия путем их привлечения к ответственности.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать несовершенство существующей системы форм и методов контроля общественных объединений со стороны органов юстиции.

Проблемы функционирования системы контроля деятельности общественных объединений связаны не только со сложной структурой субъекта управления, но и неэффективным механизмом функционирования системы контроля.

Детальная проработка процессуальных аспектов контрольных проверок органами юстиции деятельности общественных объединений будет способствовать установлению истинного положения дел и реальных гарантий защиты прав граждан, повысит дисциплину в организации и исполнение возложенных на субъекты и объекты контроля полномочий.

Учитывая, что контрольная деятельность органов юстиции в отношении общественных объединений осуществляется на основе закона и в строгом соответствии с ним, следует выработать ряд нормативных актов, регламентирующих систему методов и методику производства контрольной деятельности органами юстиции в данной сфере.

Оптимальным вариантом нормативной регламентации системы методов контроля, а также методики их осуществления в отношении общественных объединений является их закрепление в Федеральном законе «Об общественных объединениях».

¹ См.: Калужный Н. Н. Указ. соч. С. 36.

² Савенко О. Е. Указ. соч. С. 163.

О. В. Маркина,
старший преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат исторических наук
А. С. Игнатьев,
курсант 4-го курса ВЮИ ФСИН России

СУЩНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Понятие «национализм» как категория научного анализа появилось в российской науке относительно недавно. В советской науке данный термин употребляли, обозначая реакционную буржуазную и мелкобуржуазную идеологию эксплуататорских классов, направленную на разжигание национальной вражды. Одновременно с этим в поработанных и зависимых странах проявлением национализма считалось движение, направленное на борьбу против империализма за национальную независимость.

Изменения политической ситуации в нашей стране, распад Советского Союза и обострение межнациональных противоречий во всем мире сделали теоретические исследования в данной области необычайно актуальными. В России появилось большое количество работ, принципиально меняющих взгляд на сам термин «национализм».

Исследуя зарубежный опыт, можно сделать вывод, что национализм в большинстве теорий рассматривается как основа для анализа исторического процесса. Он выдвигается на первый план в качестве движущей силы истории в противовес классовой борьбе.

Американский профессор Б. Шейфер определяет национализм как «групповую лояльность», выдвигая несколько положений, которые описывают его базовые атрибуты. Положения включают следующее: определенная территория, населенная каким-либо народом или желаемая им; народ, называемый нацией, имеющий общую культуру и способный к свободному общению внутри себя; любовь к общей земле, языку и исторической культуре; общее независимое государство или стремление иметь таковое; разделяемая всеми вера в общее происхождение и историю; предпочтительное и более уважительное отношение к соотечественникам, чем к инородцам; присущее всем чувство гордости за прошлые и настоящие достиже-

ния, равно как разделяемая всеми скорбь по бедам и несчастьям; безразличие или враждебное чувство к другим народам; преданность ассоциации, называемой нацией; разделяемая всеми надежда на будущее процветание нации и ее членов¹.

Ганс Кон определял национализм как «состояние ума», «акт сознания преобладающего большинства какого-либо народа», признающего «национальное государство в качестве идеальной формы организации народа». Для Кона национализм включает в себя веру в то, что человек должен проявлять «высшую преданность» своему народу².

Другими словами, с точки зрения зарубежных исследователей, национализм – это прежде всего национальное чувство. Следует отметить, что это чувство неотделимо от культуры предков и любви к Родине. Следовательно, можно определить это чувство как патриотизм. Если национализм тождественен патриотизму и национальному чувству, то он присущ всем временам и народам и бороться с ним или осуждать его равносильно борьбе с другими свойственными человеку чувствами.

Современный российский исследователь Виктор Строганов также разделяет понимание национализма как патриотического чувства. Он отмечает, что именно такой национализм пронизывает всю историю Российского государства³.

В свою очередь, Валерий Соловей считает, что разделять патриотизм и национализм все равно, что разделять своих хороших разведчиков и чужих плохих шпионов⁴. Один термин вызывает позитивные ассоциации, другой – отрицательные. Однако с научной точки зрения эти понятия разделить невозможно.

Существует мнение о том, что патриотизм является чувством любви к своей Родине, а национализм – антипатией к другим этносам. Однако в данном случае происходит подмена понятий, так как последнее определение относится к понятию «ксенофобия». Ксенофо-

¹ См.: Поздняков Э. А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М., 1994. С. 41.

² См.: Поздняков Э. А. Указ. соч. С. 39.

³ См.: Строганов В. И. Русский национализм, его сущность, история и задачи. М., 1997. С. 87.

⁴ См.: Хамраев В. Национализм вполне согласуется с демократией // Коммерсантъ-Власть. 2006. 4 сент. С. 26.

бия лишь отчасти пересекается с этнической враждой, она может быть направлена против социальных или культурных групп (например негативное отношение к гомосексуалистам). Социологические опросы свидетельствуют о распространении в современной России именно ксенофобии.

Вышесказанное подтверждают исследования, проведенные «Левада-центром» в августе 2006 г., согласно которым самыми популярными патриотическими лозунгами являются: «Россия для русских», «Россия должна ограничить приток приезжих» (их поддерживают 54 % респондентов). На втором месте находится лозунг «Русские в России живут беднее, чем представители других народов» (41 %), на третьем – «Во многих бедах России виноваты люди нерусских национальностей» (34 %) ¹.

Необходимо отметить, что национализм может приобретать различную окраску. Так, если он направлен на возвышение своей нации путем бережного сохранения традиций, развития экономики и культуры, объединения для совместного решения насущных проблем, в данном случае речь идет о патриотизме, а в качестве примера можно привести Японию, Бирму и др. Если чувство национального превосходства достигается путем лишения гражданских прав, унижения и гонений на представителей других наций, это уже ксенофобия, которая, как показывает исторический опыт, рано или поздно приведет к краху. Нацистская Германия – самый яркий пример этому.

Следовательно, именно государство и политическая элита должны разработать национальную стратегию в русле патриотизма и жестко пресекать проявления ксенофобии.

Советское государство с первых дней своего существования проводило национальную политику в русле интернационализма. Создание новой этнической общности «советский народ» решило проблему межэтнических конфликтов, по крайней мере, на официальном уровне и в средствах массовой информации. Процесс распада Советского Союза возобновил скрытые противоречия.

В 1988 г. бывший актер Дмитрий Васильев создал национально-патриотический фронт «Память», главным лозунгом которого

стал призыв «Россия для русских», однако в то время эти идеи не получили широкой поддержки. Однако уже на первых выборах в Государственную Думу в декабре 1993 г. победу по партспискам одержала ЛДПР, лидер которой Владимир Жириновский использовал националистическую риторику. Эксперты полагают, что избиратели тогда голосовали не столько за Жириновского, сколько против двух системных партий – КПРФ и «Выбора России».

В последующие годы патриотическая идея стала более популярной. Так, на выборах в Государственную Думу 1995 г. умеренно националистический «Конгресс русских общин» набрал 4,3 % голосов. В 1999 г. тот же умеренный национализм помог коммунистам победить блок «Единство». На выборах в 2003 г. главным носителем патриотических идей стал новый блок «Родина», получивший в итоге более 9 % голосов. Воплощением этих идей стал скандальный видеоролик «Очистим город от мусора», откровенно намекавший на необходимость изгнания из Москвы представителей южных республик. Политическая власть тогда заняла жесткую позицию, и «Родина» была снята с выборов «за разжигание национальной розни».

Говоря о современных политических партиях, следует отметить, что вокруг патриотической идеи так и не сложилось сколько-нибудь влиятельного политического движения. Это происходит, потому что простые люди часто не воспринимают патриотизм в политическом контексте. Поэтому само патриотическое направление в политике не получило дальнейшего развития. В массовом сознании людей национализм проявился в неприязни к другим нациям, которая впоследствии проявилась в насильственных действиях террористического характера.

Таким образом, необходима грамотная экономическая политика государства, направленная на улучшение качества жизни, материального положения граждан, а также четко сбалансированная национальная политика, учитывающая интересы всех наций и народностей, проживающих на территории России. Отсутствие такой политики порождает национализм, переходящий в ксенофобию, и представляет собой не что иное как адекватный ответ населения России на неспособность государственной власти решить целый ряд насущных проблем.

¹ См.: Коммерсантъ-Власть. 2006. 4 сент. С. 28.

Е. С. Ткаченко,
*старший преподаватель кафедры
пенитенциарной педагогики и психологии
ВЮИ ФСИН России*
кандидат психологических наук
А. Л. Посашкова,
курсант 5-го курса ВЮИ ФСИН России

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКА

Социальные кризисные процессы, происходящие в современном обществе, отрицательно влияют на психологию людей, порождая тревожность и напряженность, озлобленность, жестокость и насилие. Тяжелое экономическое положение страны привело к внутренним конфликтам в обществе, увеличению уровня распространенности и многообразия форм аморальных поступков, преступных деяний и других видов отклоняющегося поведения. Статистика свидетельствует о том, что среди лиц разных социальных и демографических групп наблюдаются разные виды отклоняющегося поведения. Сложившаяся ситуация отрицательно повлияла на подростков. Увеличилось число несовершеннолетних с девиантным поведением, проявляющимся в асоциальных действиях (алкоголизм, наркомания, нарушение общественного порядка, хулиганство, вандализм и др.). Усилилось демонстративное и вызывающее по отношению к взрослым поведение, в крайних формах стали проявляться жестокость и агрессивность. Появляются все новые виды отклоняющегося поведения: подростки участвуют в военизированных формированиях политических организаций экстремистов, рэкрете, сотрудничают с мафией, занимаются проституцией и сутенерством. Возросло число тяжких преступлений, конфликтов и фактов агрессивного поведения людей.

Для большинства несовершеннолетних, вставших на путь совершения преступлений, выбор такого варианта поведения непосредственно связан с личностными деформациями.

Отклоняющееся поведение детей и подростков имеет сложную многофакторную

природу, его изучение требует, во-первых, реализации системного подхода, выявляющего иерархию и взаимосвязь неблагоприятных факторов; во-вторых, применения сравнительного анализа, сопоставляющего условия благоприятного социального развития с процессом социопатогенеза; в-третьих, реализации междисциплинарного подхода, который не позволяет замыкаться в рамках одной специализации, а напротив, предполагает использование достижений таких отраслей психологии, как возрастная, социальная, педагогическая, медицинская.

Девиантное поведение является сейчас наиболее актуальной проблемой. Если раньше считалось, что отклоняющееся поведение присуще исключительно юношам, то в последние годы увеличилось число девиаций среди девушек. Причем эти отклонения приобретают у последних большую социальную значимость и соответственно бывают более тяжелыми. Девушки все чаще становятся «вдохновителями» и инициаторами нарушений поведения у мальчиков.

В числе разнообразных взаимосвязанных факторов, обуславливающих проявление отклоняющегося поведения, можно выделить следующие:

- индивидуальный фактор, действующий на уровне психобиологических предпосылок асоциального поведения, которые затрудняют социальную адаптацию индивида;
- психолого-педагогический фактор, проявляющийся в дефектах школьного и семейного воспитания;
- социально-психологический фактор, раскрывающий неблагоприятные особенности взаимодействия несовершеннолетнего со своим ближайшим окружением в семье, учебно-воспитательном коллективе, на улице;
- личностный фактор, который прежде всего проявляется в активно-избирательном отношении индивида к предпочитаемой среде общения, к нормам и ценностям своего окружения, педагогическим воздействиям семьи, школы, общественности, а также в личных ценностных ориентациях и личной способности к саморегулированию своего поведения;
- социальный фактор, определяемый социальными и социально-экономическими условиями существования общества.

Следует отметить, что данные факторы выступают не изолированно, а во взаимодействии, и причем в разной степени влияя на развитие отклоняющегося поведения. Так, человеческое развитие обусловлено взаимодействием многих факторов: наследственности, среды (социальной, биогенной, абиогенной), воспитания (вернее, многих видов направленного воздействия на формирование личности), собственной практической деятельности человека.

Среди форм агрессивных реакций, встречающихся в различных источниках, необходимо выделить следующие:

- *физическая агрессия* (нападение) – использование физической силы против другого лица;

- *косвенная агрессия* – действия, направленные на другое лицо (сплетни, злобные шутки), и ни на кого не направленные взрывы ярости (крик, топание ногами, битье кулаками по столу, хлопанье дверью и др.);

- *вербальная агрессия* – выражение негативных чувств через форму (крик, визг, ссора) и содержание словесных ответов (угрозы, проклятия, ругань);

- *склонность к раздражению* – готовность к проявлению при малейшем возбуждении вспыльчивости, резкости, грубости;

- *негативизм* – оппозиционная манера поведения, обычно направленная против авторитета или руководства. Может нарастать от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся законов и обычаев.

Агрессивные подростки при всем различии их личностных характеристик и особенностей поведения объединены следующими общими чертами: бедность ценностных ориентаций, их примитивность, отсутствие увлечений, узость и неустойчивость интересов. У этих детей, как правило, низкий уровень интеллектуального развития, повышенная внушаемость, подражательность, недоразвитость нравственных представлений. Им присущи эмоциональная грубость, озлобленность как против сверстников, так и против окружающих взрослых. У таких подростков наблюдается крайняя самооценка (либо максимально положительная, либо максимально отрица-

тельная), повышенная тревожность, страх перед широкими социальными контактами, эгоцентризм, неумение находить выход из трудных ситуаций, преобладание защитных механизмов над другими, регулирующими поведение. Вместе с тем среди агрессивных подростков встречаются и дети интеллектуально и социально развитые. У них агрессивность выступает средством поднятия престижа, демонстрации своей самостоятельности, взрослости.

Сочетание неблагоприятных биологических, психологических, семейных и других социально-психологических факторов искажает весь образ жизни подростков. Характерным для них становится нарушение эмоциональных отношений с окружающими людьми. Подростки попадают под сильное влияние подростковой группы, нередко формирующей асоциальную шкалу жизненных ценностей. Образ жизни, окружающая среда, стиль и круг общения способствуют развитию и закреплению девиантного поведения. Таким образом, имеющий место отрицательный микроклимат во многих семьях обуславливает возникновение отчужденности, грубости, неприязни определенной части подростков, стремления делать все вопреки воле окружающих, что создает объективные предпосылки для появления демонстративного неповиновения, агрессивности и разрушительных действий.

Интенсивное развитие самосознания и самокритичности приводит к тому, что ребенок в подростковом возрасте обнаруживает противоречия не только в окружающем мире, но и собственном представлении о себе.

Стихийно складывающиеся компании сверстников объединяют подростков, близких по уровню развития, интересам. Группа закрепляет и даже культивирует девиантные ценности и способы поведения, оказывает сильное влияние на личностное развитие подростков, становясь регулятором их поведения. Существуют особые группы, для которых характерны установка на немедленное удовлетворение желаний, пассивную защиту от трудностей, стремление перекладывать ответственность на других.

В качестве социально отягощенных дефектов психофизического и интеллектуаль-

ного развития и состояния, имеющих более высокую степень распространенности среди несовершеннолетних преступников, чем подростков, не совершавших правонарушений, исследователями зафиксированы:

- различные нарушения психофизического развития, произошедшие в период внутриутробного развития, родов, в младенчестве и раннем детстве (в том числе от черепно-мозговых травм, общесоматических и инфекционных заболеваний);

- ярко выраженные, начиная с детского возраста, невропатологические черты и патохарактерологические реакции (чрезмерная крикливость и плаксивость, повышенная обидчивость, легкая ранимость, капризность, аффективность, раздражительность, постоянное беспокойство, крайние формы двигательной активности, нарушения сна, речи и др.);

- заболевание алкоголизмом;

- явления физического инфантилизма (вялость, быстрая утомляемость, пониженная работоспособность и т. д.) либо выраженное отставание в физическом развитии, включая дефекты внешнего вида;

- пониженный уровень интеллектуального развития, создающий трудности в общении со сверстниками, воспитателями, в учебе и труде, затрудняющий приобретение необходимой информации и социального опыта.

В абсолютном большинстве несовершеннолетний преступник – это лицо, обладающее привычками, склонностями, устойчивыми стереотипами антиобщественного поведения. Случайно совершают преступления из них единицы. Для остальных характерны:

- постоянная демонстрация пренебрежения к нормам общепринятого поведения (сквернословие, появление в нетрезвом виде, приставание к гражданам, порча общественного имущества и т. д.);

- следование отрицательным обычаям и традициям, пристрастие к спиртным напиткам, наркотикам, участие в азартных играх;

- бродяжничество, систематические побег из дома, учебно-воспитательных и иных учреждений;

- ранние половые связи, половая распущенность;

- систематическое проявление злобности, мстительности, грубости, актов насильственного поведения, в том числе и в бесконфликтных ситуациях;

- создание конфликтных ситуаций, постоянные ссоры в семье, терроризирование родителей и других членов семьи;

- культивирование вражды к иным группам несовершеннолетних, отличающихся успехами в учебе, дисциплинированным поведением;

- привычка к присвоению чужих вещей.

Профилактика и предупреждение девиантного поведения несовершеннолетних становятся не только социально значимыми, но и психологически необходимыми. Повышение эффективности профилактики должно проводиться по следующим направлениям:

- выявление неблагоприятных факторов и десоциализирующих воздействий со стороны ближайшего окружения, которые обуславливают отклонения в развитии личности несовершеннолетних, и своевременная нейтрализация данных дезадаптирующих воздействий;

- своевременная диагностика асоциальных отклонений в поведении несовершеннолетних и осуществление дифференцированного подхода в выборе воспитательно-профилактических средств психолого-педагогической коррекции отклоняющегося поведения.

Отсюда возникает необходимость в проведении системного анализа личностных, социально-психологических и психолого-педагогических факторов, обуславливающих социальные отклонения в поведении несовершеннолетних, с учетом которых должна строиться и осуществляться воспитательно-профилактическая работа по предупреждению этих отклонений. Раннее выявление поведенческих проблем у подростков, системный анализ характера их возникновения и адекватная воспитательно-коррекционная работа дают шанс предотвратить десоциализацию подростков. Несвоевременное обнаружение начальных признаков отклоняющегося поведения и проблем в воспитании, препятствующих развитию ребенка, приводит к быстрому переходу отклонений в хронические нарушения поведения.

Н. Н. Невский,
*заместитель начальника кафедры
административного права
и административной деятельности ОВД
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ**

Правовое исследование теоретических и прикладных аспектов обеспечения личной безопасности в системе исполнительной власти обусловлено необходимостью общей характеристики их анализа современного состояния, раскрытия правового регулирования и организации правоприменительной деятельности в данной сфере. Кроме того, немаловажными представляются проблемы, связанные с решением вопросов взаимодействия исполнительной власти с отдельной личностью, определения места и роли органов государственного управления и их должностных лиц в области обеспечения гарантий прав и свобод личности, их взаимной ответственности. Среди причин актуализации обеспечения личной безопасности административно-правовыми средствами, факторов, определяющих решение этой задачи, можно выделить следующие.

Во-первых, необходимость осмысления и внедрения в практику понятия личной безопасности¹. Это объясняется тем, что в процессе становления современной российской государственности были заново сформированы основные государственно-национальные интересы, в структуре которых интересы отдельной личности, человека и гражданина признаны высшей ценностью. Реалии последних лет потребовали иной трактовки самого понятия «личная безопасность», включения в предмет его рассмотрения таких составных элементов, как личное достоинство, личные интересы, угрозы личной безопасности, защита от

них, концепция и стратегия обеспечения личной безопасности².

Во-вторых, резкое расширение спектра внутренних угроз, многие из которых не были актуальны и потому глубоко не исследовались. Произошедшие изменения в законодательстве потребовали изучить сущность взаимоотношений отдельной личности и государства, которое с учетом правовых, организационных и экономических средств призвано обеспечить состояние стабильного существования индивида, организовать противодействие посягательствам на его неотъемлемые права и свободы. При этом государство, в первую очередь в лице исполнительной власти, несет ответственность за надлежащее выполнение задач в области обеспечения личной безопасности.

В-третьих, среди различных проблем реформирования государственного управления остро обозначилось несовершенство законодательства в сфере обеспечения личной безопасности. Формирование нового нормативного массива, в котором должны быть установлены приоритетные задачи исполнительной власти, идет достаточно медленно, и в нем наблюдается множество противоречий.

Для создания стройной системы административно-правового регулирования отношений, связанных с обеспечением личной безопасности, 1 июля 2002 г. был принят новый Кодекс РФ об административных правонарушениях. В то же время институт обеспечения личной безопасности в государственном управлении еще полностью не сформирован: сохраняются противоречия между правовыми актами различных ведомств, Федерацией и ее субъектами. Последовательное развитие законодательства в сфере обеспечения личной безопасности требует, на наш взгляд, расширения системы административных актов, приведения ранее принятых в соответствие с Конституцией РФ, действующими федеральными конституционными и федеральными законами, а также международно-правовыми актами.

¹ См.: Сидорук И. И. Государственно-правовой механизм обеспечения правопорядка в Российской Федерации (Теоретическое административно-правовое исследование): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 5.

² См.: Соловьев А. И. Конституционно-правовое регулирование режима чрезвычайного положения в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 13–14.

Являясь составной частью органов исполнительной власти в административно-политической сфере, правоохранительная система государства выступает важнейшим гарантом обеспечения личной безопасности.

Например, в соответствии с новым Законом РФ «О милиции» от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 главной ее задачей является обеспечение безопасности личности, под которой подразумевается «система экономических, политических, организационных, правовых и иных мер по охране и защите личности, принятию мер к предотвращению, устранению и снижению уровня угроз конституционно закрепленным правам и свободам человека и гражданина, конкретного физического лица, вызываемых преступными, административно наказуемыми деяниями или общественно опасными событиями»¹.

Вместе с тем тенденция роста посягательств против личности, усиления их тяжести объективно привела к пересмотру механизмов превентивного воздействия правоохранительной системы, в том числе за счет расширения пределов административного принуждения, которое по своей действенности и оперативности применения является в большинстве случаев наиболее эффективным.

Понятие и общая характеристика объектов обеспечения безопасности закреплены в различных нормативных актах. Например, в соответствии со ст. 1 Закона РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-1² последняя рассматривается как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Жизненно важные интересы – это совокупность потребностей, удовлетворение которых обеспечивает существование и развитие личности, общества и государства. К основным объектам безопасности относятся: личность (ее права и свободы), общество (материальные и духовные ценности), государство (конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность).

Анализ приведенных положений показывает, что на уровне национальной безопасности к ее объектам законодательство относит прежде всего жизненно важные интересы личности, общества и государства. Такой подход к пониманию содержания объектов безопасности является достаточно общим, однако вполне допустимым и оправданным, поскольку указанные объекты в данном случае рассматриваются на предельно высоком уровне организации национальной безопасности. Естественно, этот уровень не позволяет детализировать конкретные виды объектов безопасности. Эта задача решается в процессе исследования отраслевых, ведомственных видов и направлений национальной безопасности, к которым, в частности, относится личная безопасность, обеспечиваемая административно-правовыми средствами.

Авторы по-разному рассматривают объекты безопасности. Например, В. В. Гуцин считает, что к объектам общественной безопасности относятся: права и свободы, жизнь и здоровье граждан, собственность, окружающая среда, а также государственные и общественные институты, функционирование которых создает нормальные условия жизнедеятельности граждан, общества и государства. Именно эти объекты общественной безопасности выступают как жизненно важные интересы личности, общества и государства и, по существу, представляют собой высший уровень интересов: наиболее значимые категории индивидуальной и общественной жизни, отклонение параметров которых от установившегося уровня отрицательно влияет на целостность, системность и прогресс в развитии личности, общества и государства. Жизненно важные интересы личности, общества и государства должны быть надежно защищены³.

В. А. Плешаков, освещая проблемы криминологической защиты объектов, под которой понимается система мер правового, организационного, ресурсно-финансового, технического и другого характера, направленная на создание условий, при которых

¹ Соловей Ю. П., Черников В. В. Комментарий к Закону Российской Федерации «О милиции». М., 2000. С. 18.

² См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769; 1993. № 2. Ст. 77.

³ См.: Гуцин В. В. Правовые и организационные основы обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации при чрезвычайных ситуациях: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 18.

исключаются или существенно затрудняются преступные посягательства на объекты криминологической защиты, к последним относит жизнь человека, его права, здоровье, государственное, общественное или личное имущество, отношения, связанные с использованием материальных благ, и т. п.¹

Необходимо обратить внимание, что при определении объектов отраслевых, ведомственных видов и направлений обеспечения безопасности нередко происходит их смешение. Так, например, в работе В. В. Шлыкова, посвященной проблеме экономической безопасности, утверждается: «К объектам экономической безопасности России относятся не только государство, его экономическая система и все его природные богатства, но и общество с его институтами, учреждениями, фирмами и, наконец, личность»².

По нашему мнению, применительно к пенитенциарным учреждениям в качестве объектов безопасности в ряде случаев необ-

ходимо рассматривать: личность осужденного, его права и обязанности; общности и группы осужденных, особенности их ценностных ориентаций, тюремных обычаев, стратификацию в среде осужденных с точки зрения безопасности уголовно-исполнительной системы; коллективы и личность сотрудников пенитенциарных учреждений, исполняющих уголовные наказания, с точки зрения осуществления организационно-правовой деятельности, направленной на обеспечение безопасности; организационно-правовую обоснованность основных мероприятий, учитывающих разную степень (уровень) безопасности; экспертизу норм уголовно-исполнительного законодательства и их соответствие задачам безопасности уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, понятие безопасности многообразно, в нем возможно выделение различных составляющих в зависимости от прикладного применения.

В. Г. Красильников,

*начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности Ижевского филиала
Нижегородской академии МВД России
кандидат юридических наук*

Е. В. Харанжевская,

*аспирант Удмуртского
государственного университета*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Криминалистика как относительно молодая, но быстро развивающаяся наука в процессе своего становления и развития широко использовала достижения других наук, современных технологий, технических средств и методов. Эффективность деятельности по выявлению и раскрытию преступлений во

многом зависит от оперативности информационного обеспечения уголовного судопроизводства. Внедрение современных технологий позволяет значительно сократить время анализа информации, повысить ее точность и достоверность. Р. С. Белкин, рассматривая возможности использования компьютерных технологий в криминалистике, выделил три основных направления: автоматизация учетов; экспертиз и исследований; процесса раскрытия преступлений³. Данная классификация представляется и сегодня достаточно полной и положена в основу данной статьи.

Вопросами развития учения о криминалистической регистрации занимались такие ученые, как Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Н. П. Майлис, Е. Р. Россинская. Этой теме посвящен ряд диссертационных исследований Ф. Г. Аминова, О. К. Исаевой, В. С. Зубаха, И. Н. Леонова, С. М. Ялышева и др.

Специализированные программные комплексы для **автоматизации криминалистических учетов** позволяют накапливать и обрабатывать оперативно-справочную информацию, что существенно повышает

¹ См.: Плешаков В. А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимодействия организованной преступности и преступности несовершеннолетних: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 21–24.

² Шлыков В. В. Обеспечение экономической безопасности организаций в условиях экономики переходного периода: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1998. С. 23.

³ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 3.

оперативность и эффективность информационного обеспечения.

Одним из направлений использования персонального компьютера является создание автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС) некоторых справочных учетов. Они могут работать как автономно, так и быть интегрированы в измерительно-вычислительный комплекс. Примером может служить автоматизированная информационно-поисковая система баллистического учета, содержащая информацию об огнестрельном оружии, патронах, пулях и гильзах со следами оружия, изъятых с мест преступлений. Данная система предназначена для идентификации оружия и способна интегрировать различные виды учетов и коррелировать с их объектами. Например, внедрение и использование специалистами информационного центра МВД УР автоматизированного банка данных «АБД-Удмуртия», в рамках которого функционируют несколько десятков подсистем оперативно-справочных, розыскных и криминалистических учетов. Например, подсистема «автопоиск» – учет похищенного или выявленного автотранспорта; «опознание» – учет лиц, без вести пропавших, неопознанных трупов, неизвестных больных, разыскиваемых алиментщиков и госдолжников; «похищенное оружие» – учет оружия, похищенного, утерянного или выявленного, имеющего индивидуальный номер, и др.

За рубежом, в частности, в работе Интерпола, успешно используются АИПС по признакам способа совершения преступлений (так называемые «модус операнди»), что особенно эффективно в раскрытии серийных преступлений, так как «преступник, совершающий серийные многоэпизодные преступления, вырабатывает практические навыки, доведенные до автоматизма... В результате у такой категории лиц образуется своеобразный преступный «почерк», по которому их можно установить»¹.

Примером подобной системы в СССР можно считать АИПС «Сейф», разработанную во Всесоюзном научно-практическом центре МВД СССР в 1991 г., но в связи с распадом Советского государства она пре-

кратила свою существование. В этой системе наряду с данными о способе преступления содержались сведения о лице, совершившем его, если хотя бы одно из серийных преступлений было раскрыто. Эффективность работы этой системы была подтверждена специалистами. Требовалось 3 минуты на введение запроса, а на его обработку – 10. Использование современной техники повышает эффективность работы подобных систем в несколько раз.

Благодаря компьютерным технологиям сегодня уже возможно обрабатывать банки данных, содержащие миллионы дактилокарт. В настоящее время в стране ведутся разработки программно-технических комплексов автоматизированных дактилоскопических информационных систем (АДИС) на базе персональных компьютеров и устройств ввода изображения типа сканера или телекамер. Одна из таких систем – «Папилон» – зарекомендовала себя с наилучшей стороны в ГИЦ МВД России. Она позволяет производить проверку не только по дактилокартам, но и следам, причем качество следов может быть улучшено путем обработки изображения. Опытное исследование системы показало, что на каждые 1000 дактилокарт и 100 следов она дает около 20 раскрытых преступлений². Используется и другая система – «Дакто-2000».

Широкое внедрение АДИС в практическую работу позволит использовать их и в научно-исследовательской работе. Например, при проведении статистических дерматоглифических исследований устанавливается корреляционная зависимость между признаками строения папиллярных узоров и некоторых социально-биологических характеристик человека.

Следует отметить существование в этой области ряда проблем, причем многие из них в настоящее время остаются нерешенными. Так, в стадии внедрения находится концепция объединения разрозненных локальных банков данных и создания единой информационной базы и информационного пространства на всей территории страны.

Сущность данного реформирования заключается в том, чтобы в каждом федераль-

¹ Статкус В. Раскрытие серийных преступлений по способу их совершения // Рос. юстиция. 2003. № 11.

² См.: Филиппов А. Г., Волюнский А. Ф. Криминалистика: Учеб. М., 1998. С. 223.

ном округе, административных центрах субъектов РФ в системе органов внутренних дел были созданы аналитические отделы, которые бы собирали, обрабатывали информацию и представляли данные по каналам АИПС на места. Однако в настоящее время отчасти из-за недостаточного финансирования не получили широкого распространения автоматизированные места оператора по вводу дактилокарт, в том числе с использованием бесцветных устройств дактилоскопирования типа «живой сканер».

Следующее важное направление использования современных технологий – **автоматизация экспертиз и исследований**. Примером таких разработок являются системы анализа изображений, к которым относятся программы, позволяющие осуществлять диагностические и идентификационные дактилоскопические (сравнение следов с отпечатком на дактилокарте), трассологические (например, по следу обуви установить ее внешний вид), портретные исследования (фотосовмещение изображения черепа и фотографии), составлять композиционные портреты («Фоторобот»); система баллистической экспертизы «Арсенал»; программные комплексы «Faces», «Фейсменеджер» (составление словесного портрета); судебно-автотехническая, судебно-почерковедческая, судебно-баллистическая экспертизы; программа фоноскопической экспертизы «Sound Forge 4»; программный комплекс АДИС «Растр-5» для почерковедческой экспертизы и подготовки иллюстраций к дактилоскопическим, баллистическим, трассологическим экспертизам; системы экспресс-анализа документов спектрально-аналитическим методом и др.

Другим направлением является разработка программных комплексов либо отдельных программ выполнения вспомогательных расчетов по известным алгоритмам, которые используются в основном в инженерно-технических, взрыво-технических и бухгалтерских экспертизах. В данном виде судебно-экспертной деятельности применяются методики, основанные на данных метрологии (измерении), теории вероятностей и математической статистики, проективной геометрии и т. д.

Современным направлением использования персонального компьютера в экспертизах и исследованиях является разработка программных комплексов автоматизированного решения экспертных задач, включающих в себя еще и подготовку экспертного заключения. Более сложными являются системы, работающие в режиме диалога. Если автоматизированная методика позволяет на основании ответов на вопросы, заданные компьютером, категорически решить проблему, экспертное заключение составляется автоматически. Если же ответ не является однозначным, криминалистически значимые признаки выводятся на экран дисплея и эксперт принимает решение самостоятельно, опираясь на свой профессиональный опыт.

Вопросы **автоматизации расследования** рассматривались рядом ученых-криминалистов. Так, Р. С. Белкин, говоря об исследованиях в этой области Л. Г. Видонова, Н. А. Селиванова, Л. А. Соя-Серко, отмечал возрастающую заинтересованность ученых в разработке программ действий следователя в зависимости от исходной информации¹.

А. Г. Филиппов выделяет в качестве направления использования средств вычислительной техники при расследовании преступлений «компьютерные системы поддержки процесса принятия тактических решений по расследованию различных категорий преступлений»². В. И. Шаров разработал принципы представления структуры преступления в виде семантической сети для построения модели преступления и их дальнейшее использование в качестве ядра баз знаний экспертных систем³. В 2000 г. в МВД России в рамках единой информационно-вычислительной сети органов внутренних дел велись работы по созданию специализированной территориально распределенной автоматизированной системы Следственного комитета МВД России (СТРАС-СК) с банками данных. Информационное обеспечение СТРАС-СК

¹ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 3. С. 293.

² Филиппов А. Г. Криминалистика: Учеб. М., 2004. С. 434.

³ См.: Шаров В. И. Представление структуры преступления в виде семантической сети // Вестн. ОГУ. 2002. № 6. С. 206–208.

разрабатывалось в виде нескольких подсистем. Одна из них – подсистема гибридного интеллекта «расследование», основанная на элементах частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений. При ее использовании в процессе расследования конкретного преступления в компьютер в диалоговом режиме вводятся сведения о составе и способе преступления, предмете преступного посягательства, потерпевшем и т. д. После их обработки на экран выдаются рекомендации для планирования расследования, группировки данных по эпизодам и лицам, проведения конкретных следственных действий¹.

Новым направлением внедрения компьютерно-технологического обеспечения в деятельность по выявлению и раскрытию преступлений является разработка специализированной программы по выявлению неактуализированных следов на основе взаимосвязи с первоначально выявленными следами и исходной криминалистической модели преступления. Такая программа, содержащая базу знаний специалистов (криминалистов, следователей, оперативных работников, экспертов) и использующая эвристические алгоритмы обработки информации, может также стать обучающим инструментом для подготовки слушателей и курсантов вузов МВД России.

Следует отметить, что результаты совершенствования криминалистической техники и новых технологий будут действенными только тогда, когда данные новации будут использовать все управления (отделы) внутренних дел. В настоящее время возникла потребность создания различных АИПС на основе современных компьютерных технологий, в том числе и технико-криминалистического назначения. В первую очередь необходимы АИПС на особо тяжкие преступления: убийства, терроризм, похищения людей, фальшивомонетничество, преступления, связанные со сбытом наркотиков, хищением оружия, – так как использование таких систем может существенно повысить эффективность раскрытия особо тяжких, многоэпизодных и серийных преступлений. Кроме то-

го, возрастающая роль совершенствования технико-криминалистического и оперативно-разыскного обеспечения, научно-технических средств и методов в раскрытии преступлений в современных условиях обозначила проблему недостаточной технической подготовленности следователей, экспертов и оперативников. Данная категория работников органов внутренних дел в первую очередь должна использовать криминалистические и другие учеты при раскрытии преступлений, так как необходимость этого очевидна в условиях активной компьютеризации следственной и оперативно-разыскной деятельности.

Работа с базами данных различных АИПС возможна только при овладении технологиями современных информационных систем. Однако сегодня большинство подразделений милиции не используют АИПС из-за недостаточной оснащенности компьютерной техникой, отсутствия необходимых умений и навыков работы с персональным компьютером и первичными носителями информации и большой нагрузки в работе по раскрытию и расследованию преступлений.

В настоящее время компания «Ай-Теко» внедряет системы дистанционного обучения работников МВД России. В начале 2006 г. специалистами компании осуществлено подключение центрального узла системы к действующему сегменту сети МВД России в г. Москве. В будущем спроектированная компанией «Ай-Теко» система охватит все образовательные учреждения МВД России (около 200 учебных заведений). Они будут объединены в общее информационное пространство посредством единой информационно-телекоммуникационной системы (ЕИТКС) Министерства. Ввод системы «Ай-Тэко» в действие расширяет возможности внедрения систем дистанционного обучения в подразделениях МВД России. Работники МВД России смогут проходить обучение на своем рабочем месте (при условии подключения к ЕИТКС) или в ближайшем образовательном учреждении ведомства. Повышение профессионального уровня следователей, экспертов-криминалистов, оперативных работников и внедрение современных методов, программ обучения, использование специальных и криминалистических технических средств – необходимое условие для успешной работы органов внутренних дел.

¹ См.: Жбанков В. А. Основные направления использования современных компьютерных технологий в криминалистике // Ученые зап. Ульян. гос. ун-та. Сер. Государство и право. 2000. Вып. 1(11).

Э. С. Карпов,
*преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности ОВД
ВЮИ ФСИН России*

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

В настоящее время единого определения понятия «финансовый контроль» не существует.

Так, А. А. Тедеев и В. А. Парыгина под финансовым контролем понимают *контроль за соблюдением узаконенных интересов государства в финансовой сфере*¹. Данное определение, на наш взгляд, достаточно широкое и не раскрывает сущности и особенностей этого вида контроля.

В свою очередь, Н. М. Артемов определяет финансовый контроль как *разновидность финансовой деятельности государства, осуществляемой всей системой органов государственной власти и управления, а также специальными контрольными органами и включающейся в проверку законности и целесообразности действий в области образования, распределения и использования денежных фондов государства, а также субъектов хозяйствования и управления с применением специфических форм и методов его организации и воздействия*².

Большинство отечественных исследователей под финансовым контролем понимают деятельность уполномоченных государством органов и организаций. Например, с точки зрения А. Н. Козырина, финансовый контроль представляет собой осуществляемую с использованием специфических организационных форм и методов *деятельность государственных органов, наделенных законом соответствующими полномочиями в целях установления законности и достоверности финансовых операций, объективной оценки экономической эффективности финансово-хозяйственной деятельности и выявления резервов ее повы-*

*шения, увеличения доходных поступлений в бюджет и сохранности государственной собственности*³.

Н. Н. Косаренко дает аналогичное определение, но отмечает, что финансовый контроль может осуществляться также негосударственными органами⁴.

Е. Ю. Грачева, рассматривая тенденции развития государственного финансового контроля в Российской Федерации, указывает, что в рыночных условиях происходит его усложнение, которое связано с тем, что осуществление государством финансовой деятельности охватывает сферу негосударственных коммерческих организаций, предприятий различных форм собственности, иностранных инвесторов и т. д.⁵ Следовательно, финансовый контроль включает не только финансовую деятельность государственных, муниципальных, но и иных организаций, физических лиц, предпринимателей в целях поддержания законности и правопорядка в сфере финансов.

На основании этого Е. Ю. Грачева определяет финансовый контроль как *контроль со стороны уполномоченных государством органов и организаций за законностью в процессе собирания, распределения и использования денежных фондов государства и муниципальных образований в целях осуществления эффективной финансовой политики в обществе для обеспечения прав и свобод граждан*⁶.

По мнению С. О. Шохина, финансовый контроль – это *проверка соблюдения органами государственной власти и местного самоуправления, юридическими и физическими лицами финансового законодательства Российской Федерации и субъектов Федерации, рациональности и эффективности использования государственных финансовых и материальных ресурсов*⁷.

³ См.: Финансовое право: Учеб. / Под ред. О. Н. Горбуновой. М., 1996. С. 48.

⁴ См.: Косаренко Н. Н. Финансовое право России. Ростов н/Д, 2004. С. 23.

⁵ См.: Грачева Е. Ю. Развитие государственного финансового контроля в Российской Федерации как тенденция формирования социального государства // Государство и право. 2005. № 4. С. 112.

⁶ См.: там же.

⁷ См.: Финансовое право: Учеб. / Отв. ред. О. Н. Горбунова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 78.

¹ См.: Тедеев А. А., Парыгина В. А. Финансовое право: Учеб. М., 2004. С. 75.

² См.: Финансовое право: Учеб. / Под ред. О. Н. Горбуновой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 109.

В свою очередь, Ю. А. Крохина рассматривает понятие финансового контроля в широком и узком аспектах.

В широком аспекте государственный и муниципальный финансовый контроль – это *совокупность мер государственного регулирования*, обеспечивающих в целях осуществления эффективной государственной финансовой политики экономическую безопасность России и соблюдение государственных и муниципальных интересов в процессе публичной финансовой деятельности.

В узком аспекте государственный и муниципальный финансовый контроль – это контроль государства и муниципальных образований в лице компетентных органов, а также иных уполномоченных органов за законностью¹.

На основе анализа рассмотренных определений дадим собственное определение финансового контроля также в широком и узком аспектах

В *широком смысле* государственный и муниципальный финансовый контроль – это совокупность мер государственного регулирования, обеспечивающих контроль за соблюдением интересов государства в финансовой сфере.

В *узком смысле* государственный и муниципальный финансовый контроль – это разновидность финансовой деятельности государства, осуществляемая всей системой органов государственной власти и управления, а также специально созданными контролирующими органами (как государственными, так и негосударственными), наделенными соответствующими полномочиями, и состоящая в проверке законности и целесообразности действий в области образования, распределения и использования денежных фондов государства, государственных органов, предприятий и учреждений, муниципальных образований, иных организаций, физических лиц, предпринимателей в целях осуществления эффективной финансовой политики в обществе для обеспечения прав и свобод граждан.

По мнению Ю. А. Крохиной, государственный и муниципальный финансовый

контроль является правовым институтом, относящимся к Общей части финансового права². Эта позиция считается общепризнанной в науке финансового права. Например, М. В. Карасева указывает, что с юридической точки зрения финансовый контроль представляет собой финансово-правовой институт, который включает в себя нормы, регулирующие отношения по поводу финансового контроля в ходе финансовой деятельности государства и муниципальных образований, а также регулирующие организацию и порядок проведения, общие цели, задачи и принципы осуществления финансового контроля, его формы и методы. Причем институт государственного и муниципального финансового контроля является комплексным институтом финансового права, так как он включает нормы, являющиеся одновременно составляющими других финансово-правовых институтов³. Некоторые исследователи относят финансовый контроль к подотрасли финансового права⁴.

В свою очередь, К. С. Бельский полагает, что финансовый контроль должен быть отнесен к Особенной части финансового права. Обосновывая свою позицию, он говорит о том, что «финансовое право имеет Общую часть, в которой содержится в основном понятийный аппарат. Затем начинается так называемая Особенная часть, которую можно назвать рабочей частью. Финансовый контроль – это и есть рабочая часть. Ведь по логике вещей человек сначала что-то делает, а лишь затем его контролируют. Остается непонятным, почему в настоящее время в Общую часть финансового права включается финансовый контроль»⁵.

С. О. Шохин, доказывая необходимость включения финансового контроля в Общую часть финансового права, отмечает следующие обстоятельства:

² См.: там же. С. 120.

³ См.: Финансовое право Российской Федерации: Учеб. / Отв. ред. М. В. Карасева. М., 2002. С. 158.

⁴ См.: Грачева Е. Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. М., 2000. С. 111–160.

⁵ Бельский К. С. История создания кафедры финансового права // Государство и право. 2005. № 4. С. 107–116.

¹ См.: Крохина Ю. А. Финансовое право России: Учеб. для вузов. М., 2004. С. 123.

«Во-первых, принципы, формы, методы и институциональные механизмы государственного финансового контроля, применяемые в области всех финансовых правоотношений: бюджетных, налоговых, кредитных, расчетных, валютных и т. д., — практически идентичны.

Во-вторых, финансово-правовое регулирование всех без исключения сфер финансовой деятельности государства в конечном счете имеет главной целью полноту и

своевременность образования государственных фондов денежных средств и законность и рациональность их использования, что одновременно является основной целью и задачей государственного финансового контроля, общей для всех ранее указанных финансово-правовых институтов»³.

Таким образом, финансовый контроль является комплексным финансово-правовым институтом, относящимся к Общей части финансового права.

А. С. Безруков,
соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ

В настоящее время в научных публикациях часто употребляются термины «модель», «правовая модель», «модель правового регулирования». В связи с этим некоторые авторы предпринимают попытки конкретизации содержания указанных категорий. Например, А. В. Холдеев, анализируя правовую модель жилого помещения в Жилищном кодексе РФ, под правовой моделью понимает «идеальный, воспроизведенный в нормах права образ, представляющий завершённую систему юридических признаков и характеристик физического объекта или явления»¹. Другие авторы не приводят операциональных определений, исходя из презумпции общеизвестности используемых понятий².

Следует отметить, что в справочной литературе отсутствует единый подход к пониманию слова «модель». Так, Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон под моделью понимают, во-первых, «воспроизведение предмета в

уменьшенном виде», во-вторых, «точный образец, обыкновенно в малом виде, по которому изготавливают какое-либо изделие»⁴.

Авторы Большого психологического словаря определяют модель как «упрощенный мысленный или знаковый образ какого-либо объекта или системы объектов, используемый в качестве их «заместителя» и средство оперирования»⁵.

По мнению составителей Краткого словаря по философии, «модель — это система элементов, воспроизводящая определенные стороны, связи, функции предмета исследования (оригинала)»⁶.

Если применительно к естественно-научным отраслям знания употребление термина «модель» и его смысловое содержание достаточно стандартно, то в области гуманитарного знания, и в частности юриспруденции, использование различного рода моделей требует основательной теоретической базы. Прежде всего это связано с идеалистической направленностью моделирования правовых явлений. Их нельзя потрогать, проверить их работоспособность посредством приемов механики или кибернетики. Достаточно сложно достигнуть и единства восприятия одних и тех же правовых моделей различными субъектами права в силу субъективности познавательных процессов, отсутствия единства в терминологии, свойственной гуманитарным наукам, принадлежности к различным правовым школам и

¹ Холдеев А. В. О правовой модели жилого помещения в Жилищном кодексе РФ // Журн. рос. права. 2006. № 8. С. 104.

² См., напр.: Хабриева Т. Я. Миграция в России: о модели правового регулирования // Журн. рос. права. 2006. № 7. С. 3–12; Касаткина Н. М. Государственный совет (европейская модель) // Журн. рос. права. 2003. № 12. С. 89–101; Чиркин В. Е. Современная модель конституции: прежние и новые приоритеты // Правоведение. 2003. № 2. С. 50–57.

³ Финансовое право: Учеб. / Отв. ред. О. Н. Горбунова. М., 2005. С. 79.

⁴ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М., 2002. С. 381.

⁵ Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб., 2003. С. 300.

⁶ Краткий словарь по философии / Под общ. ред. И. В. Блауберга, И. К. Пантина. М., 1979. С. 180.

т. п. Все это может поставить под сомнение возможность и необходимость использования правового моделирования.

Несмотря на обозначенные объективные сложности в реализации рассматриваемого феномена, следует отметить, что теоретическое моделирование особенно актуально при изучении социальных явлений, «где всякое построение реальных (материальных) искусственных моделей затрагивает интересы людей и наносит им моральный или материальный ущерб, а иногда и тот, и другой»¹. Данная посылка, безусловно, отражает актуальность проблематики моделирования и правового моделирования, в частности.

Как известно, все модели можно разделить на две группы: вещественные, или материальные, и логические, или идеальные. На первый взгляд термин «материальные» по отношению к правовой тематике вызывает сомнение. Вряд ли можно посредством органов чувств ощутить, почувствовать материальную природу какой-либо правовой нормы или юридической конструкции. В теории права получил распространение термин «правовая материя». Кроме того, «в научных исследованиях аргіогі любые точки зрения и попытки рассмотрения того или иного предмета... не с «традиционной» стороны (или сторон), а под другим углом зрения не должны отвергаться, что называется «с порога», а глубоко и всесторонне исследоваться»². Тем не менее более «безопасным» будет выглядеть разделение правовых моделей на теоретические (объективированные³) и метатеоретические (идеальные). К первой группе можно отнести правовые нормы, юридические конструкции, правовые принципы и аксиомы и т. п. Ко второй группе – правовые парадигмы и методы, стиль правового мышления и т. п. Самостоятельную научную ценность категория «правовая модель» обретает лишь при ее

«заужении», иначе под эту категорию можно подвести практически любой правовой феномен.

В качестве примера возможности реализации такого подхода проведем разграничение понятий «юридическая конструкция» и «правовая модель», «заузив» последнее.

Правовая модель в узком смысле слова должна содержать наиболее общие, родовые признаки какого-либо явления, т. е. это своего рода общее правило. Юридическая конструкция должна представлять собой более законченное «творение», адаптирующее модель к конкретным социальным условиям, т. е. исключение из общего правила. Соответственно для нормативного закрепления правовых моделей наиболее приемлем абстрактный способ изложения, а для юридических конструкций – казуистический. Так можно говорить о договорной модели, но применительно к конкретным видам договоров логичнее употреблять термин «конструкция» (например, конструкция договора найма жилого помещения, конструкция договора купли-продажи и т. п.), можно говорить о модели возникновения обязательств, но применительно к конкретным видам обязательств следует употреблять термин «конструкция» (например, конструкция обязательства вследствие причинения вреда, неосновательного обогащения и т. п.). Таким образом, правовая модель должна иметь более высокую степень абстракции по отношению к юридической конструкции.

Правовые модели, помимо уже рассмотренной в общих чертах теоретической функции, выполняют также и методологическую функцию. С этой точки зрения необходимо рассмотреть моделирование как метод. Применительно к праву данный метод нашел свое отражение в математическом моделировании структур правовых явлений, их функций, связей с другими социальными явлениями. «Даже незначительный опыт математического моделирования, накопленный российскими правоведами, свидетельствует о правомерности и целесообразности его применения в правовой науке», – справедливо подчеркивает В. М. Сырых⁴.

⁴ Сырых В. М. Логические основания общей теории права. М., 2004. Т. 1. Элементный состав. С. 426.

¹ Андреев И. Д. Методологические основы познания социальных явлений: Моногр. М., 1977. С. 242.

² Марченко М. Н. Источники права: Учеб. пособие. М., 2005. С. 300.

³ Отметим, что не следует путать объективацию с материализацией. Объективироваться могут и идеальные фрагменты правовой действительности, их же материализация в реальном мире невозможна.

Таким образом, несмотря на объективные сложности теоретико-методологического плана в исследовании проблематики

А. В. Баринов,

*заместитель начальника кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА

Основу любого гражданско-правового договора составляют его условия, по которым стороны должны достигнуть соглашение. Главные же условия договора в гражданском праве называются существенными, потому что без них договор просто не может существовать как юридический акт. Поэтому и в ГК РФ упоминаются только существенные условия, непосредственно влияющие на признание договора заключенным. Все существенные условия должны содержаться и в оферте – предложении одной из сторон о заключении договора. В то же время ГК РФ не дает четкого перечня существенных условий, а указывает лишь признаки, по которым можно отнести то или иное условие к разряду существенных. Так, в соответствии с п. 1 ст. 432 ГК РФ существенными условиями любого договора являются его предмет, условия, названные в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Рассмотрим эти условия подробнее.

Выделение предмета договора в качестве существенного условия является вполне оправданным, так как позволяет отграничить договоры одного вида от другого и, следовательно, правильно их урегулировать. Главная проблема, связанная с этим существенным условием, состоит в том, что в доктрине гражданского права существует далеко не однозначное понимание такой категории, как предмет договора, тем более что в ГК РСФСР 1964 г. предмет договора отдельно как существенное условие

правовых моделей, их дальнейшая разработка представляется весьма полезной и перспективной.

не выделялся. Это, в свою очередь, отразилось на его различном закреплении в нормах ГК РФ для отдельных видов договоров и может негативно проявляться в правоприменительной практике. Так, Н. Д. Егоров отождествляет предмет договора с его объектом, т. е. с тем, что согласно ГК является объектом гражданских прав: вещи, деньги, ценные бумаги, иное имущество, работы, услуги¹, а А. Ю. Кабалкин объединяет предмет и объект договора в одно целое, говоря, что «предметом договора является как имущество, которое одна сторона обязана передать другой, или действия, которые должна совершить обязанная сторона»². Не совсем убедительной представляется и позиция А. Н. Обыденнова, пытающегося разграничить понятие объект и предмет договора. Первую категорию он относит к договору – правоотношению, а предмет, как ни парадоксально, к договору – документу, понимая под последним «объект материального (вещь, имущество) или нематериального (информация) мира, на который непосредственно направлена или с которым непосредственно связана воля договаривающихся сторон и который достаточно индивидуализирован для того, чтобы отграничить его от других объектов»³.

В отличие от предыдущих авторов В.В. Витрянский считает, что «предметом договора (при этом он уточняет. – *Примеч. авт.*), а вернее сказать, предмет обязательства, вытекающего из договора, представляют собой действия (или) бездействие, которые должна совершить обязанная сторона (или соответственно воздержаться от их совершения)»⁴. Отождествление предмета

¹ См.: Гражданское право: Учеб.: В 3 т. / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 2003. Т. 1. С. 588.

² Кабалкин А. Понятие и условия договора // Рос. юстиция. 1996. № 6. С. 21.

³ См.: Обыденнов А. Н. Предмет и объект как существенные условия гражданско-правового договора // Журн. рос. права. 2003. № 8. С. 64.

⁴ Витрянский В. Существенные условия договора // Хозяйство и право. 1998. № 7. С. 7.

договора и предмета обязательства имеется и у французского автора Л. Ж. де ла Морандьера¹. На наш взгляд, наиболее предпочтительной является позиция тех авторов, которые различают не только предмет и объект договора, но и определяют последний, как составную часть предмета. Так, по мнению Л. Андреевой, «если отождествлять предмет и объект договора, то, скажем, договор купли-продажи предприятия и его аренды будет иметь один предмет – предприятие»². Однако ограничить предмет договора только действиями обязанных лиц, значит сузить понимание сущности предмета. И здесь замечание, сделанное В. В. Витрянским относительно действий или бездействия обязанной стороны (предмета обязательства, а не предмета договора), является достаточно справедливым.

Однако если в отдельных договорах предметом обязательства и, следовательно, предметом договора, выступают только активные действия обязанных лиц (в частности, действия юридического характера в договорах поручения, комиссии, агентирования, которые в то же время определяются как своего рода услуга – объект договора), то в других договорах такие действия нельзя рассматривать отдельно от того материального объекта или их результата, с которым они связаны. Так, если рассматривать действия по передаче вещи, то в договоре купли-продажи существенные условия о предмете различаются в зависимости от передаваемой вещи. Для движимых вещей, например, сторонам достаточно определить их наименование и количество (п. 4 ст. 455 ГК РФ), а для недвижимого имущества должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить имущество, подлежащее передаче покупателю (ст. 554 ГК РФ). Кроме того, говоря о предмете договора, нельзя забывать и того, как его оценивали римские юристы³ и дореволю-

ционные цивилисты⁴. Они вполне основательно считали, что предмет договора (правда, определяли его через предмет обязательства), т. е. действия обязанного лица по передаче конкретного имущества, выполнению работ, оказанию услуг, должен быть возможным. Такая возможность ими определялась тремя критериями: физическая (действия должны быть объективно возможны к выполнению), юридическая (лица должны обладать как правом на совершение действия, так и правом на имущество, в отношении которого совершаются эти действия), нравственная (действия не должны противоречить моральным и нравственным принципам общества). И только определение последнего критерия является проблематичным при установлении действительности заключенного договора, но если сделка все-таки совершена с целью противоречащей принципам нравственности, то согласно ст. 169 ГК РФ она является ничтожной.

Следующая группа существенных условий – это условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида. Деление этой группы условий, которые, с одной стороны, должны определяться законом как существенные, а с другой – как необходимые, досталось в наследство настоящему ГК РФ от предшествующего (абз. 2 ст. 160 ГК 1964 г.). Такая двойственность определения этих условий вряд ли способствует правильному их пониманию сегодня. Ведь в предыдущем ГК 1964 г. существенные условия четко определялись либо законом, либо как необходимые для договоров определенного вида⁵. Хотя разработчики нового ГК РФ и хотели установить в нем необходимые условия аналогично ГК 1964 г., но то, что фактически сейчас записано в кодексе, они объясняют неудачной редакторской правкой⁶. Но еще О.С. Иоффе указывал, что «необходи-

¹ См.: Жюллио де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции: В 3 т. / Под ред. Е. А. Флейшиц. М., 1960. Т. 2. С. 255.

² Андреева Л. Существенные условия договора: споры продиктованные теорией и практикой // Хозяйство и право. 2000. № 2. С. 91.

³ См.: Новицкий И. Б. Римское право. Изд. 6-е. М., 1997. С. 128–130.

⁴ См.: Мейер Д. И. Русское гражданское право в 2 частях. М., 2000. С. 502–504.

⁵ В абз. 2 ст. 160 ГК РСФСР 1964 г. было прямо записано: «Существенными являются те пункты договора, которые признаны такими по закону или необходимы для договоров данного вида...».

⁶ См.: Комментарий части первой ГК РФ. М., 1995. С. 402.

мыми, а значит и существенными (а если существенными, то и необходимыми для действительности договора. — *Примеч. авт.*) следует считать условия, выражающие природу соответствующего договора, а потому при отсутствии любого из них достигнутое соглашение не способно придать отношениям сторон те качества, которые превращали бы эти отношения именно в обязательство данного вида»¹.

Таким образом, необходимые условия нужно рассматривать как те же существенные, которые определены в законе или ином правовом акте, и отражают видовую особенность конкретного договора. Причем эта группа существенных условий может быть определена только в поименованных (названных в законе или иных правовых актах) договорах. В непоименованных договорах этой группы условий (существенных и определяемых законом) быть не может ввиду отсутствия их законодательного установления. Установить же необходимые условия таких договоров достаточно трудно, так как их правовая природа может быть сомнительной и трудно определимой, чтобы говорить вообще о каких-либо существенных и необходимых условиях, кроме его предмета². Для исправления этой ситуации Л. Андреева, предлагает, в частности, внести соответствующие изменения в ГК РФ с целью иного понимания необходимых условий³. Поэтому достаточно остановиться на закрепленных в ГК РФ существенных условиях, определяемых в законе или иных правовых актах, которые и должны содержаться в нормах, регулирующих соответствующие виды гражданско-правовых договоров. Сейчас же в нормах ГК РФ существенные условия определяют-

ся по-разному, допуская при этом их неоднозначное понимание.

Так, иногда ГК РФ прямо говорит о существенных условиях некоторых договоров: существенные условия договора страхования (ст. 942 ГК РФ), существенные условия договора доверительного управления имуществом (ст. 1016 ГК РФ). Но в большинстве случаев ГК РФ содержит указания только на те условия, которые должны быть определены сторонами для договоров соответствующего вида. Например, цена товара, порядок, сроки и размеры платежей в договоре о продаже товара в кредит (п. 1 ст. 489 ГК РФ), цена в договоре продажи недвижимости (ст. 555 ГК РФ), размер арендной платы в договоре аренды здания и сооружения (п. 1 ст. 654 ГК РФ), начальный и конечный срок в договоре подряда (п. 1 ст. 708 ГК РФ). В других случаях ГК такие существенные условия определяет достаточно неудачно, так что вначале закон содержит норму, называющую те условия, которые должен содержать соответствующий договор, в частности, срок в договоре поставки (ст. 506 ГК РФ). В последующих нормах ГК РФ отходит от принципа существенности ранее названных условий, говоря о способах их определения, если в договоре стороны о них не упоминают. Так, все в том же договоре поставки товаров отдельными партиями, если в нем не определены периоды (сроки) поставки, то будет считаться, что поставки должны осуществляться равномерными партиями (п. 1 ст. 508 ГК РФ). То же самое можно сказать и об условиях авторского договора, определяющих срок и территорию, на которую передается право⁴.

Последнюю группу существенных условий, названных в законе, составляют условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Так, в процессе заключения договора каждая из сторон вправе выдвигать любые, не противоречащие закону условия, либо путем изменения диспозитивной нормы, либо определять их

¹ Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975. С. 28.

² Иное мнение имеется у М. И. Брагинского, который считает, что «к договорным моделям, не предусмотренным ГК или другими правовыми актами, существенными должны признаваться только предмет, условия, являющиеся необходимыми для данного договора, а также те, относительно которых по требованию одной из сторон должно быть достигнуто соглашение». (См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М., 2001. С. 305–306. Изд. продолжающееся.)

³ См.: Андреева Л. Указ. соч. С. 91.

⁴ См.: Об авторских и смежных правах: Закона РФ от 9 июля 1993 г. ст. 31 // Ведомости РФ. 1993. № 32. Ст. 1242; СЗ РФ. 1995. № 30. Ст. 2866; 2004. № 30. Ст. 3090.

самостоятельно. И для заключения договора с этими условиями необходимо, чтобы стороны их обязательно согласовали, что возможно только на стадиях его заключения. Как справедливо пишет по этому поводу В. В. Витрянский, «только на этой стадии данная группа условий имеет правовое значение, каковое полностью утрачивается с момента, когда договор считается заключенным»¹. В судебной практике достаточно часто встречаются споры, когда одна из сторон договора требует признать его недействительным или незаключенным, на основании того, что она не знала об условиях, предложенных другой стороной, и, следовательно, договор нельзя считать заключенным. Наиболее часто такие споры возникают по договорам страхования, где их условия излагаются в стандартных правилах страхования, разработанных страховой организацией и предлагаемых страхователю при заключении договора². И если страхователю не вручили соответствующие правила страхования и не удостоверили это записью в договоре страхования, то эти правила (условия договора) для него являются необязательные. То есть условия, изложенные в пра-

вилах страхования и являющиеся существенными, для страховщика будут недействующими, хотя сам договор страхования остается заключенным и действительным, что не отвечает интересам сторон.

Нужно сказать, что в практике договорной работы, заключая договор, стороны, как правило, согласуют эту группу существенных условий в последнюю очередь, не уделяя ей особого внимания. Поэтому, заключая договор, сторонам в первую очередь необходимо определить предмет договора. Далее, исходя из предмета, который и обусловит видовую принадлежность договора, можно определить и существенные условия, требуемые законом для договоров данного вида. Только после этого целесообразно согласовывать и индивидуально предлагаемые условия. Причем можно рекомендовать сторонам в письменном тексте договора специально выделить те существенные условия, которые были инициированы каждой из сторон. Это поможет предотвратить споры по поводу того, является ли предлагаемое той или иной стороной условие для нее существенным и достигнуто ли по нему соглашение при заключении договора.

А. С. Тимошук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат философских наук

ОНТОЛОГИЯ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ

Глобализация диктует единую стандартизацию в области прав и свобод человека, условий содержания заключенных, торговли, оплаты труда, экологии автотранспорта, а также во множестве технических деталей, начиная от розеток и штепселей и заканчивая средствами гигиены. Вместе с программой глобализации в «мировую деревню» настойчиво прорывается ее «незаконно-рожденный» брат – двойной стандарт (ДС)

или несимметричное поведение в аналогичных ситуациях. В этой статье мы рассмотрим отдаленные причины его порождения и развития.

Требование единства в стандартах исходит из идеи однородности бытия. Насколько гомогенно бытие? Одним из первых, кто выразил идею неравенства, изменчивости бытия, был древнегреческий философ Гераклит, который рассматривал мир как театр борьбы разнородных начал и выбрал огонь как наиболее подходящий символ непостоянства.

Перенесение изменчивости в область познания привело к учению софистов об отсутствии единого стандарта мышления, так как каждый человек сам является мерой вещей (Протагор). Каждая ситуация индивидуальна, истина и ложь устанавливаются по праву более сильного, искусного. В практических вопросах юриспруденции это вело к жонглированию словами и правовому беспределу. Поэтому в противовес лингвистическим

¹ Витрянский В. Указ. соч. С. 11.

² См.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 нояб. 2003 г. № 75 Пп. 7, 10, 13, 15, 17 // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 1.

уловкам софистов Аристотель предложил формальную логику, которая организует мышление по принципу однородности и универсальности. Вещи там существуют как однородные классы понятий, не связанные между собой в диалектические ансамбли. Замысел был благой: мыслить в категориях однородных классов и видов вещей, чтобы получить достоверное знание.

В то время как диалектика жизни все время «подсовывает» антиномичный, неупорядоченный и сложный мир, в котором ДС выступают лишь частным проявлением многоветвистой реальности, Ф. Шеллинг назвал это конфликтом богов Аполлона и Диониса, столкновением порядка, формы с разрушительной неограниченностью.

Развитие европоцентричного мира в течение более двух тысяч лет можно охарактеризовать как институализацию аполлонического начала, в котором практика ДС была малозаметна в повседневности малых социальных трагедий. Клеймение ДС в настоящее время не говорит о том, что их стало больше, скорее, они стали более выпуклыми на теле политического дискурса. Мы склонны видеть в усилении внимания к ДС признак становления политеистического мира, увеличивающийся зазор между масштабными локальностями.

Постнеклассическое мышление все больше сторонится универсальности, склоняясь к неоднородности бытия. Ж. Делез строит свою философию на различиях, а не подобиях, сравнивая действительность со свободными кочевниками – номадическими сингулярностями. Делез на помощь себе призывает мыслителей, которые провозглашали неоднородность: киники, стоики (Великая смесь как образ мира), Ницше (философия жизни, дионисийское начало).

М. Фуко метко охарактеризовал вклад Делеза в борьбу с репрессивной однозначностью: «Освобождение различия требует мышления без противоречий, без диалектики, без отрицания; мышления, которое признает расхождение; утверждающего мышления, чьим инструментом служит дизъюнкция; мышления многообразия – номадической и рассеянной множественности, которая не ограничена и не скована принуждениями подобия; мышления, кото-

рое не подчиняется педагогической модели (жульничеству готовых ответов), но которое атакует неразрешимые проблемы – то есть мышления, обращенного к многообразию особых точек, которые меняют место, как только мы отмечаем их положение, и которые упорствуют и пребывают в игре повторений»¹.

С этой точки зрения ДС порождены конвенциональной всеобщностью языка, но они совершенно приемлемы в «философии жизни», устроенной не по законам формальной логики.

В. А. Кутырев критикует новую «кочующую» картину мира за энергичность, процессуальность. Темпы обновления мировоззрения (классическое – постклассическое – постнеклассическое) приводят к появлению феномена трансмодернизма, ускорения как образа жизни, когда мимо окна экспресса жизни проносятся симулякры вещей. В. А. Кутырев полагает, что становленческая линия борьбы с человекоразмерным бытием имеет следующие уродства:

- вещи не сохраняются в качестве самих себя;
- подрывается системность реальности;
- индивид теряет определенность, становится «мультивидом», функцией, складкой»².

Принимая антропологические перегибы «упоения множественностью», нельзя не заметить, что стратегия неоднородности бытия прочно завоевала свои позиции в математике и естествознании. Так, нелинейная математика открывает новые формы возможностей выражения закономерностей природы и общества. Природа и общество рассматриваются как нестационарные структуры с неклассическими признаками: аддитивность малых причин, неустойчивость, неравновесность, многовариантность³. Практическое применение «нелинейщины» очень широко – учет рисков, правовая статистика, диагностирование больных, прогнозирование социальных процессов.

¹ Делез Ж. Логика смысла: пер. с фр. Фуко М. *Theatrum philosophicum*: пер. с фр. М.: Екатеринбург, 1998. С. 460.

² См.: Кутырев В. А. Реконструкция человека // www.philosophy.ru/library/kutyrev/reconstructionofman.html. С. 20.

³ См. Сачков Ю. В. Физика. Базовые модели. Интеллект // Физика в системе культуры. М., 1996. С. 161.

Нелинейность пересекается с современными теориями самоорганизации и синергетики, которые рассматривают сложные объекты как открытые системы с неопределенным направлением поведения.

На основании синергетики в физике произошел переход от классических детерминистических законов к законам статистическим¹. Синергетика объяснила нам, что неприятности встроены в реальность и являются мощным ускорителем развития, которое осуществляется через смену состояний хаоса и порядка. Катастрофы разного уровня являются неотъемлемой и неустранимой константой бытия².

Мы выяснили, что в философии идея неоднозначности стандарта известна давно, ее рассматривают как отражение бытийной гетерономии, онтологии неравенства. Так, например, асимметричность распределения углеводорода является природной причиной ДС.

Проблема неоднородности бытия, его плюральности отразилась в ряде течений социальной философии. Приведем их в порядке упоминания: логика социальных ансамблей М. Крозье, изучавшего феномен бюрократии³; логика меняющихся элементов (констелляций) Р. Бернштейна⁴, рассматривающая социум как сборку малых форм, имеющих свою истинность; концепция интеграции через локальности, выражающая многозначность социальных границ⁵.

А. Сыродеева указывает на важнейшую стратегию современной социальной реальности. Это – «частичное высвобождение человека из-под процедуры сравнения, которая легко запускается системой общественных идеалов, провозглашаемых, как правило, всеобщими и несомненными социальными ориентирами. Будучи предель-

ной формой выражения некоторой суммы положительных качеств, общественные идеалы имплицитно задают континуум степени обладания последними. Люди самые разные тем самым оказываются как бы выстроенными «по ранжиру», по степени приближенности к социально желательному. При этом личность воспринимает себя лишь в контексте иерархии выраженности тех или иных характеристик – процедура внутреннего соотнесения себя с другими в плане соответствия «положительному» нормативу становится хронической. Признание же множественности жизненных путей, индивидуальных картин мира свидетельствует об обретении права руководствоваться в жизни собственной системой принципов»⁶.

Антропологические истоки ДС находятся в выделении двух гетерогенных ценностно ориентированных групп – свои и чужие. К своим могут относиться семья, род, клан, социальная группа, этнос, нация, политический блок и т.п.

Практика ДС сильна там, где существует устойчивая этническая идентификация, которая, хотя и является мифом, имеет социально значимые функции: утверждение солидарности, обеспечение эмоциональной консолидации, маркировка жизненной картины мира⁷. В рамках своей общности действуют более льготные принципы накопления и распределения капитала, обмена услуг. Факт предоставления преференций своей социальной общности обычно считается естественным в силу близости и взаимозависимости членов группы. Однако регистрация ДС в сводах законов вызывает недовольство других социальных групп и самым ярким примером служит непрекращающаяся критика Талмуда за институализацию ДС для своей социальной группы. Аксиологические недостатки деления на «своих» и «чужих» заключаются в формировании образа врага, росту агрессивности в массовом сознании.

¹ См.: Пригожин И., Стенгерс И. *Время, хаос, квант*. М., 1994.

² См.: Лотман Ю. М. *Культура и взрыв*. М., 1992.

³ См.: Спиридонова В. И. *Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье)*. М., 1997.

⁴ См.: Bernstein R. J. *The New Constellation. The Ethical-Political Horizons of Modernity/Postmodernity*. Cambridge, 1991.

⁵ См.: Сыродеева А. А. *К интеграции через локальность* // Коллаж: Соц.-филос. и филос.-антроп. альм. М., 1997.

⁶ Сыродеева А. А. *Мир малого. Опыт описания локальности*. М., 1998. С. 15.

⁷ См.: Волкогонова О., Татаренко И. *Этническая идентификация и искушение национализмом* // www.philosophy.ru/library/volk/ident.html. Параграф «Мифологический характер этнической идентификации».

ДС как асимметрия в отношениях проявляется в требовании феминизма исторической справедливости: одинаковой оплате, равного социального статуса. Если мужчины исторически полигамны, то феминизм выравнивает мораль, требуя полиандрии.

Использование ДС в экономике приводит к закрытой системе предпринимательской деятельности, при которой «нет четкого разграничения права собственности и права управления (хозяйствования), использование людей происходит в зависимости от степени родства, без учета их профессиональных данных, то поэтому зачастую личные и общественные средства не различаются, смешиваются воедино, счета компаний содержатся в беспорядке, отсутствуют рациональные методы управления и калькуляции доходов и расходов»¹.

Несмотря на критику патронимических ценностей как нерациональных, в отдельных случаях они доказывают свою жизнеспособность за счет более высокой надежности, мобильности, внутренней поддержки, нежели системы целерациональные, административные.

Наиболее сильный резонанс ДС вызывают в политике, так как касаются большого количества людей. С. Г. Кара-Мурза вопрошает: «В чем разница между делом Хонеккера и делом Буша? На берлинской стене за сорок лет погибло 49 человек, а на Рио-Гранде только за 80-е годы застрелены две тысячи мексиканцев, а за сорок лет, наверное, все 10 тысяч»².

О политике ДС говорят, когда на словах декларируется гуманизм и свобода, а на деле используется агрессия, вмешательство во внутренние дела. Одни территории имеют право провозглашать суверенитет, а другие – не имеют, одни государства могут иметь ядерное оружие, другие – нет, одни государства вмешиваются во внутренние дела других государств, иным не разрешают этого делать. МИД Грузии обвиняет Россию в политике ДС, Россия упрекает Запад в применении ДС при оценке положения в Чечне, бывшей Югославии,

предлагая отойти от практики ДС по отношению к терроризму, суверенитету. Запад терпимо относится к деятельности косовских сепаратистов, не поддерживает курдов в их автономии, защищает чеченских боевиков и не оказывает протекции мирному населению Южной Осетии, Абхазии. Налицо уже не двойной стандарт, а тройной стандарт, поливариантный стандарт. Может, лучше называть не ДС, а европейский стандарт, русский стандарт и т. п. ДС – это неизбежное бегство от однозначности мира.

Возник даже специальный термин «политкорректность», выражающий осведомленность в специфике современной политической конвенции, что означает, какие стандарты по отношению к кому можно применять в данное время. Суверенитет рассматривается как аналог конкурентоспособности на политическом рынке. Требование неприменения к нему ДС может предъявить только конкурентоспособное государство. Сверхдержава де факто может себе позволить сама применять ДС по отношению к другим.

Косово, Курдистан, Чечня, Абхазия, Южная Осетия – все это примеры бытийной неоднородности. Почему же мы осуждаем ДС в политике как смертный грех? Скорее это делает за нас дискурс власти. ДС связан с геополитической конвенцией. Хотя нет одинаковых случаев и, видимо, одинаковые случаи являются разнородными, мы учитываем их рецепцию с заинтересованной стороны. Сторона, применяющая ДС, сигнализирует о неоднородности события. Другая сторона старается противостоять ДС, используя коммуникативные средства защиты.

Критика ДС также обусловлена противоречием ДС с идеалом справедливости, т.е. нравственного соответствия, соразмерности, что делает справедливость близкой онтологическому термину однородности. Борьба с ДС возможна в нравственном смысле как неприятие лицемерия, в правовом смысле как требование справедливости, но бессмысленна в онтологическом смысле как борьба со множественностью, плюральностью и неоднородностью.

¹ Буров В. Г. Модернизация тайваньского общества. М., 1998. С. 73.

² Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2005. С. 77.

О.В. Соколов,
*старший преподаватель
кафедры уголовно-правовых
и специальных дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России*

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА
В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
КАК РЕЗУЛЬТАТ СЛЕДСТВЕННЫХ ОШИБОК**

Начало XXI в. стало переломным не только в социально-экономической, но и в правовой сфере Российского государства. При этом продолжающаяся в стране судебно-правовая реформа, затрагивающая практически всю правоохранительную систему, вызвала необходимость кардинального пересмотра ряда положений статуса и роли судьи как единственного субъекта, уполномоченного выносить оправдательный приговор. Появление простых, более мобильных составов суда (мировой судья) и сложного альтернативного судопроизводства (суд присяжных) позволяет в полном объеме реализовывать принцип состязательности в судебном разбирательстве, что в совокупности призвано оздоровить и повысить эффективность системы правосудия, сформировать новое правосознание и в конечном счете стать важной гарантией необратимости демократических преобразований государства и общества.

Вопрос о предпосылках вынесения оправдательного приговора не случайно стал предметом нашего научного интереса. На фоне увеличения общего количества оправдательных приговоров получение ответа на поставленный вопрос приобретает все большую актуальность. А ответить на него, очевидно, возможно будет только после тщательного изучения понятия и сущности приговора как акта правосудия.

В юридической литературе данная категория достаточно подробно исследовалась в работах многих ученых: Г. Н. Агеевой, Ю. М. Грошевого, А. С. Кобликова, И. Д. Перлова, С. А. Ворожцова, Ф. Н. Фаткуллина, О. Ю. Александровой, М. Ф. Маликова, П. Ф. Пашкевич и др.

Резюмируя положения, содержащиеся в работах указанных авторов, можно сказать,

что приговор суда есть важнейший акт правосудия, разрешающий по существу предъявленное подсудимому обвинение. Этим актом устанавливается виновность или невиновность подсудимого в совершении преступления, назначается ему наказание либо освобождение его от наказания. Приговор является индивидуальным актом применения норм права, служит эффективным средством повышения правосознания граждан, постановляется судом первой или апелляционной инстанции в судебном заседании с соблюдением специальных процессуальных гарантий и приобретает свойства, придающие ему силу закона.

Часть 1 ст. 302 УПК РФ предусматривает два вида приговоров: оправдательный и обвинительный. Оправдательный приговор выносится в случае, если вина подсудимого не нашла своего подтверждения в судебном разбирательстве, а обвинительный – в случае доказанности виновности подсудимого.

Мы согласны с определением оправдательного приговора, предложенным О. Ю. Александровой: «Оправдательный приговор – это основной акт правосудия, обладающий свойствами обязательности, исключительности, неизменности, преюдициальности, истинности, завершающий стадию судебного разбирательства, в частности, и уголовное судопроизводство в целом, сущность которого состоит в установлении судом невиновности лица в совершении преступления, инкриминируемого ему органами»¹.

Принятый в 2001 г. УПК РФ впервые в истории российского уголовно-процессуального права предпринял попытку регламентировать основания постановления оправдательного приговора. Согласно ч. 2 ст. 302 УПК РФ постановление оправдательного приговора возможно в случаях, если:

1) не установлено событие преступления (отсутствие по делу таких неправомерных действий подсудимого, применительно к которым можно было бы говорить о наличии или отсутствии признаков состава преступления);

¹ Александрова О. Ю. Оправдательный приговор в уголовном процессе: теоретические основы и правоприменительная практика: Дис. ...канд. юрид. наук Красноярск, 2005. С. 8.

2) подсудимый не причастен к совершению преступления (доказано само преступление, но исследованными судом доказательствами не подтверждается, а иногда и вообще исключается вывод о совершении его подсудимым);

3) в деянии подсудимого отсутствует состав преступления (отсутствие тех юридических признаков, которые необходимы для того, чтобы вменяемые подсудимому в вину действия (бездействие) признать преступлением, усмотреть в нем конкретный состав преступления с его объективными и субъективными элементами);

4) в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей вынесен оправдательный вердикт (факт наличия по рассматриваемому делу оправдательного вердикта, вынесенного присяжными заседателями, влечет за собой безусловное вынесение председательствующим оправдательного приговора).

Полагая, анализ данных оснований позволяет сделать вывод о том, что в первом, втором и третьем случаях речь идет либо о следственной ошибке, либо о некачественно проведенном предварительном расследовании.

По мнению В. И. Власова, следственные ошибки – «это любые непреднамеренные нарушения закона, недостатки и упущения, допущенные при возбуждении уголовных дел, всякая неправильность в процессуальной деятельности, в том числе и мыслительном процессе, компетентного лица – носителя соответствующих прав и обязанностей»¹.

А. Д. Бойков под следственной ошибкой понимает «любое незаконное или необоснованное решение, вызванное неправильным действием или бездействием»².

По мнению А. Д. Назарова, следственная ошибка – не содержащее признаков уголовно наказуемых деяний, незаконное или необоснованное действие или бездействие следователя, осуществляющего предвари-

тельное расследование по уголовному делу, выразившееся в неполноте и односторонности исследования им обстоятельств дела, несоблюдение в уголовном процессе конституционных прав и свобод человека и гражданина, существенном нарушении уголовно-процессуального закона, неправильном применении уголовного закона и направленное, по субъективному мнению следователя, на выполнение целей и задач уголовного судопроизводства, но объективно препятствующее их достижению³.

На наш взгляд, последнее определение наиболее полно отражает существенные признаки следственной ошибки и позволяет уяснить суть понятия в целом.

Наряду с термином «следственные ошибки» часто используют словосочетание «процессуальные ошибки», под которым понимают «преднамеренное нарушение процессуального закона, выразившееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении его требований следователем либо иным процессуальным органом и признанное таковым компетентным субъектом в соответствующем правовом акте»⁴. Нередко в юридической литературе можно встретить мнение об отождествлении данных понятий, что в полном объеме сохраняет их существенные признаки и индивидуальность.

Анализ ряда уголовных дел, по которым были вынесены оправдательные приговоры, позволяет выделить некоторую классификацию следственных ошибок, явившихся причиной оправдания:

1) ошибки, связанные с неправильной оценкой доказательств на предмет их достаточности для предъявления обвинения;

2) ошибки, обусловленные нарушением порядка формирования доказательств либо неправильной оценкой их допустимости;

3) ошибки, допущенные в результате неудовлетворительного закрепления и сохранности собранных доказательств, проверки их достоверности;

¹ Власов В. И. Расследование преступлений. Проблемы качества. Саратов, 1988. – С. 63.

² Бойков А. Д. Вопросы укрепления законности и повышения эффективности уголовного судопроизводства в свете решений XXVII съезда КПСС // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. М., 1988. С. 14–15.

³ См.: Назаров А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. Красноярск, 2000. С. 14.

⁴ Баранов А. Н. Процессуальные ошибки, совершаемые на этапе окончания предварительного следствия и способы их устранения: Лекция. Омск, 1996. С. 11.

4) ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона, в том числе фактической квалификации содеянного.

Наибольшего внимания и определенного анализа заслуживает вопрос о рассмотрении причин совершения следственных ошибок. По нашему мнению, их можно классифицировать следующим образом.

В первую группу входят непосредственные причины, а именно непроведение или ненадлежащее проведение следственных и иных процессуальных действий, неправильная оценка собранных по делу доказательств.

Ко второй группе относятся объективные причины (возникают опосредованно через следователя, заключаются в нахождении в производстве у следователя одновременно значительного количества уголовных дел, неблагоприятной нравственно-психологической атмосфере в коллективе, недостаточном ведомственном контроле со стороны руководства и др.) и субъективные причины (связаны с личностью следователя, а именно отсутствие у следователей необходимых профессиональных познаний и навыков в работе, обвинительный уклон, самонадеянность при принятии процессуальных решений и др.).

Третью группу составляют причины, вызванные обобщенными факторами, т.е.

дефекты правового и нравственного сознания следователя, определяющие неправильное отношение к работе, а также недостатки в подготовке следственных кадров и в организации повышения их профессиональной квалификации, несовершенство нормативной базы в организации работы следственных органов и др.

Приведенная выше классификация причин совершения следственных ошибок не носит ограничительного характера, наоборот, от воздействия ряда объективных и субъективных факторов она может приобретать расширительное толкование, что является негативной составляющей современного российского судопроизводства.

Таким образом, качество подготовки и рассмотрения уголовных дел, по которым постановляются оправдательные приговоры, является невысоким именно в силу большого количества ошибок, допускаемых субъектами, участвующими в отправлении правосудия.

Тем не менее эти обстоятельства не должны подрывать достоинства самого правосудия, напротив, они указывают на недостатки либо в нормативной базе, либо в деятельности следственных и судебных органов и подлежат устранению в кратчайшие сроки.

М. В. Байтеева,
*начальник кафедры государственно-правовых дисциплин и гражданского права
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ

«Известно, каким гипнотическим влиянием обладают любовь и ненависть к государству, сколько эмоций сопряжено с его возникновением, историей, успехами, с его мощью и издержками» – писал известный философ М. Фуко¹. Государство склонно всячески регламентировать жизнь индивида, оформлять ее совокупностью дисциплинарных норм, сужать рамки свободы для тех, кто рассматривается как политический

оппонент. Поэтому и в философии права, и в политической философии все чаще ставится вопрос не только о содержании юридических прав и обязанностей индивида, но и о моральных обязательствах государства, налагаемых на него легитимностью публичной власти.

В современном государстве преобладающей формой управления является представительная демократия, которая олицетворяет государственную силу, наделенную ответственностью. Это не единственная, и отнюдь не лучшая форма проявления народовластия. По ряду причин неуклонно происходит процесс «эрозии» демократии, проявляющаяся в том, что возрастающая власть партий и средств массовой информации, связанных с узкопрофессиональной политикой, удаляет политическую действительность от идеала. Все чаще сегодня предлагаются различные возможные альтернативы. В качестве первой рассматривается гражданское общество, в качестве второй – непосредственная, или прямая, демо-

¹ Фуко М. Искусство государственного управления // Интеллектуалы и власть: В 2 ч. М., 2005. Ч. 2. С. 207.

кратия¹. Оба варианта имеют много общего: во-первых, они являются контрапунктами учрежденных ныне структур власти; во-вторых, заботятся о расширении гражданского участия в управлении обществом. Безусловно, эти проекты рассматривают как идеалы, к которым следует стремиться, однако на политической сцене они объединены общей целью – осуществлением реального народовластия.

По мнению немецкого философа и юриста О. Хёффе, разговоры о будущем власти, связанном с гражданским обществом, имеют два семантических поля. Первое можно обозначить термином «*societas civilis*», которому соответствует законно оформленное общество в виде государства. Другое значение термина «гражданское общество» рассматривается как антоним «государства» и означает особую форму реализации политического режима².

В широком и радикальном смысле понятие «гражданское общество» означает ликвидацию структур государственной власти и замену методов ее осуществления демократическим путем. Однако есть и другие мнения. Еще Г. Гегель отмечал, что гражданское общество является особой формой сосуществования государства и общества в определенных сферах жизни³. В современной отечественной науке под гражданским обществом чаще понимается не организация жизни общества, а особая структура, выступающая связующим звеном между частной и публичной сферами управления государства. Хотя ни в одном из рассмотренных вариантов нет ясности в определении содержания и субъекта такой власти, очевидно, что привычных структур централизованного управления здесь нет. Они замещаются самоуправлением граждан, которые выполняют общественно полезные функции. В результате такого «расширенного» управления происходит процесс деполитизации и разгосударствления общества. «Тот, кто печется за «общее благо», может вполне обойтись без государственного аппарата, обращаясь только к общественным силам», – считает О. Хёффе⁴.

У концепции развития гражданского общества немало противников. Достаточно указать либерально-критический пессимизм, связанный с представлениями о том, что граждане такого общества могут превратиться в действующие «монады» с собственными эгоистическими интересами, направляющими субъективные права как оружие друг против друга⁵. Еще в середине XIX в. О. Конт признавал субъективное право только через призму взаимной ответственности членов общества. «Каждый субъект несет обязанность в отношении всех остальных и никто не имеет права в собственном смысле слова», – писал он⁶. Анализируя данную проблему сегодня, А. А. Малиновский считает, что вопрос о пределах субъективного права является одним из самых сложных в юридической науке. «Трудность его состоит в том, что пределы права так или иначе ограничивают свободу человека. Но для чего и с какой целью необходимо вводить данные ограничения?» – спрашивает он⁷. Известно, что пределы любого субъективного права устанавливаются с целью контроля в обществе. Например, по мнению известного немецкого юриста Н. Лумана, субъективные права неизбежно ограничены правовой формой во избежание негативных последствий, поскольку мотивы субъектов не могут контролироваться обществом⁸.

И все же реалии жизни свидетельствуют о другом. Уже сегодня многочисленные гражданские инициативы находят взаимное понимание и признание в обществе. Средства воздействия в нем нередко варьируются от простого обсуждения «в народе» до организованного протеста масс. Поэтому к структурам гражданского общества, по мнению О. Хёффе, следует отнести и группы политического давления, которые соотносятся сегодня не с политической системой общества, а с внепарламентской оппозицией. Конечно, гражданское общество развивается не из движений протеста, а начинается с

¹ См.: Höffe O. Politische Ethik im Zeitalter der Globalisierung. München, 2004. S. 90–97.

² См.: Ibid. S. 86.

³ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права // Немецкая классическая философия. М., 2000. С. 502.

⁴ Höffe O. Op. cit. S. 92.

⁵ См.: Teylor Ch. Wiewiel Gemeinschaft braucht Demokratie. Frankfurt / M., 2002.

⁶ Цит. по: Brieskorn N. Rechtsphilosophie. Stuttgart, 1990. S. 60.

⁷ Малиновский А. А. Пределы субъективного права // Рос. право. 2005. № 11. С. 95.

⁸ См.: Luhman N. Das Recht der Gesellschaft. Frankfurt / M., 1993. S. 290.

гражданских инициатив. В условиях демократии здесь заложено много возможностей. Научные и социальные, культурные и политические учреждения, основанные на самоорганизации, уже сейчас являются элементами гражданского общества. Как носители общественного самоуправления, они выполняют важную миссию: пробуют силы и способности на общественном поприще, развивают процесс солидарности и социальной интеграции, воплощают в жизнь принцип субсидиарности.

Согласно позиции О. Хёффе, гражданское общество преследует несколько целей. Во-первых, оно разрушает государственную монополию на власть в публичной сфере отношений. Во-вторых, рассматривает возможность развития партиципаторных форм демократии. Анализируя процесс управления в гражданском обществе, можно рассмотреть три уровня воздействия, которым уже сегодня располагает демократическое общество. Для первого уровня, представленного стихийными и анонимными формами управления, характерно отсутствие устойчивых социальных связей. К нему относятся сферы рынка и науки, где власть принадлежит деньгам и репутации. На втором уровне управления, в рамках господства права, государством управляет общественно-ответственный субъект. Третий уровень представлен кооперационными формами управления, где реализуется идея солидарности, усиленная нормативной системой ожидания поведения и неформальными санкциями. Возможен и четвертый уровень. Даже если исходить из возможностей «усредненного» общества, «общее благо» становится достижимым лишь через процесс его самоорганизации. Таким образом, к государственно-правовой плоскости второго уровня должна присоединиться партиципаторная демократия, осуществляемая самими гражданами¹.

Безусловно, гражданское общество может иметь определенные черты государственности, которые проявляются в поисках поддержки и влияния определенных структур политической системы. Однако ничем иным гражданское общество не похоже на государство. Различные группы и инициативы

гражданского общества находятся в свободной конкуренции, споря о приоритетах. Этот процесс лишь напоминает стихию рынка, поскольку гражданское общество не культивирует благосостояния или престижа. Такое общество является скорее фактором оформления солидарности его граждан. Представленное субъектами в лице многочисленных гражданских организаций, средств массовой информации и индивидов, оно является особой формой ответственности. В таком обществе гражданин действует, добровольно выполняя двойную роль управляющего и управляемого, обходясь без мандата депутата. Очевидно, что здесь должна быть изменена система требований к гражданской ответственности и самосознанию, которые имеют прямую зависимость от нравственного потенциала общества.

Наиболее проблемным полем различных теорий гражданского общества считается вопрос о гетерогенности форм участия его граждан. В частности, демократическая форма предполагает, что ее участник – это прежде всего сознательный гражданин с совокупностью прав и обязанностей. Он может быть членом партий, организаций, клубов, которые представляют его интересы, и в этом смысле все они становятся субсидиарными членами гражданского общества. Но здесь сохраняется опасность превращения граждан в зрителей или клиентов, пассивно или «издалека» наблюдающих происходящее в обществе. На этой почве может возникнуть конфликт встречных требований, и граждане «изнутри» разрушат со временем общество².

Эти проблемы не новы. Они ставились еще И. Кантом, который апеллировал к разумности человека, способного отвечать за свои поступки, формировать общие мышление и мораль. Обобщенной формой таких проявлений являются сегодня процессы коммуникации как соединение, общее действие и общий смысл. В этих коммуникативных формах развивается практический разум как этический проект и власть гражданского общества. Такая власть означает волю равных, компетентных и вовлеченных в политический процесс граждан.

¹ См.: Höffe O. Op. cit. S. 94.

² См.: Ibid.

«Любое государство, – считал Х. Ортега-и-Гассет, каким бы оно ни было – первобытным, античным, средневековым или современным, – это всегда приглашение группой людей других людских сообществ для совместного осуществления какого-либо замысла, который заключается в организации нового типа общественной жизни»¹. Становление гражданского общества, находящегося в лоне государства, зависит сегодня от степени развитости экономических и правовых отношений, реальности личной и экономической свободы, заложенных стандартов поведения.

Следует отметить, что дискуссия о стандартах жизни в любом обществе имеет как политико-правовой, так и морально-этический формат. Как и другие социальные нормы, правовые нормы отражают характер складывающихся отношений: определяют взаимные ограничения свободы, выделяют границы легального поведения. Установление этих границ всегда требует предварительного выяснения содержания правовой свободы. Как ни парадоксально, современная свобода ассоциируется в государстве с личными правами индивида, в то время как представление о свободе в период античности предполагало независимость гражданина в общественной сфере. Свобода в формате реализации гражданского общества находится в тесной связи с дихотомией публичной и частной автономии индивида. Граждане сами должны производить права, которые получают универсальное признание, быть одновременно и адресатами, и авторами норм. Хабермас называет это общественной автономией, где свобода каждого рассматривается как ее частный вариант, который должен защищаться правом.

В любом демократическом обществе неизбежно возникает тенденция сближения субъекта и объекта власти, ведущая к их совпадению. Среди российских ученых немало сторонников этой точки зрения. «Диалектика данного процесса состоит в том, что каждый гражданин является не только подвластным, но и как член демократического общества вправе быть индивидуальным первоносителем и источником

власти. Это значит, что он не просто имеет право, но и должен активно участвовать в формировании органов власти, контролировать их деятельность, быть их инициатором и участником», – отмечают В. М. Корельский и В. Д. Перевалов². Таким образом, внутренняя связь демократии и правового государства состоит в том, чтобы граждане в их общественной автономии могли уже сегодня создавать условия для развития частного самоопределения в будущем. Субъективная свобода действий и стремление к этическому благу должны быть гарантированы в обществе через политическую автономию каждого гражданина. Для этого важны открытый правовой порядок, свобода политического процесса, находящая выражение через права человека свободно выражать свое мнение, исповедовать любую религию, принимать политическое участие в жизни общества.

Любая демократическая система вписывается сегодня в череду определенных «порядков признания», которые структурируют взаимодействие технических, денежных, налоговых, юридических и иных систем общества. Известный французский философ П. Рикер писал: «О том, что целью такой организации является признание, следует напоминать наперекор систематическому абстрагированию, откуда изгоняется рассмотрение инициатив и вмешательств, посредством которых люди входят в противостояние системам»³. Порядки признания не могут обойтись без принятия и учета взаимных требований. Это краеугольный камень гражданского общества. Поэтому нельзя не согласиться с мнением О. Хёффе, что тот, кто стремится легитимировать свои права, должен оправдать и соответствующие обязанности⁴. Только тогда становятся действенными способы управления и влияния на общественные процессы, разрешаются конфликты интересов в обществе, а любые социальные изменения приобретают легитимность.

² Теория государства и права: Учеб. для вузов / Под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 1997. С. 129.

³ Рикер П. Справедливое. М., 2005. С. 36.

⁴ Höffe O. Kategorische Rechtsprinzipien. Frankfurt / M., 1990. S. 365.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2001. С. 162.

В. С. Веденин,
соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРАВА: ДВА ПОДХОДА К ПРАВОПОНИМАНИЮ

Проблема правопонимания традиционно считалась одной из главнейших в юридической науке. В первую очередь это объясняется тем, что в прямой зависимости от правопонимания находятся все остальные правовые явления. Следовательно, правопонимание предопределяет в конечном итоге пути развития правовой науки. Однако право – очень сложный и уникальный феномен, и его понимание, зависящее от многих факторов, всегда будет субъективно.

Последнее обусловило возникновение большого количества теорий правопонимания. Однако если с научной точки зрения подобный плюрализм еще можно назвать приемлемым, то его прикладная сторона, в особенности процесс подготовки специалистов в области юриспруденции и правоприменительная деятельность, имеет гораздо больше негативных последствий. Так, в частности, некоторые концепции противопоставляют право и закон, в результате чего наносится ущерб базовым ценностям законности и правопорядку, происходит неверное формирование производных от права категорий¹.

Многообразие существующих в настоящее время подходов к правопониманию можно условно подразделить на два основных – нормативный и широкий², отличающихся тем, что сторонники второго из названных подходов в понятие права включают, помимо норм правоотношения, правосознание и другие правовые явления.

Для того, чтобы понять, какой из подходов наименее оторван от реальной жизни и может с большим успехом быть использован на практике, рассмотрим их применительно к действующему законодательству,

не углубляясь в критический анализ основных положений указанных концепций.

Не вызывает сомнений утверждение, что элементом, связывающим правопонимание с юридической практикой, выступает юридическое мышление, которое, являясь составной частью правового сознания, воспроизводит накопленный юридической наукой социально-правовой опыт в юридической практике, т. е. в правотворчестве и реализации права.

Юридическое мышление, представляя собой высшую степень процесса познания права, позволяет отображать объективную реальность в умозаключениях и оперировать понятиями, содержащими в себе теоретические знания. Сознание профессионального юриста должно воспринимать право через установленные государством правовые предписания (нормы), так как прежде, чем применить ту или иную норму, необходимо понять ее содержание, уяснить, какие конкретно действия следует совершить.

Понимание права как системы норм, безусловно, предоставляет возможность его прикладного использования, чего нельзя сказать, например, о понимании права как внутренних переживаний индивида (психологическая концепция права), неотчуждаемых прав и свобод человека (легистское правопонимание), правомочий объектов правоотношений посредством коммуникаций (коммуникативная теория) и др.

Убедиться в этом можно, рассмотрев следующий пример из области патентного права.

Согласно ст. 14 «Патентного закона Российской Федерации» от 23 сентября 1992 г. № 3517-1 (в ред. от 2 февраля 2006 г.) (далее – Патентный закон) любое лицо, использующее запатентованный объект без согласия патентообладателя (за исключением случаев, указанных в Законе), считается нарушителем³. Ключевым моментом в данном случае являются даты возникновения и прекращения исключительных прав правообладателя. Некоторые путают эти даты с датами начала и окончания действия патента. В п. 3 ст. 3 указанного Закона за-

¹ См., напр.: *Нерсисянц В. С.* Философия права. М., 2005. С. 34–35.

² См.: *Байтин М. И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005. С. 44–58.

³ См.: Рос. газ. 2006. 8 февр.

креплено, что патент действует до истечения двадцати лет с даты подачи заявки в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности. Удачной эту формулировку назвать нельзя потому, что из нее следует, что патент начинает действовать именно с даты подачи заявки в патентное ведомство.

Усугубляет положение само патентное ведомство, указывая на патентных грамотах дату начала действия патента, совпадающую с датой подачи заявки. Кроме того, согласно подп. «л» п. 1 Положения «О пошлинах за патентование изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, регистрацию товарных знаков, знаков обслуживания, наименований мест происхождения товаров, предоставление права пользования наименованиями мест происхождения товаров» за поддержание в силе патента Российской Федерации годовые пошлины взимаются с третьего года, считая с даты подачи (поступления) заявки на изобретение, промышленный образец¹. Абсурдным в этой ситуации является то, что физически патент может быть еще не выдан и по заявке идет экспертиза. Этим нередко пользуются лица, которые, только получив патент, обращаются в правоохранительные органы с заявлением о нарушении их прав по ст. 147 УК РФ. Таким образом, отсутствие в законе даты, указывающей на момент возникновения исключительного права, вытекающего из патента, и связанные с этим ошибки правоприменительных органов могут негативно сказаться на судьбе отдельного человека.

Частично такой не совсем продуманный подход законодателя компенсирует ст. 22 Патентного закона, устанавливающая временную правовую охрану заявленному

изобретению с даты публикации сведений о заявке до даты публикации сведений о выдаче патента в объеме опубликованной формулы. Исходя из этого, а также из смысла ст. 21 Патентного закона становится понятным, что во временной промежуток между подачей заявки и публикацией сведений о выдаче патента претензий к третьим лицам заявителем предъявлено быть не может.

Как свидетельствует практика, по особо сложным заявкам экспертиза может длиться до 5 лет и более, а согласно ст. 196 ГК РФ общий срок исковой давности по гражданским делам составляет 3 года. Получается, что взыскать ущерб, который будет рассчитываться исходя из упущенной выгоды, правообладатель может лишь за последние 3 года. Сложности юридической перспективы таких дел состоят в том, что для определения упущенной выгоды необходимо знать реальные объемы выпуска продукции конкурентом, что не всегда представляется возможным.

Следует отметить, что момент публикации сведений о выдаче патента еще не означает возникновения исключительного права, т. е. в силу ст. 26 Патентного закона Федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности должен внести данные сведения в Государственный реестр. Законодательно не закреплено, что эти даты совпадают, поэтому можно сделать вывод о возможном наличии временного промежутка между указанными юридическими действиями.

По логике, публикация должна произойти после внесения сведений в Государственный реестр, но законодатель располагает эти статьи (№ 25, 26 Патентного закона) в обратном порядке. По нашему мнению, момент официальной публикации является моментом возникновения патентной монополии и служит универсальным средством уведомления неограниченного круга лиц о возникновении исключительных прав. К сожалению, текст Патентного закона такой вывод нормативно не устанавливает.

В связи с этим особо следует отметить противоречащую системно-нормативному правопониманию официальную позицию некоторых правоохранительных органов,

¹ См.: О пошлинах за патентование изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, регистрацию товарных знаков, знаков обслуживания, наименований мест происхождения товаров, предоставление права пользования наименованиями мест происхождения товаров: Положение от 12 авг. 1993 г. № 793 (с изм., внес. постановлениями Правительства РФ от 12 авг. 1994 г. № 954, 12 авг. 1996 г. № 947, 16 апр. 1997 г. № 423, 20 авг. 1997 г. № 1058, 31 марта 1998 г. № 372, 14 янв. 2002 № 8, 4 июля 2003 г. № 403, 26 нояб. 2004 г. № 688) // Рос. газ. 2004. 1 дек.

состоящую в том, что умысел на совершение действий по ст. 147 УК РФ может возникать только после официального уведомления правообладателем изготовителя контрафактной продукции об имеющемся у него патенте.

Аналогичным образом дело обстоит с публикациями о досрочном прекращении действия патента. Из-за неурегулированности нормами права момента выхода официальных публикаций Роспатента сведения о прекращении правовой охраны того или иного патента могли в силу различных административных проволочек запаздывать на год и более. А на вопрос, к кому должны быть предъявлены претензии о возмещении ущерба вследствие неиспользования добросовестным производителем уже ставшего общедоступным изобретения, все еще считающим его находящимся под охраной, Патентный закон ответа не дает.

Таким образом, широкий подход к пониманию права, включающий в данное понятие правосознание, правоотношения и иные правовые явления, с неизбежностью приводит к возможности применения права по усмотрению. Существование норм, сформированных в рамках такого правопо-

нимания и придающих праву относительно-определенный или вовсе противоречивый характер, безусловно, не только затрудняет их понимание и толкование, но и ведет к появлению в обществе правового нигилизма и произвола в праве.

В этих условиях особую значимость приобретает нормативное правопонимание, опирающееся в первую очередь на социальные ценности, защищенные нормами права и подкрепленные профессиональными знаниями о праве как системе официально и научно трактуемых юридических норм. Современная реальность требует рассматривать право не в качестве аморфного, светлого и доброго идеала, присущего каждому от рождения, а в качестве эффективного регулятора отношений, порожденного человеческим интеллектом, обусловленного объективными факторами и понимаемого на основе законов социального развития.

Именно такое правопонимание, возможное лишь в рамках системно-нормативного подхода, по нашему мнению, может считаться действительно научным, отвечающим потребностям современного общества и способным содействовать повышению эффективности правового регулирования.

А. А. Илidgeв,
*старший преподаватель
государственно-правовых дисциплин
и гражданского права
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ВИДОВ СОУЧАСТНИКОВ И СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Важной социально-правовой предпосылкой назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, является установление выполняемых соучастниками функций (ролей), то есть характера их участия в совместно совершаемом ими преступлении. Вклад соучастников в их общее «предприятие» обычно бывает неодинаковым.

В отечественном уголовном законодательстве традиционно дифференцируется ответственность соучастников преступления.

Наиболее разработанным законодательным актом России до XX столетия в части регулирования ответственности соучастников преступления было Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В ст. 12 Общей части Уложения было закреплено: «В преступлении, содеянном несколькими лицами, принимается в уважение: учинено ли сие преступление по предварительному всех или некоторых виновных на то согласию или без оногo»¹. Таким образом, соучастие подразделялось на совершенное с предварительным согласием или без такового. Кроме того, соучастники в Уложении делились на «пущих» (зачинщиков), «первых зачинщиков», «подговорщиков» (подстрекателей), «главных виновников», то есть управляющих и распоряжающихся, а также начавших преступле-

¹ Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. / Под ред. О. И. Чистякова. М., 1988. Т. 6. Законодательство первой половины XIX в. С. 175–176.

ние первыми. В ряде статей упоминалось о сообщниках.

Первые советские УК также исходили из трехзвенной схемы соучастников (ст. 16 УК РСФСР 1922 г., ст. 17, 18 УК РСФСР 1926 г.). Только в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (ст. 17) и соответственно в УК РСФСР 1960 г. (ст. 17) наряду с исполнителем, подстрекателем и пособником был предусмотрен и организатор преступления. Четырехчленная классификация соучастников закреплена и в ст. 33 УК РФ 1996 г. Казалось бы, организатор преступления – наиболее опасная фигура из всех соучастников, однако до 1958 г. российским законодателем он не выделялся.

Неоднозначно решается вопрос об ответственности за соучастие в преступлении и в уголовном законодательстве зарубежных стран. Так, в ст. 110 УК Италии содержится лишь общее положение о соучастии. «Если несколько лиц участвовали в одном и том же преступном деянии, каждое из них подлежит установленному за него наказанию, поскольку в следующих статьях не указано иное». А в ст. 111 этого же кодекса регламентируется так называемое посредственное исполнение преступления: «Кто склонит к совершению преступного деяния лицо невменяемое или не подлежащее наказанию вследствие личных условий или свойств, отвечает за преступное деяние, совершенное этим лицом; наказание, кроме того, повышается». В ч. 2 ст. 112 предусмотрено повышение ответственности «для тех, кто был зачинщиком или организовал совместное совершение преступного деяния, или направлял деятельность участвовавших в самом преступном деянии».

УК Италии известно также неосторожное содействие преступлению. В частности, в ст. 254 закреплено: «Если выполнение преступления, предусмотренного предыдущей статьей (ст. 253 «Разрушение военных сооружений» *А. И.*), стало возможным или хотя бы только облегчено вследствие неосторожности лица, в чьем владении или под охраной или наблюдением которого находились предметы, там же указанные, это лицо наказывается ис-

правительным домом от одного года до пяти лет».

УК Франции наряду с исполнителем выделяет пособника и подстрекателя.

В соответствии со ст. 121-6 данного кодекса «будет наказан как исполнитель соучастник преступного деяния в смысле ст. 121-7», в которой закреплено: «является соучастником преступления или проступка лицо, которое умышленным оказанием помощи облегчило их подготовку или совершение».

Недостаточная систематизация видов соучастников в уголовном законодательстве западных стран стала уже традицией. Это скорее всего связано, с одной стороны, с акцессорной теорией соучастия, положенной в основу его законодательной регламентации, а с другой – с тем, что подстрекательство, пособничество и даже организационная деятельность рассматриваются в качестве основания уголовной ответственности только в случае совершения исполнителем соответствующего преступления (например, вооруженного мятежа и др.).

В действующем же УК РФ (ст. 32) дана наиболее приемлемая интерпретация видов соучастников.

В юридической литературе достаточно глубоко исследованы функции каждого из соучастников, поэтому нет необходимости останавливаться на подробном их анализе. Вместе с тем следует отметить несколько моментов, имеющих существенное значение для практики назначения наказаний за преступления, совершаемые в соучастии.

Во-первых, по сравнению с прежней законодательной регламентацией в УК РФ существенно уточнены определения таких участников совершения преступлений, как исполнитель, организатор и пособник. В частности, согласно ст. 33 УК РФ исполнителями признаются три категории субъектов: 1) лицо, которое единолично непосредственно совершает преступление; 2) лицо, совместно с другими непосредственно участвовавшее в совершении преступления; 3) лицо, использовавшее для совершения преступления других лиц, в соответствии с законом не подлежащих уголовной ответственности.

Последние две категории лиц впервые предусмотрены в УК РФ.

В соответствии с ч. 3 ст. 33 УК РФ организатором признается не только лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением (как это закреплялось в ст. 17 УК РСФСР 1960 г.), но и лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими. Новый подход законодателя к определению организатора позволил некоторым авторам (А. В. Покаместов¹, С. А. Балеев² и др.) сделать вывод о том, что современное уголовное законодательство фактически предусматривает ответственность за организационную преступную деятельность, под которой следует понимать, как нам представляется, не какое-то неопределенное опасное состояние личности, а конкретные преступления, образующие в своей совокупности преступную деятельность.

К пособничеству УК РФ отнес наряду с другими известными ранее действиями заранее данное обещание приобрести или сбыть предметы, добытые преступным путем (ч. 5 ст. 33).

Во-вторых, в российском уголовном законодательстве специально не выделяются главные и второстепенные соучастники. Дифференциация ответственности путем формализации пределов назначения наказания отдельных соучастников – задача весьма сложная, если вообще разрешимая. Дело в том, что при назначении наказания соучастникам суд должен учесть и смягчающие, и отягчающие обстоятельства. А если они относятся к личности одного из соучастников, то могут учитываться при назначении наказания только этому соучастнику. Поэтому при определении пределов уголовной ответственности и назначении наказания УК РФ (ст. 34, 67) лишь в общем плане предписывает суду учитывать характер участия лица в совершенном пре-

ступлении, то есть ту функцию (роль), которую выполнил соучастник.

Однако, по нашему мнению, проблему таким образом не решить. Какими бы персонифицированными ни были смягчающие обстоятельства, они не могут обуславливать назначение более мягкого, по сравнению с другими виновными, наказания соучастнику, который выполнил решающую, «заглавную», роль, внес наиболее существенный вклад в совместно совершенное преступление. Этот вывод, прежде всего, относится к определению пределов назначения наказания организатору преступления.

В-третьих, дифференциация соучастников на виды определена в законодательстве применительно к сложному соучастию (с распределением ролей). Вместе с тем распределение ролей, как правило, имеет место и при групповых формах соучастия. Данное обстоятельство и вызывает, на наш взгляд, необходимость выявления наряду с формами видов соучастия.

Проблема видов соучастия в отечественной юридической литературе является не бесспорной, и она, как нам представляется, не исчерпывается классификацией видов соучастников.

Однако авторы, признающие необходимость выделения видов соучастия наряду с его формами, приводят не только не однозначные обоснования, но и предлагают порой взаимно исключающие решения. Так, И. П. Малахов формами взаимосвязанной преступной деятельности считает подстрекательство, пособничество и совиновничество³. Как видим, виды соучастия он именует его формами. Кроме того, в данном случае не указывается организационная преступная деятельность как наиболее опасный вид соучастия в преступлении.

Наряду с формами виды соучастия также выделяют Е. В. Тарасов, В. А. Григорьев, А. Л. Алиев и др. Развивая позицию этих авторов, С. А. Балеев предлагает в качестве форм соучастия рассматривать: 1) соучастие без предварительного сговора

¹ См.: Покаместов А. В. Организатор как один из видов соучастников в уголовном праве. Воронеж, 1996. С. 15.

² См.: Балеев С. А. Ответственность за организационную преступную деятельность по российскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000. С. 8.

³ См.: Малахов И. П. Соучастие в воинских преступлениях в свете общего учения о соучастии по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1960. С. 8.

и 2) соучастие по предварительному сговору. В то же время исходя из того, что соучастие в преступлении приобретает все более усложненные формы, а некоторые из них отличаются весьма высокой степенью организованности, он предлагает в качестве видов соучастия рассматривать: 1) группу лиц, образованную по предварительному сговору; 2) организованную группу и 3) преступное общество¹.

Указанные авторы проводят классификацию форм соучастия на основе субъективного критерия – наличия предварительного соглашения, а его виды выделяют по характеру совместного участия в совершении преступления. Возникает вопрос: почему критерием классификации форм соучастия признается субъективный критерий? Форма соучастия в преступлении должна отражать структуру совместной преступной деятельности, особенности взаимодействия соучастников, в том числе и в плане их субъективной связи. Поэтому в основе классификации форм соучастия должен быть характер совместного участия в совершении преступления, который имеет как объективное, так и субъективное измерение.

Обоснованную позицию в этом отношении занимает, на наш взгляд, В. С. Комиссаров: «Выделяя в ст. 33 УК РФ исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника, законодатель берет за основу оценку характера деятельности различных соучастников по выполнению объективной стороны преступления (выполняемые ими роли и степень участия). Такую классификацию следует именовать разделением соучастия на виды»².

Последнее, как представляется, имеет существенное юридическое значение, так как позволяет обосновать ответственность не только исполнителя, но и иных соучастников. В зависимости от вида соучастия определяются в первую очередь правила квалификации их действий.

Кроме того, разграничение видов соучастия играет важную роль не только при сложном соучастии. С точки зрения правильного применения наказания следует дифференцировать их и при других формах соучастия, особенно в организованной группе и преступном сообществе (преступной организации). Хотя действия всех участников названных преступных объединений квалифицируются как исполнение преступлений, тем не менее в них, как правило, проводится специализация по определенным функциям. В результате изучения организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций) выяснилось, что одна часть их участников непосредственно выполняют объективную форму преступления, то есть преступное деяние, другие – иницируют совершение преступления, то есть выполняют подстрекательские функции, третьи – подготавливают его совершение (добывают орудия, средства, устраняют препятствия для его совершения и т. д.).

Более того, в УК РФ выделяются отдельные виды соучастия применительно к организованным формам совершения преступлений, обусловливается различный подход к их квалификации. Так, в ч. 5 ст. 35 УК РФ в общем нормативном порядке регламентируется ответственность лиц, создавших организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководивших ими, а также других участников этих преступных образований, а в ч. 6 этой же статьи говорится только о лицах, создавших организованную группу.

В ряде статей Особенной части УК РФ (ст. 208, 209, 210, 212, 239, 279) вид соучастия положен в основу дифференциации ответственности и наказания виновных в организации незаконных формирований и преступной деятельности и участия в них.

Так, за создание преступного сообщества (преступной организации) для совершения тяжких или особо тяжких преступлений и руководства таким сообществом (организацией) или входящими в нее структурными подразделениями, а также за создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов или условий для совершения тяжких или

¹ См.: Балеев С. А. Проблемы форм соучастия в преступлении в российском уголовном праве. Казань, 2000. С. 6–7.

² Цит. по: Курс уголовного права: в 2 т. / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 1999. Т. 1: Общая часть. Учение о преступлении. С. 412.

особо тяжких преступлений предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от семи до пятнадцати лет со штрафом или без такового, а за участие в преступном сообществе (преступной организации) либо в объединении организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп – в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет со штрафом или без такового.

В УК РФ проведена классификация соучастников не только на основе функций, которые они исполняют (ст. 33), но и степени активности при совершении преступления (п. «г» ч. 1 ст. 63, ч. 1 ст. 64, ст. 279).

Е.В. Полуянова,
*преподаватель кафедры
оперативно-технической деятельности
ВЮИ ФСИН России*

ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ИЗМЕНИВШИХСЯ В СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Часть 3 УПК РФ устанавливает принципы уголовно-судебного производства, в частности, разд. IX УПК РФ посвящен деятельности суда в первой инстанции. Глава 37 УПК РФ постатейно регламентирует судебное следствие от начала до его окончания (ст. 273–291 УПК РФ), предопределяя действия суда с участием сторон по порядку исследования доказательств, производству судебных и иных процессуальных действий. В этой главе УПК РФ указано, какие судебные, а по своей сути следственные действия, могут производиться в судебном заседании: допросы подсудимого, потерпевшего, свидетелей, эксперта (допрос специалиста в этот перечень не входит), производство судебной экспертизы, осмотры вещественных доказательств, местности и помещения, следственный эксперимент, предъявление для опознания и освидетельствование. Анализ статей УПК РФ, касающихся судебного разбирательства и, в частности, судебного следствия, позволяет говорить о том, что этот этап направлен на установление обстоятельств, составляющих предмет доказывания по

Так, в ст. 279 УК РФ законодатель проводит классификацию видов соучастия не только на основе характера (т. е. выполняемой роли), но и степени фактического участия в совершении преступления, поскольку он выделяет наряду с лицами, организовавшими вооруженный мятеж, и активных его участников.

Таким образом, выделение видов соучастия в рамках его форм (а не наряду с ними) имеет значимый практический интерес как с точки зрения квалификации преступного деяния, так и индивидуализации назначения наказания виновному в преступлении, совершенном в соучастии.

уголовному делу, и принятие судом соответствующих решений.

Основная масса уголовных дел проходит до суда стадию предварительного расследования. Результаты и выводы, полученные в ходе этой стадии уголовного судопроизводства, имеют для суда лишь предварительное значение. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» от 29 апреля 1996 г. № 1 обращает на себя внимание следующий факт: «суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на собранные по делу доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания»¹. Полное и объективное исследование всех обстоятельств дела производится в судебном заседании, вследствие чего суд основывает свой приговор только на доказательствах, представленных и исследованных в ходе судебного разбирательства и обязательно воспроизведенных в протоколах судебного заседания.

В судебной практике довольно часто встречается такое явление, как исследование представленных суду доказательств, изменившихся в судебном разбирательстве. Чаще всего это – показания основных участников уголовного судопроизводства: свидетелей, потерпевших, подсудимых. «Исследование изменяющихся в суде показаний, – считает Ю. В. Кореневский, – нередко представляет значительную трудность. Особенно это относится к случаям,

¹ Бюл. Верховного Суда РФ. 1996. № 7. С. 2.

когда одновременно с подсудимым, отказывающимся от сделанного на следствии признания, изменяют показания потерпевшие и свидетели, которые ранее его уличали. В подобных случаях профессиональные участники процесса (в первую очередь обвинители) нередко оказываются в сложном положении, из которого не всегда легко найти правильный выход»¹. По данным опроса 200 работников прокуратуры, участники процесса в ходе судебного следствия изменяют свои показания: от 10 до 15 % потерпевших, от 25 до 30 % свидетелей, примерно такое же число подсудимых. Происходит это по различным причинам, в отдельных случаях для того, чтобы снять предъявленные обвинения, скомпрометировать представленные суду доказательства и изменить направленность судебного следствия, – так считают 45 % опрошенных работников прокуратуры. В то же время нередко случаи, когда только в судебном заседании потерпевшими, свидетелями, подсудимым даются правдивые показания и выясняется истина по делу.

Как правило, с момента совершения преступления проходит какой-то отрезок времени, суд непосредственно наблюдать происходящее не имеет возможности, в связи с чем все обстоятельства данного события воспроизводятся теми лицами, кто так или иначе осведомлен о происшедшем. Вследствие того не всегда производство процессуальных действий в судебном заседании отражает истину по уголовному делу. Возможно и так, что достоверная информация, полученная в ходе предварительного расследования, не подтверждается в ходе судебного заседания. Одной из причин такого явления можно считать невозможность в точности воспроизвести картину преступления и соответственно адекватно оценить причинно-следственные связи самого преступления. Органы предварительного расследования, а тем более суд, могут только строить предположения о том, что явилось поводом и как именно происходило преступление. Иногда и сам преступник в ходе следствия или судебного разбирательства не может точно перечис-

лить последовательность своих действий, а также причину: зачем и почему он совершил данное общественно опасное деяние. К тому же удаленность по времени судебного разбирательства от момента совершения преступления имеет существенное значение. Свидетели, потерпевшие, обвиняемые не могут, а некоторые намеренно не хотят достоверно излагать известные им факты, доподлинно воспроизвести случившееся в силу различных причин и обстоятельств. Возможно, это – забывчивость или сильное психологическое потрясение, которое не дает возможности сосредоточить свою память на преступлении, либо намеренное сокрытие информации вследствие угрозы жизни и здоровью.

«Установление истины, – отмечает А. Р. Белкин, – в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел осуществляется путем доказывания обстоятельств, совокупность которых составляет предмет исследования по данному делу»². Множество обстоятельств могут иметь значение при исследовании доказательств в судебном следствии. Отметим, что основная часть судебных действий повторяет уже произведенные в стадии предварительного расследования следственные действия. Логично прийти к выводу, что в судебном заседании производятся по сути своей повторные следственные действия. «Повторным, – полагают В. В. Рябоконь и В. И. Шиканов, – следует считать любое следственное действие, производимое второй (или более) раз в рамках одного уголовного дела с целью проверки имеющейся и получения дополнительной информации, относящейся к предмету ранее проведенного (первичного) одноименного следственного действия»³.

По данным опроса, 78 % следователей, 69 % работников прокуратуры полагают, что если в ходе судебного следствия производятся действия, одноименные с произведенными в стадии предварительного расследования в отношении одних и тех же

¹ Корневский Ю. В. Криминалистика для судебного следствия. М., 2002. С. 121.

² Белкин А. Р. Теория доказывания: Науч.-метод. пособие. М., 2000. С. 9.

³ Рябоконь В. В., Шиканов В. И. Организация и тактика повторных следственных действий. Иркутск, 1985. С. 93.

лиц (объектов), то они являются повторными. Первичными эти действия считают 74 % судей. Конечно, формально участником процесса будет другое лицо, так как в ходе предварительного следствия действия производились относительно подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления, а в стадии судебного разбирательства – в отношении подсудимого (согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым). Однако суть самого процесса это не меняет.

Возникает закономерный вопрос: всегда ли существует необходимость уже полученные и проверенные доказательства в стадии предварительного расследования перепроверять еще раз в судебном разбирательстве? Существует ли тактическая необходимость производить, по сути, повторные следственные действия, такие, например, как допрос, освидетельствование, осмотр местности и помещения, следственный эксперимент и т. д. Часть уголовных дел действительно заслуживает полного исследования всех имеющихся по делу доказательств в судебном заседании. Но чаще всего, особенно по очевидным преступлениям, когда нет сомнения в достоверности показаний обвиняемого, потерпевшего, свидетелей и в правильности производства следственных действий, соответственно нет необходимости совершать в суде работу, которая повторяет уже произведенную при

предварительном расследовании. Хорошо известны случаи, когда свидетели, потерпевшие, обвиняемые давали достоверные признательные показания в ходе предварительного расследования, в суде же меняли точку зрения кардинально и отказывались от сказанного, опасаясь по каким-либо причинам говорить в суде правду или просто забывая что-либо с течением времени.

Полагаем, что с точки зрения внутренней политики государства не целесообразно считать предварительное расследование по всем видам преступлений только подготовительной работой. Ее проводят заинтересованные в полученном результате государственные органы, специально уполномоченные для осуществления досудебного производства по уголовному делу. «Правильным было бы, – констатирует О. А. Малышева, – отказаться от распространенного в уголовно-процессуальной науке взгляда на деятельность органов предварительного расследования только как на подготовительную для суда»¹. Выражая согласие с данной точкой зрения, считаем, что если подвергать сомнению работу всех служб, занимающихся производством предварительного расследования, то не рационально содержать огромный штат следователей и дознавателей, а основную массу дел по очевидным преступлениям сразу передавать в судебные органы по аналогии с особым порядком судебного разбирательства, практиковавшимся в 1930–40-е гг. XX в. в Советском Союзе.

М. Е. Рычаго,

*доцент кафедры специальной техники
и информационных технологий*

ВЮИ ФСИН России,

канд. физ.-мат. наук, доцент

А. В. Хорошева,

*доцент кафедры специальной техники
и информационных технологий*

ВЮИ ФСИН России,

канд. физ.-мат. наук

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Конец прошлого и начало нынешнего тысячелетий ознаменовались для челове-

ства резким увеличением чрезвычайных ситуаций (ЧС) техногенного, природного и социального происхождения. Масштабы последствий в таких случаях трудно переоценить. Это и громадные человеческие жертвы, и огромный материальный ущерб. Сегодня уже очень трудно указать на карте мира такую страну, которая не испытала бы на себе чудовищных последствий природных или техногенных катастроф. Еще более печально осознавать, что все меньше на Земле мест, свободных от проявлений террористического характера.

¹ Малышева О. А. Предварительное расследование по УПК России (процессуальные и организационно-правовые аспекты): Моногр. Рязань, 2004. С. 37.

Известно, что лица, ответственные за принятие управленческих решений, сталкиваются со сложной системой контролируемых и неконтролируемых компонентов (человеческие и технические ресурсы, цели, желаемые исходы, возможные действия, прогнозируемые реакции и т.п.). Любая чрезвычайная ситуация характеризуется рядом количественных и качественных показателей, отличающихся различной степенью информативности и значимости для лица, принимающего решение, (ЛПР). Для обеспечения объективной оценки ситуации необходимо уметь выделять наиболее важные и информативные показатели, уменьшающие неопределенность системы.

С этой целью создаются специальные модели и компьютерные системы поддержки принятия решений в условиях ЧС. Такие системы преимущественно ориентированы на ЧС техногенного или природного происхождения. Во многих случаях они дают возможность разработать ряд возможных сценариев и выбрать из них оптимальный, поскольку происходящие события несколько «растянуты» по времени. В ситуациях, обусловленных социальными явлениями, информация о системе подвержена очень быстрым изменениям и подчас весьма противоречива. В этих условиях трудно использовать какие-то детерминированные модели. Кроме того, при анализе интересующей нас структуры число ее элементов и их взаимосвязей может оказаться столь велико, что превысит естественные способности ЛПР воспринимать информацию в полном объеме.

В этой связи группой ученых под руководством профессора Национального университета внутренних дел Украины Н. М. Зацеркляного была предпринята попытка разработать адекватную математическую модель иерархического типа, позволяющую определить приоритеты в сложных условиях ЧС социального характера. В частности, была предложена следующая иерархическая модель массовых беспорядков (МБ) (рис. 1)¹.

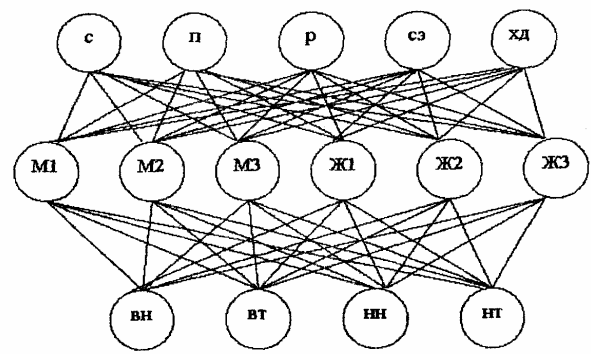

Рис. 1. Иерархическая структура массовых беспорядков

В представленном на рис. 1 фрагменте предложенной иерархической структуры имеются три уровня. Первый из них характеризует причины возникновения МБ: сепаратизм (С), политические (П), религиозные (Р), социально-экономические (СЭ), хулиганские действия (ХД). Второй уровень отражает состав участников по полу и возрасту: мужчины до 30 лет (М1), мужчины от 30 до 50 лет (М2), мужчины старше 50 (М3) и аналогично для женщин (Ж1, Ж2, Ж3). Третий уровень говорит о состоянии участников: ВН – вооруженный нетрезвый, ВТ – вооруженный трезвый, НН – невооруженный нетрезвый, НТ – невооруженный трезвый. Ясно, что здесь рассмотрен лишь частный вид общего случая, допускающего и большее число уровней и большее число элементов на каждом из них.

В сложной ЧС нельзя надеяться на то, что проблемы разрешатся сами собой, интуитивно, а не четко сформулированным способом. Поэтому, как уже отмечалось, для ЛПР полезно уметь выделять важные факторы и определять оптимальные альтернативы. В связи с этим построение иерархий, т. е. специального типа упорядоченных множеств, может служить мощным инструментом исследования большого числа элементов, группируемых в кластеры в соответствии с их относительной значимостью. В результате вся сложная и многообразная система факторов, влияющих на ЧС, представляется в виде нескольких кластеров (уровней): самых важных элементов, умеренно важных, маловажных и т. п. Так, в указанном выше примере количествен-

¹ См.: Информатизация правоохранительных систем: Тр. X Междунар. науч. конф. 22–23 мая 2001 г. М., 2001. С. 174–177.

ные характеристики второго и третьего уровней оказывают значительное влияние на элементы первого уровня. Однако с точки зрения применяемой математической техники такая связь не обязательна.

На состоявшейся в апреле 2006 г. во Владимирском юридическом институте межведомственной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с терроризмом» прозвучал интересный доклад советника председателя Конституционного суда РФ В. С. Овчинского «Терроризм и новый мировой беспорядок», позволяющий по-новому взглянуть на предложенную выше модель. В докладе было отмечено существенное изменение самого характера протекания современных явлений, связанных с массовыми беспорядками, в том числе и в местах лишения свободы. В настоящее время криминальный мир активно осваивает современные информационные технологии как для совершения новых видов преступлений, так и для совершенствования традиционной преступной деятельности, обеспечения собственной безопасности и защищенной связи. «Особенностью преступлений, совершаемых с использованием современных высоких технологий — компьютерной техники, технологических и информационных систем, глобальных сетевых структур (включая Интернет), является быстрота совершения преступлений и наступления преступных последствий, их неочевидность, абсолютная прозрачность национальных, территориальных и государственных границ. Все это служит весьма удобной платформой для подготовки и осуществления различного рода информационно-террористических и информационно-криминальных действий»¹.

В. С. Овчинский, в частности, подчеркнул, что истинной целью зачинщиков беспорядков могут стать сегодня не столько заявляемые ими традиционные претензии к администрации учреждений, сколько желание вызвать реакцию средств массовой ин-

формации, общественный резонанс и т. п. Специфика сегодняшнего времени такова, что доля информации, получаемая отдельными людьми из информационных источников (телевидение, радио, газеты, журналы, книги, Интернет и др.), становится значительно больше доли информации, получаемой ими из непосредственного личного общения. В результате возникает возможность информационно-психологического воздействия как на отдельного человека, так и на общественное мнение в целом. Сам факт информационного воздействия не вызывает тревоги при условии, если он осуществляется по цивилизованным правилам. Но есть множество причин неадекватно отражать окружающий мир и вводить людей в заблуждение. В этом случае «возникает феномен манипулирования информацией, информационно-психологической агрессии по отношению к отдельному человеку, когда против его воли и желания модифицируют его мировоззрение и поведение»². Поскольку главным источником информационного влияния на человека являются средства массовой информации, их реакция и общественный отклик очень важны для зачинщиков массовых беспорядков и являются иногда их основными целями. Причем достижение этих особых и завуалированных целей может иметь большее значение для участников массового протеста, чем, например, требование о смене руководства того или иного учреждения. Важно отметить, что реализация таких скрытых намерений осужденных часто диктуется и режиссируется из-за пределов мест лишения свободы, в том числе из-за рубежа. В связи с этим встает необходимость качественного изменения работы оперативных подразделений, учитывающего информационные процессы, протекающие в обществе, и позволяющего устанавливать связи между негативными проявлениями массового характера в конкретном учреждении исполнения наказаний с определенными событиями в стране и мире. Такое новое качество современного оперативного подразделения названо В. С. Овчинским «деятельностью в

¹ Шустов Н. А. Информационные технологии в пространстве России: историко-экономическая, политическая и правовая сферы: Моногр. Владимир, 2006, С. 208.

² Тарасов Ю. Н. Философские проблемы информатики. Воронеж, 2007. С. 33.

информационном пространстве», призванной наряду с традиционными мероприятиями повысить эффективность принятия решений при борьбе с фактами МБ.

В данной работе предлагается дополнить указанную выше математическую модель МБ ее новым уровнем, отражающим возможную реакцию средств массовой информации и (или) правозащитных организаций. Этот уровень, как и все другие, может состоять из большого числа элементов, но для простоты изложения мы ограничимся здесь тремя элементами, условно обозначающими реакции региональных (Р), федеральных (Ф) или международных (М) средств массовой информации (рис. 2).

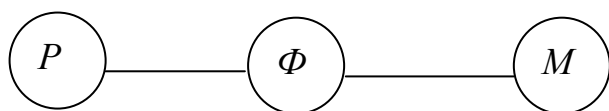

Рис. 2. Дополнительный уровень иерархии МБ

Математическая техника, применяющаяся для анализа иерархических моделей указанного типа, основана на отыскании собственного вектора так называемой матрицы попарных сравнений, построенной по исходным данным, получаемым, возможно, оперативным путем. Пусть, например, сразу же после возникновения МБ в определенном учреждении ФСИН были зафиксированы 14 сообщений о них в различных средствах массовой информации или со стороны правозащитных организаций, причем 2 из них были зафиксированы на местном уровне, 5 – на федеральном и 7 – на международном. Тогда матрица попарных сравнений будет выглядеть следующим образом (см. таблицу).

Элементы	Р	Ф	М
Р	1	2/5	2/7
Ф	5/2	1	5/7
М	7/2	7/5	1

Поскольку эта матрица обратносимметрическая (ее элементы, симметричные от-

носительно главной диагонали, взаимно обратны), то стандартная задача линейной алгебры на собственные значения существенно упрощается и может быть сведена к простой процедуре последовательного пересчета исходной матрицы, описанной украинскими авторами. В данной же ситуации (при трех элементах в уровне) ее можно решить непосредственно, алгебраическим путем, основанным на знаменитой формуле решения кубических уравнений Джеронимо Кардано, опубликованной еще в 1565 г. Такой путь подробно описан в учебной литературе по математике, предназначенной курсантам специализированных вузов¹.

В любом случае математическая техника легко автоматизируется, в том числе средствами широко известных электронных таблиц Excel. Нормированный (по сумме компонентов) собственный вектор рассмотренной нами матрицы имеет вид (0,14; 0,36; 0,50) и показывает условные баллы (проценты) элементов данного уровня, свидетельствующие о приоритете международных откликов на ЧС со стороны средств массовой информации и международных правозащитных организаций.

Подчеркнем, что сравнение любых двух параметров между собой не представляет особого труда. Данная модель и связанная с ней техника расчета позволяют получить именно комплексную оценку всех параметров, которая становится все менее очевидной при большом числе исследуемых элементов. Так, достаточно увеличить число компонентов последнего уровня, учитывая, например, реакцию средств массовой информации и правозащитников отдельно, как выводы потеряют свою очевидность.

Желательно, конечно, рассмотреть модель предложенного типа по материалам анализа уже наблюдавшихся ранее явлений, связанных с МБ, и сравнить полученные расчетные результаты с выводами официальных отчетов. Во всяком случае такая проверка жизнеспособности данной модели представляется весьма перспективной.

¹ См., например: Тихомиров Н. Б. Шелехов А. М. Математика: Учеб. курс для юристов. М., 1999.

П. А. Кунаков,
соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

**СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИИ
«СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ АКТИВНОСТЬ»
СО СМЕЖНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ
«СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ»
И «ПРАВОВАЯ АКТИВНОСТЬ»**

Любые преобразования, происходящие в России в области политики, экономики, культуры, будут иметь положительный эффект только при условии высокой социальной активности широких слоев населения. Не является исключением и правовая сфера, в которой социальная активность рассматривается в правовом русле, т. е. приобретает характер социально-правовой активности. Правовым опосредованием активности занимались многие ученые¹. Между тем каждый новый уровень общественного развития требует уточнения научной терминологии, наполнения старых форм новым содержанием.

Установлено, что социальная активность является родовым понятием по отношению к иным видам активности: правовой, общественно-политической, экономической, производственной, познавательной и др. Диа-

лектической противоположностью социальной активности выступает социальная пассивность. Вместе с тем, как справедливо заметил С. Н. Кожевников, деятельность социальных систем или граждан абсолютно активной или пассивной не бывает. По его мнению, «когда речь идет об активных социальных субъектах, то нужно иметь в виду превалирование их социальной деятельности в каком-то срезе общественной жизни»². Данное утверждение, представляется весьма спорным. На наш взгляд, подобная позиция может привести к сужению субъектного состава социальной активности, разделению общества на неких голливудских супергероев, с одной стороны, и флегматично настроенных по отношению ко всему происходящему вокруг граждан, с другой. Скорее правильное различать содержание термина «социальная активность» применительно ко всему обществу и к отдельной личности. Если хотя бы один человек в конкретной жизненной ситуации сможет мобилизовать окружающих на защиту общественных интересов, то это уже будет социально-активное общество. Формулировка же «превалирование социальной деятельности в каком-то срезе общественной жизни» больше напоминает активность, насаждаемую «сверху», по сути, должностную активность.

По мнению С. Н. Кожевникова, «социальная активность – это свойство социального субъекта, обладающего сознанием, способностью предвидеть возможные последствия своих действий, проявляемое во взаимодействии с социальной средой посредством самодеятельности, т.е. деятельности, не навязываемой извне, направленной на удовлетворение личных и общественных потребностей и интересов»³. В целом мы разделяем подобную трактовку социальной активности как характеристику социального субъекта. Рассматривая же социальную активность применительно к обществу, можно предположить, что *социальная активность – это сущностная характеристика общества, отражающая*

¹ См., напр.: Покровский И. Ф. О правовой активности личности и формировании ее правосознания // Вестн. Моск. ун-та. сер. 11, Право 1971. № 17; Оборотов Ю. Н. Основные вопросы теории правовой активности личности в социалистическом обществе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1979; Кожевников С. Н. Социально-правовая активность личности // Сов. государство и право. 1980. № 9; Он же. Социально-правовая активность: содержание и объекты // Правоведение. 1981. № 3; Щербакова Н. В. Правовая установка и социальная активность личности. М., 1986; Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987; Рыбаков В. А. Проблемы формирования гражданско-правовой активности (Вопросы теории и практики). Уфа, 1993; Тепляшин И. В. Правовая активность граждан в условиях становления правового государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002; Затонский В. А. Правовая активность граждан как форма проявления правовой жизни // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2005.

² Кожевников С. Н. Правовая активность граждан: Учеб. пособие. Н. Новгород, 1994. С. 22.

³ Там же. С. 25.

степень его консолидации и готовности его социальных институтов и отдельных индивидов самостоятельно, без постороннего вмешательства извне, справляться с разнообразными антисоциальными проявлениями.

Кроме того, необходимо различать понятия «социальная активность», «правовая активность» и «социально-правовая активность».

Существуют различные подходы к объему понимания категории «правовая активность». Это объясняется тем, что ученые по-разному определяют содержание категории «правовая». Однако речь не идет о различных подходах к правопониманию – разногласия находятся в иной плоскости. Одни авторы полагают, что под данную категорию подпадает как правомерное, так и неправомерное поведение. В частности, М. Ф. Орзих считает, что правовая активность включает в себя не только деятельность по осуществлению требований права, но и деятельность, не соответствующую закону. «Ведь иных терминов для обсуждения активности, направленной на нарушение норм права, не существует»¹. Аналогичной позиции придерживается В. А. Затонский, интерпретируя правовую активность личности как «интенсивную деятельность личности в сфере права, одну из форм юридического бытия личности, специфическую форму жизнедеятельности, которая неизбежно включает теневой, негативный сектор (курсив наш. – П. К.)»². Другие авторы придерживаются противоположных методологических позиций. Так, по мнению Н. И. Матузова, благо людей – главный критерий подлинно социальной активности, в том числе правовой. «Если в понятие правовой активности включать деятельность, не соответствующую нормам права, то сразу же снимается вопрос о повышении активности, ибо нельзя повышать противоправную активность; правовая активность в ее позитивном смысле связана только с правомерным поведением, однако

это не означает, что всякому правомерному поведению свойственна активность»³. С точки зрения В. В. Кожевникова, «деятельность с отрицательным отношением к праву не может быть признана правоактивной, это антисоциальная, антиправовая активность. Более того, объединение одним понятием полярных по направленности и результативности форм активного поведения ведет к терминологической неточности, не отвечает потребностям практики, не служит ориентиром для решения вопросов, касающихся правового воспитания, формирования правовой культуры»⁴.

По нашему мнению, «маневрировать» между двумя полярными подходами к определению правовой активности можно, взяв на вооружение термин «социально-правовая активность», однако при этом его следует разграничить с правовой активностью. За последней необходимо признать дуализм правомерного и неправомерного поведения, а под социально-правовой активностью понимать только действия, совершаемые во благо общества или, по крайней мере, не во вред ему, на что и будет указывать часть слова «социально-». В частности, злоупотребление правом следует рассматривать как одну из форм правовой активности, но не как проявление социально-правовой активности. В этой связи следует согласиться с Н. В. Щербаковой, считающей, что «социально-правовая активность – это общественно полезная (позитивная) (курсив наш. – П. К.), сознательная, творческая деятельность, направленная на достижение целей ... права, основанная на уважении к праву, признании высокого престижа деятельности правовых учреждений»⁵.

Таким образом, высокая степень полемичности вопросов, связанных с определением содержания рассматриваемых категорий, требует серьезного изучения, чтобы избежать ошибок в употреблении юридических терминов и их толковании в правотворческой и правоприменительной деятельности.

¹ Цит. по: Кожевников В. В. Правовая активность личности. Омск, 1996. С. 17.

² Затонский В. А. Указ. соч. С. 373.

³ Цит. по: Кожевников В. В. Указ. соч.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Щербакова Н. В. Указ. соч. С. 55.

Л. В. Лазарева,
*доцент кафедры уголовно-
процессуального права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПОКАЗАНИЙ СПЕЦИАЛИСТА

В настоящее время в научной литературе активно обсуждается вопрос о сущности заключения специалиста как доказательства. Согласно ч. 3 ст. 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) под заключением специалиста следует понимать представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. Однако в данном случае неизбежны недооценка заключения специалиста как средства доказывания, трудности разграничения заключения специалиста и заключения эксперта, подмена одной категории другой и, как результат, возможные ошибки следствия (в том числе судебного).

Длительное время в законодательстве существовала только одна форма использования специальных знаний — производство судебной экспертизы. Появление в уголовном судопроизводстве новых доказательств — заключения и показаний специалиста — породило ряд вопросов, вызванных сложностью разграничения компетенции эксперта и специалиста в связи с недостаточно ясными процессуальными полномочиями последнего.

Несмотря на появление нового процессуального института, в настоящее время в законодательстве не приведены в соответствие с ним другие правовые положения, связанные с участием в уголовном процессе специалиста. Данные новации требуют четкого разграничения как в процессуальном, так и в теоретическом плане, так как без этого использование обеих форм на практике будет малоэффективным. Отсутствие в УПК РФ четких критериев разграничения данных видов источников доказательств — заключения специалиста и заключения эксперта — может привести к смешиванию понятий, обозначающих эти доказательства, которые имеют существенные различия.

В связи с этим в научных кругах возникли споры по целому ряду позиций: что следует понимать под заключением специалиста, каково содержание его показаний, производит ли специалист какие-либо исследования, какова процессуальная форма заключения и процедура его получения.

Заключение специалиста — это письменное суждение, а суждение — это «форма мышления в логике, представляющая собой сочетание понятий, из которых одно определяется и раскрывается через другое»¹. Иначе говоря, суждение — чисто мыслительный, умозрительный процесс, неперенный атрибут модальной логики, представляющий собой одну из форм умозаключения. Такое умозаключение (суждение) как логическая конструкция характеризует отношение между высказываниями независимо от того, являются ли эти высказывания истинными в познавательном смысле. П. В. Копнин считает, что «в суждении, как в клеточке мышления, можно увидеть все его характерные особенности, в том числе и направленность на предмет, объективность содержания. И в этом смысле, не будучи самой зрелой формой истины, суждение содержит в абстрактной форме ее элементы»².

С логических позиций умозаключение — это система суждений, базирующихся на знаниях трех категорий: основного (заключенное в посылах умозаключения), выводного (как результат, получаемый в итоге умозаключения) и обосновывающего (позволяющее сделать переход от посылок к заключению, суждению). Основным знанием в рассматриваемом случае являются специальные знания специалиста. Именно они служат основой его привлечения к участию в производстве по уголовному делу. Выводным знанием является его суждение, облеченное в форму заключения (ч. 3 ст. 80 УПК РФ) или разъяснения своего мнения (ч. 4 ст. 80 УПК РФ). Обосновывающим знанием является изучение обстоятельств, но без проведения специального исследования. В качестве исходного материала

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 779.

² Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966. С. 148.

всегда будут сведения, полученные в результате либо личного участия в следственных действиях, либо изучения материалов дела. На пути к своему суждению специалист использует методы эмпирического и теоретического познания: наблюдение, измерение, сравнение и др. Логическими приемами и формами выводов специалиста являются анализ, синтез, обобщение, абстракция, аналогия, индукция, дедукция.

Суждение как чисто мыслительный, умозрительный процесс не может формулироваться на основании каких-либо практических действий, т. е. исследований. На наш взгляд, законодатель использовал термин «суждение», чтобы не допускать тавтологии в содержании ст. 80 УПК РФ, и не имел в виду чисто логическую конструкцию.

Вопросы, поставленные перед специалистом сторонами, в соответствии с ч. 3 ст. 80 УПК РФ, скорее всего, будут достаточно конкретны, относиться к конкретным обстоятельствам дела, требующим для своего уяснения применения специальных знаний. Поэтому чисто логический подход к пониманию термина «суждение» в данном случае непригоден.

К суждению специалиста не применима форма суждения эксперта. В связи с этим законодатель предъявляет разные требования к форме двух видов доказательств. В отличие от заключения эксперта, которое в соответствии со ст. 204 УПК РФ имеет четкую форму, структуру и содержание, заключение специалиста не регламентировано УПК РФ. Следовательно, можно сделать вывод о неидентичности содержательной стороны двух, внешне схожих доказательств.

Характер содержания заключения специалиста не требует жесткой процессуальной формы, обеспечивающей его допустимость. Однако отсутствие какой-либо регламентации процедуры формирования заключения специалиста, на наш взгляд, неверно.

В заключении специалиста должны быть указаны следующие сведения:

1) дата, время и место дачи заключения специалистом;

2) должностное лицо, по требованию которого специалист представляет свое заключение;

3) сведения о специалисте: его фамилия, имя и отчество, образование и специальность, стаж работы по специальности, ученая степень и звание, занимаемая должность;

4) вопросы, поставленные перед специалистом;

5) объекты, материалы и документы, представленные специалисту;

6) выводы специалиста по поставленным им вопросам и их научное обоснование.

Если при составлении заключения специалист установит обстоятельства, важные для уголовного дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе указать на них в своем заключении. Ответы или указания на некоторые вопросы, которые не были заданы специалисту в постановлении об истребовании заключения специалиста, – реализация права специалиста на инициативу, которым, по нашему мнению, должен быть дополнен статус этого участника процесса.

Однако из содержания ч. 3 ст. 80 УПК РФ неясно, какова процедура формирования вопросов специалисту, является ли необходимым условием участие двух сторон в составлении вопросов либо каждая сторона вправе самостоятельно по своей инициативе представить вопросы специалисту.

В УПК РФ не указан документ, в котором должны содержаться вопросы специалисту. Они в досудебном и судебном производстве могут быть сформулированы по аналогии с назначением экспертизы в постановлении (определении), выносимом следователем, дознавателем или судьей по инициативе следователя или ходатайству стороны защиты.

Кроме того, УПК РФ не определяет порядка привлечения специалиста сторонами. Следует отметить, что следователь может отказать в приобщении этого акта к делу ввиду того, что он составлен ненадлежащим лицом, и главное, без учета прав противоположной стороны, обеспечивающих объективность заключения, которыми она наделена при проведении экспертизы. Разрешив защитнику обращаться к специалисту, закон не дает необходимого процессуального инструментария для полноценного использования возможностей специалиста стороной защиты.

Не вполне ясным является и определение показаний специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК РФ) как сведений, сообщенных им на допросе, об обстоятельствах, требующих специальных знаний, а также разъяснений своего мнения. С одной стороны, закон допускает допрос специалиста, с другой – УПК РФ не предусматривает такого следственного действия, как допрос специалиста. На наш взгляд, эта норма закона нуждается в уточнении.

В связи с этим часто осуществляется допрос специалиста в качестве свидетеля. Предпринимаются попытки отождествления специалиста со сведущим свидетелем, что, на наш взгляд, неприемлемо. Специалист и свидетель – это разнородные участники уголовного процесса, обладающие не только разными правами и обязанностями, а также различным характером приобретен-

ных знаний. Поэтому допрос специалиста является самостоятельным следственным действием, подлежащим внесению в уголовно-процессуальное законодательство.

Необходимо также решить вопрос о предмете допроса специалиста. Некоторые авторы ограничивают предмет допроса специалиста «теми же сведениями, что были им сообщены в своем заключении»¹. Мы полагаем, что разъяснение своего мнения специалист может дать по любым обстоятельствам, а не только по своему заключению.

Таким образом, мы рассмотрели основные проблемы, решение которых в настоящее время особенно актуально, так как в процессуальной деятельности важны правовая идея и порядок ее практического применения.

Н. Н. Ивашко,
*преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин
Кузбасского филиала ВЮИ ФСИН России*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

В конце XX в. сложилась система образования, которая обеспечивает процесс подготовки специалистов для современного общества. Поскольку ее эффективность является предметом споров, несомненно, возникает необходимость поиска путей совершенствования подготовки специалистов и качества образования в XXI в., совершенствования методик и технологий обучения и воспитания.

В соответствии с принятой в Законе РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г. (в ред. ФЗ от 13 января 1996 г.) классификацией уровней образования целесообразно выделить в составе отрасли «образование» ряд подотраслей, одной из которых является «высшее профессиональное образование». Формирование данной подотрасли закономерно предопределяется масштабами и социальным значением развития образовательного процесса не только в современной России, но и во всем мире.

На современном этапе повышается роль личности, активизируются процессы гума-

низации общества как гаранта его выживания в условиях кризиса индустриальной цивилизации. Все это не может не сказаться на формировании приоритетных направлений и ценностных ориентаций высшего профессионального образования.

Отечественное высшее образование в последние годы часто обращается к использованию зарубежного положительного опыта в области организации многоуровневого высшего образования, диверсификации и т. д. Известный опыт можно было бы позаимствовать и в деле гуманизации высшей школы. Наиболее распространенная трактовка гуманизации образования (и, в частности, высшего) заключается в том, чтобы поставить в центр образования человека, удовлетворение его потребностей и развитие способностей. По мнению Ю. В. Сенько, школа как социальный институт изначально создавалась для того, чтобы создать условия, в которых бы развивался внутренний и духовный мир ученика².

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / Под ред. А. Сухарева. М., 2004. С. 165.

² См.: Сенько Ю. В. Гуманитарные основы педагогического образования / Под ред. В. А. Сластенина. М., 2002. 240 с.; он же. Гуманитаризация образовательной среды в университете // Педагогика. 2001. № 5. С. 51–57.

Гуманизация и гуманитаризация образования являются сегодня основными стратегическими направлениями деятельности высшей школы. Они призваны оптимизировать взаимодействие личности и социума, способствовать приобщению к гуманитарной культуре. Идея гуманитаризации, по мнению В. Логачева, «заботливо культивируется» в образовательных учреждениях в сложнейший период развития высшей школы России. Но эти процессы идут пока весьма медленными темпами. Внедрение этой идеи в учебно-воспитательный процесс затруднено в результате недостаточной разработанности сущности гуманитаризации образования как социально-педагогического феномена и принципов ее реализации – основных исходных целей, обуславливающих направление поисков в построении новой технологии образования¹.

Высшая школа должна быть, по определению П. Рогонова, не просто «кузницей кадров», а центром культуры, источником гуманистических знаний и нравственного воспитания². А это, по нашему мнению, достигается при условии существования определенной «культурной обстановки» в вузе, т. е. своеобразной гуманитарной среды.

Несмотря на необычайно широкое употребление (а, точнее, благодаря этому), понятие «среда» не имеет четкого и однозначного определения в мире науки. В самом общем смысле «среда» понимается как окружение.

Под гуманитарной средой мы понимаем создание таких условий в вузе, при которых содержание, структура и методы обучения и воспитания в совокупности отражали бы процессы, происходящие на уровне культуры в целом. Эти условия предполагают использование исторического опыта, богатых духовных и общекультурных традиций, достижений мировой науки и техники. Ведь именно среда оказывает решающее воздействие на формирование и

развитие личности, а именно личности, осознающей смысл своей деятельности, свое предназначение, стремящейся жить в согласии с самой собой, окружающей природой, готовой к решительным действиям.

Формирование гуманитарной среды в вузе не ограничивается количественным увеличением гуманитарных наук. На первый план выдвигается качественное совершенствование преподавания. В связи с этим встает вопрос о преемственности изучения всех дисциплин гуманитарного цикла.

Принцип гуманизации профессиональной подготовки специалиста предполагает создание содержательных, организационных и методических условий, обеспечивающих становление зрелой личности с учетом индивидуальных особенностей и этапов становления ценностного отношения к себе как к профессионалу и учащемуся как субъекту, познающему мир. В качестве основных результатов профессиональной подготовки специалиста в рамках принципа гуманизации должны стать самооценочность, доброжелательность, эмпатичность, эмоциональная устойчивость, рефлексивность и креативность.

Понятие «образовательная среда» отражает взаимосвязь условий, обеспечивающих формирование человека. В этом случае предполагается присутствие обучающегося в образовательной среде, взаимодействие, взаимодействие окружения с субъектом (в нашем случае с обучающимся). Когда речь идет об образовательной среде, то имеется в виду влияние условий образования на обучающегося (точно так же, как и влияние обучающегося на условия, в которых осуществляется образовательный процесс). Это обратное влияние, по существу, задает гуманитарную направленность образовательной среды через включение значимых для человека знаний и использование комфортных, принимаемых студентами технологий обучения.

Под окружающей средой человека чаще всего подразумевается та или иная совокупность условий и влияний, окружающих человека. При анализе системы «человек–среда» положение человека рассматривается как центральное.

¹ См.: Логачев В., Гаранина О. Гуманитарная подготовка инженеров // Высш. образование в России. 1996. № 4. С. 56–61.

² См.: Рогонов П. Не зная единым (о духовно-нравственной подготовке студентов) // Высш. образование в России. 1996. № 4. С. 58–65.

Среда человека охватывает комплекс природных и социальных факторов, которые могут влиять прямо или косвенно, мгновенно или долговременно на жизнь и деятельность людей. Чем больше и полнее личность использует возможности среды, тем более успешно происходит ее свободное и активное саморазвитие, человек является одновременно и продуктом, и творцом своей среды, которая дает ему физическую основу для жизни и делает возможным интеллектуальное, моральное, общественное и духовное развитие.

Интересно, что человек для другого человека также выступает как элемент окружающей среды, оказывая на него влияния своими отношениями и действиями. Таким образом, среда человека – это еще и его естественное социальное окружение, обладающее комплексом влияний и условий.

Научная разработка проблемы образовательной среды находится на этапе становле-

ния, но уже сегодня можно выделить педагогические подходы к построению образовательной среды учреждений, реализующих образовательные программы различных уровней непрерывной системы образования. Это – изучение образовательной среды как системообразующего фактора системы повышения квалификации педагога (В. Г. Воронцова), исследование культуротворческого воздействия образовательной среды профессионального учебного заведения на личность учащегося (Н. Ф. Гейжан, Б. С. Патралов), формирование образовательной среды клуба учреждения дополнительного образования (М. Р. Катунова), формирование культуротворческой среды (В. А. Макареня). Деятельностный и личностный подходы к раскрытию особенностей взаимодействия личности и среды дополняются новыми методологическими подходами: гуманитарно-аксиологическим (В. Г. Воронцова) и культурологическим (В. И. Слободчиков).

И. Н. Куркина,

*доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

кандидат педагогических наук

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

Сегодня общепризнанным является факт глобализации преступности, сопровождающей глобализацию экономическую. Слияние национальных экономик в единую мировую систему определяется рыночными, а не государственными силами. Этот процесс представляет собой качественно новое явление в виде целостной международной системы, что объективно требует и соответствующей политической интеграции.

В специальной литературе небезосновательно отмечается, что глобализация стимулировала развитие «мафиозного мира»: итальянцы продают в Европе колумбийские наркотики, российские преступные группировки покупают у японских краденые автомобили, албанские бандиты перевозят азиатский героин для турецких картелей. Транснационализация преступности особенно заметно проявляется в таких ее

формах, как терроризм, торговля оружием, наркобизнес, коррупция, отмывание денег, нелегальная миграция и торговля людьми. Подтверждением вышесказанному выступают следующие статистические данные, приведенные Организацией Объединенных Наций: «Преступность в мире за последние 30 лет увеличилась в 4 раза; к концу текущего года на планете будет зарегистрировано не менее 450 млн преступлений, а фактическое их число может быть в 3–4 раза больше – это 200 тыс. правонарушений в час»¹.

Для России проблема торговли людьми с каждым днем приобретает все более острый характер, особенно на Дальнем Востоке. Так, по некоторым данным, в настоящее время в Китае находится около 10 тыс. российских граждан, используемых в качестве «живого товара»; в Таиланде – более 5 тыс. проституток российского происхождения².

¹ Документы ООН, касающиеся заключенных: Сб. М., 2005. С. 110.

² См.: Луточкина Т. В. Методика расследования преступлений, совершенных в условиях большого города: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 8–9.

Транснациональная преступность состоит из следующих основных элементов:

- международные преступления в сфере легального бизнеса – экономическая преступность;
- преступный бизнес, связанный с оборотом запрещенных товаров и услуг;
- преступления в сфере нелегального бизнеса, связанного с оборотом товаров и услуг, имеющих налоговую мотивировку;
- уголовный «промысел», т. е. преступления против личности, ее жизни, здоровья, неприкосновенности.

Глобализация организованной преступности обусловила необходимость консолидации правоохранительных систем многих государств мира. Еще в 1950 г. Генеральная Ассамблея ООН охарактеризовала борьбу с преступностью как одну из важнейших социальных проблем и поставила перед Организацией задачу содействовать, координировать и поощрять международное сотрудничество в данной области, причем особое внимание было обращено на совершенствование договорно-правовой координации усилий мирового сообщества по установлению контроля над преступлениями, затрагивающими интересы нескольких стран, поддержание тесных контактов с иными международными правоохранительными организациями.

Международные полицейские контакты нужно рассматривать как часть процесса широкого интернационального сотрудничества по проблемам социального развития, среди которых выработка эффективной стратегии и тактики борьбы с преступностью занимает одно из главных мест. Сотрудничество правоохранительных органов ведущих держав развивается по нескольким основным направлениям. К их числу относятся: оказание правовой помощи и исполнение наказаний по уголовным делам; заключение и реализация договоров (соглашений) о борьбе с транснациональными преступлениями; регламентация вопросов уголовной юрисдикции; совместное изучение проблем борьбы с правонарушениями, обмен опытом их решения; оказание материально-технического и консультативного содействия; взаимообмен информацией.

Более конкретные задачи по разработке мер, направленных на повышение эффективности деятельности полиции различных стран мира по предупреждению, раскрытию и расследованию транснациональных преступлений, решает Международная организация уголовной полиции – Интерпол. Со времени своего создания в сентябре 1923 г. на Международном полицейском конгрессе в Вене она завоевала огромный авторитет как организационно-методический, координационный и практический центр международной борьбы с преступностью. В настоящее время членами Интерпола являются 169 государств, в том числе и Россия, участвующая в его работе с января 1991 г.

Нужно подчеркнуть, что Интерпол нельзя рассматривать как организацию, ориентированную на потребности только и исключительно полицейских аппаратов. Сотрудничают с ней, помимо полиции, и другие государственные органы, осуществляющие функции уголовного преследования.

Международное сотрудничество в рамках Интерпола исходит из следующих принципов: соблюдение национального суверенитета и приоритета национального права, универсального характера сотрудничества, а также ограничение сотрудничества случаями, подпадающими под общее право (дела политического, военного, религиозного и расистского характера исключаются).

Значение Интерпола в обеспечении на практике международного полицейского сотрудничества очень велико. Сегодня он является центром учета транснациональных преступлений и лиц, их совершивших, главным координатором интернационального розыска преступников, наиболее авторитетной организацией, специализирующейся в сферах выработки стратегии, тактики, методических основ различных направлений деятельности полиции.

Для наиболее эффективной борьбы с транснациональной преступностью с помощью уголовной регистрации Интерпол разработана система классификации транснациональных преступников и их классификационных признаков (демографических данных, признаков, отобра-

жающих внешний вид объекта, характеризующих навыки, привычки, манеру поведения и др.). В соответствии с этой системой все учитываемые Интерполом данные подразделяются на общую и специальную регистрацию.

Объектом общей регистрации являются сведения о транснациональных преступлениях и преступниках, а специальной – дактилоскопические отпечатки и фотоснимки правонарушителей.

В Генеральном секретариате ведутся 5 картотек объектов общей регистрации, в частности:

1. Алфавитная картотека всех известных лиц, совершивших транснациональные преступления и подозреваемых в преступной деятельности. На учете в ней (по состоянию на 20.09.2006) состояли 4,6 млн человек, в том числе более чем 350 тысяч преступников, на которых из Национальных центральных бюро (НЦБ) периодически поступают сведения об их подозрительном поведении, связях, миграции¹.

2. Картотека словесных портретов правонарушителей.

3. Картотека лиц, пропавших без вести, и неопознанных трупов.

4. Картотека документов, которые когда-либо использовались известными транснациональными преступниками (паспортов, удостоверений личности, разрешений на право управления транспортом, владения оружием и др.), а также названий фирм, проходивших по материалам Интерпола в связи с совершением преступлений.

5. Картотека преступлений (краж, контрабанды автотранспорта, стратегического сырья, похищенных культурных ценностей, оружия, золота, драгоценных камней; преступлений против личности; мошенничеств; преступлений, связанных с подделками; случаев фальшивомонетничества; преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков) и способов их совершения.

Учеты Интерпола регулярно пополняются информацией, поступающей от полицейских аппаратов многих государств мира. В свою очередь, Генеральный секре-

тариат инициативно снабжает НЦБ стран-участниц организации свежими данными из своих картотек. Если лицо, состоящее на учете Интерпола, проявляет подозрительную активность, в НЦБ расширяется так называемый зеленый циркуляр с просьбой держать такое лицо под наблюдением полиции и информировать Генеральный секретариат о его перемещениях и всех обстоятельствах, имеющих отношение к возможным противоправным действиям с его стороны. Вся информация, циркулирующая в системе Интерпола, передается с грифом «только для полицейского использования». Порядок ее прохождения по каналам Генерального секретариата и НЦБ регламентируется Правилами международного полицейского сотрудничества и внутреннего контроля учетов Интерпола, действующими с февраля 1984 г. (с изменениями, внесенными на 59-й сессии Генеральной ассамблеи Интерпола в 1990 г.). Статья 4 Правил обязывает Генеральный секретариат принимать необходимые меры для обеспечения секретности и безопасности полицейской информации. Предписывается, в частности, вносить изменения или обнародовать ее только по просьбе или по согласованию с НЦБ, откуда она была получена. В свою очередь, последние обязаны принимать все необходимые меры, чтобы обеспечить достоверность и актуальность информации, направляемой в Генеральный секретариат. В ней должно проводиться четкое различие между фактами, с одной стороны, и выводами и оценками – с другой. НЦБ могут обмениваться информацией и непосредственно, минуя Генеральный секретариат. При этом ими должно соблюдаться национальное законодательство, международное соглашение и Устав Интерпола.

Роль Интерпола в обеспечении международного полицейского сотрудничества обуславливается также тем, что им выполняются функции по координации международного розыска преступников, т. е. розыскных действий, проводимых вне территории государства, где было совершено преступление. Участие Интерпола в данном случае позволяет осуществить поиски в широком масштабе, а также дает возмож-

¹ См.: Документы ООН, касающиеся заключенных. С. 27.

ность ускорить подготовку необходимых документов в делах об экстрадиции (выдаче) преступников стране-инициатору розыска. Розыскные действия, проводимые Интерполом, в зависимости от их объекта классифицируются по четырем видам:

- а) розыск преступников для их ареста и экстрадиции;
- б) розыск подозреваемых и преступников с целью наблюдения за их поведением;
- в) розыск без вести пропавших;
- г) розыск похищенного имущества.

В рамках международного полицейского сотрудничества практикуется и смешанный розыск. В таких случаях к государствам, с которыми страна-инициатор розыска имеет договоры об экстрадиции, обращаются с просьбой о розыске для последующего ареста и выдачи преступника, а к другим – с просьбой об установлении наблюдения за его перемещениями и деятельностью.

Статистика Интерпола является сегодня, пожалуй, единственным авторитетным источником, с помощью которого можно провести сравнительный анализ преступности в мировом масштабе. В данной связи следует сказать и о технической помощи, оказываемой Интерполом НЦБ заинтересованных стран-членов, в частности, путем организации учебных сборов, семинаров, симпозиумов и субсидируемых стажировок с целью повышения профессиональной квалификации полицейских сотрудников, а также направления экспертов-консультантов в НЦБ и национальные полицейские аппараты.

Б. А. Мириев,

*адвокат адвокатской конторы № 1
Владимирской областной коллегии адвокатов*

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В системе стадий уголовного судопроизводства Российской Федерации особо выделяется этап уголовно-процессуальной деятельности, связанный с окончанием предварительного расследования и определением дальнейшей судьбы материалов уголовного дела.

Владимир, 2007

Большая работа проводится организацией и по обобщению, изучению и распространению, в том числе и посредством издания специальных бюллетеней, передового опыта полицейской деятельности.

Вместе с тем далеко не все государства, входящие в Интерпол, проявляют равную активность в борьбе с транснациональной преступностью. Примечательно, что более половины стран-членов не представляют Генеральному секретариату сведения национальной статистики о состоянии правонарушений и результатах работы полиции, лишь 40 стран пополняют картотеки Интерпола. Почти 50 % оперативной информации, циркулирующей в системе Интерпола, поступает и отправляется полициям западноевропейских государств. Ими же в основном осуществляются и аресты международных преступников.

Это позволяет сделать вывод о том, что наиболее интенсивно и результативно сотрудничество в борьбе с преступностью осуществляется полициями высокоразвитых стран, имеющих близкие экономические, политические и социальные условия, сходные правовые установки и принципы работы правоохранительных органов. Такое положение, вероятно, сохранится и в дальнейшем, поскольку разными останутся подходы к решению проблемы глобализации преступности, а также возможности полицейских органов в демократических и тоталитарных, передовых и экономически отсталых государствах.

В УПК РФ он регламентируется в основном следующими главами: 29 «Прекращение уголовного дела», 30 «Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору», 31 «Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением», 32 «Дознание» – и рядом отдельных норм и статей УПК РФ.

Сравнительный анализ УПК РСФСР и УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель в новом УПК разделил понятия, связанные с прекращением уголовного дела и уголовного преследования.

Представляется, что это обусловлено стремлением российских парламентариев

специально выделить такой аспект в деятельности следователей, который по сложившейся ранее практике был связан с окончанием так называемой обвинительной деятельности субъектов расследования против участника уголовного процесса, значившегося в качестве лица, предположительно причастного к совершению преступления. Если в ходе проводившихся следственных действий виновность такого лица не удавалось установить, уголовное дело, как правило, прекращалось (приостанавливалось) либо продолжалось производством.

В п. 55 ст. 5 УПК РФ законодатель определил, что уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения *подозреваемого, обвиняемого* в совершении преступления.

Такая же терминология используется в ч. 1 ст. 27 УПК РФ «Основания прекращения уголовного преследования». При этом в законе подчеркивается различие рассматриваемых терминологических выражений, поскольку в ч. 3 ст. 24 УПК РФ обращается внимание на то, что прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно прекращение уголовного преследования. Однако далеко не всегда прекращение уголовного преследования влечет прекращение уголовного дела.

Э. С. Карпов,
преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности ОВД
ВЮИ ФСИН России

О. Н. Халак,
курсант 3А курса ВЮИ ФСИН России

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Право на свободу передвижения является одним из показателей уровня свободы личности и развития демократизма в обществе.

В традиционном понимании право на свободу передвижения представляет собой право граждан свободно передвигаться внутри страны, менять место жительства,

Ситуации, связанные с расследованием, особенно неочевидных преступлений, нередко сопряжены с осуществлением комплекса следственных действий и оперативно-разыскных мер в отношении фигурантов, проходящих по уголовному делу, но не имеющих статуса подозреваемых или обвиняемых. Суды достаточно часто требуют, чтобы следователи давали правовую (юридическую) оценку результатам такой уголовно-процессуальной деятельности, хотя непосредственно в УПК РФ это не предусмотрено. Статья 175 УПК РФ упоминает лишь о частичном прекращении уголовного преследования в отношении обвиняемого.

Представляется, что данное «упущение» подлежит более детальной законодательной проработке. Следует учитывать, что сам законодатель нередко использует более широкие формулировки для обозначения участника уголовного процесса, не имеющего особого процессуального статуса в стадии предварительного расследования. В частности, в п. 5 ч. 2 ст. 213 УПК РФ говорится, что в постановлении (о прекращении уголовного дела или уголовного преследования) указываются результаты предварительного следствия с указанием данных *о лицах, в отношении которых* осуществлялось уголовное преследование.

работы или выезжать за рубеж и возвращаться обратно. Как отмечают И. А. Алешкова и И. А. Конюхова, свобода передвижения – это субъектная возможность передвигаться (перемещаться) в нужном направлении без определенных ограничений, используя по возможности для осуществления задуманного наиболее эффективные средства и пути¹.

В мире существуют определенные стандарты прав и свобод граждан, регулирующие свободу передвижения. В ст. 13 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. закреплено: каждый человек имеет право свободно передвигаться и вы-

¹ См.: Алешкова И. А., Конюхова И. А. Право на свободу передвижения и законодательство Российской Федерации: актуальные проблемы теории и практики // Государство и право. 2006. № 1. С. 28.

бирать себе место жительства в пределах каждого государства; покидать любую страну, включая свою собственную; возвращаться в свою страну обратно. Хотя указанная норма носит лишь рекомендательный характер, она стала основой для разработки множества международных документов в данной области. Например, право на свободу передвижения предусмотрено Международным пактом о гражданских и политических правах (ст. 12), Протоколом № 4 к Европейской конвенции прав человека (ст. 2).

Конституционные положения, устанавливающие право каждого, кто законно находится на территории РФ, на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства, полностью соответствуют международным стандартам. Однако провозглашение Конституцией РФ права на свободу передвижения не означает его эффективного осуществления в рамках существующих правоотношений.

Впервые требования о свободе передвижения нашли отражение в Законе РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25 июня 1993 г. № 5242-1¹. Данный закон должен был установить свободный разрешительный режим регистрации граждан России. Однако следует учитывать тот факт, что он был принят до вступления в силу Конституции РФ. В связи с этим некоторые положения вышеуказанного закона не соответствуют нормам Конституции РФ. С одной стороны, он провозглашает право человека на свободный выбор места жительства и уведомительный характер регистрации, с другой – при уведомлении гражданин обязан предоставить милиции документы, подтверждающие его право на проживание в том или ином месте. Одним из существенных недостатков закона, препятствующих реализации права граждан на свободу передвижения, является сохранение института

временной регистрации, который не имеет аналогов в мире.

Таким образом, закрепленная в вышеуказанном законе система регистрации граждан России по месту пребывания или жительства ограничивает провозглашенное и гарантированное мировым сообществом и государством право на свободу передвижения.

Согласно Конституции РФ регистрация является способом учета граждан в пределах РФ, носящим уведомительный характер и отражающим только сам факт нахождения гражданина по месту пребывания или жительства. При этом регистрация или отсутствие таковой не могут служить основаниями ограничения или условием реализации прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией РФ, федеральными законами, конституциями и законами республик в составе РФ. Однако данная норма в настоящее время носит декларативный характер.

Существующие в Российской Федерации и предусмотренные ее законодательством механизмы реализации населением экономических, культурных, социальных, политических и иных прав в значительной степени связаны с институтом регистрации по месту жительства или пребывания. Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» предусматривает две формы регистрационного учета граждан:

- по месту жительства;
- пребывания.

В ст. 2 указанного Закона понятия «место пребывания» и «место жительства» раскрываются следующим образом.

Место пребывания – гостиница, санаторий, дом отдыха, пансионат, кемпинг, туристская база, больница, другое подобное учреждение, а также жилое помещение, не являющееся местом жительства гражданина, в которых он проживает временно.

Место жительства – жилой дом, квартира, служебное помещение, специализированные дома (общежитие, гостиница-приют, дом маневренного фонда, специальный дом для одиноких престарелых,

¹ См.: О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.

дом-интернат для инвалидов, ветеранов и др.), а также иное жилое помещение, в котором гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору аренды либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством РФ.

Таким образом, местом жительства является отвечающее определенным критериям недвижимое имущество, право на которое гражданин имеет как собственник или на иных законных основаниях (является правообладателем).

Кроме того, в ч. 2 ст. 3 указанного закона предусмотрена обязанность граждан регистрироваться по месту жительства или пребывания. Следовательно, граждане, которые по каким-либо причинам не имеют жилых помещений на праве собственности или ином вещном праве в том или ином населенном пункте, не могут пройти установленную законом процедуру регистрации. В результате эти лица не имеют возможности реализовать свои избирательные права, право на защиту от безработицы и получение соответствующего пособия, получение амбулаторной медицинской помощи и др.

Таким образом, законодатель поставил возможность реализации гражданами РФ их конституционных прав в прямую зависимость даже не от наличия места их фактического проживания, а от наличия у них прав на недвижимое имущество (жилое помещение), т. е. от их имущественного положения. Другими словами, введен своего рода имущественный ценз.

Анализ зарубежных регистрационных систем показал, что в разных странах они различны, но в целом не являются препятствием для реализации прав граждан. Как отмечают исследователи, российская система регистрации похожа на немецкую и австрийскую. Например, в Германии граждане сообщают о смене места жительства своим муниципалитетам, а в Австрии – отделениям милиции. С этой целью они обращаются к чиновникам с удостоверением личности и документом об аренде или покупке квартиры, иных документов для регистрации не требуется. Все лица, не имеющие жилья, зарегистрированы по различным социальным учреждениям, и по-

добная регистрация позволяет им осуществлять свои права. В Великобритании действует система регистрации граждан по месту фактического проживания. В Дании учет граждан осуществляется по индивидуальному номеру, который присваивается гражданину при рождении и сохраняется за ним в течение всей его жизни. В США отсутствует понятие «внутренний паспорт», удостоверением личности являются водительские права или карточка социального страхования, а сведения о месте жительства гражданина необходимы только в случае, когда гражданин вступает в финансовые отношения с государством.

В ноябре 2004 г. директором Федеральной миграционной службы РФ был внесен на рассмотрение законопроект о необходимости замены разрешительного порядка регистрации граждан по месту жительства и пребывания заявительным путем принятия соответствующего закона. Фактически это означает отмену института прописки в ее действующем репрессивном варианте. Органы внутренних дел уже не смогут отказывать гражданину в регистрации, а будут лишь фиксировать факт его проживания по выбранному адресу¹. Однако данный законопроект до сих пор не принят.

На наш взгляд, существующую регистрационную систему следует дополнить формой альтернативной регистрации, не предусматривающей наличие у гражданина жилого или иного помещения в качестве основания для регистрации. В качестве таковой можно рассматривать территориальную форму регистрации населения, которую можно применять к гражданам, не имеющим в данном населенном пункте помещений и/или прав на них. Регистрация лиц, не имеющих в данном населенном пункте жилого помещения на праве собственности, должна производиться на территории тех муниципальных образований, где они фактически проживают.

По нашему мнению, принятие закона об альтернативной регистрации позволит реализовать провозглашенное в Конституции РФ право на свободу передвижения.

¹ См.: <http://www.kommersant.ru/registration/registration.html>.

Ю. Ф. Королев,
докторант ВНИИ МВД России
кандидат юридических наук

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БОРЬБЫ
С ГРАБЕЖАМИ, РАЗБОЙНЫМИ НАПАДЕНИЯМИ
НА ВОДИТЕЛЕЙ, СВЯЗАННЫМИ С ЗАВЛАДЕНИЕМ
БОЛЬШЕГРУЗНЫМИ И ДРУГИМИ
АВТОТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ
ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ**

Оперативная обстановка в России, связанная с преступными посягательствами на транспортные средства, остается сложной. По данным статистики, динамика этих преступлений характеризуется следующим образом:

- кражи транспортных средств (2002 г. – 49 040; 2003 г. – 53 185; 2004 г. – 58 786; 2005 г. – 70 500);
- грабежи и разбойные нападения на водителей транспортных средств (2002 г. – 840; 2003 г. – 1 182, 2004 г. – 883; 2005 г. – 2 326).

В 2005 г. на территории России было зарегистрировано 70 500 преступлений, связанных с хищением автотранспортных средств, в том числе автомобилей – 55 089. При этом количество нераскрытых преступлений данного вида увеличилось на 36,2 % и составило 48 584, а расследованных уголовных дел сократилось на 23,2 %. Наибольшее число нераскрытых преступлений, в частности, краж автомобилей, приходится на гг. Москву (13 477), Санкт-Петербург (5 288), Московскую (4 958), Иркутскую (1 944), Калининградскую (1 899) области.

Разбойные нападения и грабежи, связанные с хищением автомобилей и грузов, составляют около 3 % от общего количества имущественных преступлений. Однако их раскрытие с учетом тяжести содеянного и общественного резонанса является важным направлением в деятельности подразделений уголовного розыска криминальной милиции органов внутренних дел (ОВД).

Преступный автобизнес, основанный на реализации похищенных автотранспорта и грузов, постепенно приобретает межрегиональный и транснациональный характер.

Одной из причин такого положения является наличие устойчивых каналов сбыта

автотранспорта в отдельных регионах Российской Федерации.

В ходе проверок, проведенных в республиках Северного Кавказа, областях Центрального, Северо-Западного, Приволжского и Уральского федеральных округов РФ, выяснилось, что организованные группы создали систему, при которой похищенные и незаконно ввезенные на территорию страны автомобили ставятся на учет по подложным документам как прибывшие из других субъектов РФ. Некоторые работники МРЭО ГИБДД ОВД, недобросовестно выполняя свои служебные обязанности или находясь в сговоре с членами криминальных групп, в состав которых нередко входят сотрудники других служб ОВД, не принимают должных мер по проверке документов первоначальной регистрации транспортных средств, как это предусмотрено требованиями МВД России¹.

В ходе проведенных проверок учетно-регистрационных документов автомашин иностранного производства, ввезенных в 2001–2005 гг. на территорию Республики Башкортостан из г. Москвы и Московской области, было выявлено 86 фактов постановки на учет автомашин иностранного производства по поддельным документам. При регистрации похищенных автомобилей использовались технические паспорта транспортных средств отечественного производства, ранее состоявших на учете в г. Москве и Московской области, а в отдельных случаях – на основании «положительных» экспертных заключений специалистов Башкирской лаборатории судебных экспертиз Минюста России. Таким способом проводилась регистрация автомашин, находящихся в федеральном розыске.

В настоящее время обострилась проблема грабежей и разбойных нападений на водителей, связанных с завладением большегрузным автотранспортом и дорогостоящей строительной техникой. Особенно распространен данный вид преступлений в Центральном федеральном округе. Так, в 2004 г. в Московской области было совершено 196 таких преступлений, в г. Москве – 224, Тверской области – 28. При этом количест-

¹ См.: О порядке регистрации транспортных средств: Приказ МВД России от 27.01.2003 № 59.

во обнаруженной и изъятой техники составляет не более 10–15 единиц. Следует также отметить, что 45 % преступлений совершают ранее судимые лица, 20 % – лица в возрасте 18–30 лет и несовершеннолетние, более 50 % – в группах. Причем большинство этих преступлений совершались под угрозой или с применением огнестрельного либо холодного оружия или взрывного устройства. Значительная часть грабежей и разбоев в отношении большегрузного автотранспорта совершаются членами этнических организованных групп, в том числе ингушской, отличающейся высоким уровнем конспирации, мобильностью, частотой смены исполнителей, коррумпированными связями с отдельными сотрудниками правоохранительных органов. Поток похищенных автомашин беспрепятственно направляется, как правило, в южные регионы РФ для дальнейшей легализации и перепродажи. Целью захвата около 80 % дорогостоящих автомашин и грузов является их последующий сбыт и 20 % – продажа отдельных агрегатов и деталей.

В 2005 г. количество разбоев и грабежей в отношении водителей большегрузного автотранспорта, перевозимых грузов и незаконного оборота транспортных средств увеличилось на 25,8 %, причем нераскрытых – до 65,1 %.

Сотрудниками оперативных подразделений криминальной милиции ОВД в 2002–2006 гг. был осуществлен комплекс организационных и практических мероприятий по раскрытию данного вида преступлений, проведены широкомасштабные операции с участием представителей других служб ОВД. В результате было раскрыто более 240 разбоев и грабежей, связанных с завладением автотранспортными средствами, задержаны более 400 человек, изъято 974 похищенные автомашины, из них 173 дорогостоящих иномарок, 39 единиц большегрузной и 18 – строительной техники.

Несмотря на это, проверка автотранспорта, проходящего через контрольные посты милиции, особенно по территории Ростовской области, Ставропольского края, республик Кабардино-Балкария, Северная Осетия – Алания и Ингушетия, осуществляется недостаточно эффективно.

Анализ 320 уголовных и 180 дел оперативного учета выявил следующие типичные недостатки работы:

- из МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ в центр и на места несвоевременно поступает упреждающая информация о лицах и группах, специализирующихся на данном виде преступной деятельности;

- практически не задерживаются организованные группы, действующие на территории республик Ингушетия, Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия;

- ненаступательно ведется разработка устойчивых преступных криминальных групп, совершающих преступления межрегионального и серийного характера;

- отсутствует система сбора, обобщения и обмена информацией между службами и другими ведомствами;

- не обеспечена надлежащая оперативная работа по выявлению и разработке лиц организованных групп, совершивших такие преступления;

- слабо организовано взаимодействие подразделений криминальной милиции и ГИБДД ОВД по розыску и изъятию похищенного большегрузного автотранспорта, в том числе регистрируемого по прибытии из других регионов;

- в ряде подразделений ГИБДД МВД республик Ингушетия и Северная Осетия – Алания ставится на учет похищенный автотранспорт с поддельными регистрационными документами.

Также установлены недостатки при проведении оперативно-разыскных мероприятий, следственных действий, криминалистических экспертиз и исследований номерных агрегатов автомашин, что порождает многочисленные обращения граждан с жалобами на неквалифицированные действия сотрудников милиции. Данная ситуация сложилась вследствие недооценки значимости работы по предупреждению и особенно раскрытию преступлений, связанных с преступными посягательствами на большегрузный автотранспорт организованными группами.

Следует отметить неэффективность проводимых мероприятий по выявлению серийных разбоев и грабежей в отношении

водителей большегрузных транспортных средств, совершенных организованными группами. Организация и тактика оперативно-разыскной деятельности по борьбе с преступлениями указанной категории также не отвечает предъявляемым требованиям. Организованные группы, действующие на трассах, остаются наиболее трудно устанавливаемыми.

Особенно остро стоит проблема неправомерного завладения дорогостоящим легковым автотранспортом и большегрузной техникой. В 2005 г. совершено 2 378 хищений транспортных средств путем грабежа и разбоя организованными группами, в том числе 1 878 автомобилей, что на 97 преступлений больше, чем в 2004 г.

В 2006 г. в целом снизилась раскрываемость разбоев и грабежей. Раскрыто 53 600 грабежей и 28 329 разбоев, общий показатель раскрываемости составил лишь 37,1 и 58,7 % соответственно. Низкая раскрываемость данных преступлений характерна для Республики Тыва (грабежи – 15,7 %, разбои – 28,7 %), Костромской (грабежи – 17,3 %), Ярославской (грабежи – 20 %), Липецкой (грабежи – 21,8 %) областей, г. Москвы (грабежи – 20,7 %, разбои – 38,6 %) и Санкт-Петербурга (грабежи – 29,1 %, разбои – 46,6 %).

В 2006 г. количество нераскрытых преступлений увеличилось на 27 236 (+32,6 %), предварительное следствие приостановлено по 110 762 преступлениям (90 842 грабежам и 19 920 разбоям). Особенно заметный рост числа нераскрытых преступлений наблюдается в Республике Тыва (+135,5 %, всего 963), Орловской (+118 %, всего 531), Саратовской (+91,6 %, всего 1 464), Астраханской (+95 % всего 903), Смоленской (+85,2 %, всего 848), Ярославской (+72,1 %, всего 2 707) областях, г. Москве (+145,4 %, всего 11 014).

Результаты изученных 320 уголовных и 180 дел оперативного учета показывают, что организованные группы, специализирующиеся на совершении разбоев с применением оружия, как правило, хорошо организованы, устойчивы, имеют коррумпированные связи в правоохранительных органах. В ходе расследования преступлений, совершенных их участниками, эти деяния

нередко переквалифицируются по ст. 209 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) (бандитизм).

По данным ГИАЦ МВД России, в 2005 г. возбуждено 406 уголовных дел о бандитизме. Отмечается снижение этого показателя по сравнению с 2004 г. на 13,1 %. Наибольшее количество банд выявлено и изобличено в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области (32), Свердловской (17), Челябинской и Ростовской областях (по 16), г. Москве и Республике Дагестан (по 13).

Так, в ходе расследования 244 уголовных дел данной категории было раскрыто 1 285 различных преступлений. Из указанного количества дел, возбужденных по ст. 209 УК РФ, 94 (38,6 %) принадлежат подразделениям по борьбе с организованной преступностью, а 150 (61,4 %) – уголовного розыска. Однако по данным информационных центров МВД, ГУВД, УВД, подразделениям уголовного розыска зачтено лишь 86 уголовных дел (35,3 %), а УБОП – 151 (61,9 %), ОРБ ГУ МВД России по федеральным округам – 5 (2 %), прокуратуре – 2 (0,8 %). На наш взгляд, значительная часть разработок уголовного розыска неправомерно зачтена подразделениям БОП.

Так, в Камчатской области в результате реализации дела оперативного учета, находившегося в производстве ОУР УВД, была задержана группа Бранта в составе 8 человек, которая была изобличена в 57 эпизодах преступной деятельности. Участники группы осуждены к лишению свободы на срок от 4 до 17 лет. Все оперативно-разыскные мероприятия по этому делу, вплоть до задержания преступников, проводились сотрудниками ОУР УВД области с использованием возможностей ОПУ и УСТМ УВД во взаимодействии с УУР УВД Приморского края. По указанию руководства УВД после реализации оперативного дела оно было передано в УБОП УВД Камчатской области, и в карточке была сделана отметка о раскрытии подразделением по организованной преступности.

Аналогичная ситуация наблюдается в МВД Республики Бурятия, УВД Брянской, Курской, Тамбовской, Еврейской автономной областей и ряде других регионов.

В 2005 г. с использованием огнестрельного оружия совершено свыше 26 тыс. преступлений. Однако в структуре аппаратов уголовного розыска, осуществляющих основную работу по разоблачению вооруженных групп бандитской направленности и раскрытию преступлений, совершаемых ими, отсутствуют подразделения, специализирующиеся на борьбе с вооруженными разбойными нападениями на водителей автотранспорта.

Негативному воздействию преступных сообществ, совершающих разбойные нападения на автотранспорт, его незаконную транспортировку, подвержены практически все крупнейшие российские города: Москва, Санкт-Петербург, Красноярск, Краснодар, Иркутск, Ростов, Северный Кавказ и др.

Например, по данным информационных центров ГУВД, УВД, в 2003 г. в Калужской области было похищено 377 единиц автотранспорта, Магаданской области – 25, Корякском автономном округе – 1, а в г. Москве за указанный период зарегистрировано 12 тыс. аналогичных преступлений.

Изучение уголовных и дел оперативного учета показало, что одной из причин низкой раскрываемости этих преступлений являются недостаточная осведомленность оперативных подразделений о лицах, совершающих такие преступления, слабая подготовленность сотрудников этих служб и следствия, низкая техническая оснащенность, а также частая сменяемость кадров. Так, в Ярославской области некомплект личного состава сотрудников уголовного розыска составил 17 %, более 20 % сотрудников уголовного розыска проработали в должности менее 3 лет. Не осуществляется должное экспертное обеспечение раскрытия разбоев и грабежей.

Для устранения причин снижения раскрываемости и борьбы с разбойными нападениями на водителей большегрузного автотранспорта, совершенными организованными группами, необходимо достаточное кадровое и ресурсное обеспечение территориальных подразделений. Исходя из оперативной обстановки и местных условий, в некоторые УВД, ГУВД, МВД в соответствии с Планом МВД России комплексных мер по борьбе с преступными посягатель-

ствами на автотранспортные средства на 2002–2004 годы созданы специализированные оперативно-сыскные подразделения. Так, сотрудники оперативно-сысканого отделения при УВД Костромской области выявили и задержали 21 преступную группу, совершившую разбойные нападения на водителей большегрузных автомашин. Подобные подразделения созданы в городах Краснодарского края, Ростовской, Белгородской и некоторых других областей.

В целях противодействия совершению данного вида преступлений, транспортировки похищенных автомобилей ОВД субъектов РФ регулярно проводят комплексные оперативно-профилактические операции: «Автомобиль», «Большегруз», «Трасса», «Перехват», «Караван-Авто», «Вихрь-Антитеррор», «Гараж». В соответствии с Планом осуществляются сверки похищенного и поставленного на учет транспорта по базе данных ИЦ «Автопоиск», принимаются иные меры. В дни проведения таких мероприятий в большинстве регионов отмечается прекращение хищений транспортных средств, раскрываются десятки преступлений, значительно снижается и общекриминальная ситуация.

Вместе с тем на низком уровне организованы профилактические мероприятия со стороны милиции общественной безопасности и подразделений уголовного розыска с лицами, склонными к совершению таких преступлений и незаконной транспортировке похищенного автотранспорта, состоящих на учете в ОВД. Так, в г. Москве за 2006 г. доля ранее судимых несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с завладением автотранспортными средствами, составляет 26 % от общего количества осужденных за рассматриваемые преступления. Борьба ОВД с хищениями автомашин осложняется нехваткой нарядов милиции, несущих охрану общественного порядка на улицах. Так, некомплект личного состава ППС в г. Ярославле составляет до 50 % в целом, а по области 34 %. Аналогичная ситуация сложилась и в других регионах России.

Существенным препятствием в борьбе с данными преступлениями является несо-

вершенство уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также баз данных похищенных, поставленных на учет и произведенных на заводах транспортных средств. Недостаточно оперативно осуществляется информирование о совершенной краже сопредельных ОВД районов, областей, республик и краев.

Взаимодействие оперативных подразделений и служб общественной безопасности ОВД является малоэффективным вследствие традиционной ведомственной разобщенности; отсутствия скоординированного межведомственного и внутриведомственного управления на стадиях принятия решений и их реализации; просчетов при подборе, расстановке кадров; недостаточного ресурсного и социального обеспечения деятельности служб и непосредственно их сотрудников. Не обеспечены постоянное проведение совместных проверок мест возможного «отстоя» и разукомплектования автомашин, методическое обеспечение деятельности уголовного розыска, ГИБДД, ППС, оперативное прикрытие мест возможной реализации, переоформления и ремонта автомобилей, организация периодических сверок бесхозных автомашин с учетами похищенных, контроль деятельности оперативно-следственных групп и качества технико-криминалистического сопровождения расследования разбоев, грабежей и краж¹.

Однако следует отметить, что наиболее эффективно данная проблема решается в горрайорганах г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, где созданы и скорректированы адресные списки авторемонтных предприятий, гаражных кооперативов и организованных стоянок транспортных средств. Систематически проводятся проверки руководителей и лиц, работающих в указанной отрасли. За 2005 г. было проверено 6 902 таких организаций, задержано 2 390 лиц, подозреваемых в совершении различных преступлений, выявлено 548 автомобилей, находящихся в розыске, и 468 – с измененной маркой агрегатов.

В целях борьбы с кражами автомобилей и перекрытию канала их незаконной транс-

портировкой сотрудники ОВД взаимодействуют с местной администрацией и представителями муниципалитетов на местах.

При анализе практики такого сотрудничества была выявлена следующая закономерность. В тех регионах, где администрация работала в контакте с ОВД, рост числа хищений автомобилей прекратился или наметились тенденции к его снижению. Так, сотрудники УУР ГУВД Алтайского края в 2005 г. выявили серийность случаев хищений автомобилей в местах проведения культурно-массовых мероприятий. Благодаря мерам, осуществленным совместно с органами местного самоуправления, были дополнительно организованы охраняемые места стоянок, принято решение о строительстве ГСК. В результате за 2006 г. в регионе было зарегистрировано только 3 кражи. Раскрываемость данного вида преступлений составила 60 %.

Приоритетным направлением является также взаимодействие с оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы (УИС) ФСИН России в организации разработок арестованных и осужденных за совершение преступлений, связанных с завладением транспортными средствами, в том числе с подразделениями ФТС России по выявлению каналов незаконной транспортировки похищенного автотранспорта и лиц, причастных к этой деятельности.

По данным Департамента ГИБДД МВД России за 1999–2005 гг., наиболее часто похищаемыми автомобилями остаются различные модели ВАЗ – 43,8 %, чуть более 10 % составляют другие российские модели (ГАЗ, АЗЛК и т. п.), а остальное составляют автомобили иностранного производства, причем большое количество приходится на престижные и дорогие автомобили, такие как «Мерседес» – 8,5 %, «Ауди» и различные внедорожники – по 5 %, «Фольксваген», «Тойота» и «БМВ» – по 4 % и большегрузные автомобили – 18 %.

Проведенный анализ окончанных уголовных дел в УУР УВД Амурской области показал, что большинство хищений автомашин совершаются группами, состоящими преимущественно из местных жителей (выявлено 27 организованных групп). Бо-

¹ В дальнейшем вместо разбоев, грабежей и краж автомашин будет применяться термин «хищение автотранспорта».

лее половины всех преступных посягательств на автотранспортные средства приходится на автомашины, которые паркуются во дворах, охраняемых стоянках и специальных местах. Не уменьшается количество краж, совершаемых из гаражей, чему способствует их удаленность от жилого сектора и отсутствие охраны. В основном указанные преступления совершаются после предварительной подготовки: определение времени и способа совершения хищений, приготовления средств маскировки, определения канала сбыта, подыскания конкретных покупателей.

Организованные группы, специализирующиеся на совершении хищений, как правило, имеют межрегиональный характер криминальной деятельности. При совершении преступлений используются скоростные автомобили (68 %), специальные инструменты (58 %), группы прикрытия (15 %), камуфлированная одежда (14 %). Установлено, что в отдельных случаях (для «ремонта» и сокрытия похищенного, каналов и тактики транспортировки) в совершение рассматриваемых преступлений вовлекаются сотрудники ОВД. Нередко в состав групп входят лица, находящиеся в близких отношениях (37 %), родственники (11 %) или знавшие друг друга по совместной, в том числе противоправной, деятельности (52 %).

В организованные преступные группы входят специалисты по похищению транспорта и его разборке, подделке техпаспортов, доверенностей и таможенных документов, продавцы похищенного и т. д. В 2005 г. выявленные организованные группы, действующие в Алтайском и Краснодарском крае, Московской, Тамбовской, Саратовской, Ленинградской областях, в гг. Москве и Санкт-Петербурге, имели контакты с криминальными структурами Украины, Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, а также Германии, Испании, Швейцарии, Монголии.

Механизм деятельности таких групп зависит от поступающих заказов и изучения спроса на определенные марки автомобилей. Сначала подыскивают подходящий автомобиль и проверяют возможность его похищения. Данные анализируются, и при-

нимается решение о хищении. Затем угонщик доставляет похищенную машину в специально приспособленное место, где она определенное время «отстаивается» под присмотром группы «прикрытия». За время «отстоя» на машину готовят поддельные документы, а сбытчики подыскивают клиентов. Возможно также использование техников, которые полностью меняют панель с идентификационным номером машины, или вносят в него небольшие изменения на одну-две цифры, что не позволяет в случае проверки по базе данных угнанного и похищенного транспорта выявить факт хищения.

Легализация таких машин часто производится через коррумпированных сотрудников таможни или милиции путем постановки на учет в других регионах России или странах СНГ. По поддельным документам машины регистрируются на подставных лиц, у которых преступники крадут или берут на время под различными предлогами паспорта, и в дальнейшем перепродают эти машины по доверенностям, тем самым скрывая следы сбыта машин. На основании поддельных таможенных удостоверений транспортные средства ставятся на учет в ГИБДД как законно ввезенные, а через некоторое время снимаются с учета и реализуются. При этом поддельные документы о приобретении транспортного средства за границей остаются в подразделениях таможенной службы, что затрудняет совместные действия оперативных подразделений ОВД и подразделений ГИБДД по выявлению фактов их похищения.

Кроме того, организаторы транснациональных организованных групп создают самостоятельные фирмы, имеющие право выдавать документы на владение автотранспортными средствами, через которые осуществляется документирование похищенных машин и отмыwanie полученных доходов. Такие фирмы существуют недолго, и после их закрытия проверить порядок оформления транспортных средств затруднительно.

Похищаемые в России грузовые и легковые автомашины сбываются во всех странах СНГ, а в Россию, в свою очередь, поступают краденые транспортные средства из бывших союзных республик.

В последнее время в борьбе с хищениями автомашин в регионах активно привлекаются ОПУ, УСБ, проводятся оперативно-разыскные и поисковые мероприятия, внедряются новые технические достижения, проводится обучение кадров и др. Однако несмотря на принимаемые меры, методы борьбы с кражами и транспортировкой автомашин нельзя назвать совершенными. Так, темп прироста хищений автомашин по России за 2005 г. составил 20,3 %, а раскрываемость снизилась на 5,3 %.

Следует отметить, что лидеры организованных преступных групп, совершающих хищения автомобилей и их незаконную транспортировку, создают строгую иерархию, безусловное подчинение, внедряют и поддерживают жесткую дисциплину.

Особенностью организованных групп является высокая степень адаптации к изменяющимся условиям, тактике ОВД, техническим средствам, препятствующим хищению, и др. Кроме того, для оказания консультативной помощи данные группы нередко привлекают юристов-профессионалов, в том числе и бывших сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, к числу наиболее важных характеристик организованных групп можно отнести следующие:

- высокая организованность, иерархичность, структурированность, конспиративность; главное в их деятельности – получение доходов;
- разделение общеорганизационных и исполнительских функций;
- наличие коррумпированных связей в правоохранительных органах;
- наличие собственных схем безопасности (группы разведки, охраны, прикрытия, обеспечения);
- организованный, планируемый бюджет, наличие объединенных средств («общак»);
- наличие масштабных, межрегиональных и международных связей при осуществлении преступной деятельности.

При всей многогранности проявлений организованных групп, совершающих хищения автомобилей, достаточно четко наметились ее основные тенденции развития:

- процесс относительного сокращения количества мелких групп за счет консоли-

дации и поглощения крупными преступными сообществами;

- раздел территории и «отраслей» преступного бизнеса на сферы влияния;

- дальнейшее укрепление позиций лидеров преступной среды, активизация их деятельности по выработке согласованных действий;

- усиление влияния организованных групп, сформировавшихся на этнической почве; создание координационных центров по руководству и направлению деятельности последних;

- «обрастание» устойчивыми коррумпированными связями в органах власти и управления, а также силовых структурах;

- возрастание технической оснащенности, мобильности организованных групп;

- установление прочных связей между крупными криминальными формированиями на межрегиональном и международном уровнях;

- стремление легализовать свою деятельность путем создания организованными группами собственных коммерческих структур.

Главной задачей борьбы правоохранительных органов и прежде всего оперативных служб с хищениями автотранспортных средств, совершаемыми организованными группами квалифицированным способом, должны являться осуществление комплекса действенных контрмер как профилактического, так и репрессивного характера, разрушение организационной структуры такой преступности, где основным объектом уголовного преследования и индивидуального профилактического воздействия должно стать руководящее звено преступных групп, т. е. их лидеры и авторитеты, особенно имеющие большой криминальный опыт.

По результатам проведенного исследования было выявлено, что лидеры и авторитеты организованных групп, совершающих хищения автомашин, относятся к более старшей возрастной группе, чем иные исполнители, так как чтобы занять ведущие позиции, лидерам необходим жизненный опыт, соответствующие знания и волевые качества, а также криминальный стаж, включая нахождение в среде осужденных в местах лишения свободы. Так, 80 % лиде-

ров относятся к возрастной группе от 26 до 36 лет, 8 % – от 18 до 25 лет, а 45 % рядовых участников – от 16 до 20 лет.

Среди лидеров не было выявлено ни одной женщины, в то время как среди рядовых участников доля женщин составила 13 %. Характерной чертой лидеров преступных групп является достаточно высокий образовательный уровень. Около 80 % из них имеют среднее специальное образование, 13 % – высшее.

При изучении характеристик гражданства и национальности оказалось, что среди лидеров групп граждане Российской Федерации составляют 70 %, при этом лишь незначительная часть из них русские (25 %). Оставшуюся часть представляют грузины, таджики, татары, осетины, литовцы, корейцы и т. д. Характерно, что лидеры, проживающие в местах совершения преступлений (70 % от общего числа лидеров), большую часть исполнителей-участников групп подбирают из числа нелегально проживающих на данной территории.

Очень часто лидеры организованных групп, занимающихся хищениями транспортных средств, сознательно привлекают неработающую молодежь для непосредственного похищения или перегона транспортного средства в заранее подготовленное место. В случае возможного задержания с поличным лицо объясняет свое поведение намерением прокатиться, доехать до магазина и т. д., и его действия квалифицируются по ст. 166 УК РФ как неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения. Таких случаев в 2005 г. было зарегистрировано 52 тыс. В связи с этим автором разработан и внесен руководством МВД России Президенту РФ проект федерального закона об изменении и дополнении редакции ст. 166 УК РФ.

Так, оперативные работники среди наиболее значимых факторов, препятствующих своевременному предупреждению и раскрытию хищений, особо выделили: разобщенность территориальных органов внутренних дел, обслуживающих разные участки автотрассы (80 %); прозрачность границ СНГ (75 %); большой промежуток времени с момента совершения хищения до сообщения о нем в органы милиции (61 %);

низкий уровень взаимодействия с подразделениями ГИБДД (45 %); несовершенство уголовного и уголовно-процессуального законодательства (54,2 %) и др. На наш взгляд, следует также указать фактически повсеместное отсутствие оперативного прикрытия преступников-гастролеров и нехватку оперативно значимой информации в отношении лиц, склонных к совершению рассматриваемых преступлений.

Отмечается также недобросовестность осмотров места происшествия, низкий уровень раскрытия преступлений «по горячим следам», неотлаженный механизм обмена оперативной информацией с другими службами ОВД. Имеются многочисленные факты несвоевременного заведения дел оперативного учета на нераскрытые преступления и дел иных категорий. Указанные недостатки нередко возникают из-за дефицита сил и средств.

При организации оперативно-разыскной работы по выявлению похищенных транспортных средств в приграничных районах следует учитывать, что часть похищенных на территории России автомашин после «отстоя» перегоняется в заранее подобранные в других регионах места сбыта, нередко конкретному заказчику или сбытчику. В целях сокрытия преступления такие автомашины часто сбываются на Украине, в Белоруссии, государствах Средней Азии, Балтии, Закавказья. Около половины похищенного автотранспорта реализуется (в том числе в разукomплектованном виде как запчасти) на территории тех регионов России, где они были украдены.

По действующему законодательству предупреждение и раскрытие краж автомашин возложены на милицию в целом, поэтому следует выделить две основные службы, которые по своим функциональным обязанностям должны заниматься этой деятельностью: ГИБДД и оперативные подразделения ОВД. Таким образом, основная нагрузка по линии борьбы с хищениями автотранспорта приходится на сотрудников ДПС и регистрационных подразделений ГИБДД. Так, согласно действующему Наставлению по работе ДПС ГИБДД МВД РФ, утвердившему нормативы штатной численности строевых под-

разделений ГИБДД, предусмотрена должность инспектора по розыску (одна единица на 30 преступлений в год, связанных с незаконным посягательством на транспортные средства, и 25 случаев в год, когда водители скрылись с мест ДТП, и 12 единиц на каждый КПП¹).

Аналогичная ситуация со штатами складывается и в оперативных подразделениях ОВД, где в одном подразделении решением (письменным распоряжением или приказом) руководителя выделяется один сотрудник для организации работы по данному направлению, что отрицательно сказывается на эффективности деятельности не только данного подразделения, но и всех взаимодействующих сторон. При сложившихся обстоятельствах возникла необходимость пересмотра такого кадрового подхода в сторону увеличения штатной численности специально выделенных сотрудников в оперативных подразделениях ОВД и подразделениях ГИБДД, а также нормативного закрепления их специализации. Так, в целях противодействия преступным посягательствам на автотранспортные средства в ГУВД Саратовской области в июне 2002 г. был создан межрайонный отдел по борьбе с кражами и угонами автотранспорта в составе 49 специалистов ряда служб, отвечающих за профилактику, выявление, раскрытие и расследование хищений автомобилей. За несколько месяцев работы сотрудниками этого отдела совместно с территориальными органами было раскрыто 85 преступлений.

Следует также отметить, что действующее законодательство содержит ряд пробелов, способствующих совершению хищений автотранспорта. Например, ст. 185 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) не предусматривает нотариального оформления передачи владельцем права управления принадлежащим ему транспортным средством другим лицам. В ч. 2 ст. 209 ГК РФ говорится, что собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоре-

чащие закону и иным правовым актам (передавать, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом). Однако при введении в действие бланка нотариальной доверенности законодатель обозначил только право пользования и распоряжения транспортными средствами, но упустил право управления ими².

В настоящее время любой владелец транспортного средства имеет возможность выписать от руки (не заверяя у нотариуса) доверенность на право управления своей машиной другому лицу, указав лишь паспортные данные обоих, а также регистрационные данные транспортного средства. Проверить в реальной дорожной обстановке достоверность такой доверенности сотрудникам ГИБДД часто не представляется возможным. Кроме того, могут быть выявлены случаи, когда машина эксплуатируется в одном регионе, а ее владелец проживает в другом.

Таким образом, на наш взгляд, необходимо дополнить формулировку нотариальной доверенности указанием на право на управление транспортным средством. Так как при оформлении любой сделки с транспортными средствами нотариусы обязаны проверять их и представленные документы по базе данных угнанных и похищенных автомашин, это позволит частично перекрыть один из каналов незаконного использования похищенного автотранспорта.

Необходимо также решить вопрос о создании базы данных лиц, пользующихся автотранспортом по нотариальной доверенности. В связи с этим следует законодательно обязать нотариуса помимо выдаваемой доверенности направлять в органы МВД копию для создания базы централизованного учета таких лиц.

Другой причиной большого количества хищений автотранспорта являются отсутствие на многих машинах систем охранной сигнализации или использование неэффективных систем, что в значительной степени облегчает доступ преступников к этим транспортным средствам. Устанавливаем-

¹ См.: Об утверждении Наставления по работе ДПС ГИБДД МВД России: Приказ МВД России от 20.04.1999 № 297.

² См.: О введении бланка нотариальной доверенности на право пользования и распоряжения транспортным средством: Приказ МВД России от 20.02.1995 № 65 и Минюста России от 09.03.1995 № 19-0131-95.

мые на большинство машин дешевые шумовые одноуровневые охранные сигнализации легко поддаются сканированию и отключению.

В настоящее время с целью борьбы с хищениями автотранспорта необходимо повысить эффективность взаимодействия оперативных подразделений ОВД с подразделениями ГИБДД, другими службами милиции, органами местной исполнительной власти, без участия которых невозможно решать поставленные задачи. Это в первую очередь касается организации различного рода мест хранения личного, коммерческого и государственного автотранспорта (ГСК, парковок, охраняемых стоянок, подземных гаражей и т. д.). Исследования показывают, что из гаражей и со специально оборудованных стоянок похищается в несколько раз меньше автотранспорта, чем оставленного без присмотра на улицах и во дворах.

В предупреждении хищений транспортных средств главными являются совместные действия сотрудников регистрационных подразделений ГИБДД и оперативных подразделений ОВД при регистрации (перерегистрации) транспортных средств, причем независимо от их принадлежности физическим или юридическим лицам.

Следует отметить, что заградительная система контрольных пунктов милиции в большинстве регионов не срабатывает. В некоторых регионах не ведется работа по созданию единой информационно-поисковой системы по автотранспорту.

По нашему мнению, информация о поставленном на учет автотранспорте не лично владельцем, а по нотариальной доверенности должна направляться в подразделения ГИБДД и уголовного розыска для анализа и создания баз данных.

Переход на патрулирование автодорог и улиц демонстрирует его более высокую эффективность в борьбе с хищениями транспортных средств. В качестве примера можно привести внедрение на стационарных постах ГИБДД (например Московской кольцевой автодороги) недавно разработанных отечественных поисково-слеющих телекомпьютерных систем «Беркут». Специальная телекамера устанавливается над

проезжей частью и отслеживает движущийся поток транспорта, передавая картинку на монитор стационарного поста. С помощью компьютера идет считывание номерных знаков автомашин и автоматическая их проверка по базе данных. Выхватив из потока одну из машин, компьютер фиксирует ее на экране монитора и в углу высвечивается дополнительный сектор оперативной информации, где появляется запись о розыске указанной автомашины. Порации дежурный инспектор передает команду на задержание машины.

На испытаниях данной системы на МКАД (всего по одной полосе дороги) были получены отличные результаты: только за три часа было проверено 5 тыс. автомашин, а в течение суток зарегистрировано 27 машин, находящихся в розыске (в их числе угнанные и похищенные машины, скрывшиеся с места ДТП, разыскиваемые таможней). Однако пока это только экспериментальная работа, но в перспективе предполагается оснастить этой системой все стационарные посты г. Москвы, соединив их в единую сеть. Аналогичная работа проводится и в г. Санкт-Петербурге, где на основных магистралях оборудовано 2 стационарных поста. Причем, если сейчас машины идентифицируются только по номерам, то в ближайшее время компьютер сможет их распознавать по трем параметрам (марке, номеру и цвету), и несовпадение хотя бы одного из этих параметров даст повод для проверки такого автомобиля.

С целью решения рассматриваемой проблемы при всех МВД, ГУВД, УВД были созданы специализированные подразделения, нацеленные на предупреждение и раскрытие этих преступлений. Такие подразделения работают в Республике Мордовия (межрайонный отдел по раскрытию преступлений, связанных с автотранспортом), Краснодарском крае (отдел милиции на федеральной автодороге «Кавказ»), Тамбовской области (межрайонный отдел уголовного розыска). Подобные отделы созданы в Ульяновской, Саратовской, Калужской и иных областях.

Целесообразность организации подобных подразделений подтверждают эффективность их работы, положительные пока-

затели борьбы с указанным видом преступлений. В зависимости от мест совершения хищений и разбойных нападений на владельцев автотранспортных средств подразделения подобного рода следует дислоцировать непосредственно на или вблизи наиболее криминогенных участков закрепленной территории обслуживания.

Оправдала себя практика организации специализированных подразделений в оперативных службах и следствии. Положительный опыт в этом направлении имеется в Московской области, где для борьбы с указанным видом преступлений Управление ГИБДД по согласованию с руководством ГУВД были созданы следственно-оперативные группы, в состав которых вошли следователь, эксперт-криминалист и по два сотрудника ГИБДД и оперативных подразделений. Первые итоги работы таких групп, занимавшихся расследованием дел в Московской области, позволили сделать вывод о причастности к хищениям автомобилей хорошо организованных, законспирированных преступных групп с межрегиональными связями.

Кроме того, создаются специальные оперативно-поисковые экипажи на патрульных автомашинах для розыска похищенного автотранспорта в местах возможного его укрытия (охраняемые стоянки, гаражи, пансионаты, дома отдыха и т. д.). В состав экипажей включаются сотрудники ГИБДД, уголовного розыска, областного ОМОН или СОБР, УБОП. При проведении поисковых мероприятий внимание в первую очередь уделяется подозрительным автомобилям и длительное время не выезжающим со стоянок. Практически на каждой стоянке, где находится 200–300 машин, обнаруживается 2–4 похищенных.

Основным назначением указанных подразделений являются обеспечение оперативного прикрытия закрепленной территории обслуживания либо трасс и элементов их инфраструктуры; создание банков данных о преступных группах, совершающих такие преступления; осуществление взаимодействия с территориальными ОВД и аналогичными отделами прилегающих областей; активное проведение поисковой работы в местах вероятного появления пре-

ступников, сбыта похищенного; применение автомашин-ловушек, скрытых постов наблюдения, выставление оперативных заслонов, задержание преступников с поличным. За такими подразделениями желательно закреплять постоянного следователя, специализирующегося на расследовании уголовных дел данной категории.

Создание подобных подразделений в регионах со сложной оперативной обстановкой по этой линии (г. Москва, Московская, Ростовская области, г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, Смоленская, Новгородская, Тверская, Белгородская и некоторые иные приграничные области) улучшит организацию борьбы и перекрытие возможных мест транспортировки похищенных автомобилей в следующих направлениях:

- «насыщение» личного состава ОВД в период наиболее вероятного совершения хищений (ночное время);
- сокращение временного разрыва поступления сигнала о преступлении и выезда на место происшествия;
- повышение мобильности реагирования, развертывания и проведения необходимых мероприятий;
- привлечение специалистов, владеющих иностранными языками.

По результатам проведенного исследования в МВД, ГУВД, УВД целесообразно внести следующие предложения.

1. Необходимо постоянно поддерживать на должном уровне взаимодействие ОВД с органами власти административных образований с целью организации достаточного количества охраняемых автостоянок, гаражей, дополнительного обеспечения соответствующих подразделений ОВД материально-техническими средствами для усиления борьбы с хищениями автомобилей.

2. При взаимодействии с таможенными органами в регионах следует отработать механизм выявления и перекрытия каналов незаконной транспортировки похищенного автотранспорта и разоблачения лиц, причастных к этой деятельности.

3. Совместно с оперативными подразделениями УИС ФСИН России организовать разработку лиц, арестованных и осужденных за совершение преступных посягательств на транспортные средства.

4. Наладить международное сотрудничество в рамках двусторонних межведомственных соглашений с правоохранительными органами и спецслужбами Украины, Белоруссии, государств Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, а также Германии и Монголии.

5. Дополнить бланк доверенности, оформляемой нотариально (ст. 163, 185, 187 ГК РФ и приказ МВД России от 20.02.1995 г. № 65), правом управления транспортным средством. Создать автоматизированную базу данных лиц, пользующихся автотранспортными средствами на основании подобной доверенности. С этой целью необходимо законодательно обязать нотариусов направлять в МВД России копию доверенности.

6. Требуется целенаправленная разработка и использование надежных систем охранной сигнализации и противоугонных устройств.

7. Необходимо завершить создание единой информационно-поисковой системы автотранспорта.

8. Целесообразно организовать при МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ специализированные подразделения по преду-

ждению и раскрытию хищений автотранспорта.

9. По делам о хищениях автомобилей организованными группами следует образовывать следственно-оперативные группы с включением в их состав следователя, сотрудников уголовного розыска, УБОП и ГИБДД, эксперта-криминалиста.

10. В ОВД, на территории обслуживания которых сложилась сложная оперативная обстановка по рассматриваемой линии, необходимо выделить специализированные оперативно-поисковые экипажи на патрульных автомашинах для проверки возможных мест укрытия похищенного автотранспорта.

Таким образом, повышение эффективности борьбы с хищениями транспорта может быть достигнуто при соответствующем изменении законодательства, улучшении материального и социального обеспечения деятельности сотрудников, комплексном использовании оперативными подразделениями ОВД и подразделениями ГИБДД всех имеющихся в их арсенале возможностей, а также при содействии других служб ОВД и иных государственных учреждений.